

**МАЙКЛ БЕШЛОСС
СТРОУБ ТЭЛБОТТ**

**ИЗМЕНА
В КРЕМЛЕ**

В _____ томах **ПРОТОКОЛЫ
ТАЙНЫХ СОГЛАШЕНИЙ
ГОРБАЧЕВА С АМЕРИКАНЦАМИ**

**МАЙКЛ БЕШЛОСС
СТРОУБ ТЭЛБОТТ**

ИЗМЕНА В КРЕМЛЕ

**ПРОТОКОЛЫ
ТАЙНЫХ СОГЛАШЕНИЙ
ГОРБАЧЕВА С АМЕРИКАНЦАМИ**

Москва
алгоритм
2010

УДК 338
ББК 65 9(2)
Б 57

Бешлосс М.

Б 57 **Измена в Кремле : протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами / Майкл Бешлосс, Стрoуб Тэлботт. – М. : Алгоритм, 2010. – 352 с. – (Суд истории).**

ISBN 978-5-9265-0726-0

Стрoуб Тэлботт – видный американский политик. Он двадцать один год проработал в журнале «Тайм», после чего поступил на государственную службу в качестве специального советника Госсекретаря США по вопросам новых независимых государств на постсоветском пространстве. Позже С. Тэлботт стал заместителем Госсекретаря США (1994 – 2001 гг.); с 2002 года президент Брукингского института в Вашингтоне.

Майкл Бешлосс – американский историк и политолог, автор нескольких книг о советско-американских отношениях, о внешней политике США.

В своей книге С. Тэлботт и М. Бешлосс рассказали о том, как администрация президента Буша упорно и целенаправленно готовила развал Советского Союза, не стесняясь при этом в применении любых средств. В книге приводятся секретные послания и телефонные разговоры между Бушем и Горбачевым, Бейкером и Шеварднадзе, стенограммы закрытых заседаний в Кремле, Белом доме, Пентагоне, ЦРУ и КГБ.

**УДК 338
ББК 65.9(2)**

ISBN 978-5-9265-0726-0

© Бешлосс М. (Beschloss M.),
Тэлботт С. (Talbot S.), 2010
© ООО «Алгоритм-Издат», 2010

ОТ АВТОРОВ

В начале 1989 года мы задумали написать книгу, посвященную отношениям между Соединенными Штатами и Советским Союзом в последующие три года. Никто не мог тогда предвидеть, что в наше повествование войдут рассказы о таких событиях, как освобождение Восточной Европы, роспуск Варшавского пакта, прекращение деятельности советской коммунистической партии, смерть Советского Союза и окончание «холодной войны».

В начале работы над книгой мы опросили многих американских и советских официальных лиц, согласятся ли они регулярно встречаться с нами и рассказывать о том, что происходило внутри их правительств, а также между двумя правительствами; многие согласились при условии, что мы не будем называть их имена. Таким же образом мы договорились и с официальными лицами других стран НАТО и Варшавского пакта.

Свыше трех лет мы поддерживали постоянную связь с нашими «источниками» в Вашингтоне, Москве и в нескольких европейских столицах. Мы встречались с ними иногда через несколько дней — а порой даже через несколько часов — после совещаний за закрытыми дверями, переговоров, телефонных разговоров и прочих обменов мнениями, происходивших по дипломатическим каналам и описанных на этих страницах. Информация, которую мы получили, воспроизво-

дилась не по памяти, а часто по записям основных моментов разговора; по памятным запискам о беседах, телеграммам и другим документам. Мы цитируем дословно лишь в тех случаях, когда наши «источники» непосредственно присутствовали при том, о чем говорилось. По возможности мы перепроверяли информацию о каждой встрече, беседе или эпизоде.

Многие из наших «источников» должны остаться анонимами, поэтому мы не можем воздать им здесь должное, но наша благодарность не знает границ.

И наконец, мы признательны всем членам наших семей, которым в течение четырех лет пришлось жить с этим проектом. Девин и Адриан Тэлботт проявили активный интерес к этому делу и мирились с занятостью отца. Наши жены — Афанэ и Брук — поощряли наше сотрудничество, даже когда это осложняло семейные отношения. Они также читали большие разделы рукописи на различных стадиях работы и давали нам необходимые советы. По этим и многим другим причинам эта книга посвящается им.

*Майкл Р. Бешлосс
Строуб Тэлботт*

«ЭТОТ НОВЫЙ МАЛЫЙ — МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ»

В четверг, 10 декабря 1987 года, по окончании своего первого визита в Соединенные Штаты, Михаил Горбачев вышел из Белого дома, попрощался с Рональдом Рейганом и сел на заднее сиденье своего черного лимузина «ЗИЛ» вместе с вице-президентом Джорджем Бушем.

Машина покатила по дороге, ведущей от Белого дома, под мелким дождем, направляясь на военно-воздушную базу Эндрюс, и Буш сказал Горбачеву, что ему пришла одна идея, но он предпочел бы, чтобы Горбачев не оглашал того, что он сейчас услышит. Горбачев кивнул.

Хотя до начала президентских выборов в 1988 году оставалось еще три недели, вице-президент уже вовсю вел кампанию за то, чтобы быть выдвинутым кандидатом от республиканской партии. Лидер сената от его партии Роберт Доул из Канзаса, по данным нескольких опросов общественного мнения, опережал его.

Буш сказал: «Есть немало шансов, что я выиграю на президентских выборах в будущем году. Сейчас Доул выглядит весьма опасным соперником, но я думаю, что республиканцы выдвинут меня. Если меня выберут, — а я думаю, что выберут, — знайте, что я хочу улучшения наших отношений».

Буш объяснил, что за семь лет на посту вице-президента при Рональде Рейгане ему приходилось держать свои умеренные взгляды при себе. Он пояснил, что Рейгана окружают «отпетые убийцы-интеллектуалы», которые будут счастливы ухватиться за любое доказательство того, что вице-президент в глубине души — либерал. Поэтому во время кампании 1988 года ему придется делать и говорить многое с та-

ким расчетом, чтобы быть избранным. Господин Горбачев не должен обращать на это внимания.

Горбачев ответил, что все понимает. Много времени спустя, вспоминая этот разговор, он скажет, что «это была самая важная из всех наших бесед с Бушем». На протяжении последующих четырех лет всякий раз, как ближайшие помощники советского руководителя жаловались, что Буш потворствует республиканским консерваторам, Горбачев напоминал им о беседе в лимузине и говорил: «Не волнуйтесь. Сердце у него там, где надо».

За первые сорок шесть лет жизни Джордж Буш лишь изредка имел дело с Советским Союзом. Когда Буш был послом в ООН в 1971 — 1972 годах при Ричарде Никсоне, он возил своего советского коллегу Якова Малика на игру нью-йоркской бейсбольной команды (принадлежавшей его приятельнице Джоан Уитни Пэйсон), но это мало что изменило в дипломатических отношениях между странами.

Когда Буш был директором ЦРУ в администрации Джералда Форда, консервативно мыслящие критики разрядки и сторонники вооружения Америки обвиняли Управление в том, что оно систематически недооценивает военную угрозу со стороны СССР. Вместо того, чтобы стать на защиту профессионалов-разведчиков, которыми он руководил, и защитить Управление от нажима со стороны политиканов, Буш постарался утихомирить правое крыло. Он предложил создать комиссию из людей, не имеющих отношения к ЦРУ, которая наблюдала бы за методами работы Управления. Он открыл этим людям доступ к секретным материалам и санкционировал подготовку ими доклада с оценкой сверхсекретной разведывательной информации ЦРУ о различных сторонах деятельности Советского Союза.

Как и следовало ожидать, эта группа, названная Командой Б, объявила, что ЦРУ проявляет излишнюю мягкость к СССР, и присоединилась к всевозраставшему хору голосов, призывавших к новой американской программе вооружения. Один из помощников Буша в ЦРУ вспоминает, что его началь-

ник, «рассматривая данные стратегического значения, никогда не высказывался определенно. Главной его заботой было попытаться примирить различные точки зрения... Он из тех, кто берется за разрешение проблем». Буш как-то сказал: «Решите же эту чертову проблему. Если для этого нужна Команда Б, используйте ее».

После того, как Форд потерпел поражение на выборах 1976 года, Буш сказал, что готов остаться на посту директора ЦРУ, но Джимми Картер отказал ему в этом. Осенью 1978 года Буш прилетел из Хьюстона в Нью-Йорк на частный обед. Кроме него на этом обеде были видные фигуры, занимающиеся внешней политикой на Северо-Востоке, в большинстве своем демократы. После десерта Буш выступил с критикой Картера за то, что он не противостоит советской угрозе. В качестве примера Буш привел продвижение коммунистического влияния в Сомали и Эфиопии и колебания президента по поводу развертывания работ над нейтронной бомбой.

Один из демократов, работавший в Госдепартаменте при администрациях Кеннеди и Джонсона, назвал выступление Буша «упрощенческим» и «невежественным». Буш, разозлившись, заявил в ответ, что демократ «самонадеян» и «мягок», как и либеральная внешняя политика, которую вело представляемое им ведомство,— ничего удивительного, что эти политики потерпели крах!

Существование Команды Б и то, что Рональд Рейган чуть не победил Форда в 1976 году, показывало, что центр республиканской партии переместился на Юго-Запад и что он поправел. Интернационалистское атлантическое крыло партии теряло почву, уступало ее более консервативным элементам. В 1978 году Буш публично подал в отставку со своих постов в Трехсторонней комиссии и в Совете по международным отношениям, объявив их «слишком либеральными».

Когда Буш присягал в 1981 году в качестве вице-президента, он знал, что чистота его идеологических воззрений и его характер находятся под подозрением у сторонников Рейгана. А Рейган был преисполнен решимости поставить в из-

вестность Москву о том, что в Вашингтоне устанавливается новый, более жесткий режим. Ему не хотелось опровергать это утверждение, дав Бушу, славившемуся своей умеренностью, видную роль во внешней политике.

Вице-президент признавался — правда, лишь в частных беседах, — что ему было не по себе от резких высказываний и жестов, какие позволял себе Рейган по отношению к Советскому Союзу в начале первого срока их совместной деятельности. В ноябре 1982 года, когда умер Леонид Брежнев, Буш и его жена Барбара путешествовали по Африке. Буш надеялся, что Рейган пошлет его на похороны в Москву представлять Соединенные Штаты, но ему не хотелось создавать впечатление, что он этого добивается. И Буш рявкнул своему помощнику по национальной безопасности адмиралу Дэниелу Мэрфи: «Ничего не планировать!»

Когда Рейган поручил Бушу присутствовать на похоронах, Буш полетел во Франкфурт, где его ввел в курс дела молодой аналитик Роберт Блэкуэлл, специалист по Советскому Союзу в ЦРУ.

Блэкуэлл с презрением относился к широко распространенным слухам о том, что новый советский руководитель — Юрий Андропов, бывший председатель КГБ, — является втайне американофилом, который обожает читать романы Жаклин Сьюзанн и попивать виски; Блэкуэлл считал, что Андропов может стать сильным лидером и постарается использовать свой «недюжинный интеллект», чтобы восстановить «социалистический порядок и дисциплину», хромавшие при Брежневе.

Встретившись с Андроповым в Москве, Буш пошутил, что они «были в одном деле», возглавляя разведку. Позже вице-президент уединился с послом Артуром Хартманом, госсекретарем Джорджем Шульцем и их помощниками в Спасохаус, официальной резиденции американского посла. Им была предложена икра с шампанским. Хартман предупредил своих гостей, что старинный особняк прослушивается. Вице-президент заметил, что находит нового советского лидера

непримиримым и твердым: «По-моему, он умный. Возможно, мы сумеем с ним поладить. Но надо быть осторожными».

В феврале 1984 года, когда Андропов умер от почечной недостаточности, Рейган попросил вице-президента снова полететь в Москву. В личном отсеке Буша на борту самолета № 2 Роберт Блэкуэлл ознакомил вице-президента с краткой справкой ЦРУ о новом советском руководителе — Константине Черненко. Блэкуэлл признался, что в ЦРУ поражены назначением Черненко на высшую должность в Кремле, особенно после того, как он проиграл этот пост Андропову в 1982 году.

А многие в Вашингтоне помнили, как Черненко подносил спичку к сигарете Брежнева, когда тот пытался сократить курение. В ЦРУ Черненко окрестили «слабохарактерной сестрой». Но даже Черненко, выступая в 1982 году в Тбилиси, предупреждал, что Советский Союз находится на грани внутреннего кризиса.

Помощник Буша по национальной безопасности, бывший сотрудник ЦРУ Дональд Грегг, сказал вице-президенту, что финская разведка считает семидесятидвухлетнего Черненко фигурой переходной. После его смерти начнется грандиозная борьба за будущее Советского Союза между консервативно настроенным руководителем ленинградской партийной организации Григорием Романовым, которого финны, будучи близкими соседями, достаточно хорошо знали, и человеком, от которого можно ждать поворота к лучшему, — «этим новым малым Михаилом Горбачевым».

В Москве, увидев уже больного Черненко на трибуне мавзолея Ленина, и притом достаточно близко, вице-президент понял, что скоро ему придется снова приезжать сюда на похороны. Свою фотографию жене посла Хартмана Донне он надписал: «Следующие похороны — за мой счет. (Никому не показывать.)» А сотрудникам посольства шутливо заметил: «Скоро увидимся — в то же время, в будущем году!»

Перемена в советском руководстве и приближение президентских выборов в 1984 году побудили Рейгана пред-

ложить Черненко встречу на высшем уровне, желательно в июле, до съездов обеих политических партий. Демократы уже сетовали на кризис в американско-советских отношениях и на то, что Рейган — первый президент со времен Герберта Гувера, который не встречался со своим советским коллегой.

Буш всячески подталкивал президента к проведению встречи в верхах. Он предложил Рейгану — для выяснения позиции советской стороны — послать в Москву с личным письмом к Черненко генерала Брента Скоукрофта, который был советником Джералда Форда по национальной безопасности. Рейган согласился. Однако, когда Скоукрофт прибыл в Москву, никто из высших советских чиновников не пожелал с ним встречаться. Один из них спросил посла Хартмана: «Если нам хотят что-то сообщить, почему не сообщают официально?» Черненко отклонил предложение президента о встрече в верхах.

В марте 1985 года Черненко умер. В Женеве, по пути в Москву, Буш узнал, что новым руководителем будет Горбачев. Роберт Блэкуэлл, встретивший вице-президента в Москве, напомнил, что ЦРУ многие месяцы предсказывало приход Горбачева к власти: Горбачев ведь уже был вторым человеком в советской коммунистической партии; начальником его был Андропов.

Американцы, сопровождавшие Буша, шутили, что они теперь уже досконально знают церемонию похорон: сначала надо пройти перед гробом, затем будет военный парад на Красной площади, затем прием в Георгиевском зале и, наконец, ужин со спагетти в Спасо-хаус, приготовленный превосходным итальянским поваром.

Вице-президент и Блэкуэлл были потрясены тем, что москвичи, казалось, с радостью избавлялись от своих «немогущих старцев». Они видели, как всего через полчаса после похоронной процессии рабочие срывали портреты Черненко и бросали их. Буш заметил, что их хозяева, похоже, едва могли дождаться захоронения старика, чтобы скорее вручить судьбу своей страны новому, пятидесятичетырехлетнему лидеру.

Горбачев принял Буша и госсекретаря Шульца в Екатерининском зале. В своем сорокапятиминутном монологе он сказал, что Советский Союз не заинтересован в конфронтации с Соединенными Штатами. Он выразил надежду, что Вашингтон будет вести с Советским Союзом серьезные переговоры в Женеве по поводу ядерных вооружений. После этой встречи Блэкуэлл предсказал Бушу, что Горбачев будет действовать быстро. На это указывала, в частности, его самоуверенность, а кроме того, военные стали реже, чем прежде, появляться на советском телевидении. Вице-президент согласился, что они имеют тут дело с «чем-то другим». В противоположность Брежневу, Андропову и Черненко Горбачев — «очень обходителен»...

В октябре 1986 года Рейган встретился с Горбачевым в Рейкьявике, где советский лидер, ко всеобщему удивлению, внес предложение о существенном сокращении атомных арсеналов обеими странами. В декабре 1987 года Горбачев прибыл с визитом в Вашингтон, где они с Рейганом подписали договор о ликвидации ядерных ракет среднего радиуса действия. В один из трех дней, в течение которых проходила встреча в верхах, Буш прибыл в советское посольство на Шестнадцатой улице — на завтрак с блинами и икрой. На завтрак Буша сопровождали его сторонники по предстоящей кампании по выборам президента, в том числе Джон Сунуну, боевой, крайне антисоветски настроенный губернатор Нью-Гемпшира, регулярно отмечавший День венгерских борцов за свободу и День освобождения Литвы — в 1987 году отмечать это еще было чудаковатым донкихотством. Стремясь избежать полемики, Сунуну восхвалял перед Горбачевым научные достижения американцев и русских.

После встречи Горбачев предложил Бушу подвезти его в Белый дом на своем лимузине.

«Располагайтесь в моем танке!» — сказал он, когда они сели. Тогда вице-президент сказал: «Как жаль, что вы не можете остановиться и зайти в один из магазинов, — я думаю, американский народ тепло встретил бы вас».

Они только проехали мимо толпы на углу Коннектикута-авеню, как Горбачев сказал шоферу: «Останови машину». Он вышел из лимузина и воскликнул по-русски: «Я хочу поприветствовать вас!» В толпе многие от изумления раскрыли рот, а Горбачев стал пожимать людям руки. Тут и Буш вышел из машины, чтобы сняться с ним, но камеры — да и толпа — были нацелены только на Горбачева.

Они поехали дальше, к Белому дому, и Буш, явно находясь под впечатлением от общения гостя с народом, спросил: «Вы часто этим занимаетесь?» Горбачев ответил: «Я поступаю так в Москве и поступаю так всякий раз, как выезжаю на периферию... Руководители не должны отрываться от народа».

По мере приближения конца своего правления, улыбочивый и радостно-дружелюбный Рейган невольно служил все более четким фоном для Буша, который усиленно старался казаться менее поддавшимся обаянию Горбачева и более склонным жестко торговаться с Кремлем. Во время посещения Рейганом Москвы в июне 1988 года произошел знаменитый случай, когда Горбачев на Красной площади взял на руки маленького мальчика и велел ему «поздороваться за руку с дедушкой Рейганом». Один из журналистов спросил потом Рейгана, считает ли он Советский Союз по-прежнему «империей зла». Президент ответил: «Нет, я имел в виду другое время, другую эпоху».

А Буш, отдохавший в своем доме в Кеннебанкпорте, штат Мэн, пел совсем другую песню: «Холодная война» не кончилась», — оповестил он репортеров. На следующий месяц Буш снова выступил с предупреждением против «наивно-оптимистического, исполненного эйфории взгляда на дальнейшее развитие событий». Во время осенней кампании он говорил, что будет «оказывать давление на Москву с целью дальнейших перемен». Он выступал против сокращений в бюджете на оборону и на Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), любимый проект Рейгана по созданию в космосе противоракетного щита. В своих первых дебатах с кандидатом от демократической партии Майклом Дукакисом Буш настаивал

на том, что «по советскому эксперименту еще не вынесено суждения».

В декабре 1988 года, после выборов, Рейган в последний раз встретился с Горбачевым в качестве президента за завтраком на станции береговой охраны США на Губернаторском острове, в гавани Нью-Йорка. Буш согласился присутствовать, но на вторых ролях.

Утром Горбачев выступил в ООН со своей важнейшей речью. Он заявил, что «применение силы или угроза ее применения» не может больше быть «инструментом внешней политики». Он объявил о своем намерении сделать военную доктрину СССР чисто оборонительной и убрать из Восточной Европы полмиллиона советских солдат, а также большое количество танков, артиллерии и военных самолетов.

Перед завтраком репортеры попросили Рейгана высказаться по поводу инициативы Горбачева, и Рейган сказал: «От души одобряю». Буш продолжал держаться той же линии, что и предшествующие восемь лет, только на сей раз с оттенком высокомерной иронии. «Я поддерживаю то, что сказал президент», — заявил он. А Горбачев, стремясь добиться расположения только что избранного президента, с широкой улыбкой заметил: «Это один из лучших ответов, какие я слышал в этом году!»

В ответ на замечание Рейгана, что, по данным последнего опроса, 85 процентов американцев поддерживают новый характер отношений, установившихся с Москвой, Горбачев вновь обратился к Бушу и сказал: «Мне приятно это слышать. Игру эту следует назвать «Продолжение следует». В ходе беседы вице-президент вдруг не выдержал: «Какие вы можете дать мне заверения, что перестройка и гласность будут успешны, чтобы я мог сообщить об этом американским бизнесменам, желающим вложить средства в Советском Союзе?»

Горбачев гневно посмотрел на него и отрезал: «Вы достаточно скоро убедитесь, что я *ничего* не делаю напоказ, и если что-то делаю, то не с целью подорвать ваши позиции, поразить вас или использовать.

Я занимаюсь реальной политикой. Я так поступаю, потому что это необходимо. Я так поступаю, потому что в моей стране происходит революция. И я ее начал. И все аплодировали мне, когда я ее начал в 1986 году, а теперь не всем это так уж нравится. Тем не менее революция произойдет...».

В воскресенье, 18 декабря 1988 года, Генри Киссинджер вошел в Малый кабинет вице-президента в Западном крыле для спокойного разговора с избранным президентом, Бейкером и Скоукрофтом. Киссинджер сказал Бушу, что он может стать «первым президентом, обладающим реальной возможностью положить конец «холодной войне».

— Почему бы нам исподволь не начать переговоры о сделке? — предложил Киссинджер.— Пусть Горбачев пообещает не использовать силу для подавления реформ и либерализации в Восточной Европе, а Запад в обмен пообещает не использовать экономические и политические перемены, которые там произойдут, в ущерб интересам безопасности Советского Союза.

Например, — сказал Киссинджер,— Запад может взять на себя обязательство не использовать Восточную Европу в качестве базы для ведения тайных разведывательных операций против Советского Союза. Он может заявить, что отказывается от дальнейших попыток выманить восточноевропейские страны из Варшавского пакта. А Горбачев, не имея возможности применить военную силу, вероятнее всего даст Восточной Европе возможность глотнуть политической свободы, что ей необходимо для воссоединения с Западом.

Предложение было классически киссинджеровское: с помощью тайной дипломатии на высоком уровне достичь договоренности, основанной на равновесии сил. Киссинджер дал понять, что не возражает отправиться с такой миссией к Горбачеву — это позволило бы ему вновь очутиться в центре американо-советских отношений, особенно при том, что Скоукрофт, его давний друг и протезе при администрации Никсона и Форда, сидит в Совете национальной безопасности, а в Госдепартаменте внешней политикой занимается неофит Бейкер.

Буша заинтересовала идея Киссинджера, и он поручил ему отвезти в Москву письмо Горбачеву за своей подписью. Бывший госсекретарь был в восторге. В январе, за неделю до вступления президента в должность, Киссинджер вылетел в советскую столицу.

События в Восточной Европе уже начали подтверждать озабоченность Киссинджера предстоящей конфронтацией между вновь пробуждающимися демократическими силами и твердокаменными режимами. В понедельник, 16 января 1989 года, в Праге произошли аресты среди демонстрантов, вышедших на улицу, чтобы отметить двадцатую годовщину саможжения Яна Палаха, студента, покончившего с жизнью в знак протеста против советского вторжения в 1968 году.

Было арестовано восемьдесят человек. Среди арестованных находился драматург-диссидент, которого затем приговорили к девяти месяцам тюрьмы за «подстрекательство к беспорядкам». Это был Вацлав Гавел.

А в Москве в этот день Киссинджер встречался в Кремле с ближайшим помощником Горбачева — Александром Яковлевым. Яковлев был одной из ключевых фигур в мозговом центре Горбачева, главным пропагандистом и теоретиком «гласности». Он учился по обмену в Колумбийском университете в конце 50-х годов, затем был послом в Канаде в начале 80-х, превосходно говорил по-английски.

Яковлев предупредил Киссинджера, что определенные деятели коммунистической партии, придерживающиеся жесткой линии, недовольны политикой Горбачева. На закрытых заседаниях они жестоко критикуют его за то, что он отходит от социализма и продается Западу. Яковлев дал понять, что Горбачеву и его коллегам-реформаторам нужны признание и поощрение со стороны Запада, чтобы иметь возможность проводить свою программу в стране.

Киссинджер ответил, что улучшение американско-советских отношений при Рейгане было в значительной мере косметическим. Настало время насытить их большим содержанием. Он заметил, что хорошо знаком с Бушем и недавно

встречался с избранным президентом и его главными советниками. Далее он сказал, что хочет сделать одно предложение, которое следует считать полуофициальным, поскольку Буш благословил его на это.

Ситуация в Европе, сказал Киссинджер, опасно нестабильна. Политическая эволюция вполне может перейти в революцию, а это, в свою очередь, может породить международную конфронтацию. Киссинджер вызвал к жизни дуликий призрак, который, как он знал, не может не напугать любого советского человека: в Восточной Европе начнутся-де попытки высвободиться из тенет, привязывающих эти страны к Советскому Союзу, а к этому может добавиться возрождение германского национализма, что, вероятно, побудит ФРГ с еще большим рвением использовать сложности, существующие между Восточной Германией и Кремлем.

Киссинджер высказал предположение, что, если перед Советским Союзом встанет перспектива «потерять» Восточную Европу — особенно Восточную Германию,— СССР может счесть необходимым применить силу с целью укрепить свои позиции в этом регионе. Это вызовет ту или иную достаточно сильную реакцию со стороны Соединенных Штатов. Киссинджер напомнил, что в начале XX века великие державы вовсе не собирались начинать Первую мировую войну, и тем не менее кризисные ситуации вызвали цепную реакцию, так как никто не знал пределов допустимого.

С целью избежать сейчас такой опасности Киссинджер предложил провести между США и СССР переговоры на высоком уровне, чтобы достичь взаимопонимания по ряду вопросов,— в одних случаях официально, в других — неофициально. В ходе этих переговоров будут установлены пределы того, на что может Советский Союз пойти для защиты своих интересов в Восточной Европе; Запад же в обмен пообещает ничего не предпринимать для ускорения перемен на Востоке, в особенности если такого рода действия могут быть восприняты в Кремле как угроза безопасности СССР.

Киссинджер сказал, что сверхдержавы не могут остановить ход истории, но они могут помешать взрывоопасному развитию событий. Он повторил, что обсуждал свою идею с людьми, которые будут работать в формирующейся администрации. Эти люди готовы к честному диалогу. Какой ответ он должен отвезти в Вашингтон?

Яковлев ответил, что Кремль готов начать с администрацией Буша подробное обсуждение мер, которые будут регулировать процесс перемен в Европе и преуменьшат разрушительное влияние этих перемен на отношения между Востоком и Западом. Яковлев высказался за то, что обе страны — Соединенные Штаты и Советский Союз — заинтересованы в сохранении статус-кво в Европе на ближайшее будущее.

Киссинджер согласился, однако добавил, что в Соединенных Штатах это будет трудно отстаивать: американское общественное мнение никогда не позволит правительству США столь явно согласиться с тем, чтобы Восточная Европа оставалась под господством Советов.

Двумя днями позже, в среду, 18 января, Горбачев пригласил Киссинджера в свой парадный кабинет в Кремле. С советской стороны присутствовали лишь переводчик и Анатолий Добрынин, бывший в течение двадцати трех лет послом в США и тесно сотрудничавший с Киссинджером, когда оба находились на командных постах в Вашингтоне. Теперь Добрынин был советником Горбачева.

Киссинджер вручил Горбачеву письмо от Буша, в котором тот заверял Горбачева, что прогресс в советско-американских отношениях, начатый при Рейгане, будет продолжаться... но не сразу. Избранный президент писал, что он надеется, Горбачев поймет: новой администрации необходимо какое-то время, чтобы разобраться в советско-американских отношениях, все взвесить и рассмотреть варианты направления политики.

Киссинджер изложил свое предложение достичь договоренности по Восточной Европе. Заинтересована ли советская сторона в таком соглашении? Горбачев пригнулся к сто-

лу и, приподняв бровь, слегка усмехнулся. «Я просматриваю за этим вопросом другой вопрос»,— сказал он. Он-де подозревал, что Буш через Киссинджера пытается заставить его открыть, в какой мере он намерен отказаться от советского контроля в Восточной Европе.

Киссинджер ответил, что у него «нет никакой тайной новости дня», это его собственная идея, правда, она заинтересовала избранного президента, и он разрешил Киссинджеру попытаться выяснить реакцию Горбачева. Получив такое заверение, Горбачев сказал, что эту идею, пожалуй, стоит рассмотреть и, если потребуется обратная связь, Киссинджеру следует иметь дело с его старым другом Добрыниным. Киссинджер преисполнился надежды, что его план может сработать.

После ухода Киссинджера Горбачев перечитал письмо Буша. Пришел Анатолий Черняев, главный помощник Горбачева по иностранным делам, старый партийный аппаратчик, работавший главным образом в международном отделе ЦК; Горбачев знал его с пятидесятых годов. Черняев был из тех чиновников, кто не высовывается. Он никогда не отличался выступлениями в защиту реформ, хотя люди, знавшие его еще во времена Хрущева, помнят, что он высказывал в частных беседах довольно либеральные взгляды и дружил с некоторыми политическими диссидентами.

Черняев сказал, что в письме Буша есть «определенное противоречие»: Буш обещает следовать курсу Рейгана, однако намекает, что может внести изменения в американскую политику. Тем не менее Горбачев был весьма доволен тем, что Буш, не теряя времени, связался с ним: какой еще только что избранный американский президент писал советскому лидеру прежде, чем в его распоряжении появилась бумага со штампом Белого дома? И Горбачев написал ответ Бушу, предлагая работать вместе ради «мира во всем мире»...

В четверг, 19 января, Буш позвонил Меридиту Прайсу, редактору «Эндовер буллетин», журнала, издаваемого студентами колледжа, где он учился, в ответ на его просьбу дать интервью. Прайс спросил, что, по мнению Буша, скажут истори-

ки о его президентстве, и Буш ответил: «Оставил все после себя в несколько лучшем положении, чем когда пришел. Америка при нем была сильной и неукоснительно двигала вперед демократию». И далее:

«Я говорю «неукоснительно», так как не думаю, чтобы какой-либо серьезный ученый, занимающийся мировой политикой, решил, посмотрев на нашу страну, что шансы социализма или коммунизма в ней повышаются. Я думаю, большинство людей видит, что стимулы частной собственности и свободы, о которых мы думаем, когда думаем о демократии, находятся в процессе расширения, и мне хотелось бы сохранить эти тенденции, с тем чтобы Соединенные Штаты были в них застрельщиками. Так что надеюсь, в конечном счете историки скажут: «Он был не таким, как все. Он старался, как мог».

На следующий день в своем обращении к народу в связи с вступлением в должность Буш нарисовал образную картину своего представления о ценностях и о настроениях в мире: «Эпоха диктаторов окончена. Эра тоталитаризма проходит — его устаревшие идеи облетают, словно листья со старого, умирающего дерева... Мы знаем, что движет людьми,— людьми движет свобода. Мы знаем, какой путь правилен, правильный путь — это свобода. Мы знаем, как обеспечить более справедливую и обеспеченную жизнь людям — с помощью свободного рынка, свободных выборов, свободы слова и свободы волеизъявления, которому не препятствует государство».

В воскресенье, 22 января, Brent Скоукрофт поспешил заявить, что у него и у его босса нет никаких иллюзий насчет Горбачева. Выступая по Эй-би-си в программе «Неделя с Дэвидом Бринкли», Скоукрофт сказал, что Горбачев, похоже, «заинтересован в том, чтобы внести разлад в Западный альянс. И, по-моему, он считает, что наилучшим способом осуществить это является мирное наступление, а не угрозы, к каким прибегали некоторые его предшественники».

«Пока у нас не будет доказательств обратного,— сказал Скоукрофт,— мы должны исходить из этого предположения... Я считаю, что «холодная война» не окончена. Как говорится,

может забрезжить свет в конце туннеля. Но, думается, все в какой-то мере зависит от того, будет ли это свет солнца или же фары приближающегося паровоза».

Дав Скоукрофту выступить в роли злого полисмена, Буш сыграл роль полисмена доброго. В понедельник, 23 января, утром, он попросил Скоукрофта устроить телефонный разговор с Горбачевым. Буш сказал, что хочет «установить контакт — просто отметить у этого малого».

Телефонный разговор президента с советским лидером был делом необычным, но решение сделать такой звонок характерно для Буша. Дело в том, что земной шар представлялся ему в виде цветных карт-указателей в своеобразном путеводителе. С разными цветами на глобусе у Буша были связаны представления не только о странах, но и о президентах, королях и премьер-министрах, многих из которых он хорошо знал и ко многим обращался по имени. При возникновении кризиса Буш первым делом инстинктивно хватался за телефон.

Когда Буша соединили с Москвой, он заверил Горбачева, что не допустит никаких «затяжек», хотя и собирается глубоко переосмыслить американские отношения с Советским Союзом. Сразу после звонка Буша Горбачев сказал нескольким своим помощникам, что новый американский президент, похоже, готов считаться с историческими силами и разбираться с мировыми проблемами напрямую, «как водится между людьми».

«ОН ИДЕТ В НАШУ СТОРОНУ. ВОТ И ПУСТЬ ИДЕТ...»

В конце января 1989 года Буш, беседуя со Скоукрофтом в Овальном кабинете, сказал, что ему хотелось бы получить ответ на вопрос о том, «каким должен быть мир в будущем столетии и что мы должны сделать, чтобы этого достичь. Я хочу совершить что-то важное, но продвигаться я хочу осторожно. Я не хочу делать глупости». Он выразил желание «посидеть с нашими лучшими экспертами по Советскому Союзу и послушать, что они думают,— выяснить их мнение о Горбачеве».

Скоукрофт поручил устроить такой семинар своему тридцатичетырехлетнему эксперту по Советскому Союзу Кондолизе Райс, профессору-политологу из Стэнфорда. Она родилась в Бирмингеме, штат Алабама, известном своей сегрегацией, и училась вместе с одной из четырех девочек, погибших при взрыве бомбы в церкви для черных в 1963 году. Ребенком Кондолиза ездила со своими родителями в Вашингтон и помнит, как их не пускали во многие мотели и рестораны по пути. В Вашингтоне отец сфотографировал ее на фоне Белого дома. И она сказала: «Когда-нибудь я там буду».

Вначале Райс хотела стать концертирующей пианисткой, но потом поступила в университет Денвера, переключилась на политические науки и получила докторскую степень, написав диссертацию о вооруженных силах Чехословакии; затем стала специализироваться по секретной деятельности Генерального штаба Советского Союза. Выступая с лекциями в Советском Союзе, она поражала слушателей своей осведомленностью: эта черная американка рассказывала русским об

их собственном военном командовании то, чего они не знали сами,— причем на превосходном русском языке.

Итак, Райс составила список ученых — экспертов по советским делам и наметила семинар на март. В пятницу, 10 февраля, Буш прилетел в Кеннебанкпорт, штат Мэн, из Оттавы после своего первого визита за границу в качестве президента и, решив не откладывать семинар надолго, попросил Скоукрофта назначить его на конец недели. Райс села за телефон.

Каждое лето в своей жизни, кроме одного, Буш проводил в доме, построенном в 1903 году в Уокерс Пойнт его дедом по материнской линии Джорджем Гербертом Уокером. Буш называл этот дом «силой, цементирующей нашу семью», «священным местом».

В воскресенье, 12 февраля, Буш в бейсбольном кепи, свитере, поношенных бумажных брюках и туфлях для бега провел шестерых специалистов по Советскому Союзу в свою спальню — одну из немногих комнат в доме, которая отапливалась зимой. Помимо Райс, здесь были Адам Улам из Гарварда, Маршалл Голдмен из Уэлсли и Центра русских исследований Гарварда, Стивен Мейер из Массачусетского технологического института, Роберт Пфальцграфф из университета Тафта и Эд Хьюэтт, работавший тогда в институте Брукинса. Поскольку большинство ученых преподавали в университетах, расположенных в Кембридже, штат Массачусетс, и вокруг него, им нетрудно было быстро приехать в Мэн.

Президент, стоя на фоне холодных античных вод и белесого, серого неба за запотевшими окнами, сказал: «Мы должны внимательно рассмотреть нашу политику в отношении Советского Союза. Я хочу услышать ваше мнение о том, что там происходит. Меня не слишком интересуют рекомендации относительно политики как таковой. Это может подождать. Для начала надо знать, что там происходит, с чем мы имеем дело».

Эксперты согласились, что Горбачев взялся за проведение коренных реформ; он начал процесс более значительный, чем он сам,— такой процесс, который сторонникам же-

сткой линии трудно будет повернуть вспять. Критикуя культ личности Сталина, он создал свой собственный «культ власти», сделав себя олицетворением перестройки, и теперь, пользуясь той силой, какую дает ему этот культ, он урезает власть партии и московского аппарата. Райс сказала: «Любому, кто придет на смену Горбачеву, трудно будет спрятать джинна назад в бутылку».

«Никогда не говорите «никогда!»» — с легкой усмешкой посоветовал Скоукрофт. Ученые согласились с тем, что перестройка может дать рикошет — государственный переворот, осуществленный против Горбачева сторонниками жесткой линии в партии, армии и КГБ. Вполне может оказаться, что советская система не поддастся реформации.

Райс сказала, что экономические эксперименты и прочие формы независимости, которые Горбачев поощряет в Восточной Европе, могут подогреть антикоммунистические и антисоветские настроения до такой степени, что страны-сателлиты выйдут из-под его контроля.

Буш спросил, могут ли Советы в какой-то момент использовать войска для утверждения своего контроля в Восточной Европе. Несколько экспертов ответили, что в плане политическом Горбачеву придется тогда заплатить «астрономическую» цену. Голдмен сказал, что, даже если не произойдет полного раскола, но перемены в Восточной Европе произойдут слишком быстро, это может «отозваться» в Советском Союзе. Советские республики могут потребовать либерализации и автономии.

А могут ли Соединенные Штаты использовать свои рычаги, чтобы добиться уступок по правам человека, спросил президент? Голдмен и Хьюэтт предупредили против каких-либо явных попыток эксплуатировать слабость Советского Союза: это может явиться подарком сторонникам жесткой линии в СССР.

Они привели в качестве примера поправку Джексона — Вэника. Эта мера, принятая конгрессом в середине семидесятых годов и все еще действующая, ставит предоставление СССР в экономике режима «наибольшего благоприятствования» в зависимость от ослабления Кремлем ограничений на

эмиграцию советских евреев. Разъярившись на этот «шантаж» со стороны США, Леонид Брежнев в ответ резко сократил выезд евреев.

Хьюэтт заявил, что, поскольку советские евреи снова выезжают сейчас в больших количествах, Соединенные Штаты должны вознаградить Советский Союз за это движение в направлении реформ, прекратив действие поправки Джексона — Вэника. И добавил: «Мы не должны привязывать нашу политику к Горбачеву-человеку. Это может разжечь надежды общественности на Западе, и, если у Горбачева произойдет остановка сердца, США окажутся в сложном положении». Скоукрофт согласился с этим.

Во время передышки, устроенной на кухне, президент отложил рассмотрение вопросов высокой политики и поделился своими впечатлениями о советских людях, с которыми ему удалось познакомиться. Он рассказал гостям о своих встречах с жесткой, волевой женой Горбачева Раисой, которую он нашел «отнюдь не обаятельной». А через несколько дней, когда Буш вернулся в свой Овальный кабинет, он сказал помощникам, что воскресный семинар оказался одним из лучших на его памяти: «Если я могу узнать столько полезного за выходной день, вы только подумайте, сколько мы можем совершить за то время, когда предполагается, что мы работаем!»

В понедельник, 13 февраля, Буш сел за стол, сделанный из досок английского корабля «Резолют»,— стол этот служил Джону Кеннеди и был возвращен в Овальный кабинет Рональдом Рейганом,— и, надев свои авиационные очки со стеклами без оправы, стал просматривать четырехстраничную секретную директиву, которую ему принесли на подпись.

В директиве говорилось, что политика сдерживания, которую Америка проводила в течение сорока лет, «оправдала себя». Однако СССР продолжает оставаться «противником с устрашающей военной мощью». И было бы «безрассудно отказать от политики, которая позволила нам пройти столь большой путь». Директива была подготовлена Скоукрофтом и его аппаратом, в ней Госдепартаменту предлагалось «про-

анализировать с точки зрения национальной безопасности» политику США по отношению к Советскому Союзу и предложить те изменения, которые Буш мог бы осуществить в следующие четыре или восемь лет. Рекомендации под условным названием «Анализ национальной безопасности-3» должен лежать у президента на столе к середине марта.

Ни одному президенту не приходилось еще иметь дело с таким Советским Союзом, чье будущее, как и руководство страной, были бы столь неопределенны. Буш надеялся, что «Анализ национальной безопасности-3» даст ему время обдумать отношения с СССР и защитит его в начале пребывания на посту президента от нажима общественного мнения. Он хотел быть уверенным, что его политика выживет при любых случайностях.

Скоукрофт сказал своим коллегам: «Марксистско-ленинской угрозы в идеологии и в экономике больше не существует. Тут мы одержали победу. Осталась еще значительная военная угроза, но даже и тут дело меняется. Поэтому для коренного изменения унаследованного нами подхода к этим проблемам недостаточно четырех лет. Там возникает новый мир. И нам надо задаться вопросом, где мы хотели бы быть в конце века и какой политический курс приведет нас туда».

В Госдепартаменте были люди, подозревавшие, что Скоукрофт подsunул президенту «Анализ национальной безопасности-3», чтобы очернить их департамент и дать возможность Совету национальной безопасности укрепить свое влияние на внешнюю политику администрации Буша. Розанн Риджуэй была убеждена, что готовящийся документ будет использован для разгрома и дискредитации политики ее бывших начальников — Рейгана и Шульца. И винила она в этом Джеймса Бейкера.

Бейкер считал, что Шульц проявил мягкотелость в ходе переговоров в последний год своего пребывания на посту, оплачивая сделанные Советами уступки, хотя Горбачев вполне мог сделать их бесплатно. Чиновники из администрации Буша,

анонимно выступая перед репортерами, повадились называть Шульца «худшим госсекретарем со времен Стеттиниуса»...

Между тем, в отношениях между Советами и Соединенными Штатами видную роль играл еще один человек. В начале шестидесятых годов премьер-министр Гарольд Макмиллан пытался — но тщетно — сделать Великобританию посредником между СССР и США. По иронии судьбы преуспела в этом энергичная Тэтчер. Она была откровенна с Рейганом, Шульцем и другими американцами в своих рекомендациях, как вести себя с Советами. В феврале 1989 года она сказала Бейкеру: «Не тяните. Не давайте посевам оставаться под паром».

Бейкер покачал головой и сказал: «Слишком высоки ставки, слишком сложны проблемы, чтобы мы вышли неподготовленными. К тому же у нас есть время. Если то, что происходит в Советском Союзе, так важно, как вы полагаете, этот процесс не кончится в следующий вторник». Он утверждал, что реформы, проводимые Горбачевым, с каждым днем приближаются к черте, после которой нет возврата. Положительная реакция на действия Горбачева вовсе не требует того, чтобы пройти полпути ему навстречу: «Он *идет* в нашу сторону. Вот и *пусть* идет».

Тэтчер была первой из западных руководителей, публично заявивших, что Горбачев — советский лидер совсем другого типа. Осенью 1984 года, когда стало ясно, что Черненко уже не жилец на этом свете, она пригласила в Лондон двух человек, которые рассматривались в качестве главных претендентов на освобождающееся место: Михаила Горбачева и Григория Романова. Горбачев принял приглашение, и британцы сочли это признаком того, что скорее всего именно он получит этот пост.

Во время первого разговора с Горбачевым в декабре 1984 года в Чекере, официальной загородной резиденции Тэтчер, она прочла предполагаемому будущему советскому лидеру лекцию о том, как, с точки зрения тори, следует править в современном обществе: «Господин Горбачев, вы *долж*

ны децентрализовать власть. Не позволяйте экономическим министрам править всем!»

Горбачев внимательно ее слушал, отмахиваясь от помощников, напоминавших о том, что он опаздывает на следующую встречу. После беседы с Горбачевым премьер-министр, выступая по телевидению, произнесла всего девять слов, тщательно подобранных ее помощником по иностранным делам Чарлзом Пауэллом: «Мне *нравится* господин Горбачев. С ним можно делать дела». Такая оценка из уст «железной леди капитализма», как ее называли в советской прессе, успокоила западных лидеров, которых волновала смена руководства в СССР.

После того как Горбачев пришел к власти, его отношения с Тэтчер подогревались не только ее готовностью ручаться за него перед всем светом, но и той откровенностью, с какой они беседовали о политике, идеологии, экономике и международных отношениях. Тэтчер говорила Горбачеву о том, «какая страшная вещь» — коммунизм. Советский Союз, утверждала она, повинен во многих бедах XX века...

Давний специалист по Советскому Союзу Джек Мэтлок, посол США в СССР, также высоко оценивал значение того, что делал Горбачев для изменения баланса сил в мире. При Мэтлоке Никита Хрущев зачинал «гласность» в конце пятидесятых годов, а в начале шестидесятых уже обрушился на художников и писателей. Да и меры, принятые Хрущевым по децентрализации сельского хозяйства и промышленности и сокращению вооружений,— то, что советские люди называли теперь «первой перестройкой»,— были осуждены и оценены коммунистами-ортодоксами, сместившими его в 1964 году, как «безмозглые».

Мэтлок свободно владел русским языком и слушал высказывания советских граждан, чья жизнь менялась коренным образом. Консульские работники сообщали ему в конце долгого рабочего дня, как много советских граждан стали вдруг получать разрешение выехать на Запад. Вернувшись к себе в Спа-

со-хаус, Мэтлок включал телевизор и смотрел, как дотошный репортер сует микрофон под нос отнюдь не веселому местному партийному боссу и спрашивает, почему в таком жутком состоянии находится социальная сфера, или слушал беседу седобородого священника русской православной церкви, рассказывавшего о христианской доктрине бессмертия души.

В перелетах между Москвой и Вашингтоном Мэтлок всегда возил с собой кипу журналов и газет. Он читал статьи в «Советской культуре» о нелепости государственной монополии в производстве и распределении; в «Правде» — о некогда еретическом постулате, что интересы человечества выше противостоящих друг другу интересов рабочего класса и буржуазии; в «Известиях» — о том, как Запад был прав, считая, что сталинская внешняя политика после Второй мировой войны угрожала ему.

Мэтлок пессимистически смотрел на то, что Горбачеву удастся добиться успеха в своей собственной стране, а также удержаться у власти. Перестройка означала реформу цен, а это вело к инфляции. Возрастающая конкуренция в промышленности не могла не повлечь за собой безработицу. А гласность означала, что пресса будет сообщать об этих социальных бедах и сокрушаться. При этом демократизация позволит гражданам — и тем, кто способен покупать по более высоким ценам, и тем, кто лишились работы, — выбирать депутатов в советский парламент, а те в свою очередь смогут грозить кулаком Горбачеву и его министрам.

Тем не менее Мэтлок считал, что, какая бы судьба ни ждала Горбачева или отдельные части его программы, советская система уже коренным образом и весьма обнадеживающе изменилась и будет продолжать меняться, кто бы ни сел в Кремле.

В конце февраля Мэтлок уехал на несколько дней на дачу, принадлежащую американскому посольству в Тарасовке, с участком в пять акров, расположенным на берегу реки Клязьмы, в сорока пяти минутах езды от Москвы. Там, сидя в своей гостиной, выходящей окнами на березовый и хвойный

лес, Мэтлок составил три длинные памятные записки, которые затем передал телеграммами в Вашингтон.

Первая касалась внутреннего положения страны; вторая характеризовала советскую внешнюю политику; третья содержала рекомендации Мэтлока относительно реакции США на происходящее. Из соображений секретности все это было написано от руки, и Мэтлок носил бумаги с собой: американские чиновники считали, что все принадлежащие посольству помещения прослушиваются КГБ, и если что-то печатается на электрической машинке, то по электронным импульсам можно восстановить текст.

В своих телеграммах Мэтлок делал акцент на состоянии экономики. Он утверждал, что Соединенные Штаты недооценивают свое «воздействие» на Горбачева, а именно: свою способность не «помогать» советскому лидеру, а подталкивать его в том направлении, каким он уже следует. Если администрация Буша займет положительную позицию в отношении улучшения двусторонней торговли и участия СССР в мировой экономике, это может побудить Советский Союз принять экономику свободного рынка.

Вернувшись в Вашингтон в начале марта, Мэтлок в разговоре с Робертом Блэкуиллом из Совета национальной безопасности рекомендовал устроить встречу Горбачева с Бушем по примеру встречи в верхах, состоявшейся в 1989 году между Горбачевым и Рейганом. Блэкуилл сказал в ответ: «Не знаю, Джек. Возможно, президенту и не следовало говорить, что империя зла отошла в прошлое. Вы никогда не думали, что подобного рода заявление сняло Советы с крючка?»

Мэтлок ответил, что Соединенные Штаты как раз и не должны снимать Советы с крючка. Но чтобы держать их на крючке, необходимо взять на себя повышенные политические и экономические обязательства.

Мэтлок высказал президенту свою точку зрения в пятницу, 3 марта, в Овальном кабинете. Президент уделил Мэтлоку двадцать минут, на протяжении которых посол уговаривал его провести встречу в верхах с Горбачевым до конца

1989 года. Мэтлок считал, что, если между встречами в верхах пройдет слишком много времени, повестка дня окажется чересчур перегруженной. Да и общественность будет слишком многого ожидать. Лучше предложить идею ежегодных встреч — это будет, по словам посла, «нормальной дипломатией на самом высоком уровне».

На той же неделе Бейкер полетел в Вену. В пышном барочном дворце Хофбург собрались тридцать пять делегаций для обсуждения проблем, связанных с пребыванием обычных вооруженных сил в Европе — размеры армий, а также количество и типы вооружений, противостоящих друг другу вдоль «железного занавеса».

В 1979 году НАТО, стремясь предотвратить возможность нападения на Западную Европу стран Варшавского пакта, решила разместить новое поколение ядерных ракет среднего радиуса действия. Эти новые американские ракеты, выдвинутые против Советского Союза, должны были противостоять новому классу советских ракет, уже нацеленных на Западную Европу. Кремль предпринял огромные усилия, чтобы помешать осуществлению этого американского плана.

В первый год своего пребывания на посту Рональд Рейган предложил «нулевой вариант» решения: НАТО не станет размещать свои ракеты, если все аналогичные ракеты будут убраны Советами. СССР отказался: с какой стати они должны убирать уже установленные системы в обмен на обещание Запада отменить свои планы на будущее?

Вице-президент Буш добился поддержки «нулевого варианта» в Западной Европе, где была широко распространена оппозиция размещению новых американских ракет. В январе 1983 года в Западном Берлине Бушу была устроена овация стоя после того, как он зачитал «открытое письмо» Рейгана к народам Европы, в котором президент предлагал встретиться с Юрием Андроповым и убедить его в достоинствах такой договоренности. В конце 1983 года, когда США стали в соответствии с графиком размещать свои ракеты, Советы в Же-

неве ушли с переговоров о ядерных ракетах среднего радиуса действия.

Придя к власти, Горбачев оказался гораздо более сговорчивым в отношении «нулевого варианта». Весной 1987 года он предложил расширить понятие «вооружения среднего радиуса действия» и включить в него ракеты радиусом действия в триста миль. Рейган согласился.

Многие западноевропейские лидеры беспокоились, что Рейган слишком увлекся: а что если президент согласится даже на полную «деатомизацию» Европы. Следуя доктрине НАТО, существовавшей уже сорок лет, присутствие ядерных вооружений США считалось жизненно необходимым для уравнивания двух преимуществ СССР — того, что Советский Союз расположен географически ближе к Западной Европе, чем США, и что у Варшавского пакта больше солдат под ружьем и больше танков и артиллерии, чем у НАТО.

Стремясь развеять эти страхи, администрация Рейгана заявила, что США не только оставят в Европе свои ядерные вооружения ближнего радиуса действия, но и усовершенствуют восемьдесят восемь ракет «Лэнс», размещенных в Западной Германии. Это успокоило многих стратегов в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Брюсселе и расстроило в Бонне.

Западногерманский канцлер Гельмут Коль знал, что ракеты «Лэнс» будут пущены в ход скорее всего в том случае, если НАТО будет проигрывать начальную стадию войны и командование Западных войск попытается остановить танковые колонны Советского Союза, уже успевшие глубоко проникнуть в Западную Германию. В результате от этих ракет погибнет больше западных немцев, чем тех, кто будет осуществлять вторжение. Коль опасался, что даже если ракеты «Лэнс» не будут пущены в ход, они явятся заманчивой целью для угрожающих ударов наступающих сил Варшавского пакта, которые могут ударить по ним, возможно, даже с применением советских ядерных вооружений.

США и их западные союзники, казалось, ступили на путь конфронтации. США настаивали на размещении новых ракет

ближнего радиуса действия, в то время как в Западной Германии росли возражения.

Бейкер дал понять советским пропагандистам, «слабоумным» в Западной Европе и правым республиканцам в США, что новая американская администрация будет занимать твердые позиции не только в отношении своего советского противника, но, если потребуется, и в отношении своих западных союзников. На встрече со своим аппаратом Бейкер добавил, что «любая уступка» по ракетам «Лэнс» «явилась бы классическим скольжением под уклон», ибо Европа станет тогда свободной от ядерного оружия, что поставит под угрозу «всю стратегию, хорошо служившую НАТО на протяжении сорока лет». Это было преувеличением. По соглашению о ракетах ближнего радиуса действия, ядерные вооружения США по-прежнему защищали бы Западную Европу. Четыре сотни боеголовок, размещенные на подлодках США, были «предоставлены в распоряжение» НАТО, как и многие другие вооружения в этом районе...

В конце 1988 года, к удивлению Запада, Горбачев объявил о резком сокращении советских вооруженных сил. Вслед за своей знаменитой речью в ООН в декабре 1988 года, когда он пообещал сократить советские вооруженные силы на полмиллиона человек и на десять тысяч танков в течение ближайших двух лет, Горбачев объявил о десятипроцентном сокращении расходов на оборону. Кроме того, Кремль опубликовал подробные цифры о размерах своих вооруженных сил и начал выводить войска из стран Варшавского пакта.

В ответ на эти односторонние уступки Соединенным Штатам необходимо было изменить свою позицию. Скоукрофт сказал, что США могли бы выступить с предложением о выводе войск обеих сверхдержав из Европы: американские войска, размещенные в Западной Европе, возвращаются через Атлантику домой, а советские войска выводятся из Восточной Европы.

Соединенные Штаты ведь держат войска в Западной Европе исключительно для защиты своих союзников от атаки

с Востока. Советские же войска находятся в Восточной Европе, чтобы держать страны Варшавского пакта в подчинении Кремлю. Советское влияние в Восточной Европе основано почти исключительно на пребывании там советских войск, тогда как американское влияние в Западной Европе основано на торговле, культурных обменах, наличии общих политических ценностей и институтов.

Таким образом, если обе сверхдержавы выведут свои армии из Восточной и Западной Европы, Соединенные Штаты и Запад получат львиную долю выгоды. А если удастся убедить Советы покончить с оккупацией Восточной Европы, народы этого региона, возможно, сумеют наконец пойти по пути подлинного самоопределения и даже воссоединения с Западом. Вот что означал «нулевой вариант» по обычным вооруженным силам в Европе.

Вскоре Скоукрофт начал давать задний ход. Блэкуилл безостановочно атаковал то, что он лишь полушутя называл «непродуманной схемой» Скоукрофта. Поддразнивая Скоукрофта, он говорил, что тот-де столько лет на протяжении своей карьеры занимался проблемами ядерной стратегии, что совсем забыл об основах обороны с помощью обычных вооруженных сил: «Живые люди сражаются на войне, и потому живые люди должны предотвращать войны. До тех пор пока Советский Союз находится в Евразии, а США нет, нам придется держать там войска. Вот если СССР передвинется на Багамские острова, можно будет подумать о том, чтобы перебросить наши войска назад, на эту сторону океана, но не раньше».

Касаясь того, что по плану Скоукрофта американские наземные войска должны быть убраны из Европы, а некоторое количество авиации должно быть там оставлено, Блэкуилл в шутку замечал, что на генерале сказывается узкопрофессиональная приверженность авиации, которая его взрастила: «Перед нами взгляд летчика на проблему контроля над вооружениями: давайте-де вернем армию домой, чтобы ребята могли обеспечить воздушное прикрытие для тех, кто останет-

ся!» Блэкуилл не только возражал по сути против плана Скоукрофта, но и не хотел, чтобы Соединенные Штаты были втянуты в торги с Горбачевым: «Не надо нам стараться идти голова в голову с Горбачевым, смело ставя на тотализаторе».

Подобные высказывания дали Скоукрофту точное, хотя, по всей вероятности, и весьма мягкое, представление о той оппозиции, которую он может встретить со стороны институтов национальной безопасности, если публично выдвинет свою идею. И он поспешил от нее отступить.

ЭТИКЕТКА ГОРБАЧЕВА

Во вторник, 14 марта 1989 года, за день до истечения назначенного срока, президенту на письменный стол, обтянутый зеленой кожей с золотым тиснением, лег наконец долгожданный анализ политики. Буш не любил читать бумаги. Когда его бывшего помощника Питера Тили спрашивали, ознакомится ли президент с той или иной справкой, он отвечал: «Да, только пишите кратко». Подобно Франклину Рузвельту и Рональду Рейгану Буш предпочитал получать информацию на слух.

Единственным исключением из этого правила служили ежедневные секретные донесения ЦРУ. В середине семидесятых, когда Буш возглавлял Центральное разведывательное управление, он иногда лично вручал эти документы — наряду с чертежами новых советских ракет и бомбардировщиков — президенту Форду. (Во всяком случае однажды он явился к Форду под чужой фамилией — мера предосторожности, характерная для секретной службы.) Окончательный вариант «Анализа национальной безопасности-3» состоял из тридцати одной страницы, напечатанной через интервал. Этот подробнейший документ начинался с многозначительной фразы: «Мы вступили в переходный период, по важности не уступающий послевоенному». На данном этапе «вряд ли» Советский Союз «вернется к беспощадной автократии».

«Перестройка в наших интересах»: новый подход Горбачева «дает нам в руки рычаги воздействия, которыми восемь лет назад мы не обладали». Политика США должна быть нацелена не на то, чтобы «помочь» Горбачеву, а скорее на то, чтобы умело «бросить вызов» Советам и, таким образом, «направить их действия в нужное нам русло».

Далее, политика США должна способствовать «институционализации» советской реформы, чтобы ни Горбачеву, ни его последователю не удалось бы приостановить ее или повернуть вспять, к ледниковому периоду. Демократические преобразования в СССР «напрямую соотносятся с нашей задачей — добиваться пересмотра ценностей и приоритетов в Советском Союзе: территориальная экспансия, равно как и внутренняя диктатура советского политического и партийного руководства, должны уступить место качественному изменению жизни народа».

В текст «Анализа национальной безопасности» был включен список желательных преобразований в Советском Союзе: более прочные законные гарантии гражданских, политических и экономических свобод; либерализация законодательства и процедуры выборов, включая тайное голосование; независимость судебных органов; «более беспристрастная пресса»; «активизация неправительственных организаций»; большая свобода передвижения; целенаправленное обеспечение «экономической самостоятельности» посредством децентрализации принятия решений; право собственности на землю и капитал; упразднение командной экономики; и самое дерзкое: «отмена монополии коммунистической партии и ликвидация полицейского государства».

Авторы настоящего документа и не подозревали, что все это, как и многое другое, осуществится в течение последующих трех лет.

В конце марта во время закрытого обеда в Белом доме Бейкер сказал президенту, что необходимо активнее развивать отношения с Горбачевым. Он охарактеризовал недавние выборы съезда народных депутатов как очередное подтверждение тому, что Горбачев «всерьез посягнул на существующую систему. Каждым новым шагом он доказывает, что назад пути нет».

Впервые почувствовав вкус демократических выборов, популисты, либералы и националисты, бросив вызов партийным карьеристам, одержали верх по всему Советскому Союзу. Некоторые кандидаты от партии потерпели поражение

даже там, где у них не было конкурентов, так как избиратели могли вычеркивать фамилии.

В числе победителей оказался Борис Ельцин, одно время возглавлявший московскую партийную организацию, но в 1987 году отстраненный Горбачевым от этой должности за требование чрезмерно радикальных реформ. Сейчас Ельцин стал депутатом от Московского округа, набрав 89 процентов голосов. Многие представители советского посольства в Вашингтоне, в том числе несколько офицеров КГБ, опустили за него свои бюллетени. Некоторые аналитики ЦРУ в лице Ельцина видели мощную потенциальную поддержку программе Горбачева и его возможного преемника, если Горбачев сдаст свои позиции...

В среду, 5 апреля, политический стратег, дипломат и ученый Джордж Кеннан выступал перед сенатским комитетом по иностранным делам. Он обвинил Буша в «игнорировании» последних «обнадеживающих инициатив и предложений с советской стороны»:

«Времена, когда мы, руководствуясь определенными мотивами, рассматривали Советский Союз главным образом как возможного — если не сказать вероятного — военного противника, безусловно, миновали». Сенаторы, слушатели и даже стенографистка, состоявшая на службе в комитете, встав, зааплодировали. Кеннан был главой американских советологов и отцом-создателем концепции сдерживания.

Через два дня Горбачев объявил, что остановит производство урана для военных целей и закроет два завода по производству плутония.

В воскресенье, 9 апреля, Скоукрофт, выполняя волю президента, выступил в программе «Встречи с прессой». Десять недель назад в аналогичной же программе он утверждал, что «холодная война» не прекратилась. На этот раз он провозгласил:

— То, что мы сейчас наблюдаем, свидетельствует... о победе Запада.

Однако американцам не следует впадать в эйфорию или успокаиваться. Нет необходимости в каких-либо «крутых, переломных изменениях» в политике США по отношению к СССР.

В тот же день на улицах Тбилиси, столице советской республики Грузии, войска разогнали десятитысячную демонстрацию грузинских националистов. Более двухсот человек были ранены, девятнадцать — из них шестнадцать женщин — убиты. Некоторых до смерти забили лопатами. Информация с телетайпов в подвале Белого дома была отрывочной.

— Мы подобны врачу,— сказал Скоукрофт своим помощникам,— который, в общем, не может помочь, но должен быть верен клятве не причинять вреда. Практически любое наше слово может быть использовано либо той, либо другой стороной для нагнетания страстей.

С ним согласилась Кондолиза Райс:

— Нам незачем вкладывать в руки консервативных противников Горбачева палку, которой бы они нанесли ему удар.

То же самое подтвердил в разговоре со Скоукрофтом Роберт Блэкуилл:

— Разумеется, прогресс внутригосударственных реформ в наших интересах. Что тут скажешь, когда на пути встречаются ухабы, особенно такие опасные, как этот? Расхожие банальности ничего не изменят, разве что поднимут нам настроение.

В комнате для совещаний пресс-секретарь президента Марлин Фицуотер зачитал заявление, составленное Кондолизей Райс и одобренное Государственным департаментом: «Мы внимательно следим за развитием событий. И соболезнуем по поводу человеческих жертв, однако от дальнейших комментариев воздерживаемся».

Позже Фицуотер иронизировал:

— Слушай, Конди, я бы и сам мог сочинить такую штуку — сплошные общие фразы.

— Поверь, Марлин,— ответила она,— мы оба толком не знаем, что произошло. А когда обстановка настолько смутная и на улицах проливается кровь, будет мало проку, если мы станем читать проповеди или грозить пальцем.

В Тбилиси Звиад Гамсахурдиа — сын известного грузинского писателя и популярный борец за независимость — об-

винил Буша в дьявольском сговоре с Горбачевым: в ответ на уступки с советской стороны Соединенные Штаты будут смотреть сквозь пальцы на неслыханную жестокость в подавлении республик.

Горбачев послал в Грузию Шеварднадзе, чтобы тот стабилизировал обстановку у себя на родине. Возмущенный, потрясенный и глубоко взволнованный подробностями случившегося, министр иностранных дел заявил своим соотечественникам:

— Вы уже не тот народ, какой был вчера. Я тоже изменился.

Ближайший помощник Шеварднадзе Сергей Тарасенко остался в Москве, чтобы следить за передачами «Голоса Америки» и сообщениями других западных средств массовой информации. Он позвонил своему шефу в Тбилиси и сказал, что американцы решили занять «непровокационную» позицию. Шеварднадзе был очень рад тому, что Буш и Бейкер проявили столь «тонкое понимание» стоявшей перед ним и Горбачевым дилеммы:

— Мы сидим здесь на бочке с порохом,— сказал он.— Она взорвется, стоит американцам высечь одну-две искры.

Шеварднадзе был раздосадован поведением Горбачева, отказавшегося потребовать от командования советскими вооруженными силами отчета об их роли в кровопролитии. Он пригрозил отставкой, но Горбачев уговорил его остаться.

Единственным представителем администрации, публично бичевавшим Кремль за кровавые события в Грузии, был вице-президент Соединенных Штатов. Во время поездки по Дальнему Востоку через три недели после случившегося Дэн Куэйл неоднократно повторял бездоказательное обвинение, выдвигаемое грузинской прессой: советские войска применяли ядовитый газ при разгоне демонстрации в Тбилиси.

Кое-кто из правительственных чиновников — как в Государственном департаменте, так и в Совете национальной безопасности — открестились от заявления Куэйла, сделанного «невпопад». Другие, в том числе заведующий канцеля-

рией Белого дома Джон Сунуну, многозначительно улыбались: мол, вице-президент умело прикрывает правое крыло администрации.

— Куэйл играет роль жестокого полицейского в противовес доброму полицейскому Бушу,— сказал Сунуну.— А с этими ребятами в Москве нам надо побольше жестоких полицейских...

Если в Грузии лилась кровь, то в Польше преобразования совершались мирным путем. В январе президент польского государства — коммунист, генерал Войцех Ярузельский — снял официальный запрет с «Солидарности» — первого независимого профсоюза за «железным занавесом», возглавляемого Лехом Валенсой. Валенса и другие диссиденты сели за круглый стол Варшавского дворца вместе с официальными лицами Польши, чтобы договориться о преобразованиях в политической и экономической системах страны.

Ярузельский признался послу США в Варшаве Джону Дэвису, что часто советуется с Горбачевым, который полностью одобряет его примирительную политику. Когда в марте Бейкер приехал в Вену на Совещание по обычным вооруженным силам в Европе, его поразило то, что польские делегаты обсуждали между собой, какой тип президентского правления для них наиболее приемлем — французский или американский. На борту самолета, возвращаясь в Америку, он сказал своим помощникам, что в восточноевропейской дипломатии, «похоже, зреет нечто новое».

— Если мы правильно разыграем свою карту, перед нами откроются немалые возможности.

Министр финансов Николас Брейди, в прошлом нью-йоркский банкир-финансист, который был близок к президенту почти так же, как Бейкер, настойчиво призывал к осмотрительности. Он напомнил, как в начале 70-х годов Запад выбросил в трубу огромную сумму денег, пытаясь поддержать польскую экономику, основанную на централизованном планировании, субсидируемых ценах и некомпетентности.

Во время одного из межведомственных совещаний Деннис Росс и Томас Саймоне из Государственного департамента,

объединившись с Блэкуиллом и Райс из Совета национальной безопасности, выдвинули предложение об инвестициях США в польский «реформаторский коммунизм».

Министр финансов, закатив глаза, проворчал:

— Однажды — в семьдесят четвертом — мы это уже сделали.

— В семьдесят четвертом я была еще *студенткой*, — парировала Райс. — Времена меняются!

Она и Блэкуилл подали президенту докладную, убеждая в том, что договоренности варшавского «круглого стола» — погребальный звон по расколотой Европе, и Соединенным Штатам пора прибегнуть к экономическому поощрению, если они хотят продолжения реформ.

В пятницу, 24 марта, до начала заседания Совета национальной безопасности Скоукрофт отбросил свою обычную осторожность. Он сказал Бушу, что ему первому выпала возможность осуществить то, о чем другие президенты могли только мечтать: вернуть Восточную Европу в лоно Запада.

— Ник Брейди станет возражать — мол, мы не можем на это пойти, — продолжал Скоукрофт. — Не можем так рисковать. Но чем мы действительно не можем рисковать, так это упускать такую возможность.

Скоукрофт одержал верх. В понедельник, 17 апреля, Буш вылетел в Хамтрамк, штат Мичиган, крупный пригород Детройта с польско-американским составом населения; там, на крыльце ратуши, он провозгласил:

— Друзья мои, настало время торжества идеи свободы в Восточной Европе.

«Истинным источником трений» между Востоком и Западом служило «насильственное и противоестественное разделение Европы». Договоренности «круглого стола» призваны сыграть роль «водораздела» — «если польский эксперимент окажется удачным, то, возможно, и другие страны пойдут по этому пути».

Президент торжественно обещал, что в случае дальнейших политических и экономических польских реформ Аме-

рика станет расширять торговлю и предоставлять новые кредиты. Джон Сунуну хотел было назвать это доктриной Буша, но Скоукрофт категорически возразил: дело президентов — заниматься политикой, а уж другие пусть называют доктрины их именами. И в окружении президента новый принцип окрестили хамтрамкской концепцией. Спустя несколько недель Скоукрофт предсказал в кулуарах, что со временем Буш, возможно, применит аналогичную концепцию оказания материальной помощи в зависимости от успеха реформ и к Советскому Союзу...

В начале мая Бейкер готовился к своему первому визиту в Москву и к первой личной встрече с Горбачевым. Он решил, что настала пора заявить о себе как о главном представителе президента в вопросах отношений с Советами.

В четверг, 4 мая, выступая в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, он публично высказал свои опасения, о которых вот уже два месяца твердил в Овальном кабинете: человечество могло обвинить Соединенные Штаты «в проявлении пассивности перед лицом гигантских стратегических преобразований в мире». Во избежание этого необходимо снова и снова «подвергать тестированию» практическое воплощение Советами их «нового мышления».

Не вызывало сомнений, какая группа вопросов в первую очередь подпадала под концепцию «тестирования» в 1989 году. Это был круг сложных проблем — региональные конфликты. Советы уже прекратили военную оккупацию Афганистана. В других регионах еще оставались. По словам Бейкера, они «демонстрировали стремление, скорее, решить проблему, чем усугубить». Кремль использовал свое влияние для того, чтобы добиться вывода вьетнамских войск из Камбоджи и прекращения затяжных, не утихавших по вине обеих сторон схваток в Намибии и Анголе.

Однако, на взгляд вашингтонской администрации, новый подход Советского Союза к внешней политике был менее всего ясен в регионе, имевшем для Соединенных Штатов

первостепенное значение,— в Центральной Америке. Советский Союз и его клиент тридцатилетней давности — Куба — продолжали поддерживать сандинистский режим в Никарагуа, который в свою очередь оказывал помощь левым силам в Сальвадоре.

Для Соединенных Штатов любые действия коммунистов в Латинской Америке издавна были большим местом. «Холодная война» достигла наивысшей точки в 1962 году, когда Никита Хрущев разместил на Кубе ядерные ракеты. Во время президентского правления Рейгана поддержка Соединенными Штатами антикоммунистических партизанских отрядов контраст в Никарагуа не только не привела к падению сандинистского режима, но спровоцировала острый внутренний политический конфликт, а также губительный для Рейгана скандал — дело «Иран — контраст».

Вскоре после вступления в должность Буш и Бейкер перестали опираться на контраст, сделав ставку на мирные процессы, начавшиеся в 1987 году, когда пять президентов стран Латинской Америки подписали договор, согласно которому сандинисты обязались прекратить подрывную деятельность в Сальвадоре и в 1991 году провести свободные выборы в Никарагуа. Позднее сандинисты пошли на уступку, согласившись провести выборы на год раньше в обмен на обещание США разоружить поддерживаемых ими контраст.

Помощник Бейкера по Латинской Америке Бернард Аронсон подал своему шефу секретную докладную записку, в которой убеждал администрацию сделать Центральной Америке тестом номер один для Советского Союза: Горбачев и Советы должны «воочию убедиться в том, что, если будут препятствовать нашему дипломатическому курсу в Центральной Америке, много потеряют в двусторонних отношениях».

В Белом доме Бейкер сказал президенту, что следует «подвергнуть Советы китайской пытке капающей водой. Мы будем им непрестанно твердить — кап-кап-кап,— что они должны внести свой вклад в нормализацию обстановки в Центральной Америке, в противном случае у них возникнет множество других, куда более сложных проблем».

На начало апреля был запланирован трехдневный визит Горбачева в Гавану, где он должен был встретиться с Фиделем Кастро. В понедельник, 27 марта, Буш направил советскому руководителю секретное письмо: «Трудно совместить ваши лозунги... с фактом непрекращающейся серьезной помощи Никарагуа, оказываемой Советским Союзом и Кубой. Ведь реальной военной угрозы, оправдывающей эту помощь, не существует. И сейчас, в момент, когда мы четко определили новый курс, ваша помощь почти наверняка будет направлена на подрыв (наших) дипломатических усилий.

Продолжение (подобной) практики в регионе, представляющем для США жизненно важные интересы... неизбежно отразится на природе (американо-советских) отношений... Инициатива Советского Союза и Кубы по прекращению помощи, подогревающей вооруженный конфликт в данном регионе, окупится серьезными дивидендами доброй воли Соединенных Штатов. Эта инициатива будет означать, что Советский Союз готов способствовать политическому урегулированию обстановки в регионе не только на словах, но и на деле».

Получив письмо Буша, Горбачев вылетел на Кубу. Во время их личных бесед Кастро перечислил достижения социализма на Кубе, а затем начал задавать Горбачеву колкие вопросы о перестройке, которая, по его сведениям, буксует. Правда ли, что рабочие боятся безработицы? Растут коррупция и преступность? Сахара нигде нет в советских магазинах? (Сахар был основным продуктом кубинского экспорта в Советский Союз.)

Горбачев сменил тему. Он отметил наступившее улучшение в отношениях между Востоком и Западом и подчеркнул необходимость ослабить трения между Кубой и Соединенными Штатами. Кастро высказался без обиняков — он не нуждается в советах сидевшего перед ним новичка. «Я знаю янки!» Буш и его окружение мало чем отличались от ультрамилитаристской «клики» Рональда Рейгана.

Памятуя о письме Буша, Горбачев неоднократно пытался затеять разговор о поставках кубинского оружия левому режиму сандинистов в Никарагуа и сальвадорским повстанцам.

На этот раз тему сменил Кастро. Он был возмущен тем, что американское правительство субсидирует телестанцию кубинской эмиграции — «ТВ Марта», — которая со дня на день должна была начать передачи из Флориды, сея капиталистическую и империалистическую пропаганду. Это «новая провокация против нас», «акт еще более злостный, чем психологическая война».

Кастро предложил «услугу за услугу»: если Горбачев надавит на янки, чтобы те закрыли «ТВ Марта», то Куба может пойти на сокращение «братской помощи» сандинистам. Горбачев обещал, что потребует от Вашингтона соблюдения принципа полного невмешательства. Кастро подался вперед и бросил в лицо Горбачеву:

— Я не о том говорю!

Он не желал обсуждать туманные «принципы», ему надо заткнуть глотку «ТВ Марти»!

При встрече Горбачев и Кастро обнялись. При расставании лишь обменялись рукопожатием. Горбачев публично осудил «экспорт революции и контрреволюции», подразумевая под этим как содействие Кубы сальвадорским повстанцам, так и финансирование Соединенными Штатами никарагуанских контрас...

В начале мая, накануне поездки в Москву, Бейкер и его помощники пришли к заключению, что Горбачев стремится завоевать доверие американцев сладкими речами, однако он либо не желает, либо не может заставить Кастро прекратить безобразничать в Западном полушарии.

Незадолго до приезда Бейкера в Москву посол Джек Мэтлок повторил претензии Вашингтона по поводу помощи Кубы сандинистам. Министр иностранных дел с раздражением ответил, что куда более серьезной проблемой является нежелание Соединенных Штатов пересмотреть принципы собственной политики.

После встречи с Мэтлоком Шеварднадзе разрядился на своих помощниках:

— Неужели американцы *ничем* не хотят нам помочь? Мы что, должны взвалить все тяготы только на себя? Мы делаем

колоссальные шаги, а из Вашингтона только и слышим: *«Мало! Мало! Давайте еще!»*

Он предполагал, что переговоры с администрацией Буша будут «улицей с односторонним движением: от нас все, от них — ничего».

В среду, 10 мая, на Ленинских горах Бейкер встретился с Шеварднадзе в особняке для гостей министерства иностранных дел. Два министра иностранных дел имели мало схожего — у них были разные биографии и разный темперамент. В 60 — 70-е годы, когда Бейкер занимался корпоративным правом в Хьюстоне, Шеварднадзе был министром внутренних дел в Тбилиси. Отец Бейкера принадлежал к хьюстонской элите; отец Шеварднадзе едва избежал смерти при Сталине.

Бейкер был человек собранный и знал, что хочет: он умел использовать свое обаяние для достижения той или иной цели. Шеварднадзе же, наоборот, часто казался подавленным, поглощенным грустными мыслями. Темные круги под глазами свидетельствовали о его меланхоличном состоянии. По мнению близких к нему людей, он часто уходил в раздумья о печальной и бурной истории его родной Грузии.

Бейкер начал свою официальную вступительную речь с попытки убедить Шеварднадзе в том, что фактически Соединенные Штаты вовсе не «подвергают тестированию» действия Советского Союза. (Идея этого выступления принадлежала Россу, который предвидел, что термин «тестирование» вызовет недовольство Шеварднадзе.) Бейкер уверял, что хочет заложить «основу для подлинного сотрудничества» с Советами в области урегулирования региональных конфликтов во всем мире. Он понимает «все значение активного участия Советского Союза в их решении».

Но «сотрудничество такого рода требует ответственности». Кремль должен добиться от сандинистов, чтобы они приняли условия мирного соглашения, предложенные США. Он должен «способствовать — как словом, так и делом — тому, чтобы убедить Манагуа и Гавану — любым способом по своему усмотрению — прекратить подрывную деятельность в Центральной Америке».

Бейкер предупредил, что отказ Кремля от содействия в поиске политического решения не пройдет для него даром.

— В прошлом все мы могли наблюдать, как события в других регионах влияли на политическую атмосферу, в которой рассматривались договоры, согласованные обеими сторонами.

Разумеется, Шеварднадзе помнил, что вторжение Советского Союза в Афганистан в 1979 году повлекло за собой отказ сената от ратификации ОСВ-2.

Бейкер ожидал, что советский министр иностранных дел в качестве условия отмены своей военной помощи сандинистам потребует от Соединенных Штатов прекращения поставок оружия антикоммунистическим партизанским группировкам афганских моджахедов. В этом случае Бейкер собирался ответить, что оба режима — как в Кабуле, так и в Манагуа — являются незаконными, захватившими власть силой, вопреки воле народа, а потому афганские моджахеды и никарагуанские контраст сражаются за правое дело.

Но Шеварднадзе удержался от соблазна связать Афганистан с Никарагуа, чем приятно удивил Бейкера. Более того, Шеварднадзе высказал предположение, что, возможно, Советы не станут настаивать на введении Мухаммеда Наджибуллы — их марионеточного правителя в Кабуле — в коалиционное правительство после окончательного урегулирования конфликта.

Бейкер заверил Шеварднадзе, что Соединенные Штаты стремятся лишь к одному — чтобы Афганистан вновь стал нейтральным государством, а не бельмом на глазу у Советского Союза.

— Мы вовсе не заинтересованы, чтобы в Кабуле установился враждебный СССР режим. Нам самим это ни к чему.

Следующим вопросом на повестке дня был Ближний Восток. Недавно Израиль выдвинул новое предложение: выборы палестинцами сектора Газа и Западного берега реки Иордан делегатов для ведения переговоров с Израилем о самоуправлении. Палестинцы отказывались принять это предложение. Они

опасались, что оно помешает им добиться статуса независимого государства. Их поддерживало большинство стран арабского мира, в том числе клиент Советского Союза — Сирия.

Бейкер обратился к Шеварднадзе с просьбой поддержать план Израиля и убедить Дамаск сделать то же самое. К его удивлению, министр иностранных дел согласился, но с условием: Соединенные Штаты должны принять участие в «параллельном» процессе — подготовке международной конференции по Ближнему Востоку под председательством Соединенных Штатов и Советского Союза.

Советы пестовали эту идею еще со времен Андрея Громыко — ортодоксального представителя старого мышления. Предполагалось, что такая конференция поможет Кремлю, представляющему интересы радикально настроенных арабских стран, в частности Сирии, Ирака и Ливии, решить арабо-израильские разногласия в нужном ему русле. Ни Соединенные Штаты, ни Израиль не были заинтересованы в осуществлении этой затеи Москвы.

Если Шеварднадзе надеялся на взаимную уступку, то его надежды не оправдались. Американцы четко сформулировали свою позицию: международная конференция станет помехой в проведении предложенных Израилем выборов, которые США считали единственным реальным путем к началу мирного процесса.

В конце дня Бейкер заметил своим помощникам:

— Нам незачем поощрять идею этой конференции. Рано или поздно она отпадет сама собой. Сомневаюсь, чтобы Шеварднадзе сам был ее горячим сторонником.

В тот вечер чета Шеварднадзе пригласила Джеймса и Сюзан Бейкер на ужин в свою элегантную, по московским стандартам, квартиру. Со стороны министра иностранных дел это было не просто желание отдать долг вежливости. Он видел, что во время официальных встреч ему не удастся наладить контакт с подтянутым, деловым техасцем, который — как было известно — состоял в гораздо более близких отношениях с Бушем, чем Шульц с Рейганом.

Шеварднадзе знал, насколько сильно занимала Бейкера внутренняя политика США. А что если госсекретарь, вникнув во внутренние проблемы Советского Союза, станет более открытым и восприимчивым к дипломатическим устремлениям Горбачева.

Нанули Шеварднадзе показала Бейкерам дом. Ее гостей поразило, что она открыто выступала за независимость своей родины.

— Грузия должна быть свободной! — говорила она.

По сведениям Шеварднадзе, Бейкер обожал охоту на дичь на своем ранчо в Пирсолле, в штате Техас, и он преподнес государственному секретарю ружье двенадцатого калибра.

Они сели за стол, уставленный грузинскими блюдами — приправленная специями баранина и тушеные овощи, — которые запивали водкой и вином. Как только министр взялся за вилку, он отбросил старый запрет на обсуждение внутренних проблем с иностранцами. Во времена «холодной войны» советские государственные мужи опасались, как бы подобные признания не сделали их более уязвимыми для Запада. Шеварднадзе надеялся, что благодаря откровенному рассказу о трудностях, которые приходится преодолевать ему и Горбачеву, лед тронется, а может статься, государственный секретарь пойдет даже на некоторые уступки.

В мельчайших подробностях он описал хаос, царивший в советской экономике в 1989 году: мастера по ремонту требуют, чтобы с ними расплачивались водкой; таксисты вместо денег просят иностранные сигареты; государственные цены на хлеб такие низкие, что его скармливают свиньям; зерно гниет на полях. Он признал, что Горбачев и его коллеги недооценили некоторые проблемы, а за другие взялись не с того конца.

Бейкер был потрясен: с его точки зрения, одно не вызвало сомнений — Советскому Союзу не миновать денежной и ценовой реформ, причем провести их надо быстро.

— Не считите за дерзость, но я ведь был министром финансов первой в мире страны ни много ни мало три с половиной года, — ответил Бейкер, — и кое-чему научился, как в экономике, так и в политике.

Один из усвоенных им уроков заключался в том, что, если правительство намерено применить сильнодействующее и горькое на вкус экономическое лекарство, оно должно это сделать сразу, придя к власти,— тогда оно сможет обвинить своих предшественников во всех тяжелых последствиях. А потому Советам ни в коем случае нельзя откладывать реформу цен. Бейкер убеждал Шеварднадзе в необходимости добиться согласия своих коллег на «гласность среди военных».

— Опубликуйте свой оборонный бюджет, тогда, если вы объявите о его сокращении на четырнадцать или пятнадцать процентов, мы будем знать, с какого уровня вы его снижаете.

— Видите ли, мы бы и сами хотели получить эту информацию,— сказал Шеварднадзе.— И думаю, мы ее получим и обнародуем, так как нам наверняка придется говорить об этом на съезде народных депутатов.

Эта фраза, по мнению Бейкера, служила подтверждением тому, что Политбюро действительно избрало демократический путь развития, начало которому было положено мартовскими выборами. Возможно, в результате новых парламентских процессов советское правительство сумеет избавиться от диктата военных и старого пристрастия к засекреченности.

Бейкер предложил наладить официальный канал для «обмена» информацией и аналитическими материалами о внутренних событиях в обеих странах между подведомственными министерствами. На самом же деле таким образом Бейкер предлагал способ, воспользовавшись которым, Советы могли, не потеряв лица, получать от Соединенных Штатов рекомендации по проведению экономической реформы.

В конце вечера Бейкер с гордостью продемонстрировал фотографии своего нового ранчо площадью в полторы тысячи акров — с ручьем, где водится форель, и широкими лугами,— расположенного неподалеку от Пайндейла в штате Вайоминг. Но он потерял дар речи, увидев, как Шеварднадзе

кладет фотографии в карман. Позже через Денниса Росса он передал Сергею Тарасенко свою просьбу:

— Пожалуйста, верните мне фотографии. Они у меня единственные.

На следующее утро Горбачев принял Бейкера с глазу на глаз в Екатерининском зале в Кремле, где он впервые встретился с Бушем в 1985 году. Кроме переводчиков, никого не было. Горбачев признал, что в советском руководстве имеются «разногласия» и «оказывается сопротивление» перестройке. События развиваются медленнее, чем мы предполагали, — продолжал он. — Возможно, сейчас мы переживаем самый трудный момент.

Бейкер попытался ободрить Горбачева:

— Я повторю вам и слова президента, и свои слова — мы не хотим, чтобы перестройка потерпела неудачу. Напротив, мы от души желаем ей успеха...

Бейкер и Горбачев оставались наедине примерно час, после чего в зал вошли их коллеги. Помощники Бейкера насторожились, увидев среди членов советской делегации одетого в военную форму маршала Сергея Ахромеева, прежнего начальника Генерального штаба, ныне — главного советника Горбачева по военным вопросам. Присутствие Ахромеева означало, что Горбачев собирается сделать очередное «далеко идущее» предложение по контролю над вооружениями.

Они не ошиблись. Горбачев подчеркнул, что важнейшей частью перестройки является сокращение советских вооруженных сил. Он и другие члены руководства решили пойти на этот шаг в одностороннем порядке, но ему будет легче убедить своих военных в необходимости подобной жертвы в случае достижения американо-советского соглашения о двустороннем сокращении военного потенциала.

Горбачев сообщил о том, что вскоре сделает заявление о сокращении Советским Союзом количества ядерных ракет ближнего радиуса действия в Восточной Европе на пятьсот единиц. Кроме того, Горбачев намеревался предложить ряд других уступок со стороны Советского Союза на венском

Совещании по обычным вооруженным силам в Европе. Эти шаги продиктованы «конструктивным духом доброй воли». И не имеют под собой «никакой политической подоплеки».

Горбачев предупредил Бейкера о конфиденциальности данной информации и просил не разглашать ее, так как он еще не посоветовался на этот счет с восточноевропейскими союзниками. Однако сразу по окончании кремлевской встречи Шеварднадзе провел пресс-конференцию, где в общих чертах изложил новую позицию Советского Союза.

На борту самолета, уносившего его из Москвы, Бейкер подробно рассказал журналистам о предложении Горбачева:

— Он незауряден... Мы ожидали от него чего угодно, но только не этого.

Однако вернувшись в Вашингтон, Бейкер пожаловался Бушу, что возмутительная спекуляция на общественном мнении — это «этикетка Горбачева»...

После визита Бейкера Горбачев и его советники много размышляли над тем, как охарактеризовать отношения с Бушем, которые они стремились установить. Они выбрали слово *партнерство*. В Кремле, в среду, 21 июня, Горбачев сам употребил этот термин в личной беседе с адмиралом Крау, прибывшим с ответным визитом после посещения Соединенных Штатов Ахромеевым в предыдущем году. Изумленный председатель Объединенного комитета начальников штабов никогда раньше не слышал, чтобы кто-либо из ответственных лиц с той или другой стороны характеризовал советско-американские отношения как партнерство.

«ЭТОТ ПАРЕНЬ И ЕСТЬ ПЕРЕСТРОЙКА!»

В Китае с середины апреля 1989 года — когда правительство объявило о смерти Ху Яобана, бывшего председателя коммунистической партии,— начала усиливаться конфронтация между народом и его руководителями. В контексте китайской политики Ху Яобан являлся политическим реформатором, чей радикализм пришелся не по вкусу старшему лидеру Дэн Сяопину и его недавнему протезе Ли Пэну. Студенты пекинского университета организовали демонстрации протеста в знак траура по Ху Яобану — мученику в борьбе за демократию.

Прибытие Горбачева в Пекин в середине мая на первую за несколько десятков лет китайско-советскую встречу в верхах послужило поводом для новой волны протестов, кульминационной точкой которых явилось занятие центральной площади Тяньаньмэнь. Китайские власти были вынуждены перенести приветственную церемонию в честь Горбачева с площади в пекинский аэропорт.

В Белом доме Джон Сунуну вот уже несколько месяцев наблюдал за Горбачевым. После того как он узнал о срыве приема советского руководителя в Китае, он радостно заметил своим помощникам:

— Что ж, видимо, сейчас, оказавшись с краю, он чувствует себя весьма скверно, а?

На самом же деле китайские волнения лишь подчеркивали силу горбачевской политики. Пока он спускался по трапу самолета под залпы двадцати одного орудия, рабочие, интеллигенция, полицейские, солдаты и другие слои населения стекались на площадь Тяньаньмэнь, чтобы присоединиться

к студентам. К концу дня там собралось с четверть миллиона человек.

Рядом с новой статуей Богини демократии, имитирующей стацию Свободы, развевались плакаты с требованиями отставки Дэна и тут же — портреты Горбачева с обращениями к нему и призывами прийти на площадь, где бы люди могли его приветствовать. Здесь также были знамена с надписями на китайском, русском и английском языках: «Демократия — наша общая мечта... В Советском Союзе есть Горбачев. А кто есть у нас, в Китае?»

Горбачев сказал своим помощникам, что из всех высших должностных лиц, с которыми он встречался, его симпатии завоевал лишь преемник Ху, новый руководитель партии Чжао Цзыян, выступавший за примирение со студентами и политические реформы, которые бы соответствовали уже начатым экономическим реформам. Но, после того как Горбачев отбыл в Шанхай, Чжао был смещен с занимаемого поста.

В воскресенье, 4 июня, после полуночи, китайские правительственные войска нанесли массированный удар по площади Тяньаньмэнь. В течение этой ночи сотни людей были уничтожены тут же, на месте, других гнали с площади, чтобы расправиться с ними вне поля зрения телекамер.

В Москве некоторые ученые, эксперты по внешней политике и те, кто систематически общался с представителями западного мира, пришли к выводу, что отныне они должны вести себя осторожнее в разговорах с иностранцами. Площадь Тяньаньмэнь служила напоминанием о том, как выглядит расправа с мирными демонстрантами.

В день пекинского побоища поляки избирали новый парламент в соответствии с апрельским соглашением. Это было самое отрадное известие, поступившее из Восточной Европы за последние полвека. В результате выборов в парламент прошли кандидаты от «Солидарности», в то время как коммунисты потерпели полное поражение.

Несмотря на радость поляков по поводу выборов, трагическое известие из Китая нашло живой отклик в их народ-

ной памяти: в 1968, 1970, 1976 и 1981 годах поляки тоже выходили на улицы, выражая протест против коммунистического правительства и требуя свободы. И их демонстрации тоже были разогнаны войсками их родной страны. Всю весну польские реформаторы систематически предупреждали об угрозе *катастрофы*, если «Солидарность» своими слишком решительными действиями посеет в правительстве панику. Теперь они называли это другим словом: *Тяньаньмэнь*.

Горбачев должен был решить, мог ли генерал Ярузельский рассчитывать на советскую армию, которая поможет сохранить коммунистический режим. Ярузельский понимал — ответ будет отрицательным. Именно по этой причине президент Польши и вступил в переговоры с «Солидарностью» и католической церковью о новой политической системе страны.

Через два дня после выборов Ярузельский предложил «Солидарности» войти в коалицию с коммунистами. Лех Валенса отказался. Вместо этого состоялись другие переговоры, в результате которых были назначены довыборы — на те места в парламенте, что все еще продолжали пустовать. Мало кто сомневался, что «Солидарность» и на этот раз одержит решительную победу, которая приведет ее к власти. Приверженцы тоталитарного режима уже не просто шли на компромисс со своими демократическими оппонентами, они капитулировали.

В пятницу, 7 июля, Горбачев выступил с речью перед главами государств — членов Варшавского договора в Бухаресте, где иносказательно одобрил реформы в Польше и Венгрии. Он призывал «братские» страны проявить «терпимость» и «самостоятельно решать национальные проблемы».

Хозяин встречи, Николае Чаушеску, открыто жаловался на «отсутствие единства» между союзниками. Второй сторонник жесткой линии, все еще остававшийся у власти семидесятилетний Эрих Хонеккер из Восточной Германии, потерял сознание и вынужден был вернуться домой. Врачи предполагали, что приступ был вызван болезнью почек или желчного пузыря, но поляки и венгры шутили — мол, Хонеккер упал в обморок от слов Горбачева.

В Польше в результате дополнительных выборов «Солидарность» получила девяносто девять из ста мест в верхней палате и все места — 161, — предназначенные для антикоммунистической оппозиции в нижней палате. К всеобщему удивлению, Ярузельский заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на национальных президентских выборах, назначенных на более поздний срок в том же году...

В воскресенье, 11 июля, Буш отправился в Европу. Во время перелета в Париж, президент, Скоукрофт и Фицуотер прошли в хвост самолета, где сидели журналисты. Буш сказал, что темп реформ в Восточной Европе его «совершенно поразил». Он подчеркнул, что это стало возможно благодаря «руководству Советского Союза и руководителям самих этих стран».

Вернувшись, он сказал помощникам:

— Если бы не Горбачев, ничего того, что мы видели в Польше и Венгрии, не произошло бы.

В свойственной ему манере давать определения важным событиям на своем полужаргоне он заключил:

— Игра там идет по-крупному, ставки — будь здоров какие...

Город Света праздновал двухсотую годовщину Французской революции. Некоторое время тому назад Франсуа Миттеран предложил главам семи крупнейших индустриальных демократических стран — так называемой «семерке» — назначать ежегодное экономическое совещание на время национального празднества.

В перерыве между заседаниями Буш вернулся в резиденцию посла США на Вандомской площади и, облачившись в спортивную майку и шорты, отправился бегать трусцой по живописнейшему парку. Затем присоединился к Бейкеру и Скоукрофту, сидевшим на веранде.

Опустив преамбулу, госсекретарь сказал своему другу — вот уже на протяжении тридцати двух лет, — что ему пора предложить Горбачеву встретиться один на один. Бейкер больше не сомневался, что Горбачев и Шеварднадзе — «вполне реальные фигуры».

Буш согласился с тем, что пришло время «заняться с Горбачевым».

— Не вижу никакого смысла увиливать. — И отметив, с какой скоростью в Восточной Европе происходят перемены, он заключил: — Не думаю, что следует дожидаться следующей встречи в верхах для разговора с русскими обо всем этом. То, что происходит, потрясающе, и, возможно, неформальная встреча с Горбачевым будет весьма кстати... Я хочу посмотреть на него вблизи, почувствовать его, убедиться, что он меня адекватно воспринимает.

Скоукрофт предостерег президента, что отождествлять личность Горбачева с политикой перестройки опасно. Буш с раздражением бросил:

— Слушай, этот парень и есть перестройка!

Он настаивал на том, что встречу с Горбачевым ни в коем случае нельзя превращать в официальщину — никаких пышных церемоний и заранее заготовленных пакетов предложений. Переговоры с Советами о сроках и месте проведения встречи должны, насколько возможно, сохраняться в тайне. Пусть мир узнает об этом событии лишь в самый последний момент.

Во вторник утром, 18 июля, на борту самолета № 1, летевшего в Вашингтон, Буш попросил бланк Белого дома и от руки написал Горбачеву приглашение встретиться с ним до первой официальной встречи на высшем уровне, которая планировалась на 1990 год.

Буш писал: «Позвольте мне сразу перейти к сути настоящего письма. Если Вы не будете против, мне бы очень хотелось сесть и поговорить с Вами. Мне кажется, лучше обойтись без тысячи помощников, снующих у нас за спиной, без извечных бумаг-подсказок и, разумеется, без журналистов, выкрикивающих каждые пять минут: «Кто побеждает?», «Какие соглашения достигнуты?», «Встреча была успешной или провалилась?»»

Буш не стал переправлять письмо в Москву через своего посла Джека Мэтлока из опасения, что может произой-

ти утечка информации. Он выждал десять дней и передал запечатанный конверт военному советнику Горбачева маршалу Сергею Ахромееву во время его посещения Овального кабинета. Когда Горбачев вскрыл конверт, он с восторгом узнал, что Буш наконец-то готов встретиться с ним один на один...

В конце июля Бейкер вернулся в Париж для участия в конференции девятнадцати стран по прекращению гражданской войны в Камбодже. Конференция оказалась практически безрезультатной, но дала Бейкеру повод встретиться с Шеварднадзе в частном порядке.

В субботу, 29 июля, Шеварднадзе принял государственного секретаря к обеду в резиденции советского посла в Париже. Бейкер чувствовал запах готовившейся на кухне еды и слышал, как повар — под звуки радио, включенного на полную громкость,— гремит кастрюлями. Временами американцы с трудом могли разобрать, что говорит переводчик Шеварднадзе (он же переводчик Горбачева) Павел Палашенко — лысый, с усами, человек хрупкого телосложения.

Как и в мае, во время ужина с Бейкерами, Шеварднадзе два часа рассказывал о внутренних проблемах своей страны. Он говорил о том, что Горбачеву приходится преодолевать не только межнациональный, но и экономический кризис.

К примеру, в Сибири в начале июля забастовали шахтеры, требуя повышения зарплаты, улучшения жилищных условий и расширения ассортимента потребительских товаров. Вскоре забастовка перекинулась на Украину. Горбачев начал переговоры с шахтерами. Но недовольство советского народа растет день ото дня, причем это относится не только к национальным меньшинствам на периферии Советского Союза, но и к этническим группам русских в центре России.

По словам Шеварднадзе, волнения среди шахтеров служили признаком того, что гражданские беспорядки и применение силы, как это случилось в апреле в Тбилиси, могут произойти в любой точке Советского Союза и, возможно, в гораздо более крупном масштабе. Со временем может возникнуть опасность гражданской войны и диктатуры.

Мрачный монолог Шеварднадзе имел целью не просто проинформировать Бейкера о положении дел в Советском Союзе. Указав на вероятность внутренних раздоров и их подавления при помощи армии, как это было в Тбилиси, он хотел вытянуть из Бейкера хоть какой-то намек на возможную реакцию Буша.

Заглядывая в карточки, Бейкер стал отвечать, взвешивая каждое слово. Он сказал, что не имеет права умалчивать о растущем беспокойстве среди американцев. Если поступательное движение обоих правительств на пути к новому международному климату будет заблокировано порочным кругом гражданского неповиновения и правительственных репрессий, это будет равнозначно «трагедии». Однако, добавил он, правительство США проводит разграничение между «сохранением закона и порядка» и «подавлением свободного волеизъявления».

Бейкеру было бы понятно, если бы Кремлю пришлось применить силу ради предотвращения «бессмысленного кровопролития и национальной розни». Но «мы не поймем» советские власти в случае применения силы для «прекращения забастовок и других форм политической активности». Если такое произойдет, «вы получите с нашей стороны то же отношение, что и к событиям на площади Тяньаньмэнь, а уж отсюда — и вся дальнейшая логика».

Опираясь на заранее написанные тезисы, Бейкер продолжал: Соединенные Штаты и Советский Союз «стоят на пороге новой эры». Президент и он желают Горбачеву успеха в осуществлении его программы. И далее Бейкер процитировал Буша:

— Мы не хотим вставлять президенту Горбачеву палки в колеса.— Затем добавил: — Наша позиция предельно ясна: поддерживая процесс реформ, мы не пытаемся создавать проблемы для Советского Союза.

Говоря о внутренних раздорах, Шеварднадзе пообещал:

— Мы намерены справиться с ними таким путем, который бы способствовал выполнению намеченных нами целей.

Нам очень трудно, но мы полны решимости победить — и победить без применения сил подавления.

Он отметил, что «политический механизм» Советского Союза «намного опередил экономический». И все же ситуация менее тяжелая, чем представляется Западу. Взять хотя бы Казахстан. В этой огромной среднеазиатской республике со-рокадевятилетний реформатор горбачевского типа с успехом внедряет экономику свободного рынка в сельское хозяйство.

— Наша задача — распространять опыт Казахстана в другие регионы,— сказал Шеварднадзе и далее отметил, что бастующие шахтеры несли плакаты, приветствующие Горбачева и его реформы.

То, что происходит в Советском Союзе, «настоящая революция», и во главе ее стоит Горбачев. Невзирая ни на что, Горбачев твердо намерен осуществить революцию мирным путем.

Шеварднадзе признался Бейкеру, что с того момента, как советские войска разогнали апрельскую демонстрацию в Тбилиси, у него сформировался «комплекс» по поводу национальной проблемы в Советском Союзе — в любой момент может начаться кровопролитие. Затем он высказал мысль, которую при последующих встречах с Бейкером повторял почти всякий раз.

— Если мы применим силу, это будет означать конец перестройки. Мы потерпим крах. Это будет конец надеждам на будущее, конец всему, что мы пытаемся сделать, а именно: создать новую систему, основанную на общечеловеческих ценностях. Применение силы будет означать торжество врагов перестройки. Мы окажемся ничуть не лучше своих предшественников. Пути назад нет.

Бейкера тронули слова Шеварднадзе. Он чувствовал, что Шеварднадзе «поделился внутренними проблемами со всей искренностью». Впоследствии, вспоминая об этом диалоге, он называл его началом «контакта» с Шеварднадзе. Напомнив о том, что следующая встреча министров иностранных

дел должна состояться в Соединенных Штатах, Бейкер напомнил и о фотографиях своего ранчо, которые показывал Шеварднадзе в мае.

— А не устроить ли нам встречу министров в Вайоминге? — предложил он. — Вас бы это заинтересовало?

Шеварднадзе с восторгом отнесся к идее поездки на американский старый Запад. Бейкер сказал, что ему хотелось бы, чтобы их встреча носила характер непринужденного, свободного обмена мнениями по широкому кругу вопросов, наподобие того, что Буш предлагал в письме Горбачеву, которое недавно передал с маршалом Ахромеевым.

Шеварднадзе резко выпрямился. Он понятия не имел, о чем идет речь. Ухватив суть, Шеварднадзе пришел в ярость от того, что Буш в качестве передаточного звена использовал не его, а Ахромеева. Но он постарался подавить свой гнев и скрыть от Бейкера то обстоятельство, что Горбачев ни словом ему не обмолвился о таком важном деле.

Росс, который до поры до времени ничего не знал об этой роли Ахромеева, позже сказал Бейкеру, что «прибегать к услугам этого парня было грубейшей ошибкой». Маршал вполне мог, «воспользовавшись ситуацией, выторговать себе еще более привилегированное положение, став особым каналом для связи с США». Нечего и рассчитывать на то, что Ахромеев «скажет хотя бы Шevi о своей миссии».

После ухода американцев Шеварднадзе взорвался. Он кричал Тарасенко, что американцы нарочито «обходят» его «стороной». А иначе с какой стати они стали бы поручать такое дело Ахромееву? Маршал был одним из главных врагов Шеварднадзе в области внешней политики, в первую очередь в том, что касалось контроля над вооружениями. Он мог себе представить ликование Ахромеева и других генералов — ведь президент США осуществляет связь с Горбачевым через них.

Тарасенко пытался успокоить своего шефа. Вполне понятно, что Буша беспокоило сохранение секретности столь деликатной миссии, предположил он. Возможно, Бейкер за-

подозрил, что резиденция прослушивается теми или иными разведывательными службами. Может быть, поэтому он так осторожно сослался на письмо, о котором — как он думал — Горбачев уже говорил с Шеварднадзе.

Но Шеварднадзе не утихал. Он пригрозил, что, если американцы будут «вести двойную игру» у него за спиной, они об этом пожалеют — в Москве у него есть рычаги, с помощью которых он может заблокировать инициативы США! Позднее он высказал свои претензии Бейкеру, который поспешил извиниться, сказав, что этот просчет не был преднамеренным.

— Больше такое не повторится,— заверил он...

У Бейкера не шла из головы мрачная картина состояния советского общества, нарисованная Шеварднадзе. Возвращаясь в Вашингтон вместе со своими помощниками, он сказал:

— Нам следует задаться вопросом: а что если Горбачев проиграет, если все у них полетит в тартарары? — И сам попытался ответить: — Одна вероятность такова: они опять начнут искать врага извне — козла отпущения, на которого можно свалить вину за все невзгоды,— и укреплять свои позиции в стране. Спрашивается: чем мы можем помочь? Для начала как минимум мы должны вести себя в Восточной Европе так, чтобы было ясно — мы не намерены извлекать выгоду из проблем русских. Но это то, от чего нам следует воздерживаться. А как мы можем действовать активно?

Бейкер не хотел являться в Вайоминг — на сентябрьскую встречу с Шеварднадзе — с пустыми руками.

— Здесь мы должны вдеть нитку в иголку. С одной стороны, должны четко и ясно объяснить Советам, что они не получают право членства в организациях, куда хотят вступить, до тех пор пока не добьются структурных изменений в своей системе. Одновременно мы должны убедить их в том, что от души желаем им успеха.

Заместитель Скоукрофта Роберт Гейтс дал Бушу прямо противоположный совет. Соединенные Штаты не должны больше соваться со своими инициативами до тех пор, пока не прояснится и не стабилизируется внутренняя ситуация

в Советском Союзе: Вашингтону еще слишком рано делать ставку на Горбачева.

— На смену Горбачеву,— предупреждал Гейтс,— может прийти не второй Горбачев, а второй Сталин.

По убеждению Гейтса, существовала также и другая вероятность: «этот Горбачев может переродиться в иного Горбачева, который придется нам по душе куда меньше». Если бы в Советском Союзе произошла своя тяньаньмэньская бойня, насколько иначе повел бы себя Горбачев по сравнению с Дэн Сяопином?

Гейтс настаивал на необходимости «устойчивой» политики в отношении Москвы, способной выдержать переход от реформ к репрессиям, который, по его мнению, был обусловлен тысячелетней историей России. Когда Горбачев только пришел к власти — в 1985 году,— он сумел обратить в свою пользу уже приобретенную им популярность на Западе. Но, напомнил Гейтс президенту, с тех пор многое изменилось.

Теперь, сказал он, тот факт, что Горбачев является международной суперзвездой, вредит ему в глазах его же народа. Народ жалуется, что от этого ни одежды, ни жилья, ни еды не прибавилось. В Москве уже поговаривают, что будущей зимой Кремлю придется ввести карточки свыше чем на двадцать наименований основных продуктов питания. Массовый голод и хаос могут сыграть на руку сторонникам жесткой линии для нанесения ответного удара по Горбачеву. Соединенные Штаты, предостерегал Гейтс, должны быть к этому готовы.

Вернувшись из Парижа, Бейкер сказал президенту: «Безусловно, у Горбачева больше проблем, чем мы с тобой пожелаем бы нашему злейшему врагу. Многое говорит за то, что он потерпит поражение, хотя наверняка не предугадаешь. Однако вовсе не обязательно, что его крах будет означать крах реформ. Невозможно загнать джинна в бутылку».

Как бы там ни было, правительство США не должно «сидеть сложа руки, словно выжидая, когда парню придет конец».

Буш проводил августовские каникулы с семьей в Кеннебанкпорте, где его навестил друг семьи Томас Уотсон-млад-

ший, бывший председатель совета директоров корпорации ИБМ и посол Джимми Картера в Москве. Уотсон убеждал президента проводить более активную политику в отношении Горбачева: Соединенные Штаты должны воздать ему должное за то, что он уже сделал, и помочь «спасти перестройку от многочисленных врагов».

Президент признался Уотсону, что стоит на распутье. Он пытается, с одной стороны, нащупать какой-то путь, чтобы «поддержать реформу» и «помочь Горбачеву ее протолкнуть». С другой стороны, материальная помощь Соединенных Штатов в поддержку Горбачева может отправиться в карман советских военных или послужить поводом для сторонников жесткой линии отказаться от экономических реформ.

«ПРАВДА, БЫЛО БЫ ЗДОРОВО, ЕСЛИ БЫ СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ РАСПАЛАСЬ?»

В пятницу, 18 августа 1989 года, через двадцать дней после частной беседы Бейкера с Шеварднадзе, ближайший советник Горбачева Александр Яковлев выступал на пресс-конференции по вопросу о трех Прибалтийских республиках. Яковлев «безоговорочно» осудил пакт, заключенный между Гитлером и Сталиным в 1939 году, приведший к аннексии Латвии, Литвы и Эстонии Советским Союзом.

Через четыре дня после заявления Яковлева парламент Литвы объявил советскую аннексию «противозаконной». Чувствуя послабление со стороны Кремля, Прибалтийские республики решили поднажать и побыстрее добиться возможно большей независимости. Организации, выступающие за отделение, заявляли о «праве» прибалтов не зависеть от Москвы. Миллион людей составил цепь в четыре сотни миль длиной, которая связала три прибалтийские столицы — Таллинн, Ригу и Вильнюс. Прибалтика и Кремль вступили на путь конфронтации.

Перед Бушем и Бейкером возникла дилемма — как строить теперь политику США. В течение пятидесяти лет Соединенные Штаты отказывались официально признать государства Балтики частью Советского Союза. Эмигранты-антикоммунисты из трех республик имели миссии в Вашингтоне и Нью-Йорке. Американские официальные лица избегали посещать Прибалтику, так как для подобных поездок требовалось разрешение Москвы.

Такова была общественная позиция Америки, однако частные мнения были иными. Американские официальные лица

от президента и ниже опасались, как бы этот неожиданный всплеск сепаратизма не привел к разгулу насилия, а возможно, даже и к гражданской войне, в результате чего Советский Союз может расколоться на части и ядерное оружие окажется под контролем неизвестно кого.

Буш, Бейкер и Скоукрофт — все надеялись, что руководители Прибалтики не станут слишком уж нажимать на Горбачева, требуя независимости, по крайней мере сейчас. «Вовсе не в интересах Соединенных Штатов поощрять развал Советского Союза», — сказал Скоукрофт в частной беседе. Произнеси он подобные слова публично, американские правые сняли бы с него скальп, обвинив его в одобрении советской оккупации Прибалтики.

Тем временем в Польше выбранный Ярузельским премьер-министр-коммунист не сумел сформировать правительство. Тогда Ярузельский обратился к известному активисту «Солидарности» Тадеушу Мазовецкому с предложением создать коалиционное правительство. Коммунисты — сторонники жесткой линии — заартачились, и только 22 августа, после звонка Горбачева, руководитель польской компартии Мечислав Раковский согласился не препятствовать переходу власти к первому с 1940 годов правительству в Восточной Европе, возглавляемому некоммунистом.

Вернувшись в Вашингтон после отдыха в Вайоминге, Бейкер даже присвистнул, узнав о том, что произошло, пока он отсутствовал. «Горбачев явно оседлал тигра, но такое впечатление, что он еще и пришпоривает его», — заметил Бейкер...

Во вторник, 12 сентября, Борис Ельцин подъехал на своем лимузине к Западному крылу Белого дома с получасовым опозданием. Группа наиболее активных членов съезда народных депутатов впервые приехала в Соединенные Штаты на восемь дней и должна была выступать в Нью-Йорке, Балтиморе, Вашингтоне, Чикаго, Филадельфии, Миннеаполисе, Индианаполисе, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе.

Финансировали эту поездку калифорнийский институт Эсален и советский фонд по изучению и лечению СПИДа.

Ельцин получал за свои выступления по двадцать пять тысяч долларов.

Буш не очень стремился принимать Ельцина. Буш считал Ельцина — при его репутации человека пьющего, несдержанного и неуместно вспылчивого — чем-то вроде незакрепленной пушки на скользкой, покачивающейся палубе советской политики. Что если он устроит на этой встрече спектакль, который потом поставит в ложное положение и Буша и Горбачева?

Роберт Гейтс, никак не разделявший то, что он называл «горбоцентризмом» в политике США, попросил президента все-таки встретиться с Ельциным. Фриц Эрмарт, председатель Национального совета по разведке, поддержал это предложение. Эрмарт не считал, что Горбачев долго продержится в политике; к тому же на него произвело впечатление возвращение Ельцина на политическую арену. Он сказал Кондолизе Райс, что Ельцин, возможно, эксцентричен и самоуверен, но он выказывает большее мужество, — куда большее, чем Горбачев, выступая по тем же позициям, какие должны поддерживать и Соединенные Штаты.

Скоукрофт согласился, что надо бы устроить неприметную встречу между Ельциным и Бушем. В 1975 году, когда Скоукрофт был советником президента по национальной безопасности, Джералду Форду пришлось решать, следует ли ему встречаться с Александром Солженицыным, Нобелевским лауреатом, писателем, изгнанным из Советского Союза в предшествующий год. Генри Киссинджер, бывший тогда госсекретарем, заявил, что Форду «не выгодно» принимать столь видного критика Кремля, и Форд с ним согласился. К возмущению многих консерваторов, Солженицына не впускали в Белый дом.

Теперь Скоукрофт напомнил своим помощникам, как они с Фордом «обожглись» тогда на Солженицыне. Не желая ставить себя и Буша в такое же положение с Ельциным, Скоукрофт попросил Блэкуилла и Райс придумать форму встречи, которая всех бы удовлетворила. Они предложили Скоукроф-

ту принять гостя в угловом кабинете Западного крыла. Поскольку Ельцин был просто членом парламента, президент не обязан уделять ему время — Буш и Куэйл могут порознь просто «заглянуть» туда, так что потом не будет ни оповещения в печати о приеме, ни серьезных разговоров на эту тему.

Райс встречала Ельцина у бокового входа, и Ельцин бросил ей: «Когда гости приезжают к президенту, они входят не здесь». Она сказала: «У вас встреча с генералом Скоукрофтом». Ельцин скрестил на груди руки и высокомерно объявил: «Я не сдвинусь с места, пока не получу заверения, что встречу с президентом!» Райс, говорившая по-русски, попыталась убедить Ельцина войти в здание, но он продолжал неподвижно стоять.

Наконец она сказала: «К сожалению, генерал Скоукрофт — человек очень занятой, и если мы не собираемся к нему идти, надо об этом сообщить». Ельцин сдался: «Ну хорошо, пошли», — сказал он.

Райс провела его в кабинет Скоукрофта с большими окнами до полу, выходящими на старое серое здание аппарата президента и северную часть участка, окружающего Белый дом. Буш зашел минут на пятнадцать и постарался подчеркнуть «свои очень позитивные отношения» с Горбачевым: американский народ, сказал он, разделяет надежды советского лидера на «успех реформ в Советском Союзе». Ельцин вел себя безупречно. Впоследствии Буш сказал своим помощникам, что гость показался ему «славным малым».

Когда Буш ушел, Скоукрофт задал Ельцину один-единственный вопрос: «Каковы цели вашей поездки?» Ответ Ельцина продолжался почти час: он изложил свои мысли о реформе цен, о конвертируемости рубля, о возможности совместного американско-советского полета на Марс. Нехватку жилья в Москве он намерен решить, «пригласив» западных специалистов, чтобы они построили миллион квартир. Он намерен поощрять приток западных капиталов, передав в частную собственность пятнадцать процентов советской экономики.

На середине этого монолога Скоукрофт заснул. А Ельцин, казалось, и не заметил. За десять минут до конца встречи зашел Куэйл. Намекая на не слишком благоприятные для него самого и для Ельцина статьи в американской прессе, Куэйл сказал: «Я читал про вас в печати. А вы читали про меня?». Ельцин лишь рассмеялся в ответ.

Скоукрофт так организовал эту встречу, чтобы у репортеров не было возможности говорить, что Буш имел серьезную беседу с наиболее видным критиком Горбачева. А Ельцин, выйдя из Западного крыла, сообщил собравшимся журналистам, что он представил Бушу и Куэйлу «план из десяти пунктов» для «спасения перестройки». Скоукрофт, сидя в своем кабинете, возмутился: Ельцин — «ловкач» и «гонится за двухгрошовой рекламой в газетах».

Следующей остановкой Ельцина был Госдепартамент. Скоукрофт сообщил Бейкеру о тактике парового катка, примененной Ельциным в Белом доме. Госсекретарь устроил чрезвычайно изощренное представление: он то и дело прерывал Ельцина, оспаривая наивность его представлений об экономике и предлагая собственные решения по части реформы цен и конвертируемости рубля.

После встречи Бейкер, обращаясь к своим помощникам, воскликнул: «Ну и щелкопер! Горбачев на его фоне отлично выглядит, верно? К тому же Горбачеву можно посочувствовать, если ему приходится иметь дело с таким человеком». Росс же заметил, что Ельцин показался ему совсем не таким ужасным, каким представил его Скоукрофт. А Бейкер ответил: «Это правда, но он, безусловно, ничего не понимает в рыночной экономике. По сравнению с ним Горбачев просто эксперт!»

Вслед за президентом и высокопоставленные американцы в частных разговорах не раз противопоставляли простецкие манеры Ельцина и его тягу к выпивке «западному» стилю поведения Горбачева. Кто-то даже пошутил, что самым важным американцем, с которым Ельцин встретился в ходе этой поездки, был, похоже, «Джек Дэниэл».

В январе 1989 года Киссинджер презрительно назвал реформы Горбачева «атмосферными помехами». Даже в сентябре никто по справедливости не мог еще сказать, что Горбачев серьезно изменил политическое лицо СССР в мире.

В Афганистане армии кабульского режима, поддерживаемого Советами, продолжали наступление. С помощью тяжелой артиллерии, поставленной Москвой в январе после того, как Кремль вывел из страны своих солдат, кабульский режим сумел подавить поддерживаемых США моджахедов в Джелалабаде, втором по величине городе в стране. В Камбодже, хотя вьетнамцы и уходили оттуда, продолжалась гражданская война. На Ближнем Востоке Сирия продолжала оказываться в Ливане, где ее войска и силы мусульман по-прежнему сражались с христианской милицией.

В Центральной Америке тоже все кипело. На урегулирование дел в этой беспокойной точке планеты Буш и Бейкер положили больше сил, чем на что-либо другое.

Все лето помощник госсекретаря Бернард Аронсон и его советский коллега Юрий Павлов вели переговоры о том, чтобы обеспечить свободные и справедливые выборы в Никарагуа в феврале 1990 года. А тем временем советское оружие и оружие стран Варшавского пакта продолжало потоком поступать в арсеналы сандинистов.

Когда Павлов обвинил в этом Кастро, Аронсон заметил, что Советы могли бы обуздать кубинского лидера, если бы захотели. Павлов сказал: «Кастро не слушается ничьих приказов. Неужели в Соединенных Штатах никому не приходило в голову, что некоторые из наших друзей не заинтересованы в улучшении отношений между нашими двумя правительствами?»

На одном заседании с другими американскими официальными лицами Кондолиза Райс сказала: «Мы без конца говорим Советам, чтобы они прекратили набивать военным снаряжением каждую складочку и щель в «третьем мире». Мне кажется, мы должны снова задать себе нелегкий вопрос: в чем же состоит ощутимая разница с прошлым?» Райс сказа-

ла, что «новое мышление» Горбачева может на поверку оказаться просто «другим прикрытием политики силы»: «оно такой же инструмент негибкой внешней политики, как и старое мышление... Так почему же, учитывая все это, мы должны им помогать?»

Скоукрофт, Гейтс и Блэкуилл были согласны с ней. Не лучше ли, считали они, не оказывать Советам серьезной помощи — пусть Москва немного поварится в собственном соку. Они полагали, что, если внутренний кризис в СССР резко обострится, это может повлечь за собой решающую конфронтацию между реформаторами и реакционерами. И наоборот: если Запад поможет Кремлю, это может непроизвольно повлечь за собой ослабление стремления к реформам...

А в Москве Горбачев волновался по поводу того, что за визитом Ельцина в Белый дом может последовать ужесточение американской политики в отношении Советского Союза. Вскоре Маргарет Тэтчер, возвращаясь из поездки в Токио, остановилась в Москве. Она получила письмо от Буша, в котором тот просил передать от его имени Горбачеву следующие заверения. Во-первых, что он поддерживает перестройку — лично и безоговорочно. Во-вторых, его не тревожат предсказания того, что советские реформы потерпят провал. В-третьих, его политика в отношении Восточной Европы не будет угрожать Советскому Союзу, и он не воспользуется теми трудностями, которые есть там у СССР. Тэтчер передала все это Горбачеву.

В начале того месяца украинские патриоты вышли на улицы Киева, требуя независимости для Украины, второй по величине республики Советского Союза и главного источника снабжения страны продовольствием. В ответ Горбачев исключил украинского партийного вождя Владимира Щербицкого, сторонника жесткой линии, из Политбюро. Но во время завтрака с Тэтчер Горбачев мановением руки отмел национальные проблемы. Вспомнив слова де Голля о том, как трудно быть президентом в стране, которая производит свыше 120 различных сортов сыра, он сказал: «Вы только представь-

те себе, насколько труднее руководить страной, где свыше ста двадцати различных национальностей».

«Да! — вставил Леонид Абалкин, заместитель премьер-министра и экономический советник Горбачева.— Особенно, если нет сыра»...

В четверг, 21 сентября, Шеварднадзе впервые прибыл в Белый дом с тех пор, как Буш стал президентом. В последний раз они виделись ровно за год до того, на завтрак в резиденции вице-президента. В Овальном кабинете президент указал Шеварднадзе на одно из белых кресел у камина, а в другое сел сам. Бейкер, американские и советские помощники сидели на двух белых диванчиках.

После того как телевизионщики и фотографы покинули помещение, Буш повторил три пункта послания, которое он направил Горбачеву с Маргарет Тэтчер. Шеварднадзе просил президента не обращать внимания на сообщения о том, что Горбачев сталкивается со сложностями в стране: советский президент твердо держит в руках бразды правления и исполнен решимости продолжать реформы. Буш ответил, намекая на Ельцина, что другой советский гость, который недавно был у него, дал положению дел противоположную оценку. Шеварднадзе улыбнулся одними губами и сказал: «Ну, не все-му надо верить, что слышишь».

Министр иностранных дел не отрицал, что проблемы, со всех сторон окружающие Горбачева, с каждой неделей становятся все более грозными. В противоположность тому, что говорил Горбачев в Москве Тэтчер, Шеварднадзе сослался на «болезненные» национальные проблемы: «Мы со своей стороны полностью отдаем себе отчет в том, в какой мере улучшение отношений между государствами зависит от внутренней стабильности».

Анализируя со Скоукрофтом встречу с Шеварднадзе, Буш не скрывал того, как он дорожит сохранением статус-кво в Восточной Европе... Он сказал Скоукрофту, что Соединенным Штатам было бы «крайне глупо» делать заявление или вести политику, направленную на поощрение центробежных сил, которые могли бы разорвать на части Советский Союз.

Скоукрофт в основном согласился с этим: «В наших интересах умерить националистические высказывания. Пожалуй, лучше, если возникнет что-то вроде федерации, а не такое положение, когда все эти республики взбрыкнут и каждая пойдет своим путем».

Буш заметил: «Так хочется сказать: «Правда, было бы здорово, если бы Советская империя распалась?» Но это и непрактично и неумно, верно?»

Скоукрофт предупредил, что, если Соединенные Штаты станут поощрять сторонников отделения, это может породить «серьезный обвал» и «изменить характер центрального правительства», сделав его гораздо более милитаристским и авторитарным. Пусть даже некоторые советские республики отделятся,— все равно Соединенным Штатам по-прежнему придется иметь дело с Россией, глубоко враждебной Западу, имеющей на вооружении 25 тысяч ядерных ракет и способной вызвать в мире немало смуты.

Буш повторил: надо выждать, чтобы «ситуация там немного застопорилась и поулеглась». Ему хотелось бы дать Горбачеву и Шеварднадзе «время взять все под контроль и двинуться в правильном направлении».

После встречи с Бушем Бейкер привез Шеварднадзе снова в Госдепартамент. На книжных полках его небольшого личного кабинета стояли книги, написанные друзьями-журналистами и общественными деятелями, а также фотография в рамке, подписанная Рональдом Рейганом, на которой Бейкер шагает рядом с Рейганом.

Не без гордости Бейкер торжественно показал цветную, сделанную с воздуха фотографию своего ранчо в Вайоминге, где должны были состояться их беседы «глядя в корень». Фотография стояла на деревянном столе, приставленном к письменному, рядом с выдавшим виды телефоном, который напрямую соединял Бейкера с Иглбергером, Татуайлер, Россом и Зёлликом.

Вечером Шеварднадзе и Бейкер отправились на военно-воздушную базу Эндрюс и полетели в Джэксон-Хол. По

просьбе госсекретаря его помощники устроили американскому и советскому министрам иностранных дел встречу в самой непринужденной обстановке, какая когда-либо бывала в истории взаимоотношений между двумя странами. На ранчо Бейкера два государственных мужа будут удить рыбу на мух, бродить по тропам и обмениваться мнениями о положении в мире среди покоя на берегу озера Джэксон и в долине реки Снейк, с лиловатыми, увенчанными снегом горами Гранд-Титон на горизонте.

На борту самолета Бейкера Шеварднадзе, перекрывая шум моторов, вспоминал о том, как будучи партийным лидером в своей родной Грузии, он противостоял в 1978 году Кремлю. Леонид Брежнев и его коллеги, вечно боявшиеся бунтов на национальной почве, потребовали, чтобы русский стал официальным языком во всех советских республиках. А грузины, пояснил Шеварднадзе Бейкеру, всегда были страстно преданы своему родному языку.

Опасаясь, как бы бунтовщики не подожгли Тбилиси, Шеварднадзе, невзирая на угрозы покушения, вышел на городскую площадь и через рупор объявил, что готов рассмотреть требования националистов. Затем он позвонил Брежневу и решительно настоял на компромиссе. Похваляясь Бейкеру, он добавил: «Это мы, грузины, первыми установили принцип, согласно которому русский язык является языком Союза, но не языком республик».

В ходе четырехчасового полета в Вайоминг Бейкер спросил Шеварднадзе и о том, как Горбачев предполагает разрешить проблему отделения республик от Советского Союза. Бейкер знал, что в последние месяцы советский президент при решении вопросов, связанных с движениями за независимость в Грузии, Прибалтике и других местах, опирался на опыт своего министра иностранных дел.

Шеварднадзе ответил в том же духе, что и во время многочисленных частных бесед, которые были у него с Бейкером после парижской встречи в конце июля: «Если нам придется подавлять внутреннее диссидентство силой, это будет означать конец перестройки. Так что это не выход из положения».

И продолжал: «Мы должны разрешать эту проблему, не прибегая к насилию. Мы должны воспринять уроки прошлого и по возможности избегать создания такой ситуации, которая неизбежно приведет к эскалации. Принимая те или иные меры, мы не должны превращать протесты в бунты, а бунты — в кровопролития».

Бейкер в ответ сказал: «Тогда почему вы не разрешите провести референдум по вопросу об отделении от СССР? Отпустите прибалтов! Право же, вам будет лучше иметь рядом три маленькие Финляндии»...

К Бейкеру и Шеварднадзе, сидевшим в переднем отсеке самолета, присоединился Николай Шмелев, экономист, сотрудник Института США и Канады в Москве, член Верховного Совета, рьяно выступавший за быстрые и всеобъемлющие экономические реформы.

Шмелев был за введение в Советском Союзе свободного рынка не только для товаров и услуг, но и для валюты. Он выступал за то, чтобы рубль получил естественное соотношение с валютами Запада, то есть за меру, которая приведет к массивной девальвации. Бейкер обнаружил, что Шмелев одержим идеей конвертируемости рубля, считая это панацеей от всех болезней советской экономики. Так или иначе, включение в группу Шеварднадзе такого человека со стороны и такого упорного в своих убеждениях, как Шмелев, было умной тактикой.

Бейкер уже не один месяц подчеркивал, что Советский Союз должен произвести фундаментальные изменения в своей экономике. И вот он увидел в свите советского министра иностранных дел экономиста, который был с ним согласен. Шеварднадзе рассчитывал, что присутствие Шмелева будет расценено Бейкером как признак того, что Москва с уважением относится к самым радикальным предложениям. Именно так Бейкер это и понял.

Самолет приземлился в Джексон-Холе после заката солнца. Два дипломата вышли в вечернюю прохладу и пошли по темно-красному ковру, привезенному отцами города за пять

сотен миль. Губернатор Вайоминга Майкл Салливан преподнес Бейкеру и Шеварднадзе стетсонские ковбойские шляпы. Помощники Салливана тщетно пытались выяснить в советском посольстве размер головы министра иностранных дел и узнали наконец с помощью ЦРУ.

В последующие два дня оба министра гуляли по тропам среди мачтовых сосен, в рощах желтых осин и тополей. Шеварднадзе был в восторге. Он говорил, что пейзажи — просто «дивной красоты».

У моста Кэттлмена на реке Снейк они ловили форель. Когда Шеварднадзе стал выбирать спиннинг, Бейкер сразу понял, что его гость понятия не имеет, как им пользоваться, но слишком горд, чтобы спросить. Ведущий «Новостей» Эн-би-си Том Брокоу, сосед Бейкера по участку, помахал ему и усмехнулся, увидев, как Шеварднадзе сражается с удочкой. Министр иностранных дел ничего не поймал, но это, казалось, ничуть не испортило ему удовольствия от выезда на природу.

В пятницу вечером к мужчинам присоединились жены, и они вместе поужинали свежей форелью и лососиной. В субботу они обедали в охотничьем домике на озере Джэксон, где им подали ребрышки и бифштекс из мяса буйвола; помощники Бейкера роздали всем соломенные шляпы, повязки и булавки с изображением вставшей на дыбы дикой лошади, а оркестр играл мелодии кантри и вестернов.

В уединении дома, затерянного в горах, два дипломата наконец взялись за дело — решение старой проблемы о контроле над ядерными вооружениями. Они обсуждали главный пункт повестки дня — СНВ, почти готовый договор об ограничении стратегических вооружений, который Буш унаследовал от Рейгана.

Шеварднадзе привез письмо от Горбачева на девяти страницах, в котором говорилось, что Советы готовы пойти на новые уступки. Уступки касались главным образом СОИ. С 1985 года Советы отказывались подписывать договор по СНВ до тех пор, пока Соединенные Штаты не подтвердят своей приверженности договору ОСВ-1 по противоракетной

обороне, который, с точки зрения Советов, исключал СОИ. Но летом 1989 года ситуация изменилась: Советы втихую дебатировали, следует ли Кремлю настаивать на увязке СНВ с подтверждением приверженности ОСВ-1, что означало бы отказ от СОИ? Или же Советам следует заслужить благосклонность США, отступив и не настаивая на этом все еще горячем вопросе, и поверить, что Буш не даст им повода сожалеть об этом и не станет двигать вперед СОИ?

Шеварднадзе усиленно нажимал на то, чтобы идти этим путем. Его аппарат провел несколько закрытых семинаров, на которых ведущие советские ученые выступали за то, чтобы «отвязать» СНВ от СОИ. В числе этих ученых были физик-ядерщик Евгений Велихов и давний руководитель советской космической науки Роальд Сагдеев — обоих Горбачев высоко ценил. В столь специальном вопросе, как противоракетная оборона, этим ученым, стоявшим скорее на либеральных позициях, было несложно взять в дискуссии верх над сторонниками жесткой линии из партийной и военной среды.

В письме, которое Шеварднадзе привез Бушу в сентябре 1989 года, Горбачев писал: «Давайте на время отложим наши концептуальные споры о том, укрепит ли размещение оружия в космосе... стратегическую стабильность или будет иметь противоположный эффект. Не надо этой проблемой осложнять и без того нелегкие переговоры».

В Овальном кабинете Шеварднадзе сказал также Бушу, что Кремль мог бы демонтировать большую радарную станцию близ Красноярска, в Сибири, которая, по мнению американских экспертов, была создана в нарушение договора по ОСВ-1. Американские ястребы заявляли, что эта радарная станция указывает на постоянное и наглое мошенничество со стороны Советов, нарушающих договора по контролю над вооружениями. Заявление Шеварднадзе о закрытии этой станции равнялось признанию Советами своей вины и являлось, как сказал министр иностранных дел Бушу, «политическим решением».

Из слов Шеварднадзе явствовало, что Горбачев одержал верх над возражениями военных, хотя на самом деле имен-

но Шеварднадзе добился этих уступок в Москве. Во время напряженных переговоров с администрацией Рейгана по контролю над вооружениями министр иностранных дел испытывал все возрастающее чувство огорчения и безысходности, наталкиваясь на чисто рефлекторную реакцию Министерства обороны и Генерального штаба блокировать почти любое изменение в позиции Советов на переговорах. И Шеварднадзе решил, что может превысить свою власть и ускорить процесс принятия решения в Москве в обход генералов.

Шеварднадзе видоизменил существовавшую практику и поручал теперь собственным экспертам по контролю над вооружениями разрабатывать новые инициативы, которые он затем предлагал американцам. После того как американцы принимали его предложения, он представлял достигнутые результаты на одобрение Горбачеву и только уже потом знакомил с ними военных. Поскольку этот гамбит срабатывал часто и успешно, Шеварднадзе терпеть не могли советские военные в высших эшелонах власти.

Вот так же смело, основываясь на своих дружеских отношениях с Горбачевым, Шеварднадзе решил — как он в частной беседе сказал своим помощникам — «проколоть нарыв» радаром в Красноярске. Убежденный в том, что военные никогда не признают вину Советов в этом вопросе, он сделал это по собственной инициативе...

Во время бесед с Бейкером в охотничьем домике, Шеварднадзе уделил внимание намеку в письме Горбачева на то, что СНВ и СОИ все-таки можно наконец-то разделить: Советский Союз готов подписать договор по СНВ без отдельного соглашения, ограничивающего оборону в космосе.

Сделав столь крупную уступку, Шеварднадзе предложил американцам в ответ согласиться на то, чтобы провести отдельные переговоры по тем аспектам СОИ, которые совместимы с договором ОСВ-1. Это было несколько видоизмененным предложением, слухи о котором Советы распространяли во времена рейгановской администрации.

Бейкер знал, что твердолобые сторонники СОИ, возглавляемые в правительстве вице-президентом Куэйлом, будут выступать против того, чтобы вести переговоры по какой-либо отдельной части программы. А посему он сказал Шеварднадзе: «Мы это уже видели, и мы это уже завернули».

Шеварднадзе был разочарован. Уступки, на которые он пошел, не только не вызвали со стороны американцев желания проявить гибкость, но привели к тому, что американцы уперлись и не желают продвигаться вперед. Ему стало ясно, что Бейкер и его люди пришли к определенному выводу — надо-де сидеть спокойно, класть в карман все, что предложит Кремль, и ждать новых предложений.

Если Буш и Бейкер не были большими энтузиастами договора по ОСВ, рассматривая его как незавершенное наследие рейгановской администрации, то по договорам, которые они могли назвать своим детищем, они стремились достичь более быстрого прогресса. Одним из них был договор о запрете химического оружия.

Буш поручил заниматься этой проблемой Бейкеру, который предложил быстро заключить соглашение о сокращении существующих запасов химического оружия на 80 процентов, пока будут идти переговоры по «последующему» договору, который сократит их еще больше.

В Джэксон-Холе Бейкер обсудил этот план с Шеварднадзе, и через три дня Шеварднадзе на заседании Генеральной Ассамблеи ООН призвал к немедленному уничтожению сверхдержавами своих запасов отравляющих газов и предложил запретить дальнейшее производство химического оружия. Бейкер был более чем когда-либо восхищен Шеварднадзе: «В противоположность многим дипломатам он поддается влиянию, уступая разумным доводам. Он тебя выслушает, примет нелегкое решение, а потом будет отстаивать его дома перед Горбачевым и военными»...

В последующие три недели Бейкер дважды публично протягивал руку Горбачеву. Выступая в среду, 4 октября, перед сенатской финансовой комиссией, он сказал, что совет-

ские реформы выглядят «многообещающе». На той же неделе его помощник Роберт Зёллик полетел вместе с председателем Федеральной резервной системы США Аланом Гринспэном на пять дней в Москву, где они провели встречи с экономическими экспертами Горбачева, давая рекомендации, как построить финансовую систему, ориентированную на свободный рынок.

Выступая в Нью-Йорке в понедельник вечером, 16 октября, перед Ассоциацией внешней политики, Бейкер сказал: «Было бы ошибкой заключить, что проблемы слишком обескураживающи или что препятствия к успеху слишком велики. Пока что Горбачев приобрел за эти годы большую власть и всячески выказывает свое намерение «держаться избранного курса».

О выступлении Бейкера в сенате и его речи в Нью-Йорке можно сказать, что это была самая восторженная официальная поддержка, какую Горбачев и его политика получали до сих пор. Бейкер подчеркивал, что общим знаменателем по сути всей политики Горбачева является свобода. Он отмечал, что Кремль дал отдельному гражданину беспрецедентную свободу слова, равно как и свободу выбора делегатов на съезд народных депутатов. Перестройка постепенно продвигается к свободному рынку. Распространяя «новое мышление» на Восточную Европу, советские руководители, похоже, даже готовы дать волю своим сателлитам.

Бейкер особо стремился доказать несостоятельность утверждений пророков из администрации Буша, предрекавших падение Горбачева. Услышав, как Бейкер упомянул, что есть люди, которые считают проблемы «слишком обескураживающими», Роберт Гейтс сразу понял, кого госсекретарь имел в виду.

В то же время Бейкер старался не порождать надежд на размеры экономической помощи Соединенных Штатов или Запада Горбачеву. Он стремился сделать позицию США соответствующей заявлениям самого Кремля о том, что успех перестройки зависит от советских людей, а не от помощи извне...

А в Москве Шеварднадзе впервые публично заявил, что советское вторжение в Афганистан в 1979 году было нарушением общечеловеческих ценностей. Шеварднадзе тщательно провел разграничительную линию между теми, кто виноват, и кто не виноват. Он отметил, что в декабре 1979 года, когда режим Брежнева начал вторжение, «М. С. Горбачев и я были кандидатами в члены Политбюро. Я узнал о том, что произошло, по радио и из газет. Решение, имевшее очень серьезные последствия для нашей страны, было принято за спиной партии и народа. Нас поставили перед свершившимся фактом».

В Будапеште Матяш Сюреш, исполнявший тогда обязанности президента Венгрии, заявил, что ввод советских войск в Венгрию в 1956 году был противозаконным. Сюреш сказал, что его правительство является преемником «национального движения за независимость», которое Советский Союз в свое время раздавил танками.

В Госдепартаменте Бейкер сказал своим помощникам, что заявления Москвы и Будапешта — «материал, из которого воздвигают водоразделы. Мы не можем сидеть тут и разыгрывать неподатливость. Если мы будем без конца говорить, что не можем протащить это через конгресс, начнут думать, что мы этого и добиваемся. А если так случится, что пессимисты окажутся правы и Горбачева действительно выгонят в три шеи, то найдется немало людей, которые скажут, что мы хорошо потрудились, чтобы выполнить их предсказания».

«ДОКТРИНА ФРЭНКА СИНАТРЫ»

К концу октября 1989 года лишь с десяток людей в американском правительстве знали, что Буш три месяца тому назад втайне предложил Горбачеву встретиться, чтобы познакомиться поближе. Большинство американских президентов любило преподносить сюрпризы публике ради дипломатических и политических выгод.

Тайные переговоры между Москвой и Вашингтоном по поводу того, что все называли по-разному: «предварительная встреча в верхах», «мини-встреча в верхах», «несаммит» или «неофициальная промежуточная встреча» протекали нелегко. Буш и Горбачев четырежды обменивались телеграммами. Шеварднадзе торговался с Мэтлоком в Москве, а Дубинин со Скоукрофтом в Вашингтоне. В августе Александр Бессмертных, заместитель Шеварднадзе, прилетел в Вашингтон под предлогом подготовки вайомингской встречи между Бейкером и Шеварднадзе, а на самом деле большую часть времени занимался встречей Буша с Горбачевым.

Первой проблемой был вопрос о сроках. Американцы не желали связывать себя определенной датой, пока Горбачев не пообещает присутствовать на полноценной встрече в верхах в Вашингтоне в 1990 году. Ряд советников президента, в особенности Скоукрофт, опасались, что без такой договоренности первая встреча может стать последним сроком для достижения договоренности по СНВ и американцы под нажимом вынуждены будут пойти на компромисс. Но на Бейкера произвели такое впечатление уступки по контролю над вооружениями, которые Шеварднадзе привез в Вайоминг, что он считал безопасным согласиться с тем, что встреча в верхах

состоится в Вашингтоне в середине 1990 года, а неофициальная встреча — в начале декабря 1989 года.

Второй проблемой было место встречи. Желая сохранить атмосферу, в какой проходили его недавние встречи с другими главами правительств, такими как Миттеран, Тэтчер и Коль, Буш хотел выманить Горбачева в какое-нибудь уединенное место, на лоно природы, где они могли бы сочетать обсуждение государственных дел с пребыванием на свежем воздухе, метанием подков и «перемыванием косточек».

Буш думал о Кеннебанкпорте, или Кэмп Дэвиде, или каком-нибудь отдаленном поселении на Аляске, преимуществом которого будет то, что оно находится более или менее на полпути между Москвой и Вашингтоном. Президент сказал в сентябре своему аппарату, что рассчитывает «воздействовать на этого малого обаянием» в атмосфере, которая «позволит нам обоим положить ноги на стол».

Но встреча в любом месте на территории США представляла проблему для Горбачева, так как ему пришлось бы тогда три раза подряд съездить в Соединенные Штаты (он уже приезжал в декабре 1988 года и снова собирался приехать в 1990 году). Это будет нарушением протокола, и он будет выглядеть как попрошайка. Поэтому советский руководитель настаивал на том, чтобы его первая встреча с Бушем происходила на нейтральной территории. Поскольку у Горбачева уже был намечен государственный визит в Италию в начале декабря, советская сторона предложила выбрать какое-нибудь место либо на Средиземном море, либо неподалеку от него.

Американцы предложили устроить встречу на Сицилии. Советская сторона отказалась, поскольку Италия — член НАТО. Обе стороны беспокоила также возможность террористического акта со стороны «красных бригад» или какой-либо другой левой организации, которая может счесть, что советский реформатор и президент США — неплохая цель и можно ухлопать обоих сразу. Отклонен был и Кипр из-за многолетнего незатихающего конфликта между греками и турками, а также из-за опасной близости к зоне непрерывного кризиса на Ближнем Востоке.

Младший брат президента Уильям, по прозвищу Брыкун, выдвинул свежую идею. В сентябре Брыкун-Буш ездил на Мальту, где присутствовал в качестве личного представителя президента на церемонии, посвященной двадцатипятилетию независимости Мальты, и был принят премьер-министром Эдди Фенеком Адами. По возвращении он доложил президенту, что мальтийцы жаждут привлечь к своей стране внимание международной общественности и капиталы. И вот когда Буш сказал брату, что раздумывает, где встречаться с Горбачевым, Брыкун предложил Мальту.

Потом по Европе пошел слух, что младший Буш, будучи консультантом одной фирмы, снимет неплохой в финансовом плане урожай за то, что помог устроить встречу на Мальте. Белый дом отмел эти обвинения, которые могли поставить в затруднительное положение президента, всегда подчеркивавшего свое стремление избегать «даже видимости нарушения этики». Да и никаких доказательств того, что брат президента нажил на встрече какие-то деньги, так и не всплыло. Однако высокопоставленные чиновники на Мальте и в Италии утверждали, что он способствовал притоку капиталов в проекты строительства отелей итальянской фирмой «ЧИГА», которая намеревалась строить на мальтийском острове Гозо курорт.

По указанию президента американская сторона предложила Советам провести встречу на Мальте, и те тут же согласились: остров уже долгое время являлся членом Движения неприсоединения и был близко расположен к Италии, а следовательно, удобен для Горбачева, который в начале декабря должен был посетить Рим и Милан. Президент предложил провести встречу на советском и американском судах в бухте Марсашлокк. Он сказал своим помощникам, что таким образом его беседы с Горбачевым можно будет проводить «вдали от прессы... и я хочу, чтобы на борту была атмосфера Кэмп-Дэвида».

Горбачев одобрил встречу на судах, вспомнив, что он жил на советском судне во время встречи с Рейганом в Рейкьявике в 1986 году. Секретная служба США была в восторге от этого решения, рассудив, что Буша легче будет охранять на

борту корабля, чем на острове, опасно близком к Ливии Муамара Каддафи...

Когда Буш обменялся рукопожатием с Горбачевым на Мальте, в Берлинской стене уже была пробита брешь и восточноевропейские сателлиты один за другим вылетали с кремлевской орбиты.

В четверг, 9 ноября, восточногерманское правительство объявило, что граждане ГДР могут выезжать из страны без специального разрешения. И вот после наступления темноты десятки тысяч перебрались через внезапно рухнувшую Берлинскую стену, многие — впервые. Джаз-оркестры играли в свете прожекторов, установленных когда-то для поимки беглецов. Восточные и западные берлинцы прыгали на уродливой стене, разделявшей их двадцать восемь лет; они чокались шампанским и пивом, пели, плясали, вырубали камни из стены и плакали от счастья.

Наблюдая за всем этим по телевизору, установленному в Малом кабинете, примыкающем к Овальному, Буш понимал, что это означает. Он сказал своим помощникам: «Если Советы допустят падение коммунистов в Восточной Германии, значит, они действительно серьезно взялись за дело — куда серьезнее, чем я предполагал».

Революция, начавшаяся в 1989 году в Польше и Венгрии, перекинулась к августу в Восточную Германию — тогда 130 восточных немцев укрылись в западногерманской миссии в Восточном Берлине. На следующий месяц 5500 нашли убежище в миссии в Праге. Когда Венгрия открыла свои границы, тысяча восточногерманских туристов бежала в Австрию.

Лидер восточногерманских коммунистов Эрих Хонеккер тогда только что вышел на работу после операции на желчном пузыре, пораженном, как теперь стало известно, раком. Он потребовал остановить исход, но его призыв услышан не был. Венгерское правительство заранее получило молчаливое согласие Кремля. Как хитро пояснил представитель советского Министерства иностранных дел Геннадий Герасимов, действия Венгрии были «крайне неожиданны, но они

впрямую нас не затрагивают». По всей Восточной Германии начались демонстрации. В Дрездене десять тысяч человек пытались остановить поезд, шедший на Запад, и сесть в него. Вячеслав Кочемасов, советский посол в Восточном Берлине, сторонник жесткой линии, по просьбе Хонеккера бомбардировал Кремль телеграммами, умоляя «спасти» Хонеккера от потопления, но Горбачев сказал своим помощникам, что ему «противно» видеть, как «бестолково» ведет себя Хонеккер.

В первую неделю октября Горбачев вылетел в Восточный Берлин на церемонию, посвященную сорокалетию коммунистического режима. Для подготовки этого визита Александр Бессмертных посетил летом Хонеккера в его загородном доме под Берлином. Хонеккер восторгался до небес «захватывающим» экономическим прогрессом Восточной Германии и показал Бессмертных последние цифры в подтверждение того, что все идет хорошо.

После встречи восточногерманский чиновник, сопровождавший Бессмертных, сказал ему, что цифры Хонеккера «раздуты», это все «фантазия». Бессмертных доложил Горбачеву и Шеварднадзе, что Хонеккер живет в выдуманном мире. Более того, происходит резкое падение дисциплины, коль скоро чиновник средней руки считает возможным опровергать высказывания Хонеккера за его спиной гостю из Москвы.

И теперь во время личной встречи с Хонеккером в Восточном Берлине Горбачев сказал старику, что есть способ остановить демонстрации по всей стране, введя немецкий вариант перестройки: таким путем еще можно вернуть людей на сторону руководства.

Хонеккер презрительно фыркнул и сказал, что во время своего последнего посещения Советского Союза он заглянул в несколько магазинов и был потрясен пустыми прилавками. В советской экономике — полная разруха, тогда как восточные немцы процветают больше всех в социалистическом мире. Да как смеет Горбачев указывать ему, как править страной?

Во время торжественной церемонии, посвященной юбилею, Горбачев выступил с речью, призывая восточных нем-

цев стать на путь советских реформ. И как бы желая подчеркнуть, кто должен нести ответственность за будущее, добавил, что политика Восточной Германии должна делаться «не в Москве, а в Берлине». Хонеккер стоял рядом, и вид у него был сильно обеспокоенный.

Горбачев же по возвращении в Москву сказал приватно своим помощникам, что Хонеккеру надо уходить — и как можно скорее: «Руководство (восточногерманское) не может оставаться у руля». Он приказал Генеральному штабу проследить за тем, чтобы советские войска, размещенные в Восточной Германии, не оказались втянутыми в заваруху, которая, безусловно, охватит страну.

Во время уик-энда, 7 октября, восточногерманская полиция — по приказу Хонеккера — применила огонь и слезоточивый газ для разгона демонстраций в нескольких городах. Не имея заверений в том, что Кремль поддержит силовое решение, глава тайной полиции Хонеккера оппортунист Эгон Кренц выступил против решения Хонеккера. И дал пятидесяти тысячному маршу протеста пройти по Лейпцигу.

Другие члены правительства Хонеккера тоже понимали, в какую сторону дует ветер. Выбросив новый лозунг — «Перемены и возрождение», — они быстро заменили своего старого лидера Кренцем и выпустили сотни демонстрантов из тюрем. На пятьдесят девятой минуте одиннадцатого часа Кренц попытался стать восточногерманским Горбачевым.

В среду, 25 октября, во время визита в Хельсинки Горбачев публично заявил, что у Советского Союза «нет ни морального, ни политического права» вмешиваться в события в Восточной Европе, и добавил: «Мы исходим из того, что и другие не будут вмешиваться». Он подчеркнуто поставил в пример Финляндию, нейтральную страну, сумевшую вырваться из оков русского и советского экспансионизма, как образец стабильности и независимости.

Весной 1989 года для «проверки» искренности намерений Горбачева администрация Буша потребовала отказа от брежневской доктрины: Советский Союз в период вторжения

в Чехословакию в 1968 году утверждал, что он имеет право предоставлять «помощь, включая помощь вооруженными силами» любой коммунистической стране, где «социалистические достижения народа» оказались под угрозой.

И вот Герасимов заявил репортерам в Хельсинки: «Я считаю, что доктрина Брежнева мертва». Вместо нее, сострил он, у нас будет «доктрина Фрэнка Синатры». Под этим имелась в виду последняя строка баллады, созданной певцом: «Я сделал все по-своему».

Во вторник, 31 октября, Кренц посетил Горбачева в Кремле. К этому времени выражение его лица, «этой мертвой головы», стало скорее испуганным, чем пугающим. Он понимал, что нечего просить у Советов военной поддержки для восстановления порядка у него в стране,— Горбачев это уже исключил. И Кренц попросил у советского руководителя политической помощи в противостоянии главе реформистской дрезденской партии Хансу Модрову.

Горбачев согласился. После их встречи Кренц заявил журналистам, что демонстрации на его родине — это «хороший признак» грядущего «обновления социализма». Однако, поспешил он добавить, Берлинская стена по-прежнему нужна как «защитный щит» между «двумя общественными системами» и «двумя военными блоками».

Это выступление нового восточногерманского лидера, подтвердившего его приверженность разделу Европы и Германии, и лишь вызвало к жизни еще больше демонстраций. В отчаянии Кренц объявил новые меры, которые способствовали бы примирению. Он разогнал весь свой кабинет министров и две трети Политбюро, но этого оказалось недостаточно. Тогда он позвонил Горбачеву в Кремль и спросил, что делать. По рекомендации Шеварднадзе Горбачев посоветовал Кренцу открыть границы. Это «выпустит пар» и позволит «избежать взрыва».

Когда Берлинская стена начала рассыпаться, Марлин Фицуотер пригласил журналистов и телевизионщиков в Овальный кабинет. Буш сидел за столом, вертя в руках перо.

Один из журналистов спросил, означает ли это, что «железному занавесу» пришел конец. Президент не очень уверенно произнес: «Ну, я не думаю, что какое-то одно событие может положить конец такому явлению, как «железный занавес», но это явно указывает на то, что наиболее жесткий период «железного занавеса» остался позади — далеко позади». А предполагал ли он такое развитие? «Нет, этого я не предвидел». А представлял ли себе? «Да».

Когда Бушу сказали, что в его словах не чувствуется радости, он, обороняясь, ответил: «Я не из эмоциональной породы... я очень доволен. И я очень доволен многими другими событиями... Так что, если я не захлебываюсь от восторга... это, возможно, потому, что дело подходит к вечеру, но на самом деле я очень счастлив».

Анализируя необыкновенные события этого дня, ряд комментаторов сожалели, что Буш не сумел выразить радость американского народа по поводу того, чего требовали все президенты, начиная с Кеннеди. Они представляли себе, что устроил бы Рейган при его мастерском умении использовать шоу в государственной деятельности.

Лидер большинства в палате представителей Ричард Гепхард из Миссури сказал: «Даже сейчас, когда стены современного Иерихона рушатся, наш президент не способен соответствовать моменту». А сенатор Джордж Митчелл из штата Мэн спросил, почему Буш не полетел тут же в Германию, чтобы самому видеть проломленную стену.

В сатирической телевизионной программе Эн-би-си «В субботу вечером в прямом эфире» комик Дана Карви, изображавший Буша, стоял на фоне видеозаписи, изображавшей, как берлинцы праздновали ликвидацию стены. Говоря отрывисто, как Буш, обрывками фраз, он объяснил, почему он не ликует: «Было бы неблагоприятно». Затем изобразил знакомую кривую усмешку и, следуя любви президента к лозунгам, ткнул себя пальцем в грудь и сказал: «Место в истории? О-бес-печено!»

Президент сам быстро понял, что упустил шанс нажать политический капитал на радостном событии. Он сказал сво-

ему аппарату: «Может, следовало мне изобразить что-то такое». И, подпрыгнув в воздух, как это делает в рекламе восторженный владелец «тойоты», воскликнул: «Ох, до чего же здорово!»

Помощники сочувственно рассмеялись. Они понимали, что своей сдержанностью Буш преследовал более крупную цель: он не хотел тыкать Горбачева носом в крах мирового коммунизма. Беспокоило его и то, что ликование Запада по поводу крушения стены может вызвать ответную реакцию со стороны приверженцев жесткой линии в Восточном Берлине и в Москве.

Буш несколько раз публично и в частных беседах говорил: «Я не буду плясать на стене». Он помнил Венгрию 1956 года, когда американская пропаганда всячески поощряла революционеров, зарождая у них надежды на вмешательство со стороны Запада, и не хотел, чтобы восточные немцы рассчитывали на военную помощь США в случае, если их режим решит повернуть вспять колесо истории и устроить побоище вроде того, что произошло на площади Тяньаньмэнь.

В Москве, когда Герасимова спросили, как он расценивает реакцию Буша на уничтожение стены, он сказал: «По-моему, Буш ведет себя как настоящий государственный деятель». Герасимов попытался обрисовать это событие в Восточной Германии как признак уверенности в крепости социализма — «позитивный и важный факт», соответствующий тому, «что президент Горбачев пытается создать здесь и что он хочет видеть в других местах»...

Лишь только стена рухнула, обе Германии расцвелись транспарантами, требовавшими объединения. Буш — по крайней мере внешне — относился к такой перспективе спокойно. На торжественном обеде в честь президента Филиппин Корасон Акино в день, когда пала стена, Буш сказал одному из гостей за столом: «Немцы не представляют для нас никакой угрозы. Это теперь совсем другая страна, чем когда-то».

Буш уже с головой ушел в подготовку к встрече с Горбачевым на Мальте. Скоукрофт представил ему список из два-

дцати вопросов. Президент попросил проинформировать его по всем этим вопросам, заметив: «Вернулись школьные времена, Brent».

В Овальном кабинете и в Кэмп Дэвиде президента консультировали правительственные эксперты, специалисты со стороны и бывшие официальные лица. Аналитики из ЦРУ представили президенту информацию о состоянии советской экономики на данный момент, о проблеме национальностей и укрепленных центрах советских вооруженных сил.

О советских военных и их отношении к перестройке президента информировали Генри Роуэн, ветеран Пентагона, специалист по стратегии; Арнольд Хорелик, главный кремленолог корпорации «РЭНД», и Стивен Мейер из Массачусетского технологического института, участник первого такого семинара, устроенного Бушем в Кеннебанкпорте в феврале. Алан Гринспэн и Роберт Зёллик доложили о своей поездке в Москву.

Бывшие высокопоставленные должностные лица — такие, как Ричард Никсон, Джеймс Шлесинджер и Джин Киркпатрик, — дали рекомендации, исходя из своего опыта общения с Советами. Стремясь получить несколько пунктов у правых, Белый дом обратился также за помощью к фонду «Наследие», мозговому центру, созданному пивным магнатом из Колорадо, человеком правого толка, Джозефом Куртсом.

Збигнев Бжезинский, только что вернувшийся из Советского Союза, сказал Бушу во время официального завтрака, что политическая свобода без серьезных экономических реформ порождает «социальное отчаяние» в советском народе, который теперь может открыто выражать свое возмущение и раздражение действиями правительства. Бжезинский был советником по национальной безопасности у Джимми Картера, но его охотно принимали в Белом доме и при этом президенте, так как, встревожившись отклонением влево своих коллег-демократов, он поддержал кандидатуру Буша в 1988 году.

В Советском Союзе Бжезинского — при всей его репутации ярого антикоммуниста — принимали почти как героя. Он

выступал перед забитым до отказа залом в Дипломатической академии Министерства иностранных дел на берегу Москвы-реки, и его критика режима, которому многие из присутствующих верно служили десятки лет, была встречена восторженными аплодисментами.

Бжезинскому разрешили поездку в Катынь под Смоленском — где в начале Второй мировой войны сталинские войска расстреляли польских офицеров. Официально Москва утверждала, что в этом чудовищном преступлении повинен Гитлер, но разрешив Бжезинскому, поляку по происхождению, увидеть на месте преступления, что это — ложь, Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе готовили общественность к познанию правды...

Буш спросил Бжезинского: «А массы все еще поддерживают Горбачева и перестройку?» Посетитель сказал: «По-видимому, но им не терпится увидеть материальные выгоды от политических реформ».

Президент спросил, а не может ли на Красной площади произойти «новый Тяньаньмэнь»? Бжезинский ответил, что есть несомненная опасность отката назад. Но если в Китае демократическое движение росло снизу и руководство диссидентами было сконцентрировано на одной площади в столице, то в Советском Союзе демократические реформы идут сверху и распространяются по всей стране. Следовательно, Кремль внес собственный вклад в этот процесс.

К этому времени к ним присоединился Джон Сунуну. «Вы что, предлагаете выручать из беды Советский Союз?» Бжезинский посмотрел на Сунуну испепеляющим взглядом и ответил, что президенту, возможно, захочется «поманить чем-то Горбачева», чтобы побудить его продолжать реформы.

Тогда Сунуну продекламировал одну из своих любимых теорий насчет того, что Советы могут сговориться с японцами против Соединенных Штатов. Бжезинский очень старался не выходить за рамки вежливости, надеясь в глубине души, что во внешней политике Буш не слишком опирается на советы своего заведующего канцелярией...

При Рейгане ЦРУ взяло за правило готовить фильм о Горбачеве перед встречей в верхах. Считаясь с тем, что у Рейгана был как бы короткий запас внимания и отсутствие терпения к деталям, продолжительность фильма составляла обычно не более десяти минут. Буш попросил показать ему наиболее полный фильм. Ему был показан документальный фильм продолжительностью примерно в полчаса — это была сага об убежденном реформаторе, сражающемся с монументальными проблемами.

Буш изучил также строго секретную «Оценку данных национальной разведки», подготовленную под наблюдением Роберта Блэкуэлла, который по линии ЦРУ информировал Буша в ходе трех его поездок в Москву, когда тот был еще вице-президентом. А теперь Блэкуэлл стал шефом национальной разведки по Советскому Союзу.

В документе под грифом «СЕКРЕТНО», подготовленном Блэкуэллом и озаглавленном «Основные суждения», предсказывалось, что из-за экономических трудностей самыми бурными в истории СССР будут 1990 — 1991 годы. Горбачев, по всей вероятности, сумеет держать процесс под контролем; он будет продолжать свою политику ограниченных реформ и скорее всего — преуспееет в этом. Блэкуэлл считал, что Горбачев «протянет долго» и заслуживает американской помощи.

В ходе составления этого документа некоторые коллеги Блэкуэлла по ЦРУ, сотрудники Бюро анализа событий в СССР, разошлись с ним во взглядах. В том числе — старший политический аналитик Бюро Грей Ходнетт, закончивший в сентябре подготовку документа «Ставки во внутренней политике и нестабильность Горбачева», в котором было высказано противоположное Блэкуэллу мнение.

Ходнетт и его союзники считали, что либо реформы уничтожат Горбачева, либо он, отчаянно пытаясь спастись, вернется к той или иной форме «старого мышления». Они утверждали, что если объявленные на сегодняшний день реформы — особенно подпадающие под общее понятие «гласность» — достаточно радикальны и позволяют советским

людям только излить накопившееся за семьдесят два года недовольство, значит, перестройка слишком ограничена и не отвечает чаяниям народа. Эксперты, придерживавшиеся такого взгляда, считали также, что, если Горбачев не выторгует специального статуса для Прибалтики, прямая конфронтация между этими республиками и Москвой неизбежна.

Ходнетт и аналитики ЦРУ, думавшие, как он, предсказывали, что, если Горбачеву не удастся стабилизировать советские финансы и ввести систему подлинно свободного рынка, развал советской экономики повлечет за собой социальные волнения, а возможно, даже и революцию. Это даст сторонникам жесткой линии повод вернуться в Кремль и восстановить более ортодоксальный тоталитарный режим. Другая возможность — «автономизация» Советского Союза, когда республики — одна за другой — станут откалываться от него; это тоже может побудить сторонников жесткой линии сбросить Горбачева.

Квазиреформы Горбачева — «самое худшее из всего возможного — одна боль и никакой выгоды», считал Ходнетт. Куда большее впечатление произвели на него идеи Бориса Ельцина. Ходнетт соглашался с тем, что более радикальные реформы, к которым призывал Ельцин, могут на короткое время породить хаос в Советском Союзе, но со временем, утверждал он, они скорее создадут «равновесие в обществе», чем полумеры Горбачева.

Эта резкая критика Горбачева была поддержана непосредственным начальником Ходнетта — Джорджем Колтом, руководителем Бюро, а также Фрицем Эрмартом, председателем Национального совета по разведке, стоявшим над Блэкуэллом. Директор ЦРУ Уильям Уэбстер согласился с рекомендацией Эрмарта послать президенту вместе со сравнительно оптимистическим документом Блэкуэлла пессимистическую «альтернативную точку зрения» Колта и Ходнетта, призывавших относиться с осторожностью к Горбачеву.

В частном разговоре с президентом в Белом доме Уэбстер попытался сгладить разногласия между своими подчи-

ненными: «У нас тут маленькое здоровое несогласие между теми, кто считает, что стакан наполовину полон, и некоторыми другими, кто считает, что он наполовину пуст».

На самом же деле разногласия были куда серьезнее. Утверждая, что Горбачев может преуспеть, Блэкуэлл в своем документе особо подчеркивал необходимость максимальной поддержки советского лидера со стороны США. А Ходнетт, Колт и Эрмарт, наоборот, выступали за то, чтобы Соединенные Штаты начали делать ставку на Ельцина...

В октябре президент утверждал, что встреча на Мальте будет только знакомством. Но падение Берлинской стены и стремление к переменам в Восточной Европе убедили его, что он должен ответить чем-то серьезным на инициативы Горбачева. Блэкуилл из Совета национальной безопасности сказал своим коллегам: «Вопрос сейчас в том, как удовлетворить дикого зверя — общественное мнение».

Блэкуэлл, Райс, Зёллик и Росс считали, что Горбачев едва ли «устроит еще один Рейкьявик» и выступит с предложением, которое удивило бы всех. Но они хотели, чтобы Буш на всякий случай был готов и к такому. Они попросили ЦРУ продумать, что может предложить или к чему будет стремиться Горбачев по восемнадцати различным параметрам, начиная с переговоров по контролю над химическим оружием и кончая возможностью вступления СССР в мировые финансовые организации.

Четверо советников порекомендовали президенту с самого начала взять повестку дня в свои руки, выдвинув заманчивый «пакет инициатив», которые количеством восполнили бы то, чего им будет не хватать по качеству. Некоторые из них были просто перепевом старых предложений.

В это время в Москве Горбачев ознакомился с памятной запиской, подготовленной Георгием Арбатовым, директором Института США и Канады, и его заместителем Андреем Кокошиным. Арбатов был наиболее известным советским специалистом по Соединенным Штатам, главным организатором семинаров и менее официальных обменов мнениями между США и

СССР. Его институт служил прибежищем для сторонников относительной либерализации, а также местом для контактов между сверхдержавами как в хорошие, так и в плохие времена.

Подготовленный Арбатовым и Кокошиным документ представлял собой анализ ситуации, а также изложение конфиденциальных бесед, которые были у них, в том числе с Блэкуиллом, Россом, Нанном и Эспином. В нем утверждалось, что, согласно преобладающему в Вашингтоне мнению, выступление Горбачева в ООН в декабре 1988 года было пиком динамичного развития советской внешней политики. Теперь от советской стороны не следует ждать поражающих мир инициатив. Арбатов и Кокошин докладывали, что, хотя сотрудники Буша и преодолели первоначальные сомнения в искренности Горбачева, они все больше ставят вопрос о его способности достичь намеченного. Они даже сомневаются в его способности удержаться у власти. Политическое будущее Горбачева будет играть решающую роль в американской стратегии на ближайшие несколько лет.

В документе Арбатова — Кокошина говорилось далее, что администрация Буша, похоже, расколота на два лагеря: на людей вроде Гейтса и Чейни, которые хотят использовать внутренние слабости СССР, чтобы добиться как можно больших уступок, прежде чем Горбачева сменит более жесткий лидер; и на Бейкера и других, которые опасаются, что чрезмерные требования США могут способствовать падению Горбачева.

Арбатов и Кокошин полагали, что сам Буш стоит где-то посередине. Они рекомендовали Горбачеву использовать встречу на Мальте, чтобы дать президенту США в большей мере почувствовать, как важен вклад его страны в успех перестройки и в выживание самого Горбачева.

Авторы памятной записки советовали Горбачеву не делать никаких сенсационных предложений по контролю над вооружениями. Оба советских ученых боялись ответного удара сторонников жесткой линии в Министерстве обороны, партийном аппарате и в других местах. Эти люди, придерживавшиеся «старого мышления», уже жаловались на то, что

под влиянием Шеварднадзе, вызывающим у них немалое раздражение, Советский Союз уже сделал слишком много односторонних уступок.

Горбачев не должен, советовали Арбатов и Кокошин, ни искать у американцев экономической помощи, ни показывать, что он готов ее принять с распростертыми объятиями. Критики советского лидера в Москве уже поговаривали о нем как о человеке, который с излишней готовностью изображает из себя такого зрителя «угасающей сверхдержавы» с протянутой рукой и слишком охотно отдает себя на милость американцев.

Арбатов и Кокошин писали, что Горбачев должен все сделать, чтобы создать у Буша впечатление человека, встречающегося с ним на равных. Он должен делать упор на концепции партнерства между США и СССР. Лейтмотивом встречи должно быть «взаимопонимание и, по возможности, взаимодействие» в предотвращении потенциальной нестабильности международной системы — нестабильности не только в советском блоке, но и во всем мире.

Арбатов и Кокошин заверяли Горбачева, что такая позиция покажется достойной не только дома, — она понравится и Бушу, который, по их словам, принадлежит к людям, предпочитающим предсказуемость событий эффективным неожиданным, эволюцию — революции.

Горбачев согласился с рекомендацией воздерживаться от взрывания фугасных бомб. Но никто не говорил ему, что он должен избегать публичных выступлений. Во время остановки в Риме, перед встречей с Бушем на Мальте, он вдруг раздвинул кордон своих телохранителей и принялся целовать детей и обмениваться рукопожатиями со своими поклонниками, кричавшими: «Горби! Горби!» Люди из толпы говорили потом журналистам, что Горбачев «очень симпатичный», что он — лидер «космического масштаба», даже «евангелического».

Советский лидер снова попытался создать иллюзию благожелательного владения событиями, разыгрывая самую слабую карту и делая вид, будто у него на руках четыре туза.

В зале городского совета, под статуей Юлия Цезаря, он призвал вновь созвать в 1990 году Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Идея такого совещания родилась на международной конференции в Хельсинки в 1975 году в значительной степени по советской инициативе. Это было частью попытки Леонида Брежнева заставить Запад признать раздел Европы. Но со временем западным лидерам удалось превратить так называемые «хельсинкские договоренности» в механизм давления на Кремль и его сателлитов в Восточной Европе в вопросах обеспечения уважения прав человека.

И вот теперь Горбачев надеялся использовать иначе Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и, подменив им Варшавский пакт и НАТО, достичь своей цели — создать нейтральную Европу. А на самом-то деле было уже ясно, что, будучи генеральным секретарем коммунистической партии, главнокомандующим Варшавского пакта, преемником Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева, сам Горбачев, как историческая фигура, терпел большое поражение. Однако, вместо того чтобы примириться с ролью представителя рухнувшей державы, он изображал из себя глашатая самых смелых надежд человечества. В зале Римского городского совета он возвестил: «Нам нужны духовные ценности. Нам нужна революция духа».

Горбачев посетил папу Иоанна Павла II в Библиотеке апостольского дворца XVI века. Будучи поляком, папа долгое время рассматривался Советами как фигура зловещая и провокационная. Называя папу «Ваше Святейшество», Горбачев пригласил его посетить Советский Союз, согласился восстановить дипломатические отношения с Ватиканом и пообещал, что Советский Союз «вскоре» примет новый закон, гарантирующий свободу вероисповедания.

Из Рима Горбачев ненадолго прилетел в Милан, где заявил, что «пражская весна» 1968 года была «допустимым движением к демократии, обновлению и гуманизации общества. Она была правильна тогда и правильна сейчас».

Советский лидер продолжал говорить, а его помощники начали нервничать. Милан стало затягивать туманом. В сообщениях о погоде говорилось, что по югу Европы и Средиземному морю движется сильнейший шторм в направлении Мальты...

Когда помощники Буша в Вашингтоне услышали, что Горбачев предложил возродить Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, они не удивились. Это совещание стояло в подготовленном для президента списке инициатив, которые мог предложить Горбачев. Блэкуилл хвастался коллегам: «Что бы он ни вытащил из мешка, мы к этому уже готовы».

Некоторые помощники Буша, особенно обожающий лезть в драку Сунуну, говорили о поездке президента на Мальту, словно о полете бомбардировщика. Они «сбросят большущую бомбу на Горбачева», «он у них закачается», он «и знать не будет, что его сразило». Говоря об инициативах, которые Буш повезет на Мальту, Блэкуилл заметил: «Советы абсолютно не подготовлены ко всему этому. У них глаза полезут на лоб». А Сунуну хорохорился перед президентом: «Мы теперь покончим с застенчивостью — раз и навсегда». Буш заметил в ответ: «И правильно! Обрушимся на них, как полиция на гангстеров!»

Поездкой на Мальту Буш преследовал главным образом личную цель — поднять свой рейтинг, но кроме того, он хотел поддержать Горбачева и укрепить его приверженность реформам. В четверг, 30 ноября, прежде чем выехать на Мальту, Буш сказал своему кабинету министров и Национальному совету безопасности: «Я не хочу скупиться. Я не хочу выглядеть нерешительным. Целью моих шагов там будет показать Горбачеву, что я полностью его поддерживаю».

Прежде чем поцеловать на прощание жену и сесть в вертолет, президент задержался в Розовом саду, чтобы сказать несколько слов двум-трем сотням чиновников, собравшихся его проводить. Он сказал, что «воодушевленный прием», оказанный в Италии Горбачеву, показывает, «как горячо народы Европы хотят, чтобы перемены и реформы продолжали продвигаться вперед».

Буш выразил надежду, что Мальта явится большим шагом к созданию «Европы, которая действительно будет единой и свободной». Они с Горбачевым хотят «установить прочные взаимоотношения, которые позволят добиваться реальных достижений в течение долгого времени. Он ищет пути для продвижения своих реформ, а я ищу пути для поддержания демократии и свободы. И одним из этих путей является поддержка его усилий, направленных на реформы».

Во время полета на Мальту Буша неоднократно будили, сообщая донесения разведки из Манилы, где президент Корасон Акино боролась с попыткой государственного переворота, организованного военными диссидентами. Это был пятый бунт против ее президентства и самый серьезный. Буш приказал американской военной авиации установить контроль над небом Манилы, устроить демонстрацию силы — именно это в конечном счете и помогло ликвидировать переворот.

В пятницу утром, когда президент сошел с самолета в Валетте, лицо у него было серое, а глаза красные. Снедаемый беспокойством по поводу событий в Маниле и волнением, связанным с предстоящей встречей с Горбачевым, он призвал на помощь все свои резервы любезности для обязательного обсуждения американско-мальтийских отношений с премьер-министром Адами.

Глядя из окна президентского дворца, Буш видел, как проливной дождь с ветром хлещет в воды Большой бухты. Днем шторм разыгрался вовсю. Президент укрылся в своих апартаментах на «Белнапе», крейсере с управляемыми ракетами, который был флагманом американского 6-го флота. Волны в четыре фута высотой так и швыряли мальтийские патрульные катера и надувную резиновую лодку, в которой находились американские водолазы, выделенные для охраны президента от террористов.

В офицерской кают-компании «Белнапа» Буш встретился со своими советниками по подготовке завтрашней встречи. Внимательно просмотрев свое выступление, подготовленное

Блэкуиллом и Райс, он сказал Скоукрофту, что хотел бы что-то «более прямое и менее бюрократичное». Так, например, по проекту речи он должен был предложить Горбачеву статус наблюдателя в структуре, которая будет создана для охраны либеральной политики в торговле. Имелось в виду Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГААТ) — но лишь в том случае, если Горбачев проведет реформу цен.

Президент сказал: «Давайте сразу предоставим этот статус Советам, ничем их не связывая. Мы же хотим, чтобы они узнали систему международной торговли. Кроме того, не забывайте: я работал в ООН. И я немного разбираюсь в статусе обозревателя. Советы при всем желании не смогут причинить нам больших беспокойств, да к тому же, я подозреваю, и не захотят».

Буш решил также опустить часть условий, заложенных в его предложении отменить поправку Джэксона — Вэника. В проекте речи он должен был поставить отмену поправки в зависимость от «честного осуществления» советского закона, гарантирующего право на эмиграцию. Но президент сказал: «Зачем нужна вся эта ерунда насчет честного осуществления? Они уже осуществляют право на эмиграцию. Так что давайте это опустим».

Несколько раз он останавливался и спрашивал: «А что Горбачев на это скажет? У нас есть что-то о его мнении на этот счет?» Одним из такого рода пунктов была гражданская война в Камбодже. Согласно подготовленному документу, Буш должен был призвать Горбачева перестать посылать оружие коммунистическому режиму в Пномпене. Президент знал, что Горбачев в ответ напомнит ему: Кремль предлагал мораторий на поставку оружия извне всем сторонам камбоджийского конфликта.

Поскольку Соединенные Штаты и их союзники оказывали военную помощь нескольким группировкам камбоджийского сложного узла, Буш сказал: «Я не очень уютно буду себя чувствовать, вступив в пререкания по этому поводу. Давайте сконцентрируем наш огонь на Центральной Америке, где мы знаем, что у нас есть все основания вмешаться».

Сандинисты как раз представили новое доказательство продолжающегося экспорта революции. За неделю до мальтийской встречи двухмоторный «Сесна» рухнул на бобовое поле в восточной части Сальвадора с грузом автоматов, минометов, противотанковых орудий и противовоздушных ракет. Груз этот, предназначенный для партизан Сальвадора, почти несомненно был послан правительством сандинистов из Манагуа.

Бейкер предложил Бушу: «Вы можете указать Горбачеву на то, что наша торговая политика — в частности, отмена поправки Джэксона — Вэника — играет важную роль в США. Вы можете дать ему ясно понять, что, если в Центральной Америке будут продолжаться беспорядки и насилие, наша общественность может спросить: «Почему мы помогаем Советам экономически, когда они перекачивают миллиард долларов в Центральную Америку?»»

После того как президент ушел, Блэкуилл, Райс, Зёллик и Арнольд Кантер, эксперт Совета национальной безопасности в области контроля над вооружениями, работали до глубокой ночи, переделывая проект речи с тем, чтобы он был готов, когда Буш в десять часов утра сядет в свой катер и отправится на советский ракетный крейсер «Слава» для встречи с Горбачевым.

А в темноте за окнами ветер достиг ураганной силы. Он сорвал советский и американский флаги с флагштоков и обрушил помост, сооруженный для комментаторов телевидения. Мальтийские официальные лица говорили, что такого шторма они не видели уже пять лет.

МАЛЬТИЙСКАЯ ВСТРЕЧА

Кутру буря усилилась. Советская сторона перенесла первую встречу со «Славы» — корабль качало, как поплавок,— на более тяжелое морское судно «Максим Горький», пришвартованное у пристани, где Горбачев провел ночь. В 10 утра к «Горькому» подплыл небольшой катер. Держась за поручни, чтобы не потерять равновесие, Буш, Бейкер, Скоукрофт, Сунуну, Фицуотер и Зёллик взошли на борт советского судна. У госсекретаря за ухом был наклеен кусочек пластыря от морской болезни. Фицуотер уверил репортеров, что рвоты у Бейкера не было.

На верхней палубе Горбачев нервно мерил шагами наспех подготовленную к встрече кают-компанию. Здесь же находились Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев, Анатолий Добрынин и другие помощники. По одной стене стояли книжные стеллажи, на другой — висел строгий портрет тезки корабля, пролетарского писателя начала XX века.

Широко улыбаясь, Буш вошел в кают-компанию и пожал Горбачеву руку. Пока репортеры строчили в блокнотах, а фотографы щелкали фотоаппаратами, президент изображал из себя бывалого моряка, утверждая, что ночная качка ничуть не тревожила его сон на «Белнапе»:

— Это сущие пустяки!

Горбачев пошутил, что ненастье входило в секретные планы Советского Союза — разоружить 6-й флот США. Буша эта реплика, казалось, озадачила — уж не собирается ли Горбачев сбивать его с толку, чтобы подмять под себя? Улыбка исчезла с лица Буша. Он отметил, что буря как будто стихает, а это «хороший знак». Надев свои очки пилота, Буш произнес:

— Давайте приступим к работе.

Журналистов попросили покинуть кают-компанию.

За длинным узким столом Горбачев сказал сидящим напротив американцам:

— Не знаю, кому начинать. На моем судне вы гость. С другой стороны, это вы пригласили меня на встречу.

Кое-кто из американцев поморщился, усмотрев в этих словах типично горбачевский прием перекладывать груз на чужие плечи: Горбачев вынуждал Буша объяснить, чего ради тот пригласил его на Мальту.

Буш принял вызов. Немного нервничая, он заговорил пронзительным, высоким голосом: у него есть «некая модель» о необходимости использования возможностей, возникших вследствие существенных перемен в мире. Горбачев кивнул и что-то записал в маленьком оранжевом блокноте — Павел Палащенко синхронно переводил ему на ухо.

Буш продолжал:

— Вы имеете дело с администрацией, которая желает вам удачи в ваших начинаниях. В случае успеха перестройки мир станет лучше.— Взглянув на две страницы текста — список инициатив, он сказал: — Вот кое-какие идеи.

Он повторил свое предложение отказаться от поправки Джексона — Вэника. Он также «проработает возможность» приостановления конгрессом поправки Стивенсона, препятствующей предоставлению кредитов Советскому Союзу Экспортно-импортным банком США. Он будет содействовать «диалогу» между Москвой и Организацией экономического сотрудничества и развития.

Буш обещал, что будет настаивать на предоставлении Советскому Союзу статуса наблюдателя по контролю за соблюдением Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГААТ).

— Деятельность в рамках ГААТ,— заметил он,— пойдет на благо перестройке.— И выразил надежду, что Горбачев в скором времени примется за реконструкцию советской экономики, и в первую очередь системы ценообразования.

Он вручил Горбачеву перечень возможных областей «технического сотрудничества» (эвфемизм слова «помощь») с Соединенными Штатами, что способствовало бы созданию

в Советском Союзе банковской системы, фондовой биржи и прочих институтов свободного рынка.

— Проглядите это,— сказал он.— Мы приветствуем совместную деятельность в любом из перечисленных аспектов.

Подавшись вперед, Горбачев кивнул.

Гейтс заранее проинформировал Буша, что больше всего Горбачев хочет, чтобы на Мальте были достигнуты договоренности о заключении в 1990 году соглашений по стратегическим наступательным и обычным вооружениям в Европе.

— Давайте этим всерьез и займемся,— сказал Буш.

Он предложил ряд конкретных пунктов по СНВ, которые Бейкер и Шеварднадзе могли начать разрабатывать в январе. Он признал, что в предложениях США есть «белые пятна», так как его собственное правительство еще не пришло на этот счет к полному единодушию, однако наверняка к моменту встречи Бейкера и Шеварднадзе «мы полностью проясним свою позицию».

Повторив слова Бейкера, обращенные к советскому руководителю в мае, Буш призвал Горбачева распространить гласность и на советских военных путем обмена информацией с Вашингтоном по военным расходам и производствам. Он придвинул к Горбачеву стопку пентагоновских документов, сказав:

— Это первый шаг на пути к такого рода обмену, хотя как бывший директор ЦРУ, я буду крайне разочарован, если КГБ не предоставит вам аналогичных материалов.

Буш не ограничился семнадцатью инициативами, приведенными на Мальту. Предварительно смягчив Горбачева, он занял твердую позицию в отношении Центральной Америки: советско-кубинский авантюризм в Западной полушарии остается «единственным и самым серьезным камнем преткновения» в советско-американских отношениях — «гигантским шипом в подошве, который мешает мерно идти вперед».

Буш сказал, что просто не понимает, почему советское руководство допускает помощь сандинистов сальвадорским повстанцам, которые вбивают клин между Соединенными

Штатами и Советским Союзом. Президент Коста-Рики Оскар Ариас, немало сделавший для установления мира, особо подчеркнул, что Буш должен убедить Горбачева прекратить поддержку Кастро.

— Кастро ставит вас в ложное положение,— серьезно заметил Буш.— Подрывает ваш авторитет, разрушая все, за что вы боретесь. Вам надлежит понять: американцы не могут одобрить вашу поддержку Гаваны и Манагуа.

Горбачеву не стоит недооценивать, предостерег президент, резкое отношение его самого, конгресса и американского народа к этой проблеме. Последовав совету Бейкера, он предупредил, что Соединенные Штаты не снимут поправку Джэксона — Вэника и не станут предпринимать никаких шагов по оказанию помощи советской экономике до тех пор, пока Кремль не прекратит чинить безобразия в Центральной Америке. Учитывая лояльность Советского Союза в отношении столь значительных перемен в Восточной Европе, как может Горбачев мириться с тем, что в Центральной Америке его имя связывается с «представителями старого мышления»?

Горбачев ответил, что пытался убедить Кастро начать перестройку в какой-либо ее форме.

— Я сказал Кастро, что он идет не в ногу с нами и что ему стоило бы последовать примеру стран Восточной Европы. Но он не согласился.

Что касается Никарагуа, то советское правительство потребовало у Манагуа объяснений насчет самолета с огнестрельным оружием и ракетами, но сандинисты отрицают свою причастность к этому делу.

— Что ж, — сказал Буш, — они вам лгут.

Горбачев прикусил губу.

Наряду с прочими предложениями Буш выдвинул идею проведения Олимпийских игр 2004 года в Берлине. Горбачев тут же понял, что Буш таким образом его провоцирует косвенно согласиться с тем, что к тому времени Берлин станет столицей единой Германии.

Горбачев сказал Бушу:

— Мы получили две Германии в наследство от истории. История создала эту проблему, истории ее и решать. — И, ввернув любимое словечко Буша, добавил: — Там, где дело касается Германии, я веду *благоразумную* и осторожную политику...

Во время своего часового монолога Горбачев выразил готовность в решении некоторых вопросов пойти гораздо дальше:

— Инспекция по контролю над вооружениями на местах? — У вас может быть столько инспекторов, сколько хотите. Резкое сокращение численности советских войск в Восточной Европе? — Мы и сами знаем, что они там отнюдь не желанные гости.

Следуя практике своих предшественников, Буш протянул Горбачеву список более чем двадцати советских граждан, желающих выехать из СССР.

— Сообщите нам, — сказал Горбачев, — сколько иммигрантов вы хотите заполнить, и мы вам их вышлем!

— Давайте поставим перед собой задачу, — ответил Буш, — избавиться от подобных списков к нашей встрече в следующем году.

В этой фразе президента был скрыт глубокий смысл: чем больше будет делаться в СССР в идеологическом и гуманитарном направлениях, тем большую поддержку окажут ему США на экономическом поприще.

За обедом Горбачев сконцентрировал внимание на внутренних экономических трудностях у себя в стране. Пока облаченные в ливреи официанты обносили присутствующих серебряными вазочками с икрой, Горбачев жаловался на проблемы бюджета:

— У нас и раньше был большой дефицит, а сейчас еще эти удары судьбы.

Он рассказал о колоссальных расходах на восстановление после чернобыльской ядерной катастрофы и землетрясения в Армении. В довершение ко всему низкие мировые

цены на нефть пагубно отражаются на валютных доходах Советского Союза.

«Главное испытание» его политики, сказал он, заключается в том, сумеет ли он преодолеть нехватку потребительских товаров у себя в стране. Для этого ему придется не только вылечить больные структуры советской экономики, но и изменить отношение народа к труду.

Приняв свой обычный самоуверенный вид, Горбачев объяснил, что в Советском Союзе государственную собственность на предприятия постепенно вытесняет «коллективная». По мнению Горбачева, всякое коллективное владение — где больше одного хозяина — можно исключить из категории частной собственности.

— Мы оба знаем, что в Соединенных Штатах почти нет частной собственности... Ведь некоторые из ваших фирм насчитывают более двадцати тысяч акционеров!

Буш из вежливости воздержался от замечаний по поводу неожиданно проявившегося невежества Горбачева в области западной экономики. Вместо этого он поведал о своем опыте рискованного поиска нефти в Мексиканском заливе: когда он и его партнеры потеряли там нефтяную вышку, то полностью потеряли все вложенные деньги.

— Но американскому налогоплательщику это не стоило ни единого пенни, кроме, пожалуй, расходов на списание налога.

Палашенко с трудом сумел перевести термин «списание налога». Когда наконец он справился, Горбачев, казалось, был озадачен более, чем когда-либо. Он пожаловался на своих экономистов, которые дают ему бестолковые советы.

— Я тоже через это прошел! — засмеялся Буш.

Дабы упредить вопрос Горбачева о непосредственной финансовой помощи — просьба, в которой он вынужден был бы отказать, — Буш одобрительно отозвался о недавнем публичном высказывании Шеварднадзе о том, что советское руководство «не собирается просить милостыню», так как имеет «гордость».

— Я понимаю, что вы горды,— заключил Буш,— и мы тоже...

После обеда Буш должен был вернуться на «Белнап» на три часа — «личное время»,— а затем, в 16.30, вновь прибыть на «Горький» для следующей встречи с Горбачевым. Оба руководителя собирались завершить день рабочим ужином на «Белнапе».

Штормило так, что Горбачев предложил Бушу остаться на «Горьком» во избежание срыва переговоров. Буш не согласился. Президентский катер швыряло из стороны в сторону; лишь после многочисленных попыток ему удалось пришвартоваться к «Белнапу». Когда Буш с сопровождавшими его лицами поднялись на борт, его советники и подразделение секретной службы настояли на том, чтобы президент оставался на судне до тех пор, пока не улучшится погода.

Всю вторую половину дня президент Соединенных Штатов провел в адмиральской каюте в окружении фотографий 6-го флота, хмуро глядя в иллюминатор на дождь и туман. Лишь однажды они со Скоукрофтом вышли на палубу «Белнапа», чтобы посмотреть в сторону «Горького», где — всего лишь на расстоянии тысячи ярдов — Горбачев и остальные праздновали 66-летие Яковлева.

В тот вечер Буш и те из его помощников, кто был в состоянии, пили белое вино за ужином, который президент назвал «превосходным». Очень жаль, сказал он стюардам, что Горбачев так и не узнал, «как кормят на американском флоте».

На рассвете в воскресенье буря начала стихать. Утреннее заседание планировалось провести на борту «Белнапа», но обе стороны решили перенести его на более устойчивое советское судно. Когда катер приблизился к «Максиму Горькому», за ухом у президента тоже был наклеен пластырь от морской болезни.

На вопрос репортера, не помешала ли непогода встрече, Буш воскликнул:

— Нет, черт побери! Нет! Встреча идет прекрасно, спасибо.

С такой же наигранной веселостью он взбежал по трапу на советский корабль и протянул хозяину руку с приветствием:

— Доброе утро!

Сияющий Горбачев ответил старательно заученной английской фразой:

— Долгое время не видеть!

Накануне, желая установить контакт с Бушем, Горбачев, сдерживая стремление к превосходству, не стал обсуждать свои сомнения относительно того, что происходит с советской властью и коммунизмом советского образца в мире. Сейчас он сказал Бушу, что хочет снять камень «с души».

Он сетовал на то, что определенные аспекты риторики и политики США носят «односторонний характер» и «не способствуют осуществлению моих планов». Зачем Буш беспрестанно повторяет, что события в Восточной Европе — это «торжество ценностей Запада»?

— А почему вас это тревожит? — спросил Буш. — На мой взгляд, гласность — ценность Запада, открытость — ценность Запада, представительное правительство — ценность Запада, плюрализм — ценность Запада.

— Но ведь и у нас есть эти ценности, — возразил Горбачев. — Почему бы вам не назвать их ценностями Востока?

Бейкер, как бывший юрист, тут же подоспел на помощь, подсказав взаимоприемлемый термин:

— А как насчет того, чтобы назвать их *демократическими* ценностями?

— Замечательно! — воскликнул Горбачев. — *Демократические* ценности! Прекрасно!

Горбачев признал даже то, что Америка могла бы стать посредником в мирных преобразованиях в Восточной Европе.

— Мы больше не считаем вас своим врагом, — сказал Горбачев Бушу. — Много изменилось. Мы хотим вашего присутствия в Европе. Вы должны остаться в Европе. Ваше нахождение там важно для будущего этого континента. Так что не думайте, будто мы добиваемся вашего ухода.

Бейкер счел это заявление Горбачева самым важным и обнадеживающим из всего произнесенного им за этот уик-энд.

Позднее он сказал своим помощникам, что Горбачев наконец-то «перестал играть в самоутверждение».

Отпустив помощников, Буш и Горбачев перешли к самому щекотливому, а возможно, и самому взрывоопасному вопросу повестки дня: судьбе Прибалтийских республик. Буш заметил, что на пресс-конференции по окончании встречи эта тема обязательно будет затронута.

Горбачев сказал, что готов ответить на любые вопросы, связанные с Прибалтикой. Повторяя то, что Шеварднадзе говорил Бейкеру несколько месяцев назад, он заверил Буша в «твердом намерении» Кремля избежать каких бы то ни было репрессий. Применение силы «будет означать конец перестройки».

Буш напомнил Горбачеву, что за сорок девять лет Соединенные Штаты так и не признали аннексию Прибалтики Советским Союзом. И по-прежнему хотят, чтобы Прибалтийские республики получили независимость. Если центральные советские власти, продолжал Буш, вызовут взрыв насилия в Прибалтике, то в Соединенных Штатах «вспыхнет пожар» антисоветских настроений...

По окончании переговоров Буш и Горбачев появились перед журналистами в танцевальном салоне на «Горьком» — это была первая в истории встреч на самом высоком уровне совместная пресс-конференция. Единственным источником резких разногласий оставалась Центральная Америка — тяжелое наследство печального прошлого. Не вызывало сомнений, что в течение ближайших нескольких месяцев будут разработаны — и в 1990 году подписаны — договоры по ограничению стратегических наступательных и обычных вооружений в Европе.

Оба руководителя сумели даже найти положительные стороны в капризах погоды.

— Этот инцидент доказывает, что мы способны хорошо приноравливаться к меняющимся обстоятельствам,— сказал Горбачев.

В Москве представитель Министерства иностранных дел Геннадий Герасимов, как всегда, не удержался от красного словца:

— Мы похоронили «холодную войну» на дне теплого Средиземного моря,— сказал он.

А два года спустя Бессмертных вспоминал:

— Если бы не Мальта, Советскому Союзу никогда бы не удалось так плавно выпустить из-под контроля Восточную Европу и Прибалтику...

В тот самый уик-энд, когда Буш и Горбачев находились на Мальте, начался окончательный развал коммунистического режима в Восточной Германии. «Ведущая роль» коммунистической партии была отвергнута. Специальный парламентский комитет обвинил Хонеккера и других смещенных руководителей в коррупции и исключил их из партии. Эгон Кренц подал в отставку, и на его место пришел партийный лидер более реформистского толка Грегор Гизи.

На встрече руководителей государств — участников Варшавского договора, состоявшейся в начале декабря, каждую делегацию — за исключением одной — возглавлял реформатор, придерживавшийся собственных взглядов на реформу и пришедший к власти в 1989 году.

Единственным исключением была Румыния — Николае Чаушеску сетовал своим новым коллегам, что Америка и Западная Европа возобновили старую кампанию за мировое господство:

— Они хотят ликвидировать социализм! — кричал он.

Он предложил провести еще одно заседание Варшавского договора в Бухаресте для того, чтобы спланировать контрнаступление от имени «пролетарских партий».

Другие руководители старались не обращать на него внимания. Они одобрили предложение Чехословакии осудить советскую интервенцию 1968 года, сокрушившую Праж-

скую весну, как «незаконную акцию с затянувшимися негативными последствиями». Эта резолюция явилась еще одним ударом по брежневской доктрине. Чаушеску отказался ее подписывать.

Через три недели Чаушеску и его жена были казнены во время самого кровавого из восточноевропейских переворотов — их тела были изрешечены пулями. После смерти диктатора его силы безопасности продолжали неистовствовать. Часть румын повернули свои ружья против венгерского меньшинства, живущего в западной части страны. Лоуренс Иглбергер предупредил Бейкера, что гражданская война и национальная рознь могут распространиться далеко за пределы Румынии. Дело дошло до того, что некоторые из свергнувших Чаушеску обратились к Горбачеву с просьбой ввести советские войска, дабы положить конец поддержке диктатуры секретной полицией Чаушеску.

В Вашингтоне Бейкер высказал мнение, что у Советов «достаточно мотивов и возможностей, чтобы прекратить кровопролитие». В воскресенье, 24 декабря, в программе Эн-би-си «Встреча с прессой» он заявил, что Соединенные Штаты не будут возражать, если «Варшавский договор сочтет необходимым вмешаться» в дела Румынии.

В этом крылась определенная ирония. В десятую годовщину вторжения Брежнева в Афганистан и всего через несколько недель после того, как Горбачев отрекся от брежневской доктрины, государственный секретарь Соединенных Штатов заявил, что приветствовал бы решение Советов вернуть войска в одну из стран Восточной Европы.

Возможно, Бейкер руководствовался дополнительными мотивами помимо стремления прекратить кровопролитие. Соединенные Штаты только что совершили массированную интервенцию в Панаму — операция носила название «Правое дело», и ее главная задача состояла в том, чтобы лишить диктатора генерала Мануэля Норьегу власти и доставить его в Майами.

Если бы Горбачев ввел войска в Румынию во имя защиты свободы, это уравнило бы действия США на Филиппинах и в Панаме. Бейкер направил в Москву послу Мэтлоку телеграмму с просьбой разузнать об отношении Советов к событиям в Румынии и их действиях.

Шеварднадзе сказал Мэтлоку, что он «категорически против» любого вмешательства. Румынская революция была «делом самих румын», и больше ничьим. Всякое советское вмешательство лишь «сделает из Чаушеску мученика».

«ОТПУСТИТЕ ПРИБАЛТОВ!»

В кремлевский кабинет Горбачева вкатили телекамеру для того, чтобы записать на пленку его Новогоднее обращение к советскому народу. Сидя за столом и глядя в объектив, он сказал, что 1989 год стал «годом окончания «холодной войны». В то время как 90-е годы обещают стать «самым плодотворным периодом в истории цивилизации», Советский Союз «пережил трудный год, самый трудный год перестройки». Он призвал к «разуму и доброте, терпению и терпимости».

Самой серьезной проблемой были усилившиеся требования независимости Литвы. В декабре литовская коммунистическая партия прервала отношения с Москвой и выдвинула требование предоставления свободы республике.

В Москве Горбачев провел закрытое заседание ЦК. Сторонники жесткой линии настаивали на применении силы против Вильнюса — ведь если отколется Литва, то распадется весь Советский Союз. Горбачев отказался.

— Я не хочу марать руки в крови,— сказал он.

Горбачев убедил Центральный Комитет повременить с окончательным решением — из Москвы в Вильнюс была направлена делегация с целью призвать местных партийных лидеров прислушаться к голосу разума. Борис Ельцин, не желая, чтобы его соперник ушел от справедливой ответственности, предложил возглавить делегацию самому Горбачеву. ЦК согласился.

Во вторник, 11 января, Горбачев в сопровождении сорока человек вылетел в Вильнюс. Более 200 тысяч разгневанных литовцев собрались перед кафедральным католическим собором, скандируя слово «независимость». Один из лозун-

гов гласил: «Ленин признал Литву, Сталин отнял у нее независимость, — а Горбачев?»

Трехдневный визит Горбачева был первым в истории посещением Литвы главой советского государства. Смешавшись с толпой, он восклицал:

— Независимость? Давайте ее добиваться. На рабочих местах, в городах, в республиках, но *вместе!*

Горбачев дал понять, что возможен компромисс:

— Нам необходим механизм выхода республик из Советского Союза. Надо обсудить принципы выхода, обороны и системы связи, как того требует нынешнее время.

Таким образом, советский руководитель впервые в публичном выступлении допустил возможность выхода советской республики из состава Союза.

Витаутас Ландсбергис, профессор музыковедения, возглавивший движение за независимость Литвы, на массовых митингах в Вильнюсе заявлял:

— Украденное должно быть возвращено!..

Не успел Горбачев вернуться из Вильнюса в Москву, как на него обрушилась новая, еще более тяжелая беда — Кавказ. Армения и Азербайджан вступили в конфликт с центральным советским правительством и друг с другом одновременно.

В течение десятилетий армянский и азербайджанский национализм сдерживался железным кулаком Москвы. Теперь граждане обеих республик, осмелев,— подобно литовцам, во весь голос после столь долгого молчания — заявили о том, что хотят независимости. В Баку многотысячные толпы под руководством Народного фронта Азербайджана окружили здания ЦК компартии, радио- и телецентра, требуя выхода из Советского Союза и объединения с братьями по крови в северном Иране.

Ситуацию осложняли события в Нагорном Карабахе — области Азербайджана, населенной в основном армянами. Боясь последствий получения Азербайджаном независимости, народ Карабаха добивался выхода из состава республики и присоединения к Армении. В результате вновь разгоре-

лась старая вражда, не утихавшая между армянскими христианами и азербайджанскими мусульманами по крайней мере с VIII века,— такого взрыва насилия Советский Союз не знал со времен Второй мировой войны.

Горбачев направил в Баку с миротворческой миссией Евгения Примакова. Бывший корреспондент «Правды» на Ближнем Востоке, тесно связанный с КГБ, Примаков поднялся на высшую ступень в советской академической системе, сменив в 1985 году Яковлева на посту директора престижнейшего Института мировой экономики и международных отношений.

В конце 80-х Примаков стал активно участвовать в политике и примкнул к сторонникам Горбачева на съезде народных депутатов и в Верховном Совете. К 1990 году он вошел в ближайшее окружение Горбачева. Будучи советником главы советского государства в вопросах экономики, обороны и внешней политики, Примаков постоянно подчеркивал, что в прошлом был специалистом по арабскому и исламскому миру. Таким образом, когда на Кавказе вспыхнули волнения, выбор Горбачева, естественно, пал на него.

В Баку Примаков объявил народу, что советские вооруженные силы находятся здесь лишь для защиты интересов национальных меньшинств. Он был освистан. Министр обороны Дмитрий Язов и министр внутренних дел Вадим Бакагин прибыли в Азербайджан на военный командный пост за пределами Баку, где советские войска готовились к наступлению. Сторонники Народного фронта соорудили грубые баррикады из автобусов, чтобы преградить путь «интервентам» из Москвы.

На рассвете 20 января армейские подразделения и войска Министерства внутренних дел прорвали заслон и атаковали город, вступив в перестрелку с митингующими, которые были вооружены винтовками и автоматами. В то время как по официальным данным число убитых равнялось 120, Народный фронт утверждал, что на самом деле погибла тысяча человек.

Выступая по телевидению, советский руководитель оправдывал применение сил подавления. Он называл восстав-

ших «погромщиками, организаторами и подстрекателями беспорядков», «антиобщественными и антинародными элементами»...

Буш и Бейкер были не на шутку встревожены тем, что советский руководитель не сумеет надолго удержать власть. Шеварднадзе вынужден был отложить следующую встречу с Бейкером, запланированную на февраль в Москве, с тем чтобы Горбачев мог провести двухдневное заседание Центрального Комитета в надежде укрепить свои позиции. Борис Ельцин во всеуслышание прогнозировал «падение» правительства Горбачева «через несколько месяцев».

Опасаясь, как бы Запад не отвернулся от Горбачева, Шеварднадзе заверил иностранных корреспондентов в Москве, что угрозы свержения нынешнего главы государства не существует.

— Горбачев и политическое руководство страны в целом пользуются поддержкой большинства советского народа, даже при том, что мы испытываем огромные трудности. В магазинах пустуют прилавки, не говоря уже о множестве социальных, экономических и межнациональных проблем.

В течение той недели Горбачев находился на даче в Ново-Огареве — в полчаса езды от Москвы. Построенный в 1956 году — с портиком в четыре колонны и с островерхими викторианскими крышами, — этот двухэтажный оштукатуренный особняк был стилизован под русские дворянские усадьбы начала XIX века. Здесь была бильярдная, солярий и кинотеатр — большинство москвичей об этом не догадывалось.

На дачу съехались помощники Горбачева, чтобы помочь ему подготовить основной доклад Центральному Комитету — о реформе партии. Москва наполнилась слухами, что Горбачев собирается объявить о выходе из партии. Когда об этой версии сообщила Си-эн-эн, Горбачев публично ее опроверг.

Многие из его сограждан надеялись, что слухи оправдаются.

В воскресенье, 3 февраля, сотни тысяч москвичей вышли на демонстрацию, требуя отмены монополии коммунистов в

структурах власти. Толпы людей, собравшиеся перед гостиницей «Москва», где остановились многие члены ЦК, скандировали:

— В отставку! В отставку!

Плакаты гласили: «Коммунистическая партия Советского Союза, мы от тебя устали!» и «72 года пути в никуда». Обращаясь к манифестантам, Борис Ельцин сказал:

— Для партии это последний шанс.

В понедельник утром, 5 февраля, Горбачев сделал доклад на закрытом заседании ЦК.

— Партия сможет выполнять свою миссию политического авангарда,— утверждал он,— лишь при условии коренных преобразований внутри нее и взаимодействия со всеми силами, преданными делу перестройки.

Горбачев рекомендовал внести изменения в советскую Конституцию, чтобы положить конец политическому господству коммунистической партии и открыть путь многопартийной системе. Он призвал к экономическим реформам, к сокращению состава Центрального Комитета на 20 процентов и к созданию нового института исполнительной власти — президентства, которое должно было укрепить его власть. Как объяснил один из прогорбачевских членов ЦК:

— При наличии независимой от партии президентской власти государственный переворот невозможен.

В то время как Шеварднадзе и Яковлев отстаивали Горбачева, а значит, и его программу, он подвергался яростным нападкам как справа, так и слева. Однако единственный голос против горбачевской платформы, как оказалось, принадлежал Борису Ельцину, считавшему, что Горбачев по-прежнему «пытается писать свои предложения обеими руками — правой и левой, — постоянно идя на компромиссы»...

В среду, 7 февраля, пока продолжался пленум ЦК, самолет Бейкера «Боинг-707» приземлился в густом тумане в Москве. Госсекретарь не мог остановиться, как обычно, в апартаментах Спасо-хаус, так как посол Мэтлок предоставил особняк в рас-

поражение Сюзан Эйзенхауэр по случаю ее бракосочетания с Сагдеевым, после которого должен был состояться прием.

Делегация Бейкера разместилась в современной гостинице «Международная», построенной Арманом Хаммером в преддверии Олимпиады 1980 года, которую Соединенные Штаты и другие страны Запада бойкотировали в знак протеста против советской интервенции в Афганистане. Первая встреча Бейкера с Шеварднадзе была назначена на 7 часов вечера, но так как ЦК все еще заседал, помощники Шеварднадзе попросили госсекретаря приехать в министерство на час позже.

Бейкер сомневался, сможет ли Шеварднадзе сосредоточиться на международных проблемах, будучи слишком поглощенным вопросами внутренней политики. Он постарался так составить тезисы своего вступительного слова, чтобы Шеварднадзе легче было переключить внимание.

На пленуме Центрального Комитета Горбачеву и Шеварднадзе приходилось отбиваться, когда выступавшие один за другим громили их за то, что они слишком часто идут на поводу у Вашингтона. Во время полета в Москву Бейкер сказал помощникам, что хочет помочь Горбачеву и Шеварднадзе путем «разъяснения им сути наших предложений и того, что они отвечают интересам их страны».

Когда в восемь часов Бейкер встретился с Шеварднадзе, его поразило, что, несмотря на тяжелый день, тот был бодр и даже весел. Бейкер начал с того, что горячо одобрил перемены в советско-американских отношениях. На этот раз он намеренно сделал еще один шаг вперед по сравнению с тем, когда уверял Шеварднадзе, что они с Бушем желают перестройке успеха. Сейчас он сказал:

— Мы считаем, что процесс обновления Советского Союза в наших интересах. Он важен и позитивен.

Обновление было тем самым словом, которое Горбачев и Шеварднадзе использовали для определения своей политики. Госсекретарь совместно с Деннисом Россом разработали

новый словарь, созвучный устремлениям советских лидеров; Шеварднадзе это оценил и был благодарен.

— Мы хотим, чтобы вы добились успеха,— продолжал Бейкер.— Мы говорим об этом серьезно. Мы осознаём, что есть пределы нашей помощи. Как сказал генеральный секретарь, для успешного процесса обновления необходима стабильная международная обстановка.

Шеварднадзе просиял.

— Знаете,— сказал он,— я употребил именно эти слова в своей вчерашней речи на пленуме! Я вижу, наши подходы совпадают.

— Мы понимаем, что для прогресса перестройки международный климат должен быть устойчивым,— ответил Бейкер.

Затем он повел речь о некоторых горячих точках во внешнем мире, выказав недовольство, в частности тем, что на Кубу были отправлены советские военные самолеты МиГ-29. Шеварднадзе не мог скрыть досады и признался, что не одобряет постоянную помощь Советов Кастро.

По поводу Афганистана Бейкер сказал, что Соединенные Штаты временно откажутся от своего давнего требования отозвать Мухаммеда Наджибуллу — просоветского президента страны — до начала переговоров об окончании гражданской войны.

При одном лишь упоминании о Наджибулле, олицетворявшем собой порочное прошлое советской внешней политики, Шеварднадзе вспыхнул:

— Иногда мне хочется, чтоб все они перестреляли друг друга, и конец!

Но тут же, овладев собой, сказал:

— Нам будет трудно заставить его уйти, но вполне вероятно, что он решит сам подать в отставку.

Бейкер также отметил перемены, происшедшие в Восточной Европе после встречи на Мальте. Из Москвы он собирался направиться в Румынию и Болгарию.

— Хорошая мысль,— сказал Шеварднадзе.— Это вдохновит реформаторов этих стран. Я пробыл там тридцать шесть

часов и думаю, будет полезно, если и вы там побываете. Мы бы хотели узнать о ваших впечатлениях.

Это был поразительный диалог. Государственный секретарь Соединенных Штатов и министр иностранных дел Советского Союза пытались скоординировать усилия, чтобы вывести Восточную Европу из-под контроля Советов.

— Мы считаем, что процесс преобразований в Восточной Европе идет неровно. В Польше — мы уверены — перемены будут совершаться спокойно и последовательно, поскольку действия правительства отражают волю народа. Но в Румынии все гораздо сложнее. Новые руководители, как день и ночь, непохожи на Чаушеску — в философском, идеологическом, эмоциональном и социальном планах. Но ведь все эти годы там не допускалось никакой политической культуры. Во всем доминировал диктатор.

Они договорились о том, что встреча Буша с Горбачевым должна состояться летом в Вашингтоне. Шеварднадзе заранее сообщил журналистам, что даст Бейкеру ответ в отношении предложения Буша о сокращении численности войск в Центральной Европе до 195 тысяч человек; теперь же он сказал, что Бейкер получит ответ от Горбачева, когда тот примет его в пятницу.

Что касается позиции США, сказал Бейкер, то он и президент готовы расширить свои предложения по СНВ, сделанные в Вайоминге. Он перечислил ряд мелких уступок по ограничению крылатых ракет воздушного базирования и по некоторым другим техническим вопросам.

— Вы выдвинули чрезвычайно позитивные предложения, — ответил Шеварднадзе. — Наши эксперты их рассмотрят. Тогда мы вынесем суждение. Они будут работать всю ночь. Важно, чтобы все это осталось позади.

Контроль над вооружениями, когда-то находившийся в центре внимания советско-американской дипломатии, сейчас превратился в нечто второстепенное, с чем Бейкеру и Шеварднадзе следовало как можно быстрее разобраться,

чтобы перейти к более актуальным и более интересным вопросам.

В четверг вечером, 8 февраля, чета Шеварднадзе принимала Бейкеров в своей московской квартире. За ужином (вновь были поданы грузинские блюда) Шеварднадзе признался Бейкеру, что ухудшение дел в советской экономике представляет собой серьезную угрозу для выживания Горбачева. Однако, сказал он, главная внутренняя опасность заключается не в экономике, а в обострении национальной проблемы и межнациональных конфликтов.

Бейкер слышал об усилении антисемитизма в Советском Союзе. В январе с криками «бей жидов!» кучка головорезов избивала нескольких делегатов на встрече либеральных писателей, а русские ультранационалисты жаловались, что под предлогом гласности «еврейский заговор» превращает Россию в «робота, лишённого человеческого облика». Бейкер спросил о слухах, согласно которым вот-вот начнутся погромы.

Министр иностранных дел опроверг сведения Бейкера: национальные проблемы существуют, но евреи не являются их эпицентром. Антисемитская, ультранационалистическая организация «Память», сказал он, является «крайней группировкой», которая на самом деле не угрожает евреям.

Несмотря на то что новая открытость, проявившаяся на пленуме ЦК, кажется свежей струей, на самом деле она создает новые проблемы. Раньше никто не осмеливался подвергать сомнению советскую внешнюю политику, сейчас на партийных собраниях люди встают и выкрикивают:

— Почему вы с Горбачевым проморгали Восточную Европу? Почему отдали Германию?

После разговора с Шеварднадзе Бейкер сказал своим помощникам:

— На пленуме Центрального Комитета Горбачев укрепил свои позиции, но неизвестно, к добру ли это. Чем большую власть он сосредоточит в своих руках, тем труднее ему будет переложить вину на чьи-либо плечи в случае неудачи.

Однако Бейкера потряс мрачный рассказ Шеварднадзе о проблемах Горбачева.

— Все говорит за то, что Горбачев не выживет, хотя мы не собираемся произносить это вслух. Чем больше мы обсуждаем факты, работающие против него, тем больше это становится похоже на пророчество. Опасность для Горбачева заключается не в том, что он будет свергнут в результате дворцового переворота, а в том, что его скинет уличная толпа. Джинн свободы выпущен из бутылки. Но люди не желают искать выход из экономических и национальных проблем — все может начаться снизу...

В пятницу утром, 9 января, Бейкер вместе с Горбачевым и Шеварднадзе сели за длинный, витиевато украшенный стол в Екатерининском зале в Кремле. На сей раз Горбачев не пересыпал речь шутками, как обычно. В отличие от Шеварднадзе советский руководитель выглядел изнуренным после недельных баталий.

Обычно Горбачев начинал подобные встречи наедине с Шеварднадзе и Бейкером, затем приглашал помощников. На этот раз все было наоборот. Американцы скоро поняли почему. На расширенном заседании в присутствии маршала Ахромеева Горбачев — для проформы — затеял разговор об ограничении СНВ, делая упор на частные вопросы, такие как правила подсчета крылатых ракет воздушного базирования. Бейкер догадался, что этот монолог был рассчитан на своих. Он понял, что сейчас контроль над вооружениями стал для Горбачева немногим более символа в существующих отношениях между Востоком и Западом.

Затем, отпустив маршала Ахромеева и других помощников, Горбачев перешел к тому, что его по-настоящему занимало, — радикальным переменам в мире, и в первую очередь в Германии. Бейкер предложил схему «два плюс четыре» для решения «внешних аспектов» объединения Германии. О том, чтобы это были только четыре страны-союзницы во Второй мировой войне, не могло быть и речи — «немцы никогда на это не пойдут». Бейкер принял к сведению советское пред-

ложение передать этот вопрос на рассмотрение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, но возразил, что его аппарат «слишком неповоротливый и громоздкий». «Два плюс четыре» — «наиболее реалистичный способ действий». Горбачев допускал, что такая схема, может быть, и «годится для данного случая».

В своем разговоре с Горбачевым Бейкер подчеркнул, что Соединенные Штаты выступают за «сохранение членства объединенной Германии в НАТО, а не за ее нейтралитет» — этот подход горячо одобрялся Бонном. Советскому Союзу не следует отклонять эту идею — ожидать, что такая крупная экономическая держава, как единая Германия, станет нейтральной, «не реалистично».

— Вы предпочли бы, — осведомился он у Горбачева, — чтобы единая Германия не состояла в НАТО, была свободна от вооруженных сил США и, возможно, обладала бы собственным ядерным оружием? Или лучше, если единая Германия сохранит свою связь с НАТО с вытекающей отсюда уверенностью в том, что юрисдикция НАТО не позволит ей ни на дюйм продвинуться на восток?

Горбачев говорил о глубоко коренившемся страхе советских людей перед немцами, о нападении нацистов, о миллионах погибших. На основании этого Бейкер заключил, что Горбачев готов смириться с членством единой Германии в НАТО.

Затем Горбачев сказал:

— Вообще-то, я собираюсь провести семинар по Германии...

Бейкер не догадывался, какие жестокие баталии по поводу Германии уже завязались между Горбачевым и Шеварднадзе, с одной стороны, и их кремлевскими коллегами — с другой. Егор Лигачев и другие члены Политбюро консервативного толка все еще были в ярости из-за того, что Горбачев упустил Восточную Германию; перспектива членства единой Германии в НАТО была солью на ранах.

Даже ближайший помощник Горбачева Андрей Грачев выразил недовольство по поводу «возрождения антиком-

мунистических и антисоветских настроений в Восточной Европе, сноса памятников Ленину, осквернения и варварского надругательства над могилами советских солдат. Все это очень больно видеть». Он отметил, что «наши европейские соседи ни за что не хотят отягчать положение немцев, повторять ошибки Версальского мирного договора. Однако они не должны допустить, чтобы Советский Союз оказался в положении Веймарской Германии, тем более что не мы проиграли войну».

Бывший заместитель Андрея Громыко Георгий Корниенко, советский германист Валентин Фалин и его заместитель в секретариате ЦК Николай Португалов требовали, чтобы Яковлев и другие «помешали» Горбачеву и Шеварднадзе отдать Германию в руки американцев.

Однако у Яковлева были иные приоритеты: он не только отказался разделить тревоги своих коллег по поводу объединения Германии, но и спросил их:

— А что в этом плохого или ужасного?

Что касается Горбачева, то американцы искали способ вознаградить его за готовность смириться с сохранением единой Германии в составе НАТО.

— Когда он приедет в июне в Вашингтон, давайте устроим самую пышную советско-американскую встречу в верхах за весь послевоенный период, — сказал Блэкуилл.

Встреча должна превратиться для Горбачева в «июньское рождество».

— Он сможет выступить на совместном заседании конгресса. Мы подпишем соглашения по СНВ, обычным вооруженным силам в Европе, безопасности и сотрудничеству в Европе, химическому оружию, коммерции и торговле, чтобы, вернувшись в Москву, он показал своему народу, чего добился от взаимоотношений с Западом.

Но наряду с этими похвалами за хорошее поведение должны прозвучать и предупреждения: «Горбачеву надо помнить, что раскол НАТО не пройдет ему даром — Горбачев испортит отношения, из которых извлекает столько пользы.

Придется напомнить ему также и о том, что мы должны будем убедить сенат ратифицировать все эти договоры. А сенату не понравится, если Горбачев подорвет НАТО».

Кроме того, Горбачеву в очередной раз укажут на то, что в интересах Советского Союза позволить войскам США оставаться в Европе, где они смогли бы присматривать за воссоединившимися немцами.

Позже, на пресс-конференции с Бушем опытная корреспондентка ЮПИ Хелен Томас спросила: сейчас, когда Советы представляют собой все «меньшую и меньшую» проблему, кто же враг НАТО? Неужели новая миссия НАТО заключается в том, чтобы «держат в узде немцев»? Буш ответил, воспользовавшись формулировкой Скоукрофта:

— Нет, врагом является *непредсказуемость*. Врагом является *нестабильность*.

Утверждение было столь же важным, сколь и проблематичным. Более четырех десятилетий не вызывало сомнений, кто был главным врагом Соединенных Штатов и их союзников — Советский Союз и советский коммунизм. Однако эта вражда была как вполне предсказуема, так и вполне стабильна. «Холодная война» была также периодом прочного мира между двумя крупнейшими державами на земном шаре.

Сейчас президент США признавал, что старый враг исчез, а с ним и расстановка сил, возникшая вследствие «холодной войны». Более того, он квалифицировал нового врага не как единую реальную страну или лагерь стран, а как два абстрактных понятия — «непредсказуемость» и «нестабильность». Как вести себя Соединенным Штатам и НАТО в этой новой, неурегулированной ситуации? Никто не задал Бушу этого вопроса, и хорошо, что не задал — ведь ответа у него все равно не было...

Во вторник, 27 февраля 1990 года, Верховный Совет рассмотрел законопроект о предоставлении Горбачеву широких президентских полномочий, которых он потребовал. Он обвинил противников законопроекта в «дешевой демагогии». Законопроект был принят большинством голосов — 306 против 65.

В воскресенье, 4 марта, советские граждане опустили бюллетени на первых проводившихся на альтернативной основе выборах в местные советы и парламенты Российской Федерации, Украины и Белоруссии. Самым популярным кандидатом был Борис Ельцин, который обошел одиннадцать конкурентов из своего родного Свердловска, набрав более 70 процентов голосов в российский парламент.

В своей предвыборной платформе Ельцин призывал к развитию свободного рынка и либерализации законов о частной собственности. Ельцин рассчитывал убедить своих коллег избрать его президентом Российской Федерации вместо назначенного сверху Виталия Воротникова — коммуниста брежневского образца. На этом посту он мог бы возглавить левую оппозицию Горбачеву и советскому руководству.

В понедельник, 12 марта, литовский парламент единодушно проголосовал за официальное восстановление независимости, утраченной 50 лет назад. Новым президентом страны был избран Ландсбергис, который заявил:

— Мы ни у кого не спрашиваем разрешения на этот шаг.

Вступив в должность первого президента Советского Союза, Горбачев предложил «диалог на основе взаимного уважения» с Вильнюсом:

— Моя идея состоит в том, чтобы сохранить Союз на основе различных подходов к каждой республике, на основе нового Союзного договора.

Горбачев назначил 19 марта 1990 года крайним сроком для урегулирования ситуации в Литве. А пока кремлевским министерствам было приказано усилить «защиту» советских учреждений в республике-ренегате и не вести «никаких переговоров» с Вильнюсом. Литву, а также Эстонию предупредили, что они не должны выпускать собственную валюту, устанавливать независимые отношения во внешней торговле или пытаться захватить советскую собственность, находящуюся на их территории.

В Белом доме Марлин Фицуотер сказал журналистам, что Соединенные Штаты обеспокоены «намерениями и целями»

Советов. Во вторник, 20 марта, Бейкер встретился с Шеварднадзе в Виндхуке, в Намибии, где оба присутствовали на церемонии, посвященной независимости этой страны. Во время частной беседы с Шеварднадзе Бейкер спросил: что Советы намерены делать в Литве?

Шеварднадзе ответил:

— Чтобы полностью осветить этот вопрос, мне пришлось бы говорить до завтрашнего утра. Мы не собираемся применять силу против Литвы. Мы вступим в диалог с литовскими лидерами. Но они должны серьезнее отнестись к реальностям ситуации. Я убежден, что мы выработаем какой-то выход из положения...

Бейкер повторил свое неизменное предупреждение о том, что на советско-американских отношениях, безусловно, отразится то, что произойдет в Литве:

— Если вы примените силу или принуждение, последствия могут быть самые разные. И мы не сможем их контролировать.

— Мы учли все оттенки в ваших публичных выступлениях, и мы благодарны за них,— ответил Шеварднадзе.

— Мы не можем до бесконечности держаться этих оттенков. Если вы раскрутите это дело, мы не сможем сохранять такую позицию.

Шеварднадзе заметил на это, что советские военные держатся необычайно жесткой линии в отношении Литвы. Более того, будучи отстранены от принятия решений по Германии и Восточной Европе, КГБ, генералы и многие партийные руководители «чрезвычайно рьяно» требуют не делать никаких уступок прибалтам...

По мере того как кризис в Прибалтике набирал силу, американская печать и конгресс, все больше давили на Буша, требуя, чтобы он не пасовал перед Горбачевым. «Мы переживаем один из величайших в моральном плане моментов современной истории», — писал Уильям Сэфайр в «Нью-Йорк таймсе». Сенаторы и конгрессмены требовали немедленного дипломатического признания Литвы. Даже сенатор Нэн-

си Кассенбаум, умеренная канзасская республиканка, «била в барабаны, требуя независимости для Литвы».

В четверг, 22 марта, выступая на пресс-конференции, Буш повторил, что Соединенные Штаты никогда не признавали советской аннексии Литвы. «Однако, — добавил он, — существуют определенные жизненные реальности, и литовцы прекрасно о них знают, и им следует договариваться — что они и делают — с советскими официальными лицами, чтобы примирить разногласия.

Мы не имеем права, сидя здесь, — продолжал Буш, — подсказывать литовцам, кто из них и с кем должен говорить в Москве. Это было бы слишком самонадеянно и нахально для любого президента!.. У литовцев есть избранные лидеры, и у Советов явно есть сильный лидер. Они всё могут просчитать без подсказки со стороны Соединенных Штатов».

На другой день советские десантники заняли здание ЦК коммунистической партии в Вильнюсе. Командующий советскими наземными войсками генерал Валентин Варенников заверил Ландсбергиса по телефону, что его солдаты не станут захватывать этой ночью здание литовского парламента. Это было его единственным обещанием.

В субботу, 24 марта, вереница советских танков и бронетранспортеров с солдатами проследовала мимо парламента к гарнизону на окраине столицы.

А в Кремле Горбачев принял 26 марта, в понедельник, сенатора Эдварда Кеннеди от штата Массачусетс. Кеннеди, имевший личную беседу с Бушем перед отъездом в Москву, спросил Горбачева, при каких условиях Советский Союз употребит силу против Литвы. В своем ответе Горбачев попытался успокоить американского гостя, одновременно не ослабляя давления на литовцев: сила «будет применена лишь в том случае, если насилие будет угрожать жизни людей».

Кеннеди предупредил Горбачева, что советско-американским отношениям грозит «большая опасность», «если в Вильнюсе повторится Тяньаньмэнь». Горбачев ответил, что он привержен мирному решению конфликта, но добавил: «Вы

понятия не имеете, под каким я нахожусь давлением. Многие в нашем руководстве хотят, чтобы мы уже сейчас применили силу».

Во вторник, 27 марта, выступая перед республиканскими лидерами, Буш заявил, что намерен заставить Горбачева сдерживать слово и не применять силу в Литве. Он отметил, что советский лидер разрабатывает новый закон, устанавливающий для отделения срок в пять лет, после того как по всей республике будет проведен плебисцит о независимости. «Дадим ситуации возможность мирно разрешиться», — сказал Буш.

В то же время в частных беседах Скоукрофт говорил Бушу то, чего не мог сказать публично: американцы могут лишь пожелать прибалтам успеха, поскольку с точки зрения национальных интересов США «на чашу весов положено слишком много».

Буш был всецело с этим согласен. Во время встречи со Скоукрофтом и другими своими помощниками он сказал: «Я не хочу, чтобы через двадцать или сорок лет люди, оглядываясь назад, говорили: «Вот когда все сошло с рельсов. Вот когда остановился прогресс».

Возникал вполне очевидный вопрос: как использовать американское влияние, чтобы сдержать Горбачева. В четверг вечером, 29 марта, после того как Кеннеди лично доложил Бушу о своей встрече с Горбачевым, президент направил советскому руководителю личное письмо — это был их первый прямой контакт с начала кризиса в Прибалтике. Буш подчеркивал, что старается не усложнять для Горбачева решение дилеммы: он воздерживается от каких-либо пропагандистских выступлений против Советов и публично не грозит им пальцем. Теперь дело за Горбачевым — он должен разрядить ситуацию, которая с каждым днем выглядит все более взрывоопасной.

В этот момент Джек Мэтлок летел в Вашингтон. Бейкер велел ему немедленно вернуться в Москву и «лично проследить за последствиями» письма президента Горбачеву. В частности, Мэтлок должен поддерживать точку зрения, что Со-

веты могли бы разрешить проблему Прибалтики, согласившись с результатами плебисцита о независимости.

Теперь администрация Буша уже недвусмысленно выступала посредником между Москвой и Вильнюсом. Во многих отношениях это была странная для нее роль. Прежде всего потому, что Кремль, все еще считавший Литву частью СССР, разрешал другой стране помогать в выяснении отношений со своей, с его точки зрения, беспокойной провинцией. После того как многие десятилетия Кремль с возмущением отвергал любые американские действия, посягавшие «вмешательством во внутренние дела» советского государства, теперь он молча приветствовал вмешательство Америки по дипломатическим каналам.

Во вторник, 1 мая, сенат в 73 голоса против 24 решил лишить Москву режима наибольшего благоприятствования в торговле до тех пор, пока не начнутся переговоры с Вильнюсом. В пятницу, 4 мая, Бейкер встретился с Шеварднадзе в Бонне, где начались переговоры министров иностранных дел «два плюс четыре» по Германии. Отметая град вопросов по Литве, Шеварднадзе сказал журналистам: «Холодная война» окончена. Наша планета, мир, вся Европа вступают теперь на новый путь. Это будет мирный период».

Шеварднадзе сообщил пяти другим делегациям в Бонне, что Советский Союз готов согласиться на скорое объединение Германии, если Великобритания, Франция и Соединенные Штаты отложат на несколько лет решение о том, какими будут ее военные связи. Коль отклонил это предложение, назвав его «блефом в переговорах».

Бейкер спросил Шеварднадзе, достоверны ли слухи о том, что в Москве на завтра намечен еврейский погром. «Это нас очень беспокоит», — сказал он.

Когда Бейкер впервые задал такой вопрос в феврале, Шеварднадзе отмел подобное утверждение, теперь же, казалось, серьезно отнесся к угрозе погрома: «Мы делаем все, что в наших силах. Силы безопасности и МВД приведены в состояние повышенной готовности. Мы держим в поле зрения

тех, кто может на такое пойти. Многих из них мы вызывали. И хотя мы делаем все, что можем, мы не в состоянии гарантировать, что отдельных инцидентов не будет». Он добавил, что во время первомайской демонстрации особенно выделялась «Память», члены которой всячески поносили стоявших на мавзолее Горбачева и его коллег. Шеварднадзе явно опасался, что с ростом правых настроений в советском обществе что угодно может произойти.

Обратившись к проблеме Литвы, Шеварднадзе сказал: «Только благодаря сложившимся у нас отношениям мы готовы обсуждать эту проблему. В другое время и с другими странами мы сказали бы, что это наше внутреннее дело. С вами мы ведем себя иначе».

Министр иностранных дел сказал, что как у администрации Буша есть свои внутренние заботы, так и у него с Горбачевым есть свои проблемы, ибо на них оказывается серьезное давление: «Нам нужно немного больше времени, чтобы разобраться с Литвой. Мы будем проявлять терпение. Мы не станем использовать силу. Мы найдем политическое решение».

Бейкер заметил, что Шеварднадзе, казалось, был менее встревожен ситуацией с Литвой, чем прежде. Он подумал — возможно, это объясняется тем, что его советский коллега слишком упрощает проблему.

— Мы слышали, вы говорили о диалоге, но пока не видим никаких признаков его,— сказал он.

— Первый шаг должны сделать литовцы,— ответил Шеварднадзе.

Бейкер сказал:

— Ваша проблема состоит в том, что они не верят, сделаете ли вы тоже шаг. В ваших интересах заставить их поверить. Почему так трудно подписать соглашение с Вильнюсом?

— Дело движется в верном направлении. Но мы хотим дождаться от литовцев больших свидетельств серьезности их намерений,— повторил Шеварднадзе.

Когда Бейкер снова встретился в тот день с Шеварднадзе, он предупредил министра иностранных дел, что из-за

продолжающейся конфронтации между Москвой и Вильнюсом будет «крайне трудно» подписать торговое соглашение на встрече в верхах в Вашингтоне. Они с Бушем не устанавливают никакой «официальной связи», но протащить торговый договор через конгресс будет «тяжело, а то и невозможно».

Во вторник, 15 мая, Бейкер встретился с Шеварднадзе в Москве, в мрачном, похожем на замок, особняке на Спиридоновке, бывшем некогда официальной московской резиденцией сталинского министра иностранных дел Вячеслава Молотова. Бейкер и его помощники гадали, будет ли Шеварднадзе человеком, по-прежнему готовым к сотрудничеству, или же мрачным брюзгой апреля и начала мая.

Прибалтийский кризис снова тучей нависал над их переговорами. 11 апреля парламент Эстонии отменил призыв эстонских граждан в советскую армию. 4 мая парламент Латвии объявил о независимости и отделении от Советского Союза.

Бейкер сказал Шеварднадзе:

— Я хочу напомнить вам то, что говорил в Бонне, а именно: будет трудно подписать торговое соглашение, если не произойдет позитивных перемен в Прибалтике.

Шеварднадзе признал, что с развитием событий в Эстонии и Латвии «ситуация со времени нашего последнего разговора изменилась». И добавил:

— Спросите об этом у Горбачева.

Информируя Бейкера о том, как трудно Горбачеву осуществлять перестройку, Шеварднадзе снова оживился:

— Поворота назад не будет! — поклялся он. — Горбачев привержен своей линии. Тем не менее переход к регулируемой рыночной экономике будет действительно очень трудным.

Бейкер и его помощники отметили новый термин — «регулируемая рыночная экономика». Они решили, что это, видимо, горбачевская выдумка, нечто вроде гибрида между настоящей рыночной экономикой и социалистической экономикой — это позволит Горбачеву утверждать, что он не отказался от коммунизма. Как сказал позднее Бейкер, главная

проблема Горбачева состояла в неспособности «выудить или насадить на крючок экономическую реформу».

Шеварднадзе далее сказал, что продолжению перестройки будут сопутствовать дезинтеграция и тяжелые испытания. Советскому Союзу потребуется 20 миллиардов долларов кредита и прочая помощь Запада, чтобы смягчить этот шок для советского общества. Запад, продолжал он, должен показать, что готов помочь перестройке «в тот момент, когда это требуется».

Бейкер постарался по возможности преуменьшить надежды Шеварднадзе на большие размеры помощи со стороны Запада, — в данный момент США могут помочь лишь своими знаниями и техническим сотрудничеством. «Довольно трудно дать вам заем в такое время, когда Советский Союз посылает миллиарды долларов на Кубу и другим нарушителям спокойствия», — сказал он.

В пятницу утром, 18 мая, Бейкер встретился с Горбачевым в Кремле. Советский лидер, как и Шеварднадзе, казалось, позитивнее относился к урегулированию вопроса о Прибалтике, чем в прошлом. Бейкер напомнил Горбачеву, что у него и у Буша «нет большого пространства для маневра»: до тех пор, пока Кремль будет применять тактику силы в Прибалтике, торговое соглашение США с Советами будет находиться под угрозой.

Горбачев сказал, что он хочет «изменить климат». Но предстоит решить «трудные проблемы»: «Мы создадим комитеты по экономике и безопасности. На это потребуется время, но мы это сделаем... Мы выработаем совместно с литовцами тот статус, какой они хотят».

Он перечислил и другие сложности. Несколько советских республик имеют претензии к Литве, да и его собственные граждане оказывают на него давление, чтобы он не разрешал отделения и защитил русских в Прибалтике.

Бейкер упомянул, что в среду вечером встречался с пятнадцатью советскими евреями, которым отказано в выездной визе. Горбачев сказал, что даже умеренные арабские государ-

ства настаивают, чтобы он сократил эмиграцию советских евреев в Израиль, поскольку их расселяют на оккупированных территориях Западного берега и сектора Газа. Его коллеги в Кремле жалуются, что он выбрасывает на помойку годы советской дипломатии на Ближнем Востоке. «Меня атакуют», — сказал он.

Возвращаясь в Вашингтон, Бейкер сказал журналистам, сидевшим в хвосте самолета, что Горбачев по-прежнему «держит в руках ситуацию». В душе же он был более чем когда-либо встревожен тем, что на Горбачева оказывается давление справа...

Когда Верховный Совет Российской Республики собрался в конце мая в Москве, Борис Ельцин включил на полную скорость свою кампанию за получение поста верховного главы нового российского правительства. Он обещал драться за суверенитет России: при нем Россия будет-де самостоятельно вести свои экономические дела, иметь собственную внешнюю политику и подпишет договора с другими советскими республиками.

24 мая премьер-министр Горбачева Николай Рыжков представил пакет последних экономических реформ, одобренный президентским советом. Довольно скоро стало ясно, что «план Рыжкова» со временем утроит цену на хлеб, который почти моментально исчез с прилавков по всему Советскому Союзу: граждане кинулись делать запасы. Популярность Ельцина пошла вверх, чему способствовало растущее недовольство политикой Горбачева.

Горбачев, выступая в российском парламенте, обвинил Ельцина в попытке «отлучить Россию от социализма» и разрушить Советский Союз, «отказываясь от принципов, установленных Лениным». Когда настали выборы председателя российского парламента, Горбачев выдвинул кандидатуру Александра Власова, бывшего премьер-министра Российской Республики, но тот поспешил выйти из игры, понимая, что наверняка потерпит поражение.

Главным противником Ельцина оставался Иван Полозков, один из наиболее консервативных критиков Горбачева. Встревожившись тем, что Ельцин быстро становится наиболее популярной политической фигурой в Советском Союзе, Горбачев исподволь поддержал Полозкова, дав указание своим людям сделать все, что в их силах, чтобы остановить Ельцина.

Ельцин не получил большинства ни при первом, ни при повторном голосовании, Полозков вылетел из списка кандидатов, а Власов вернулся в него. 29 мая, в день решающего голосования, Горбачев во главе большой группы направлялся к целой эскадрилье реактивных самолетов Аэрофлота, которые должны были доставить советскую делегацию в Северную Америку.

«НЕ ВЫЗОВУ ЛИ Я К ЖИЗНИ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ?»

Горбачев обедал где-то над Северной Атлантикой, когда ему сообщили, что новым президентом России будет Борис Ельцин. «Что ж, — сказал он помощникам, — придется иметь с ним дело. Я на него не держу зла». Но по прибытии в Оттаву он заявил журналистам: «Если Ельцин решил поиграть в политику, нам предстоят тяжелые времена».

За время остановки советского лидера в Оттаве премьер-министр Канады Брайан Малруни трижды звонил Бушу и предупреждал его, что Горбачев настроен «саркастически и ворчливо». Малруни посоветовал президенту не начинать официальных переговоров, как только Горбачев приедет в Белый дом, а лучше сначала «погулять с ним по саду» и дать ему немного расслабиться.

30 мая 1990 года, в среду, в 18.50 белый с голубым самолет Горбачева приземлился на военно-воздушной базе Эндрюс. Горбачев вышел с весьма раздраженным видом из передней двери самолета со своей женой Раисой, державшейся за его правый локоть. Они спустились с трапа и обменялись рукопожатием с Бейкером. В сопровождении мотоциклистов они прибыли в столицу, где их ждали демонстранты с разными плакатами: «ПОДДЕРЖИВАЕМ ГОРБАЧЕВА»... «УЙДИТЕ ИЗ ЛИТВЫ»... «ПЕРЕСТАНЬТЕ НАПАДАТЬ НА АРМЯН».

Эти противоречивые призывы напоминали о том, что в американском обществе существуют противоборствующие силы по отношению к СССР: широко распространенное одобрение Горбачева и его политики соседствовало с более критическим отношением различных этнических групп, таких, как американские прибалты и армяне, которые видели в со-

ветское лидере душителя своих сородичей, все еще живших в «тюрьме народов».

В четверг утром бронированный лимузин Горбачева подкатил к Южному входу в Белый дом. При 90-градусной жаре по Фаренгейту советского президента встретили залпом гаубиц, военными маршами, завыванием дудок и грохотом барабанов, в которые били музыканты в костюмах колониальных времен.

Буш готовился к этой встрече в верхах с помощью консультантов, подготовивших для него справки о внутренней советской политике, советской экономике и проблеме национальностей. В День поминовения погибших Роберт Гейтс прилетел в Кеннебанкпорт и привез президенту на уик-энд два толстых фолианта справок. Кризис в Прибалтике уже давно похоронил идею выступления Горбачева на совместном заседании конгресса.

Фицуотер предсказывал, что Буш будет держаться с Горбачевым с «крутой любовью». Этот термин он заимствовал у одной американской организации, которая призывала относиться к трудным детям с любовью и требовательностью строгой дисциплины.

В своем приветственном слове Буш призывал Горбачева и дальше способствовать «процессу создания новой Европы, такой, где будет обеспечена безопасность каждой нации и ни одна из наций не будет находиться под угрозой... И, как я уже неоднократно говорил, мы хотим видеть успех перестройки».

Следуя совету Малруни, Буш не спеша повел Горбачева в Овальный кабинет, где между ними состоялась беседа наедине. Их первая беседа была философской и напряженной — где мы сейчас находимся, куда мы движемся. Буш посмотрел на свои часы лишь через двадцать минут после того, как беседа должна была закончиться.

Горбачев сказал, что их страны вступили в «новую эру», «во многом неясную, но и многообещающую». Они «двинулись вперед, оставив позади статус врага». Он в мрачных

красках обрисовал кризис в советской экономике: помощь Запада «действительно необходима». И выразил надежду, что Буш говорил «серьезно», выражая желание видеть успех перестройки.

Советский руководитель сказал, что он понимает: торговое соглашение практически даст советскому народу лишь незначительное облегчение, но считает, оно было бы важным символом, указывающим на то, что его политика сотрудничества с Западом начинает приносить плоды. И признался: «Мне это нужно».

Согласно официальной позиции США, нормализация экономических отношений с Москвой — включая режим наибольшего благоприятствования для нации — была давно уже привязана к принятию нового советского закона, разрешающего гражданам свободно эмигрировать. Солидаризируясь с конгрессом, Буш и Бейкер связали подписание торгового соглашения со снятием Советами санкций против Литвы.

Кремль обещал Вашингтону принять закон об эмиграции в конце мая, но сторонники жесткой линии заупрямились, спрашивая, почему следует премировать Соединенные Штаты за улучшение торговых отношений, когда такое улучшение бесспорно в интересах обеих стран. Были и такие люди в Москве, которые начинали понимать, к каким результатам может привести принятие такого закона: они без труда представили себе, какая произойдет «утечка мозгов», в итоге которой Советский Союз лишится своих наиболее образованных граждан.

Однако в Овальном кабинете Буш сказал Горбачеву, что в отношении торгового соглашения руки у него будут связаны до тех пор, пока Советский Союз не примет закона об эмиграции. Даже и в этом случае ему будет «чрезвычайно трудно» убедить сенат одобрить соглашение, если Кремль не смягчит своих санкций против Литвы.

Горбачев сказал, что «пока» он этого сделать не может: это подстегнуло бы поборников отделения и привело бы в ярость сторонников жесткой линии у него на родине. Но при-

держиваясь обязательства, данного на Мальте, повторил, что не намерен использовать силу против Прибалтийских республик: по-прежнему надеется разрешить кризис с помощью диалога.

Тем временем Бейкер встречался отдельно с Шеварднадзе. Когда госсекретарь перечислил соглашения, которые, как он считал, можно будет подписать до окончания встречи в верхах, Шеварднадзе сказал: «Я не вижу здесь торгового соглашения». Бейкер ответил: «Как я уже говорил и в Бонне и в Москве, нам будет трудно представить его конгрессу, если вы не измените ситуацию в Литве».

Шеварднадзе держался так же спокойно, как и в Бонне и в Москве. Чуть ли не просительным тоном он произнес: «Не могу не сказать вам, как нам важно заключить это соглашение на этой встрече в верхах. Иначе чем мы объясним это нашим людям в Москве, когда вернемся?»

Бейкер никогда еще не видел министра иностранных дел таким расстроенным. Придерживаясь позиции силы, он сухо произнес: «Не знаю, почему вы не можете просто привести тот довод, что в свете событий в Литве США не могут заключать такого соглашения».

Шеварднадзе признался тогда, что Горбачеву необходимо доказать дома, какое положение он занимает на Западе: «Я редко говорю так с вами, но сейчас крайне важно, чтобы это было сделано».

Никогда еще трудности дома не побуждали Горбачева так отчаянно добиваться выгоды от добрых отношений с Соединенными Штатами. Никогда прежде Шеварднадзе не давал еще Бейкеру так ясно понять, в какой мере Горбачев зависит от благосклонности и поддержки Буша.

По официальной программе Буш должен был показать Горбачеву свою площадку для метания подков под окнами Овального кабинета и даже, возможно, сделать с ним несколько бросков. Но утреннее заседание затянулось на сорок минут, и Горбачев вынужден был, извинившись, помчаться в свое посольство, где он давал завтрак в Бальном зале в стиле

рококо для шестидесяти американских «представителей интеллигенции и лидеров общественного мнения».

Аппарату посольства было сказано, что Раиса Горбачева хочет встретиться с кинозвездами и прочими знаменитостями. Поэтому среди гостей на завтраке были: Джейн Фонда, Тед Тэрнер, Айзек Азимов, Ван Клайберн, Дуглас Фернбэнкс-младший, Памела Гарриман, Диззи Гиллесли, Арманд Хаммер, Джесси Джэксон и Эндрю Вайет. Фрэнк Синатра и Роберт Редфорд прислали извинения, что не смогут приехать. Джон Кеннет Гэлбрейт сказал Горбачеву, что он как экономист представляет «профессию, которая наверняка причинила миру больше страданий, чем любая другая». Хозяин рассмеялся. И шутливо заметил, кивнув на Генри Киссинджера: это «мой старый друг-спорщик».

А Киссинджер, общаясь с присутствующими, был немало удивлен тем, что помощники Горбачева плохо говорят о своем шефе чуть ли не ему в лицо. Когда он спросил Примакова, понимали ли Советы, к каким последствиям приведет уничтожение Берлинской стены, тот ответил, что они «понятия об этом не имели», добавив, что это было вовсе не «наше» решение. И указал на Горбачева: «Это было его решение!»

Горбачев произнес не очень связную, раздраженную речь, заявив, что никто не должен пытаться оказывать давление ни на него, ни на Советский Союз, исходя из неверного убеждения, что он «ослаблен». Всякие разговоры о слабости «просто несерьезны». Он сказал, что для американцев «все очень просто. У вас все механизмы и институты уже есть». А в Москве — «ох, как нам приходится ворочать мозгами!»

Днем Горбачев встретился с Бушем и его советниками в комнате для совещаний правительства. Буш и Бейкер вручили Горбачеву и Шеварднадзе список «гарантий», которые сделали бы членство объединенной Германии в НАТО приемлемым для Советов.

Горбачев в ответ пустился в туманные, витиеватые высказывания насчет Германии, а в заключение сказал: «Не следует ли германскому народу самому решать, быть или не быть в НАТО»? Подобно тому, как вопрос об объединенной Германии

должен решаться «согласно принципу, что народу принадлежит право выбирать, с кем ему быть», так и вопрос о «внешних связях» германского народа «решать надлежит немцам».

Буш спросил советского президента, как конкретно он представляет себе проведение такого референдума, но вразумительного ответа не получил. Он приветствовал утверждение Горбачева, что объединенная Германия должна сама решать, с кем в союзе ей быть. И, не желая упускать возможности, спросил Горбачева, готов ли он повторить только что сказанное публично.

Горбачев кивнул. Несколько членов советской делегации, присутствовавшие при этом обмене мнениями, были явно потрясены,— особенно Валентин Фалин, долгое время бывший главным экспертом Кремля по Германии. Шеварднадзе отвел своего шефа в сторонку и стал тихо, напряженно что-то ему говорить, в то время как Фалин явно пытался устроить обструкцию.

Когда Горбачев снова выступил с советской стороны, он уже несколько отступил от того, что говорил раньше. Роберт Гейтс сделал из этого вывод, что ранее Горбачев «вышел за пределы того, что было ему подготовлено» в памятной записке. Стремясь переложить на другого проблему, по которой у него возникли сложности со своими коллегами, Горбачев трижды просил Шеварднадзе проработать с Бейкером германскую проблему.

Сначала Шеварднадзе наотрез отказывался, говоря: «Этот вопрос должны решать главы правительств... Тут требуется политическая ориентация». Но под конец все же сдался.

Американцы были удивлены. Никогда прежде советский министр иностранных дел так открыто не противился воле главы своего государства в их присутствии. Американцы решили, что Горбачев пытается заставить Шеварднадзе взять на себя ответственность за все, что произойдет в Германии, а министр иностранных дел не хочет на это соглашаться.

Идя даже дальше, чем на Мальте, Горбачев особо подчеркнул свою надежду на то, что американские военные еще

долго будут оставаться в Европе. Он сказал Бушу: «Я хочу, чтобы вы знали: я считаю, это и в ваших интересах, и в наших. И об этом я готов сказать публично».

Многие американцы, слушая Горбачева, пришли к выводу, что по крайней мере на данный момент он утратил свою обычную способность делать вид, будто знает ответы на все вопросы. Роберт Блэкуилл заметил, что Горбачев в меньшей мере владеет собой, менее требователен и меньше командует, чем на Мальте.

Буш поднял вопрос об «открытом небе» — своем предложении о том, чтобы допустить полеты самолетов с инспекторами над военными базами — которое лежало под спудом вместе с другими вопросами по контролю над вооружениями: «Я просто ошарашен тем, что вы его не подписали. Мы не понимаем. Если проблема в технике, мы продадим вам нужную технику». Горбачев сказал: «Это, похоже, весьма близко к нашей позиции. Верно, маршал Ахромеев?»

Маршал затряс головой и решительно заявил: «Нет, мы не можем открыть все районы Советского Союза — разве что нам будет предоставлено право летать над американскими базами на Филиппинах и в других районах земного шара!» Американцев снова поразило это неподчинение приказу и новый намек на то, что Горбачев теряет контроль над своими военными.

По пути назад, в посольство, Горбачев велел остановить свой лимузин и вышел на углу Пятнадцатой улицы и Пенсильвания-авеню. Ему хотелось воссоздать магию декабря 1987 года, менее сложного и более благополучного периода в его жизни. Горбачев буквально упивался своим успехом, когда толпа начала приветствовать его и аплодировать. Через переводчика он воскликнул: «Я, право, чувствую себя здесь как дома!» Это была странная, но много говорящая фраза: так как на родине его собственный народ не устроил бы ему такой встречи.

Вечером Буши дали Горбачевым официальный обед, после которого был концерт, где пела меццо-сопрано Фредерика фон Штаде. В противоположность американцам, которые были

в смокингах и вечерних платьях, Горбачев приехал в обычном костюме для деловых встреч и пытался даже во время обеда заниматься делами, уговаривая своих хозяев не тянуть и подписать советско-американское соглашение о торговле.

У Горбачева столь велика была жажда ощущать расположение общественности и видеть доказательства своего значения на Западе, что и на следующий день он выделил четыре часа своего времени и принял поочередно пять наград от различных организаций. Это были: премия мира Альберта Эйнштейна, медаль борцу за свободу имени Франклина Делано Рузвельта, премия ненасильственного мира имени Мартина Лютера Кинга-мл., награда человеку, вошедшему в историю, и международная премия мира имени Мартина Лютера Кинга-мл.

Горбачев, широко улыбаясь, встречал представителей каждой организации, торжественно входивших в пышный зал приемов советского посольства; они вешали на стену свою эмблему и перед камерами советского и американского телевидения превозносили Горбачева до небес...

На протяжении всего дня экономические советники Буша уговаривали его как можно скорее нормализовать торговые отношения с Москвой — это послужит стимулом как для внутренних реформ в Советском Союзе, так и для торговли между Востоком и Западом. А его политические помощники предупреждали против каких-либо шагов, которые могут быть интерпретированы как услуга или награда Горбачеву в такое время, когда он все еще удерживает в подчинении прибалтов.

Под влиянием эмоционального заявления Шеварднадзе накануне Бейкер в телефонном разговоре с президентом в середине дня рекомендовал подписать торговый договор. Буш согласился — при условии, что Горбачев подтвердит свое обещание урегулировать прибалтийский кризис путем мирного диалога, а не с помощью силы. Президент так поздно принял решение, что никто не подумал принести соответствующие документы в Белый дом — пришлось посылать за ними курьера в министерство торговли.

В шесть часов американская и советская делегации, конгрессмены, сенаторы и все остальные собрались в Восточном зале. Прежде чем проследовать туда за Бушем, Горбачев спросил: «Мы будем подписывать торговое соглашение?» Буш ответил: «Да». Горбачев широко улыбнулся и сказал: «Это для меня действительно важно».

Буш предупредил его, что не пошлет договора в конгресс и не поставит вопроса о предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле, пока Советы не примут закона об эмиграции и не будет решена проблема Литвы. Он сказал, что намерен специально упомянуть о связи между этими двумя проблемами в своем публичном заявлении.

Горбачев попросил Буша не связывать подписание торгового договора с проблемой Литвы, так как он будет выглядеть тогда в глазах сторонников жесткой линии у себя дома слабым, поддающимся давлению извне. Буш с неохотой согласился выполнить его просьбу.

Затем два лидера вошли в Восточный зал и сели за изысканный, резного дерева стол, за которым был подписан не один договор, начиная с пакта Келлога — Бриана 1928 года, попытки обязать великие державы не прибегать к войне для урегулирования своих разногласий. Большая часть присутствующих все еще не знала, подпишет ли Буш торговый договор.

Буш раскрыл карты в одной-единственной фразе в конце своего вступительного слова: «Президент Горбачев и я подпишем также торговое соглашение и ожидаем принятия советского закона об эмиграции».

Это был классический пример того, как Буш предпочитал вести дела с Горбачевым, и хорошая иллюстрация эффективности такого метода. Буш давал Советам то, в чем они отчаянно нуждались, и услугу эту ставил в зависимость от серьезной уступки с их стороны. Тем не менее, решая этот вопрос без шумихи, чуть ли не мимоходом и не тыкая Горбачева носом в необходимость уступок, — Буш сумел увязать американо-советскую торговлю с политикой Кремля в отношении

собственных граждан, против чего предшествующие советские лидеры не только возражали, но и считали это неприемлемым.

В тот вечер мотоколонна с Бушем под вой сирен, с развевающимися флажками примчалась к советскому посольству, где Горбачевы давали ответный обед. На этот раз все мужчины были в деловых костюмах. Бушей провели по парадной лестнице на второй этаж, где их встречали хозяева.

В своем тосте Горбачев сказал:

— То, что произошло сегодня, стало возможным лишь в атмосфере, созданной нашей встречей с президентом Бушем на Мальте.

Буш в ответ сказал:

— Вчера мы снова встречали Горбачевых в Вашингтоне, все еще памятуя о том, что нас объединяло на Мальте,— о дружбе, сотрудничестве и таблетках от морской болезни! — Выждав, когда стихнет смех, он уже серьезно продолжал: — Господин президент, я узнал, что ваше родное село на Северном Кавказе называется Привольное, что значит «просторное» или «свободное».

— Спасибо за то, что вы об этом упомянули,— ответил Горбачев.

— Так вот,— продолжал Буш,— это наводит меня на мысль о новом ветре, новом духе свободы, которым, как мы видим, повеяло в Европе и вокруг всего земного шара.

Зная, что их руководитель не любит пустых разговоров, советская сторона отклонила приглашение Буша поехать под Вашингтон и переночевать там. Самое большее, на что они согласились,— это съездить в субботу на восемь часов в Кэмп Дэвид.

В субботу утром Буш обнаружил, что Горбачева смущает полет на вертолете,— ему пришлось несколько минут уговаривать гостя не ехать пятьдесят пять миль на автомобиле с мотоциклистами. В обшитом деревянными панелями «сикорском», рядом с двумя лидерами, летел майор авиации. К кисти его руки был пристегнут ремнем «футбольный мяч» — че-

моданчик судного дня, который позволяет Президенту Соединенных Штатов дать команду о запуске ядерных ракет. В той же кабине сидел один из помощников Горбачева с советским эквивалентом — таким же чемоданчиком.

Глядя вниз, на пригороды Вашингтона, Горбачев видел дома с плавательными бассейнами и теннисными кортами. Буш рассказал, как американцы покупают дом. Горбачев спросил, сколько такие дома могут стоить и кто в них живет. Он был поражен высоким уровнем состоятельности «среднего» американца.

После того как они приземлились, Буш повез Горбачева на автокаре для игроков в гольф в Осиновый домик. Две первые дамы, взявшись под руки, отправились гулять по дубовому и каштановому лесу, а Буш,

Горбачев, Бейкер, Шеварднадзе, Скоукрофт и Ахромеев сели за стол со стеклянной крышкой, поставленный возле дома, откуда открывался вид на бассейн, поле для гольфа и зеленый газон. Буш предложил всем снять галстуки и пиджаки и наслаждаться хорошим днем. Помощники Горбачева считали великим достижением то, что им удалось уговорить своего шефа снять галстук и надеть серый пуловер с вырезом.

За вторым завтраком, когда был подан горячий суп из щавеля, двое лидеров обсуждали, как сказал Горбачев, «планету и ее горячие точки». Переходя от региона к региону, Буш спрашивал: «Какие вы видите тут проблемы?» и «Что мы могли бы тут предпринять?» В нескольких случаях Буш спрашивал: «Что мы можем сделать, чтобы помочь вам решить ваши проблемы?»

Они обсудили Афганистан, Камбоджу, Южную Африку, Никарагуа, Кипр, Корею и Кубу. Буш выразил Горбачеву протест по поводу того, что он продолжает ежегодно давать Кастро 5 миллиардов долларов, на что Горбачев не слишком складно ответил: «Да в общем-то мы им помощи не оказываем. Мы даем им большие субсидии — продаем нефть по ценам ниже рыночных. И по вздутым ценам покупаем у них сахар. Но в ближайший год мы намерены нормализовать наши отношения».

Буш высоко оценил усилия Горбачева, позволившего эмигрировать куда большему числу советских евреев, чем при его предшественниках: «То, что вы делаете, — это замечательно: вы позволяете людям уехать. Пусть это продолжится в том же духе». И тут же подал Горбачеву список на несколько десятков советских евреев, которым все еще отказывается в выездной визе.

Горбачев сказал, что на него оказывают большое давление даже умеренные арабы, требуя прекратить выезды евреев. Сторонники жесткой линии у него в стране поднимают шум, когда он делает что-то, вроде бы благоприятствующее евреям: «Мне приходится взвешивать, осуждая антисемитизм, не вызову ли я к жизни русский национализм».

Буш поднял вопрос о Борисе Ельцине — какую роль он будет играть в советской политике? Горбачев пылко ответил, что Ельцин — «человек несерьезный», это скорее «оппортунист», и добавил: «Ельцин мог бы быть с нами, но он стал разрушителем».

Во время пребывания в Кэмп Дэвиде Горбачев сел за руль автокара для игроков в гольф и повозил Буша. Когда они проезжали мимо дома Джона Сунуну, советский лидер снял руки с руля и помахал. Автокар резко крутануло влево, и он съехал с асфальта, но Буш и Горбачев оба вовремя схватились за руль, и каретка не перевернулась, а то они могли бы покалечиться. Переводчик Горбачева Павел Палащенко сострил: «Видите, как лидеры двух великих держав сотрудничают, чтобы избежать беды и держаться нужного курса!»

Буш заметил, что тут есть «прелестные дорожки, по которым, если мы надумаем, можно будет погулять». Горбачев сказал, что они с Раисой «часто совершают большие прогулки по лесу». Буш повел Горбачева пройтись, и они закончили прогулку на площадке для метания подков; Горбачев сделал три броска и с первой же попытки насадил подкову на колышек.

Вечером американская и советская делегации ели лососину на ужин в Лавровом домике за большим, поставленным буквой Е столом. Буш произнес тост: «Эти встречи не были

сплошь приятными и светлыми. Для меня имеет большое значение успех в спорте. Я люблю выигрывать. Так что можете себе представить, что я почувствовал, когда мой гость, который впервые в жизни бросил подкову, сразу же наколол ее на штырь!» Он нагнулся и извлек из-под стола подставку, где была срочно смонтирована подкова, с помощью которой Горбачев выиграл состязание.

Тронутый этим жестом, Горбачев в ответном слове сказал, что у него в стране подковы вешают над дверью — на счастье. Подняв в воздух подставку, он сказал: «Пусть такая подкова будет висеть над дверью вашего дома и моего дома, и над дверями всех американцев и принесет нам удачу». Во время их телефонных разговоров в течение следующих полутора лет Буш, стремясь воссоздать дружескую атмосферу, царившую во время встречи в Кэмп Дэвиде, часто вспоминал о том, с какой ловкостью Горбачев бросил тогда подкову.

В предшествующий вечер, после подписания соглашений, Скоукрофт спросил Ахромеева, как он расценивает встречу в верхах. Маршал холодно ответил: «Все прошло хорошо. Ничего особенного». Но атмосфера в Кэмп Дэвиде улучшила настроение даже у сварливого старого солдата. За ужином он сказал американцам: «Это особый день в истории наших отношений. Ничто уже не будет больше прежним». Как заметил потом Роберт Блэкуилл: «Атмосфера была бы куда холоднее, если бы торговый договор не был подписан».

В воскресенье, в десять утра, Буш и Горбачев должны были провести совместную пресс-конференцию в Восточном зале Белого дома. Накануне — согласно установившимся между США и СССР более тесным отношениям — Блэкуилл дал Бессмертных текст вступительного слова Буша с тем, чтобы Горбачев мог подготовить свое выступление, зная, что скажет Буш.

Блэкуилл сказал Бессмертных: «Мы не предлагаем вам одобрить это заявление, но мы обычно показываем такого рода вещи нашим друзьям». В текст была вставлена фраза о том, что Буш и Горбачев «полностью согласны» с тем, что вопрос о членстве в НАТО «должны решать немцы».

В субботу Кондолиза Райс допоздна сидела у телефона, ожидая, когда позвонят из советской делегации и потребуют, чтобы эта фраза была вычеркнута. В час ночи она позвонила Блэкуиллу и сказала: «Я до сих пор ничего от них не слышала».

Наконец Бессмертных позвонил и сказал, что у него нет возражений против высказываний Буша. Каков бы ни был раскол в советских рядах по этому вопросу, руководство СССР молча приняло то, что Германия после объединения останется в НАТО.

На пресс-конференции в воскресенье утром Горбачеву задали вопрос об арабо-израильском конфликте и его значении для политики Кремля. Горбачев ответил, что, если советским евреям не запретят расселяться на оккупированных территориях, Советскому Союзу, возможно, придется «повременить с выдачей выездных виз». Эта угроза поразила американцев: они решили, что Горбачев подыгрывает консерваторам у себя дома.

Затем Буши стали провожать Горбачевых; обе супруги расцеловались и обнялись. Когда гости сели в свой лимузин, Буш крикнул им вслед: «До свидания! Удачи вам!» И машины помчали Горбачевых и остальных советских гостей к залитому солнцем памятнику Вашингтону, возле которого ожидали вертолеты, чтобы отвезти их на военно-воздушную базу Эндрюс. Играл оркестр, из гаубиц был дан салют.

Перекрывая грохот орудий, Бейкер пригнулся к Шеварднадзе и сказал: «По-моему, это были хорошие встречи». Шеварднадзе изобразил удивление: «А вы сомневаетесь?» Буш же, вернувшись в Белый дом, сказал своим помощникам: «По-моему, я улучшил личные отношения с Горбачевым, но мне не хотелось бы пережимать!»

Эта оценка говорила о многом. Буш знал, что в предстоящие месяцы его возможность повлиять на Горбачева может иметь решающее значение — особенно возможность удержать Горбачева от того, чтобы дать волю сторонникам жесткой линии в вопросе о Прибалтике. В то же время в ходе

встречи в верхах было несколько моментов, наглядно показывавших, что Горбачев, похоже, теряет власть даже среди своих ближайших помощников. А коль скоро контроль Горбачева над событиями уменьшался, то и влияние Буша на него теряло свою политическую ценность. Следовательно, лучше не «пережимать» в отношениях и не слишком рассчитывать на это как на инструмент американской политики.

Перелетая на Западное побережье, Горбачев остановился в Миннеаполисе и посетил «Контрол дейта», фирму, которая в 1968 году продала Советскому Союзу первые большие американские компьютеры. Горбачев встретился с рядом руководителей корпораций, включая Ли Якокку из «Крайслера», Джеймса Робинсона из «Америкэн экспресс» и Дональда Кендалла из «Пепсико», и совершил поездку на «типичную миннесотскую семейную ферму». Он встретился также с английским магнатом-мошенником Робертом Максвеллом и объявил вместе с ним о создании Фонда Горбачева — Максвелла, в который Максвелл обязался вложить миллионы долларов.

В Сан-Франциско Горбачевы пригласили Рональда и Нэнси Рейган на кофе. Стремясь загладить ходившие в свое время рассказы о вражде между двумя супругами, они теперь обнялись у всех на глазах.

Затем Горбачевых повезли в Стэнфордский университет, где их встретил Джордж Шульц, который теперь там преподавал. Обозревая великолепный студенческий городок, Горбачев сказал Шульцу: «Ну, Джордж, я вижу, вы теперь живете как в раю... Вы все должны платить налог за такую погоду». Студенты кричали: «Горби! Горби!» Горбачев произнес речь, в которой звучала знакомая нота. «Холодная война» осталась позади,— сказал он,— и нет смысла пререкаться, кто победил.

Вернувшись в Сан-Франциско из Пало-Альто, Горбачев присутствовал на завтраке со 150 лидерами делового и административного мира, а затем у него состоялась беспрецедентная встреча с президентом Южной Кореи Ро Дэ У. В значительной степени из уважения к своим северокорейским товарищам советские чиновники долгое время отказывались

иметь дело с Южной Кореей. И соглашаясь встретиться с Ро, Горбачев нарушил это табу. Он хотел со всей очевидностью показать миру, что советская внешняя политика больше не будет руководствоваться или ограничиваться идеологическими императивами «холодной войны». Горбачев также надеялся, что нормализация отношений с Сеулом привлечет в страну южнокорейские капиталы и финансовую помощь.

Встреча между Горбачевым и Ро была устроена на советской территории главным образом Анатолием Добрыниным, который тогда все еще был советником у Горбачева. Добрынин напрямую докладывал Кремлю в обход советского Министерства иностранных дел. И он, и несколько других помощников Горбачева были озабочены тем, что как арабисты в министерстве осложняют сотрудничество СССР с Соединенными Штатами на Ближнем Востоке, так и профессиональные дипломаты, занимающиеся Азией, будут сопротивляться — а возможно, даже и саботировать — драматическому переключению советской политики с Северной на Южную Корею.

Шеварднадзе был возмущен, узнав о встрече в Сан-Франциско, — не потому, что не был согласен с такой политикой, а потому, что считал себя лично оскорбленным тем, что Горбачев и Добрынин не сочли возможным включить его в столь важное дипломатическое событие.

Перед тем как Горбачевы сели в самолет, чтобы лететь домой, хор в казачьих костюмах исполнил прямо на асфальте на русском языке песню «Я оставил сердце в Сан-Франциско». Раиса Горбачева поистине наслаждалась этим последним знаком восхищения ее мужем на Западе: она знала, что дома его ждут только неприятности и критика. И стоя рядом с Джеком Мэтлоком, она пробормотала: «Новации рано или поздно поворачиваются обратной стороной и уничтожают новаторов».

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ

В воскресенье, 17 июня, парламент Восточной Германии принял решение рассмотреть возможность использования той статьи конституции ФРГ, которая позволила бы ускорить слияние двух государств: вместо переговоров между двумя правительствами восточные немцы могли просто проголосовать за присоединение к Западной Германии. Общегерманские выборы в декабре, сказал Гельмут Коль, впервые — более чем за полвека — «становятся все более и более вероятными».

В пятницу, 22 июня, Бейкер прибыл в Восточный Берлин на очередное совещание «два плюс четыре». Министр иностранных дел Восточной Германии Маркус Меккель сообщил о том, что Советы вновь предприняли попытку сделать объединение более приемлемым для Кремля: по предложению Советов НАТО и Варшавский договор должны были выступить с заявлением, что отныне они не являются противниками и отказываются от применения силы. Это предложение было лишено смысла. Варшавский договор и без того распался у всех на глазах, а отказ военного союза от применения силы означал бы признание собственной беспомощности. Бейкер отверг эту идею.

Когда министры иностранных дел собрались на совещание «два плюс четыре», Шеварднадзе выдвинул неожиданное предложение: четырем державам следует продолжить наблюдение за Германией в переходный период длительностью от трех до пяти лет, в течение которого они помогут «ограничить потенциал вооруженных сил Германии» и «обеспечить ее неспособность вести наступательные действия».

Затем, согласно данному плану, «наблюдательная комиссия» вынесет решение, заслуживает ли Германия полного су-

веренитета. Тем временем четыре державы должны принять закон о «запрещении возрождения нацистской политической идеологии» и о «сохранении памятников, воздвигнутых в честь павших в борьбе с фашизмом». Это предложение, извиняющимся тоном сказал Шеварднадзе, является «проектом» и «не рассматривается нами как истина в последней инстанции. Мы готовы к поиску компромиссных подходов».

Возражали все: и Бейкер, и Дюма, и Хэрд, и Геншер. Отметим, что советский план «на несколько лет задержит получение Германией суверенитета», Бейкер высказался против «особого отношения» к Германии и ее «дискриминации».

В тот же вечер Бейкер упрекнул Шеварднадзе:

— Я убеждал своего шефа, что вы, ребята, меняетесь к лучшему, а вы снова стали увиливать.

Шеварднадзе робко признался, что его выступление не было «заявлением ни его, ни Горбачева», а скорее являлось «документом Политбюро».

— Любое поступательное движение в связи с Германией, — сказал он, — придется отложить до тех пор, пока не пройдет решающий съезд партии, назначенный на июль.

Горбачев предполагал, что на этом съезде сторонники жесткой линии обвинят его и Шеварднадзе в том, что они потеряли Восточную Европу и опасно ослабили Советский Союз. Германия превратилась в серьезную внутривнутриполитическую проблему.

После этого разговора Росс заметил Бейкеру, что редко видел Шеварднадзе таким «растерянным».

Позднее и Тарасенко признался Россу: Шеварднадзе был вынужден «формально зачитать» этот «военный документ сторонников жесткой линии», чтобы хоть в какой-то мере защитить Горбачева от обвинений в продажности Западу.

Росс посоветовал Бейкеру помочь Горбачеву выстоять на партийном съезде.

— Если после съезда партии с ним будет все в порядке, — заключил он, — мы наконец-то сумеем заполнить единую Германию в НАТО.

На XXVIII съезде Коммунистической партии Советского Союза Горбачев надеялся принять постановления, уменьшающие административный партийный контроль в обществе, однако партийные структуры, поняв, что поставлено на карту, направили на съезд своих ставленников, которые должны были во что бы то ни стало заблокировать реформу. Делегаты выражали свое недовольство тем, что Горбачев и его союзники подорвали Варшавский договор, потеряв Прибалтику, расшатали идеологические основы партии и способствовали распаду Советского Союза.

Шеварднадзе, отстаивая свою внешнюю политику, подчеркнул, что на гонку вооружений были выброшены миллиарды рублей. Что касается Германии, сказал он, Советский Союз должен был сделать выбор: либо использовать советские войска в Восточной Германии для того, чтобы воспрепятствовать объединению, либо, сотрудничая с Западом, строить безопасную Европу. Многие делегаты шумно выразили свое негодование. Шеварднадзе был подавлен и зол на Горбачева за то, что тот не предпринял почти никаких попыток защитить его на съезде.

Борис Ельцин также выступил с обвинениями в адрес Горбачева, который не сумел «нейтрализовать» консервативные силы, перешедшие теперь «в наступление». Если партия не перестроится, она утратит сколько-нибудь «серьезную» роль в обществе, сказал он. Он предложил переименовать партию в «Партию демократического социализма» — эта обновленная, истинно демократическая организация должна упразднить свои ячейки в армии и в КГБ, на фабриках и на предприятиях.

Горбачев как мог оправдывался в ответ на требование «прекратить разъезжать по заграницам и вплотную заняться собственной страной». Он пригрозил отставкой, после чего был вновь избран генеральным секретарем большинством голосов: 3411 — за, 1116 — против. На пост заместителя главы партийного руководства он предложил кандидатуру Владимира Ивашко, первого секретаря ЦК компартии Украины. В состязании с воинствующим консерватором Егором Лига-

чевым ставленник Горбачева получил большинство голосов: 3109 — за, 776 — против; после чего Лигачев объявил о том, что покидает политику.

В предпоследний день съезда Ельцин с трибуны заявил о своем выходе из партии: он не может быть председателем Верховного Совета Российской Федерации и должным образом служить всем россиянам в тисках ограничений, навязываемых партией. По центральному проходу он двинулся из зала под шиканье и крики.

Как бы то ни было, к концу съезда Горбачев мог сказать, что получил «добро» на свои программы. Теперь, когда это испытание осталось позади, он был волен решить — раз и навсегда — проблему объединения Германии по своему усмотрению...

В понедельник, 9 июля, в Хьюстоне в честь руководителей семи индустриальных стран Буш устроил прием на открытом воздухе и родео на стадионе Астродом. Когда собравшиеся перешли к деловой части, вопрос о помощи Советскому Союзу стоял чуть ли не первым на повестке дня.

Во время кэмп-дэвидской встречи Буша с Горбачевым Деннис Росс спросил Примакова:

— Сколько вам действительно нужно?

— Около двадцати миллиардов долларов в год на протяжении трех лет,— ответил Примаков.

В Хьюстоне при обсуждении той же цифры Коль и Миттеран убеждали своих коллег предоставить Москве в виде помощи от 15 до 20 миллиардов долларов в знак доверия Западу Горбачеву и его реформам.

Буш, Тэтчер и премьер-министр Японии Тосики Кайфу категорически возражали против такой суммы. Буш утверждал, что, до тех пор пока советская экономика не будет преобразована, а военные расходы и иностранная помощь — сокращены, Горбачев не сможет разумно распорядиться деньгами. Брайан Малруни заметил, что, если Горбачев будет «сброшен» со своего поста, «мы окажемся в несравненно более худшем положении, чем сегодня».

Желая избежать шумных споров, Буш предложил послать в Советский Союз специалистов для оказания помощи в реконструкции железнодорожной и коммуникационной сетей, зернохранилищ, системы распределения продуктов питания, а также других основных служб. В конце концов семь руководителей сошлись на том, чтобы направить Горбачеву письмо, где поощрялась бы перестройка и содержалось бы обещание ускорить — в качестве прелюдии к возможной помощи — международное изучение советской экономики. Это был вежливый и плохо замаскированный отказ в крупномасштабной, конкретной помощи, которой ждал Горбачев, а также явная демонстрация того, что дальше определенной черты в поддержке своего кремлевского друга Буш не пойдет...

В субботу, 14 июля, Коль вылетел в Москву. Он был готов предложить предел численности германских вооруженных сил в 400 тысяч человек, что было примерно на 100 тысяч человек меньше, чем западногерманская армия насчитывала в 1989 году. Он уже обещал 3 миллиарда долларов в виде кредитов Советскому Союзу со стороны Германии и еще 730 миллионов долларов, предназначенных для выплаты советским войскам в Восточной Германии.

В воскресенье утром в официальном особняке для гостей под Москвой Горбачев сказал канцлеру:

— Нам предстоит разгрызть несколько маленьких орешков, но у нас очень крепкие зубы.

Он подчеркнул, что готов двигаться в направлении скорейшего объединения Германии. Желая показать Колю, что все это время он был на его стороне — типичный для Горбачева прием, — он добавил: сейчас, когда съезд партии остался позади, он волен следовать собственной интуиции.

Во второй половине дня Горбачев и Коль вылетели в Ставрополь. В самолете они полемизировали по поводу размеров будущей немецкой армии. По прибытии в свой родной город Горбачев показал Колю кабинет, который занимал, будучи местным партийным лидером, затем повел Коля прогуляться по городской площади.

На Кавказе, в курортном местечке Архыз, два руководителя беседовали до поздней ночи. Последние перемены в НАТО, сказал Горбачев, помогут ему лояльно отнестись к единой Германии, которая сама будет выбирать внешних союзников.

В ответ на это Коль пообещал провести официальные переговоры о выводе советских войск из Восточной Германии и о сокращении общегерманской армии в будущем. Советам, заверил он, будет предоставлен переходный период продолжительностью в три-четыре года для вывода своих войск из Германии. После ухода войск Германия выделит материальную помощь на устройство военнослужащих в советском обществе. Горбачев выразил надежду, что в Восточной Германии не будут размещены ни ядерное оружие, ни иностранные войска.

На следующий день во время совместной пресс-конференции Горбачев заявил:

— Нравится нам это или нет, но наступит время, когда единая Германия войдет в НАТО, если таков будет ее выбор. Тогда, если опять-таки таков будет ее выбор, Германия сможет сотрудничать с Советским Союзом — в определенном масштабе и в определенной форме.

— Это прорыв, — сказал Коль, — фантастический результат.

Если считать, что «холодная война» закончилась в какой-то момент, то, вероятнее всего, это произошло именно тогда, когда Горбачев согласился на объединение Германии в рамках НАТО. Разделение Германии обусловило почти полувековое разделение Европы: завоевание Сталиным Восточной Европы фактически началось тогда, когда Красная Армия вступила в Восточную Германию, захватила Берлин и превратила зону советской оккупации в новое государство — Германскую Демократическую Республику — жемчужину в короне советской империи.

Некоторые помощники Шеварднадзе советовали ему привлечь к принятию решения по Германии других членов советского правительства, в первую очередь германистов — таких, как Валентин Фалин и Николай Португалов из секрета-

риата ЦК и Юлий Квицинский из Министерства иностранных дел. В этом случае ответственность за окончательное решение легла бы и на них.

Однако Шеварднадзе опасался, что привлечение официальных лиц — противников объединения Германии, — может стать тормозом, и фактически он был единственным, кто убеждал Горбачева согласиться на полное членство Германии в НАТО.

Позднее Португалов соотнес это решение с обсуждением проблемы Германии в Белом доме Бушем и Горбачевым, назвав линию поведения Горбачева неумной.

— То, что произошло, было настолько непрофессионально и настолько неожиданно, что мы все изумились... Это выглядело ужасно, скандально. Мы могли и должны были просить Коля согласиться на военный статус Германии французского образца. Это не было сделано из-за того, что Шеварднадзе давил на Горбачева в пользу своей линии уступок американцам.

Старый германист Валентин Фалин сказал своим коллегам, что Шеварднадзе продал Горбачеву «список товаров» за объединение Германии в рамках НАТО. Злясь на то, что его не допускали к дискуссиям, Фалин в кулуарах обвинял Шеварднадзе в получении «некоего тайного денежного вознаграждения» от промышленников Западной Германии и желчно называл его «самым влиятельным американским агентом».

Год спустя Бессмертных вспоминал этот момент как основную веху во взаимоотношениях Горбачева со сторонниками жесткой линии:

— Согласие на членство единой Германии в НАТО стало одним из самых ненавистных шагов в истории советской внешней политики и останется таковым на десятилетия.

А в Белом доме Буш заявил, что решение Горбачева «как нельзя более отвечает интересам всех европейских стран, включая Советский Союз». Во вторник утром, 17 июля, Буш 45 минут говорил с Горбачевым по телефону. Буш выразил сочувствие Горбачеву по поводу нападок на него как левых, так и правых на съезде партии. Он сказал, что и ему иногда при-

ходится терпеть бичевание со стороны конгресса в Вашингтоне. Однако, когда Горбачев, воспользовавшись случаем, еще раз спросил о финансовой помощи Запада, Буш вежливо его осадил.

С точки зрения президента — из-за отсутствия более радикальных экономических реформ в СССР — денежные вливания, о которых просит Горбачев, будут не более чем смешением здоровых денег с больными. Они не принесут Советскому Союзу ощутимой пользы, а значит, не станут и реальным подспорьем Горбачеву...

К лету 1990 года Буш и Бейкер решили (между собой) всерьез заняться другими нынешними советскими лидерами — помимо Горбачева, — обладавшими определенным потенциалом.

В сентябре прошлого года, когда Борис Ельцин посетил Вашингтон всего лишь как член парламентской делегации, они могли позволить себе не допустить его в Овальный кабинет. Но сейчас, когда Ельцин стал ведущей фигурой в Российской республике и обещал вывести Россию из состава Советского Союза, президент и госсекретарь не могли больше в угоду Горбачеву держать его соперника на расстоянии.

Тот факт, что Ельцин стал лидером российского парламента, со всей очевидностью доказывал: он самая популярная фигура в Советском Союзе и наиболее вероятный преемник Горбачева либо на посту главы советского правительства, либо — независимой России. Если американцы быстро с ним не помирятся, воспоминания о политических обидах предопределят его отрицательное отношение к Вашингтону.

В прошлом, когда происходила внезапная смена какого-либо иностранного правительства, президенты США часто подвергались критике за отказ своевременно вступить в контакт с оппозицией. Так, например, Эйзенхауэр оказался застигнутым врасплох, когда народ Кубы сверг Фульхенсио Батисту в пользу Фиделя Кастро, а Картер слишком долго раскачивался, когда в Иране вместо шаха к власти пришел аятолла Рухолла Хомейни. Буш хотел избежать подобной критики в свой адрес, если (или когда) Горбачева вытеснит Ельцин.

Президент и Бейкер считали, что их контакт с лидерами левее Горбачева, включая мэров Москвы и Ленинграда Гавриила Попова и Анатолия Собчака, будет содействовать проведению более решительной реформы. Кроме того, их попытки установить отношения со сторонниками отделения республик, в частности с премьер-министром Литвы Прунскене, помогут уравновесить влияние сторонников жесткой линии в Москве, настаивавших на применении Горбачевым силы во имя сохранения целостности Советского Союза.

Встретившись с Шеварднадзе в Париже в среду, 18 июля, Бейкер поставил министра иностранных дел в известность о том, что Соединенные Штаты намереваются вступить в более тесный контакт с Ельциным и другими представителями движений за реформу и независимость по всему Советскому Союзу.

Эта новость не огорчила Шеварднадзе. Он понимал, что новая политика США подтолкнет Горбачева к более решительной реформе и заставит его терпимее относиться к раскрепощенности республик,— Шеварднадзе был более горячим поборником и того и другого.

Шеварднадзе не было нужды объяснять, что Горбачев будет крайне недоволен таким поворотом дела: он воспримет это как попытку Буша понизить свои ставки на выживание Горбачева. Это ослабит его позиции как единственного канала связи с Западом — и доступа к западной помощи,— одновременно усилив давление на него справа: как только Буш и Бейкер всерьез начнут устанавливать контакты со сторонниками отделения республик, такими как Ландсбергис и Прунскене, председатель КГБ Крючков и другие представители жесткой линии будут рассматривать этот фактор как доказательство своих предположений — ЦРУ провоцирует распад Советского Союза.

Министр иностранных дел сказал Бейкеру, что понимает, почему они с Бушем хотят установить контакт с другими лидерами, помимо Горбачева. Он лестно отозвался о более молодом поколении оппозиционеров, таких как Попов и Собчак, выступавших за более решительные политические

и экономические преобразования. Американские политики, отметил Шеварднадзе, говорили ему, что иногда забывают о своих партийных разногласиях и поддерживают президента.

— К сожалению, у нас в Советском Союзе, — сказал он, — всегда найдутся люди, которые не упустят случая крикнуть: «Долой президента»... Мы еще не доросли до вашей политической зрелости.

По словам Шеварднадзе, Горбачев набрал силу после последнего съезда партии, однако, признал он, мы находимся сейчас «в таком положении, когда необходимо начинать наступление» на экономический кризис. Бейкер вручил ему подробный документ с описанием тех областей деятельности, в которых Соединенные Штаты могли бы обеспечить помощь специалистов в распределении продовольствия и товаров потребления, а также ряд других сфер, предлагаемых впервые: жилищное строительство, банковское дело и система налогообложения.

Перед отъездом госсекретаря в Вашингтон они с Шеварднадзе договорились встретиться через две недели в Иркутске. Там, на берегу озера Байкал, которое по красоте и богатству природы в Советском Союзе считается одним из природных чудес света, Шеварднадзе ответит Бейкеру тем же гостеприимством, с каким тот принимал его в Вайоминге.

В конце июля Бейкер вылетел из Сингапура в Иркутск, где его ждал Шеварднадзе. Министр иностранных дел настаивал на повторной встрече Буша с Горбачевым до конца 1990 года, на сей раз в Москве. Он надеялся, что эта встреча оградит Горбачева от многочисленных нападков и справа и слева и поможет ему в борьбе с экономическим кризисом и межнациональной смутой, грозившей охватить всю страну.

На Байкале Шеварднадзе твердо решил реабилитироваться — на Джэксон-Лейк он не поймал ни одной рыбы. Когда они с Бейкером отправились, при Шевиче был профессиональный советский рыбак, оснащенный последними электронными приспособлениями для рыбной ловли.

Во время официальных переговоров в Иркутске Бейкер и Шеварднадзе обсуждали проблемы СНГ, европейской

безопасности и Камбоджи, а также приблизились к окончательному урегулированию конфликта в Афганистане. Во время одной из бесед Шеварднадзе поделился с Бейкером тем, что назвал «дурным предчувствием»: в результате окончания «холодной войны» в различных регионах мира может создаться опасный силовой вакуум и у местных диктаторов возникнет соблазн его заполнить.

В среду утром, 1 августа, Бейкер, проснувшись, получил из Вашингтона бюллетень ЦРУ, сообщавший, что иракские войска угрожающе стягиваются к границе с Кувейтом. Он сказал об этом Шеварднадзе только в полдень, по дороге на обед, когда они остались одни в «ЗИЛе» министра иностранных дел.

Проезжая по улицам Иркутска, госсекретарь рассказывал Шеварднадзе о том, что узнал.

— Все это не предвещает ничего хорошего,— сказал он и добавил, что ЦРУ прогнозирует вторжение в Кувейт, напомнив, что Шеварднадзе и его коллеги много лет имели дело с иракским президентом Саддамом Хусейном.— Мы надеемся, вы постараетесь приструнить этих ребят,— заявил Бейкер.

Шеварднадзе возразил, что, если бы Саддам Хусейн и в самом деле задумал вторгнуться в Кувейт, союзникам Ирака в Москве было бы об этом известно. Предположение, что Саддам способен совершить такой неразумный шаг, как вторжение в Кувейт, вызвало у него усмешку.

Тем не менее во второй половине дня Шеварднадзе направил в Москву, в Министерство иностранных дел, послание, в котором просил своих заместителей, используя тайные каналы, добиться того, чтобы войска Саддама оставались по свою сторону границы.

«ВАШИ РУКИ БУДУТ В КРОВИ...»

Во вторник, 2 августа 1990 года, в 7.45 утра находившемуся в Иркутске Бейкеру позвонил из Вашингтона Роберт Киммит, его заместитель по политическим делам. Поскольку они говорили по обычному телефону, Киммит прибегнул к индизакзательности, однако смысл его слов был ясен: ЦРУ полностью убеждено, что Ирак готовится к вторжению в Кувейт.

Через час Бейкер передал это известие Шеварднадзе, который по-прежнему отказывался в него верить:

— Кризис рассасывается,— сказал он.

Значит, решил Бейкер, Саддам Хусейн уверил Советский Союз в том, что не переступит кувейтскую границу.

Во второй половине дня, под конец переговоров, они, как обычно, обсуждали кое-какие вопросы в частном порядке — присутствовали только переводчики и ближайшие помощники. Шеварднадзе не на шутку встревожился, когда к ним влетела Маргарет Татуайлер — ее могли вынудить к этому только чрезвычайные обстоятельства. Она вручила Бейкеру записку, прочитав которую, тот сказал:

— Джентльмены, Государственному департаменту стало известно, что Ирак нарушил кувейтскую границу.

— Не верю! — воскликнул Шеварднадзе, — Мы ничего об этом не слышали. Это же просто нелогично.

Он поручил Тарасенко навести справки. Тарасенко позвонил в Москву и подтвердил информацию. Шеварднадзе был в ярости от того, что КГБ не предугадал интервенцию.

Бейкера интересовало, продвигаются ли иракцы прямоком к Эль-Кувейту или «захватывают только спорные территории» — острова и нефтеносные земли, которые Ирак и Кувейт оспаривали друг у друга в течение многих лет. Шеварднадзе

утверждал, что массированная интервенция «совершенно не укладывается в рамки здравого смысла». В прошлом, отметил он, Саддам, желая продемонстрировать свою военную силу, совершал короткие набеги на Кувейт. Но любая операция в более крупном масштабе противоречила «всякой логике».

Шеварднадзе решил немедленно вылететь в Москву. У Бейкера была запланирована поездка в Улан-Батор — его первый визит в Монголию, который он не хотел отменять. Поскольку Деннис Росс и Роберт Зёллик в любом случае должны были вернуться в Москву, то они и будут находиться в тесном контакте с Советами.

Бейкер убеждал Шеварднадзе прекратить поставки советского оружия в Ирак. Что-то надо делать, соглашался Шеварднадзе, но, до тех пор пока он не поговорит с Горбачевым, никаких обещаний дать не может.

Перед самой посадкой в самолет Деннис Росс сообщил Бейкеру и Шеварднадзе, что армия Саддама достигла Эль-Кувейта. Со своего самолета по пути в Улан-Батор Бейкер позвонил Бушу, который согласился с тем, что отменять поездку в Монголию ни к чему: нет нужды еще сильнее будоражить мир. Буш спросил, удастся ли убедить Советы осудить интервенцию вместе с Соединенными Штатами. Росс и Зёллик, ответил Бейкер, как раз прорабатывают этот вопрос с официальными лицами в Москве:

По прибытии в Улан-Батор во время запланированных церемоний Бейкер беспрестанно думал о Кувейте. Большую часть ночи он говорил по телефону с президентом и Скоукрофтом — он подчеркнул, что в данном случае решающую роль должна взять на себя ООН. Соединенным Штатам следует раньше других добиться от Совета Безопасности осуждения интервенции и немедленного применения санкций.

С точки зрения Скоукрофта, не стоило чрезмерно полагаться на ООН. Он передал опасения председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Колина Пауэлла относительно того, что санкции ООН затруднят планирование Пентагоном военных действий. Однако Буш занял

сторону Бейкера. Во время телефонного разговора со своим заместителем по политическим делам Робертом Киммитом госсекретарь попросил его поручить представителю США в ООН Томасу Пикерингу приступить к составлению проекта резолюции Совета Безопасности.

На борту советского самолета по пути в Москву Росс и Зёллик увидели, что Шеварднадзе и Тарасенко готовы принять идею советско-американской оппозиции против действий Саддама. Когда самолет приземлился, помощник Росса Питер Хауслонер предложил, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз выступили с совместным заявлением, осуждающим интервенцию Саддама. По мнению Росса, это была «потрясающая идея».

Он позвонил Бейкеру в Улан-Батор и сказал, что подобное совместное заявление «станет демонстрацией американо-советского партнерства». Оно покажет, что мир изменился и не позволит Саддаму «воспользоваться возможным расколом между США и Советами», который «помог бы ему сохранить раздел арабского мира».

— Я полагаю, — сказал Росс, — мы не только должны выступить с совместным заявлением, но вы должны приехать сюда и сделать его вместе с Шеварднадзе — тогда оно вызовет эффективное действие. Кроме того, весь мир сможет убедиться, что Соединенные Штаты и Советский Союз выступают единым фронтом.

— Если вам кажется, что мы действительно можем сделать совместное заявление, — ответил Бейкер, — то я изменю свои планы и вернусь в Вашингтон через Москву... Действуйте, но только чтобы это было достойное заявление.

Тарасенко привез Росса в советское Министерство иностранных дел, и они поднялись на лифте на седьмой этаж к нему в кабинет.

— Давайте узнаем последние новости, — сказал Тарасенко.

Росс ожидал, что он вызовет к себе представителя разведки, однако вместо этого Тарасенко включил Си-эн-эн.

Нашли машинку с латинским шрифтом, и один из заместителей Росса, Эндрю Карпендейл, напечатал на ней проект заявления. Росс переписал его и прочел Тарасенко, который одобрил текст и зачитал его Шеварднадзе по телефону.

— Звучит хорошо, — сказал министр иностранных дел. — Я позвоню Горбачеву.

Горбачев проводил отпуск в Форосе — своем прибежище на черноморском побережье, — он поручил Шеварднадзе согласовать заявление с другими членами нового президентского совета: с премьер-министром Валентином Павловым, министром обороны Дмитрием Язовым и председателем КГБ Владимиром Крючковым.

Всю ночь Шеварднадзе спорил с этими людьми. Он настаивал на решении, «которое бы восстановило суверенитет, территориальную целостность и законное правительство Кувейта», полагая, что «если мировое сообщество не в состоянии остановить агрессию против Кувейта, значит, окончание «холодной войны» ничего не дало».

Павлов, Язов и Крючков утверждали, что гораздо важнее сохранить теплые отношения Советского Союза с Ираком. Они ссылались на Договор о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Багдадом. Ведь Ирак является основным клиентом Советов в Персидском заливе. Кремль вложил миллиарды рублей в то, чтобы противостоять влиянию США на Ближнем Востоке; более того, говорили они, в столь тяжелые экономические времена нельзя забывать о том, что начиная с 1986 года Советский Союз продал Ираку и другим ближневосточным странам оружия на сумму около 17,5 миллиардов долларов.

Шеварднадзе пришлось также преодолевать сопротивление со стороны арабистов из Министерства иностранных дел — они заботились о сохранении давних связей Советского Союза с Ираком, с глубоким подозрением отнеслись к мотивам американцев на Ближнем Востоке и были категорически против наращивания под руководством США военного потенциала в этом регионе. Противники министра иностран-

ных дел обвиняли его в том, что он вновь идет на поводу у своих американских друзей: неужели все эти годы они вкладывали деньги в Ближний Восток только для того, чтобы Советы стали «американским прихвостнем»? Они предупреждали: когда американцы начнут бомбить Ирак — а это непременно произойдет, — «ваши руки будут в крови».

Шеварднадзе позвонил Горбачеву, который в принципе одобрил идею совместного американо-советского заявления, но отказался выступить на стороне Шеварднадзе против остальных министров. Министр иностранных дел был в ярости. Горбачев вновь — как и в вопросах контроля над вооружениями и объединения Германии — заставлял Шеварднадзе взваливать на себя все бремя непопулярной политики.

В пятницу утром, 3 августа, Тарасенко принес Россу в Спасо-хаус разбавленный вариант совместного заявления. Когда Росс прочел его, ему стало дурно. Он попросил Тарасенко передать Шеварднадзе, что здесь требуются более жесткие формулировки:

— Если мы хотим, чтобы сюда прилетел Бейкер, заявление должно быть резким.

Росс попытался позвонить Бейкеру с тем, чтобы тот отложил свой выезд из Улан-Батора в Москву до тех пор, пока не будет усилен текст заявления. Однако, к его досаде, ему сообщили, что госсекретарь уже в воздухе, и дозвониться до самолета Бейкера было невозможно.

После короткого посещения Министерства иностранных дел Тарасенко вернулся в Спасо-хаус с новой версией заявления. Но и она, по мнению Росса, была чересчур двусмысленной.

— Если мы выступим с этим заявлением, — сказал он, — Саддам Хусейн истолкует его прямо противоположным образом. Ему станет ясно, что мы с вами *не заодно*.

Совместными усилиями они заострили формулировки, и Тарасенко пообещал «сбыть их нашим». Ему это удалось за одним исключением: Советы по-прежнему отказывались заявить о совместном эмбарго на поставку оружия.

Бейкер, валившийся с ног от усталости, прибыл в аэропорт Внуково в окрестностях Москвы, в пятницу днем. Шеварднадзе и его жена Нанули встречали госсекретаря и Сюзан Бейкер у трапа самолета. Из-за помех на линии Росс не разговаривал со своим шефом на протяжении семи часов, и теперь он отвел Бейкера в сторону, чтобы объяснить ему, чего следует добиваться от Шеварднадзе.

Уже в здании аэровокзала, в зале для высокопоставленных гостей, Бейкер принялся убеждать Шеварднадзе в необходимости эмбарго на оружие.

— В этом заявлении мы должны показать зубы, — говорил он. — Саддаму Хусейну и всему миру должно быть ясно: мы вместе.

Министра иностранных дел не надо было долго убеждать, однако он подчеркнул, что Советы не примут американскую «дипломатию канонерок». Бейкер заверил его, что Буш не предпримет военных действий против Ирака в одностороннем порядке до тех пор, пока американские граждане будут вне угрозы.

Наконец двери комнаты распахнулись, и Шеварднадзе с Бейкером, ступая по сияющему мраморному полу, подошли к микрофонам, где их уже ждала толпа журналистов. Стоя рядом с Шеварднадзе, Бейкер объявил о «необычном шаге» — «совместном призыве, обращенном к остальной части международного сообщества, присоединиться к нам во всем, что касается прекращения любых поставок оружия Ираку из-за рубежа».

Бейкер прибыл в Вашингтон утром 4 августа, в субботу. Он тут же пересел в вертолет и вылетел в Кэмп Дэвид, где в комнате для совещаний за длинным столом уже сидели президент, Куэйл, Скоукрофт, Чейни, Пауэлл и другие официальные лица.

Ричард Хаас, политолог из Гарварда, главный помощник Скоукрофта по делам Ближнего Востока, заметил, что в комнате «явственно чувствуется дыхание истории»: каждый из присутствующих понимал, что это была «первая проба сил в эпоху окончания «холодной войны».

Лоуренс Иглбергер предупредил, что если не прекратить агрессию Саддама, то она станет «самым что ни на есть порочным примером для нового мирового порядка»: муамары каддафи и ким ир сены воочию убедятся в том, что с устранением одной из двух сверхдержав «мелкая сошка вроде Саддама Хусейна получила большую, а не меньшую свободу действий, так как его перестал сдерживать Большой Брат». В конце совещания Буш принял решение послать в Саудовскую Аравию — в случае согласия последней — американские войска численностью в 200 тысяч человек.

В тот день в Вашингтоне советское посольство передало Бейкеру письмо от Шеварднадзе. Прочитав его, Бейкер понял, какую цену Шеварднадзе приходится платить за их совместное заявление, сделанное в Москве: не вызывало сомнений, что он был вынужден искать примирения со своими товарищами.

В письме говорилось, что Советский Союз не будет поддерживать дальнейшие резолюции ООН против Ирака до тех пор, пока не станет ясно, что Ирак отказался выполнять резолюцию № 660. Саддаму необходимо дать время на то, чтобы уйти из Кувейта. Шеварднадзе «обеспокоен» сообщениями о том, что Соединенные Штаты добиваются прекращения движения самолетов на коммерческих авиалиниях в Ирак — это «ставит под угрозу» возможность эвакуации советских и других иностранных граждан.

В понедельник, 6 августа, получив согласие Саудовской Аравии на воздушную переброску войск — ударную операцию под названием «Щит пустыни», — Буш, Бейкер и Скоукрофт вели разговор о том, как им сообщить Москве, что сотни тысяч американских войск высадятся в зоне Персидского залива.

Все трое пришли к выводу, что, если Советы публично осудят высадку войск, это будет «катастрофой». Это может даже спровоцировать классический кризис в духе «холодной войны», в котором Саддам попытается столкнуть между собой две державы. Скоукрофт стремился к установлению аме-

рикано-советского партнерства, но при обязательном условии, что Советский Союз будет младшим партнером.

Сведома президента Бейкер позвонил Шеварднадзе, который отдыхал на подмосковной даче, и назвал последние данные разведки США, касающиеся военного потенциала Ирака: численность войск превышает 100 тысяч человек, на вооружении имеются танки, артиллерия и ракеты класса «земля — земля». По просьбе Саудовской Аравии, сообщил он, Буш намерен послать войска США в зону Персидского залива. Он уверял, что Вашингтон не воспользуется кризисом для усиления своего влияния на Ближнем Востоке.

Во второй половине дня президент отдаст секретный приказ о начале движения войск, сказал Бейкер. В среду администрация объявит миру о своей акции. Бейкер же звонит, чтобы предупредить об этом Горбачева и Шеварднадзе заранее.

— Вы спрашиваете совета или информируете нас? — спросил Шеварднадзе.

— Скорее, информируем, однако не можем ли мы в этой связи сделать что-нибудь вместе? Я не уполномочен делать подобные предложения, но как насчет ваших собственных военно-морских или сухопутных сил? Как мы можем выступить сообща?

Шеварднадзе сказал, что ему нечего предложить. Но Бейкер не отступался:

— Послушайте, может быть, мы могли бы как-то иначе объединить усилия?

— Как насчет Военно-штабного комитета при Совете Безопасности? — неожиданно спросил Шеварднадзе.

В течение предыдущих трех дней московские сторонники жесткой линии были заняты обсуждением того, как предотвратить односторонние действия Соединенных Штатов против Ирака. Одной из возможностей был этот отживающий свой век комитет ООН — Москва давно предпринимала попытки оживить его как средство усиления своего влияния. Сторонники жесткой линии считали, что посредством привлечения комитета к урегулированию кризиса в Персид-

ском заливе Советский Союз может наложить вето на военные действия США против Багдада.

Буш и Пауэлл были против идеи привлечения Военно-штабного комитета именно по тем соображениям, по которым советские сторонники жесткой линии были — за: комитет даст советскому Министерству обороны право голоса в решении вопроса по Персидскому заливу. Однако, поразмыслив, оба они пришли к выводу, что в конечном счете комитет может способствовать вовлечению Советов в военные действия против вооруженных сил Ирака.

Бейкер позвонил Шеварднадзе и сказал, что Соединенные Штаты «ничего не имеют против» присутствия Советов — морского или наземного — в Персидском заливе.

— Если президента Буша это интересует, — ответил Шеварднадзе, — я обговорю этот вопрос с президентом Горбачевым.

Позже Шеварднадзе позвонил Бейкеру и сказал: они с Горбачевым не могут принять это предложение и разместить свои вооруженные силы в зоне конфликта. Одна из причин заключалась в том, что в Москве еще слишком свежи воспоминания об Афганистане — последнем примере военного вторжения Советского Союза в мусульманский мир. Тем не менее Бейкеру удалось убедить министра иностранных дел одобрить новую резолюцию ООН, налагавшую суровые торговые и военные санкции на Ирак.

В течение следующей недели Бейкер и Шеварднадзе почти ежедневно вели телефонные разговоры, разрабатывая новую резолюцию ООН по предотвращению «аннексии» Кувейта Саддамом.

Во вторник, 16 августа, Бейкер написал Шеварднадзе о своей озабоченности по поводу того, что граждане США свезены в Кувейте в одно место и содержатся там заложниками. Его тревожило то, что почти 8 тысяч советских граждан, работающих в Ираке, могли подвергнуться той же участи в случае дальнейшего ухудшения ситуации, а также если Кремль объединится с Белым домом против Саддама. Шеварднадзе дал

согласие еще на одну резолюцию ООН с требованием к Ираку разрешить «немедленный выезд» иностранных граждан.

На следующий день Горбачев, прервав свой отдых на Черном море, приехал в Одессу, чтобы присутствовать на учениях Советской Армии. В речи, переданной по телевидению, он назвал вторжение в Кувейт «вопиющим нарушением» международного законодательства; только «коллективные усилия» и «политические средства», сказал он, не дадут ему «перерасти в крупномасштабную военную конфронтацию». Оправдывая сотрудничество своего правительства с Вашингтоном, он заявил:

— Другая реакция была бы для нас неприемлема, поскольку акт агрессии был совершен при помощи нашего оружия, которое мы согласились продавать Ираку с целью поддержания его обороноспособности, а не для захвата чужих территорий и целых стран.

Буш и Бейкер были в восторге от речи Горбачева. В пятницу, 24 августа, Шеварднадзе позвонил Бейкеру в Вайоминг и сообщил, что советское правительство завершило «анализ» кризиса в Персидском заливе. Горбачев только что направил Саддаму личное послание, где в «категоричной» форме задавал вопрос: как Ирак намерен реагировать на существующие резолюции ООН? Он требовал дать ответ в тот же день.

— Откровенно говоря, мы не ждем особых изменений в позиции Ирака, — сказал Бейкер Шеварднадзе. — Но наш моральный долг — дать ему последнюю возможность ретироваться. Как только мы получим от него какие-либо известия, тут же сообщим о них Соединенным Штатам.

В пятницу вечером, в 21.45 по московскому времени, заместитель Шеварднадзе Александр Белоногов пригласил Мэтлока в Министерство иностранных дел и вручил ему письмо Шеварднадзе Бейкеру. В письме говорилось, что Шеварднадзе рассчитывал позвонить госсекретарю, но дела задержали его в Кремле. Горбачев получил ответ Саддама, который был «совершенно неудовлетворителен». «Думаю, его не стоит комментировать», — писал министр иностранных дел.

До рассвета, в субботу, Совет Безопасности одобрил резолюцию № 665 по Ираку: 13 голосов — за, 0 — против, Куба и Йемен воздержались. Чтобы пощадить Советы, резолюция не призывала непосредственно к применению силы, а предусматривала «меры, сообразные данным конкретным обстоятельствам».

Позже Шеварднадзе позвонил Бейкеру и сказал:

— Президент Горбачев хотел бы передать президенту Бушу, что он удовлетворен нашей совместной работой в Совете Безопасности.

— Мы тоже, — ответил Бейкер. — Это беспрецедентный случай... Мы сумеем справиться с тем, что происходит, только если и у нас, и у международного сообщества достанет решимости...

В Москве в конце августа Горбачев сказал журналистам: чем скорее политическое урегулирование кризиса в Персидском заливе позволит США вывести свои войска, «тем спокойнее все мы будем себя чувствовать... Мы знаем, что эскалация военного противостояния чревата непредсказуемыми последствиями».

К тому времени Евгений Примаков взял на себя функции представителя тех, кто был обеспокоен военным присутствием США в Персидском заливе. Он высказывался за урегулирование кризиса «политическими средствами» — то есть путем достижения компромисса, который бы позволил Саддаму сохранить за собой хотя бы часть отвоеванных территорий.

Примаков, будучи человеком в высшей степени честолюбивым, выжидал момент, когда Горбачев настолько устанет от непопулярности Шеварднадзе, что решит сместить его с занимаемой должности и назначить нового министра иностранных дел. В Москве уже поговаривали, что Горбачев готов предоставить Шеварднадзе новый, главным образом, номинальный портфель «советника» по национальным проблемам, а возможно, и первого советского вице-президента.

В своей речи в тихоокеанском портовом городе Владивостоке Шеварднадзе, пытаясь исправить свое пошатнувшееся

ся положение, публично высказался по вопросу о Персидском заливе в духе взглядов Примакова. Он недвусмысленно намекнул, что кризис следует напрямую связать с международной конференцией по урегулированию израильско-палестинских разногласий; а также сказал, что захват Ираком Кувейта является «одной из нескольких чрезвычайно сложных, взаимосвязанных проблем» на Ближнем Востоке, требующих «координированного решения».

Слова «взаимосвязанных» и «координированного» вызвали досаду в Вашингтоне. Они олицетворяли собой как раз то, чего Соединенные Штаты во что бы то ни стало стремились избежать,— взаимосвязь между решениями двух совершенно разных проблем, а именно: агрессии Саддама против Кувейта и оккупации Израилем Западного берега реки Иордан, сектора Газа и Голанских высот.

Администрация Буша сочла возможным согласиться на международную мирную конференцию, организованную Соединенными Штатами совместно с Советским Союзом, однако больше чем когда бы то ни было она не хотела уступать Саддаму, пытавшемуся обусловить свой уход из Кувейта оставлением Израилем оккупированных территорий. Одно дело — поощрить Советский Союз за многие подлинные и знаменательные улучшения в международной политике, и совсем другое — показаться благодарным Саддаму за то, что он отказался от своего акта агрессии.

Бейкер попытался затушевать этот вопрос. Он сказал в программе Эн-би-си, что «невиданное единодушие международной общественности» в отношении Ирака позволяет считать международную конференцию «почти» созванной...

«ОТСТУПАТЬ НЕЛЬЗЯ!»

В понедельник, 10 сентября 1990 года, Бейкер встретился с Шеварднадзе в Москве. Шеварднадзе одобрил недавний визит Бейкера в Дамаск и его переговоры с президентом Сирии Хафезом Асадом — многолетним союзником Советов и врагом США.

— Это очень важно, — сказал Шеварднадзе, — и наверняка так или иначе мы сможем помочь вам с Сирией.

— Как только кризис останется позади, — сказал госсекретарь, — нам необходимо будет создать некую структуру безопасности в Персидском заливе.

Перечислив очаги напряженности в мире, Бейкер остановился на Гаване: раз Куба этой осенью стала непостоянным членом Совета Безопасности ООН, правительство Кастро будет доставлять Вашингтону неприятности в Персидском заливе.

Бейкер предложил «кусочек сладкого», желая отблагодарить Москву за понимание позиции США в Персидском заливе и в то же время, как он надеялся, смягчить Кастро.

— Мы готовы пойти навстречу Кубе — принять меры по укреплению доверия, которые продемонстрировали бы кубинцам, что США не угрожают их безопасности. Мы готовы извещать Гавану обо всех военных учениях США на Кубе или вблизи нее с целью показать, что мы не пытаемся воспользоваться ослаблением влияния Советского Союза.

Шеварднадзе был благодарен.

Бейкер посетовал на то, что переговоры по обычным вооруженным силам в Европе и СНВ начиная с весны практически не сдвинулись с места: «Есть риск, что эти переговоры могут потерять актуальность».

— Согласен,— сказал Шеварднадзе. — Давайте подтолкнем их как следует, когда встретимся в Нью-Йорке через две недели.

Во вторник, 25 сентября, Совет Безопасности рассматривал резолюцию № 670, призванную усилить давление на Ирак путем приостановления коммерческих авиалиний, обслуживающих Ирак и Кувейт. Кроме того, согласно этой резолюции государства — члены ООН должны задерживать любые иракские суда, нарушившие эмбарго и пытавшиеся войти в их порты.

Перед началом голосования Шеварднадзе высказался об Ираке более резко, чем когда бы то ни было раньше. Он дал понять, что, если дипломатические усилия ни к чему не приведут, Советский Союз может поддержать отдельные военные действия США против Ирака. Голосовала против резолюции только Куба.

На следующий день в частной беседе с Шеварднадзе госсекретарь одобрительно отозвался о его речи. Оба они пришли к выводу, что в Персидском заливе им необходимо действовать в тесном контакте с целью усиления давления на Саддама. Каждый из них, находясь в Нью-Йорке, встретился с министрами иностранных дел целого ряда арабских государств. Таким образом Бейкер и Шеварднадзе совместными усилиями пытались «отлучить» от Саддама как можно большую часть арабского мира.

Накануне приезда Шеварднадзе в Нью-Йорк Буш написал Горбачеву, что переговоры по контролю над вооружениями зашли в тупик. Если в ближайшее время не будут достигнуты договоренности по СНВ и обычным вооруженным силам в Европе, предупреждал он, то в этом году не будет подписано соглашение, что повредит ноябрьской встрече в верхах на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Еще раньше Буш сказал Горбачеву, что откажется от участия во встрече глав государств — членов СБСЕ, если не будут достигнуты окончательные договоренности по обычным вооруженным силам в Европе; сейчас он настоятельно рекомендо-

вал Горбачеву поручить Шеварднадзе решение всех острых вопросов, касающихся обоих договоров.

На встрече во вторник, 27 сентября, Бейкер и Шеварднадзе преодолели некоторые технические затруднения по обычным вооруженным силам в Европе. Вопросы СНВ ими не обсуждались.

Тарасенко признался Россу:

— Добиваться решения этих вопросов в Москве становится очень трудно. Люди озабочены внутренними проблемами и тем, что происходит в Персидском заливе. Наши военные с большой неохотой идут на окончательную доработку этих договоров.

На следующей неделе в Нью-Йорке во время подготовительной встречи (СБСЕ) Шеварднадзе сказал Бушу: он «вполне уверен, что Договор об обычных вооруженных силах в Европе будет готов к подписанию в Париже в ноябре». Он надеялся, что Договор СНВ будет полностью составлен к концу этого года, так что Буш сможет приехать в Москву на встречу с Горбачевым, организованную по всем правилам, в январе или феврале 1991 года.

Несмотря на внешнюю жизнерадостность Шеварднадзе, Бейкер видел, что нервы его коллеги напряжены до предела — из-за изнурительной борьбы с московскими сторонниками жесткой линии по вопросам Германии, Персидского залива, контроля над вооружениями и Прибалтики. Во время публичных церемоний на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе Бейкер подтвердил уже устоявшуюся, с его точки зрения, политику США в отношении Прибалтики — он предостерегал против применения силы и призывал к диалогу. И хотя заявление это практически ничем не отличалось от того, что он повторял раньше, оно вывело Шеварднадзе из себя.

Тарасенко отвел Росса в сторонку и сказал:

— Мой министр принял эти слова очень близко к сердцу. Они осложнят его положение у нас в стране. И будут использованы против него.

Когда Росс передал это Бейкеру, тот был очень огорчен столь эмоциональной реакцией Шеварднадзе на его высказывание общего характера. Он извинился перед Шеварднадзе и письменно, и устно, объяснив, что вовсе не хотел создавать ему проблемы.

Но у Шеварднадзе была и другая причина нервничать: вот уже несколько недель Примаков обрабатывал Горбачева, чтобы тот позволил ему отправиться со специальной миссией к Саддаму в Багдад. Министр иностранных дел всегда хорошо относился к Примакову и считал, что тот помог ему в его карьере, однако сейчас он был возмущен стремлением Примакова вмешаться в политику в отношении Персидского залива.

В Кремле Шеварднадзе внушал Горбачеву, что миссия Примакова «собьет с толку» Саддама, который «истолкует и использует ее по-своему».

Однако Горбачев надеялся, что Примаков сможет подсказать какой-то политический выход из кризиса и таким образом снимет его с крючка сторонников жесткой линии.

— Примаков хочет ехать, и пусть едет, — сказал Горбачев.

Вне себя от ярости, Шеварднадзе вернулся в свой кабинет в Министерстве иностранных дел, где сказал своим помощникам, что, наверное, оставит свой пост.

— Не может быть двух внешних политик! — бросил он...

В среду, 3 октября, состоялось официальное объединение двух Германий в Федеративную Республику Германию. В фарватере крымских переговоров Коля с Горбачевым государства — участники программы «два плюс четыре» еще в сентябре решили подписать договор, прекращающий оккупационные права четырех стран — победительниц во второй мировой войне.

Горбачев вызвал Бессмертных из Вашингтона в Москву, чтобы тот провел через Верховный Совет ратификацию германского пакта. Впоследствии Бессмертных вспоминал: «Было очень трудно протащить этот договор. Я предложил сделать это на закрытой сессии. Если бы это происходило на откры-

том заседании, договор никогда бы не был ратифицирован. Правые заблокировали бы его, выходя к микрофонам».

В пятницу, 5 октября, в Багдаде Саддам убеждал Примакова, что Кувейт «исторически принадлежит» Ираку. Он и не подумает уйти из Кувейта до тех пор, пока его требования не будут удовлетворены. Он выпустит тех советских граждан, которым осталось работать меньше года по их иракским контрактам (около трети от общего числа), но об остальных не может быть и речи. Таким образом советские граждане — наряду с американцами и подданными других государств — оказывались на положении заложников.

Примаков не ожидал такой непреклонности со стороны Саддама. Он уверял Горбачева, что при закрытых дверях — и с умелым собеседником — Саддама удастся уговорить. В субботу вечером, вернувшись в Москву, Примаков сообщил Горбачеву, что кризис в Персидском заливе приближается к «критической точке». Поддавшись профессиональному соблазну дипломата, он изобразил итоги своей поездки в более розовом свете, чем то было на самом деле: его миссия, сказал он, выявила «мелкие» признаки существующей «возможности повернуть дело в сторону политического урегулирования».

С одобрения шефа КГБ Крючкова и премьер-министра Павлова Горбачев поручил Примакову и Шеварднадзе составить предложения, способствующие поиску политического решения, и сказал, что эти предложения должны быть представлены Бушу, Миттерану, Асаду, президенту Египта Хосни Мубараку и королю Саудовской Аравии Фахду. Затем Примаков должен обсудить их с Саддамом в Багдаде.

Шеварднадзе был взбешен тем, что Горбачев отдает Примакову часть портфеля, по праву принадлежавшего министру иностранных дел, однако, подавив свою гордость, не стал спорить. Как ни тяжело было Шеварднадзе терпеть вмешательство Примакова, он полагал, что будет хуже, если он устанится и таким образом подпустит своего соперника вплотную к Горбачеву, предоставив ему полную свободу в осуществлении своего коварного замысла.

В понедельник, 8 октября, в Кремле Примаков сказал Горбачеву, что нашел способ не «поощрять» агрессию Саддама, но помочь ему «сохранить лицо»: надо убедить иракского диктатора в том, что, если он уйдет из Кувейта, «начнется процесс, направленный на урегулирование арабо-израильского конфликта». Это, продолжал он, приведет к созданию «системы стратегической безопасности в этом регионе», о которой говорил Бейкер. Одновременно будут рассмотрены давние экономические и территориальные претензии Саддама:

— Он будет заранее знать, что переговоры с руководством Кувейта будут организованы в рамках арабского мира.

Фраза «в рамках арабского мира» — Примаков в этом не сомневался — порадует слух Саддама: она означала, что Соединенные Штаты и другие партнеры западной коалиции будут находиться на порядочном расстоянии, в то время как Саддам будет иметь дело главным образом с арабскими государствами, большинство из которых слабее Ирака, и, следовательно, их легче запугать.

Горбачев поручил Примакову обсудить этот план — при всей его расплывчатости и однобокости — с западными руководителями, а затем и с Саддамом. Но выдвинул жесткое условие: ни при каких обстоятельствах Примаков не должен дать Соединенным Штатам повод думать, будто Советы пытаются увильнуть от обязательств, данных Горбачевым Бушу в Хельсинки.

В понедельник, 15-октября, на сессии Верховного Совета члены вновь образованной фракции «Союз» бичевали Шеварднадзе за утрату Восточной Европы и ослабление советского военного могущества. Они вменяли ему в вину то, что в Нью-Йорке Шеварднадзе высказался в пользу возможности советского участия в войне против Саддама. Если советские войска, предостерегали они, будут посланы в Персидский залив, то среди пятидесяти миллионов советских мусульман поднимется волна гневного протеста против Кремля.

Чтобы отразить эти нападки, Шеварднадзе обещал согласовать вопрос с парламентом:

— Сейчас не 1979 год, год великой трагедии, когда было принято решение ввести советские войска в Афганистан. На любое использование Советской Армии за пределами нашей страны требуется согласие Верховного Совета.

Во вторник, 16 октября, Дик Чейни прибыл в Москву в качестве гостя министра обороны Язова. Министр обороны США принимал Язова в Вашингтоне год назад, и сейчас был ответный визит. Взаимоотношения между двумя министрами были корректными, но далеко не теплыми — их не объединяли ни взаимная симпатия, ни чувство сопричастности общему делу, подобно Бейкеру и Шеварднадзе.

Отчасти взаимная настороженность между ними была обусловлена родом их деятельности. Будучи министром обороны, Чейни считал себя ответственным за сохранение военной готовности Америки на таком уровне, который позволил бы Соединенным Штатам быстро возобновить выполнение задачи сдерживания агрессии Советов, если в результате борьбы за власть в СССР верх одержат сторонники жесткой линии. Чейни твердо верил в истинность девиза своего друга Скоукрофта — «суди о своем враге не по его намерениям, а по его возможностям», — и был убежден, что военные возможности Советов по-прежнему весьма внушительны.

Язов же считал своим долгом не допустить возложения советского военного могущества на жертвенный алтарь перестройки. Он не скрывал своего недовольства политическим курсом Кремля. По его мнению, из дружбы Горбачева с Бушем и Шеварднадзе с Бейкером не вышло ничего хорошего, а потому он не испытывал желания завязывать подобные отношения со своим американским коллегой.

В кулуарах Чейни говорил:

— Язову не хватает теплоты и приветливости.

Язов и его коллеги устроили ужин в честь Чейни на даче Министерства обороны под Москвой. Когда Чейни, произнося тост, одобрил присуждение Горбачеву Нобелевской премии мира за 1990 год, в комнате воцарилось молчание. Позднее Чейни вспоминал: «У меня было такое чувство, словно я

сделал что-то непристойное на глазах у всех присутствующих. Ни премия Горбачева, ни сам Горбачев не вызывали у них никакого энтузиазма!»

Чейни показали завод, выпускавший «МиГ», находившийся в процессе конверсии — перехода к производству в «мирных целях». Одним из видов новой продукции, сходившей с конвейера, была советская версия электрического кухонного комбайна.

— Он был шести футов высотой, — вспоминал Чейни, — и совершенно не годился для московских квартир.

Как и многим другим понятиям в словаре перестройки, понятию *конверсия* еще предстояло обрести свое место в советской экономике.

В Кремле Чейни встретился с Горбачевым, который был «агрессивен, как обычно», но у Чейни сложилось впечатление, что «ему приходится нести еще более тяжкий груз, чем раньше». Горбачев осудил Буша за то, что тот применил в Персидском заливе флот США:

— Президент сам когда-то служил на флоте. Все члены американского правительства помешаны на флоте.

Тем не менее он распорядился, чтобы советские военные чиновники проинформировали Чейни и его делегацию обо «всем, чем располагает иракская армия».

В начале ноября Буш все еще надеялся, что экономические санкции и угроза военных действий вынудят Саддама уйти из Кувейта. Однако Скоукрофт, Чейни и Пауэлл убедили его быть готовым к обратному и удвоить численность войск США в Саудовской Аравии, чтобы обеспечить успех удара по Ираку.

Буш и Бейкер считали: резолюция № 665 и статья 51 Устава ООН дают им право на ведение военных действий в случае необходимости. Однако их тревожил нараставший протест американцев против возможной войны — как со стороны конгресса, так и со стороны общественности.

А потому они решили попытаться провести новую резолюцию ООН, где было бы четко сформулировано право при-

менить силу для приведения в исполнение десяти предыдущих резолюций. В ноябре Соединенные Штаты являлись очередным председателем Совета Безопасности, поэтому Буш и Бейкер надеялись, что сумеют протолкнуть резолюцию до конца месяца, тем более что в декабре очередность председательствования переходила к Йемену, радикальному арабскому государству, связанному с Ираком дружескими узами.

В субботу, 3 ноября, Бейкер вылетел из Вашингтона с тем, чтобы обратиться с просьбой к руководителям двадцати различных стран о финансовой и политической поддержке возможных военных действий против Ирака.

В следующую среду, 7 ноября, в комнате для совещаний Белого дома Буш объявил, что США посылают в Персидский залив еще 200 тысяч войск для обеспечения «наступательной военной силы» коалиции.

В среду, 14 ноября, в Белом доме лидеры конгресса выразили Бушу свое недовольство по поводу удвоения численности вооруженных сил США в Персидском заливе. Нескольким конгрессменам казалось, что Соединенные Штаты действуют там в одиночку. После этой встречи президент, Бейкер и Скоукрофт пришли к выводу, что резолюция о применении силы необходима не только для сохранения коалиции, но и для привлечения на свою сторону конгресса.

Буш телеграфировал Горбачеву свои соображения в пользу единственной резолюции. Он писал, что рассчитывает получить официальное согласие Горбачева на встрече в верхах членов СБСЕ — через пять дней в Париже.

На следующий день в Нью-Йорке Примаков сказал журналисту «Нью-Йорк таймс», что ООН следует отложить принятие резолюции о применении силы ради последней попытки уладить конфликт путем переговоров. Если и на этот раз ничего не выйдет, резолюция должна быть принята и военные действия — санкционированы немедленно.

Во время остановки в Брюсселе Бейкер отверг предложения Примакова: он усомнился в том, что советское правительство всерьез рассчитывает на успех очередной полити-

ческой инициативы. В анонимной беседе с журналистами помощники Бейкера нанесли удар по Примакову, указав на то, что он даже не сумел добиться освобождения советских заложников в Ираке.

В середине ноября Буш, Бейкер, Горбачев и Шеварднадзе, а также целый ряд других европейских руководителей собрались в Париже на заседание СБСЕ. Вечером в воскресенье, 18 ноября, Бейкер показал Шеварднадзе проект резолюции, санкционирующей применение силы.

— Вас это устраивает? — спросил он.

Прочитав проект, министр иностранных дел ответил:

— После нашего опыта в Афганистане советскому народу это будет не по душе.

Он предложил заменить фразу «применение силы» на другую, менее угрожающую.

Бейкер же возразил, что не хочет рисковать, называя вещи не своими именами. Написав на отдельном листке пять различных эвфемизмов, он объяснил, почему ни один из них не годится. Шеварднадзе все же предпочитал формулировки, которые бы наряду с правом применения силы давали еще возможность использовать и другие меры, такие как дипломатические переговоры и новые санкции.

— Как насчет формулировки «все необходимые средства?» — спросил Бейкер.

Шеварднадзе сразу согласился. Но тут у Бейкера появились сомнения. Его беспокоило, что эта фраза «слишком обтекаема».

— Соединенные Штаты знают, что подразумевается под «всеми необходимыми средствами», — сказал Шеварднадзе. — Не ставьте нас в неловкое положение. Не давите на нас. Не впадайте в крайности.

Бейкер объяснил, что хочет избежать двусмысленностей, поскольку политика США в Персидском заливе еще «не улеглась» в сознании американцев.

— Poleмика внутри страны относительно смысла резолюции нам ни к чему.

Но в конце концов Бейкер согласился с предложенной формулировкой, напомнив Шеварднадзе, что во время голосования он будет представлять Соединенные Штаты в качестве председателя Совета Безопасности, что позволит ему подчеркнуть экстренность ситуации. Он сможет выступить сразу после голосования и охарактеризовать резолюцию как однозначное разрешение на применение силы.

Шеварднадзе сказал, что не сумеет заручиться согласием Горбачева на формулировку «все необходимые средства».

— Вашему президенту придется взять это на себя завтра вечером, когда он встретится с Горбачевым,— сказал Шеварднадзе Бейкеру.

Бейкер нахмурился. Если он не сможет сообщить прессе о согласии Советов с его формулировкой, журналисты сделают вывод, что в переговорах произошла заминка. Когда рано утром в понедельник Бейкера спросили о результатах встречи, он дал ответ, о котором вскоре пожалел:

— Потерпите. Вы обо всем узнаете сегодня вечером.

Тарасенко заверил Росса, что Горбачев примет позицию Бейкера, «но убедить его должен непосредственно сам президент».

В тот вечер Горбачев ужинал с Бушем в резиденции посла США. На следующий день Буш собирался выехать на Ближний Восток, чтобы отпраздновать День благодарения в военных частях, стоявших в Саудовской Аравии.

— Мы были с вами с первого дня событий в Персидском заливе и будем продолжать оставаться с вами,— заверил Буша Горбачев.

По словам Горбачева, он был готов согласиться с планом принятия резолюции ООН, но предпочел бы, чтобы она была «двухъязычной», то есть санкционирующей применение силы и в то же время устанавливающей «паузу доброй воли» перед тем, как сила будет применена.

Буш согласился, но потребовал, чтобы крайний срок был установлен не позднее наступления Нового года. Горбачев просил его не предавать огласке договоренность с Советами до окончания последнего визита Азиза в Москву. Горба-

чев не хотел, чтобы создавалось впечатление, будто он подчиняется диктату США.

Бейкер передал Шеварднадзе, что просьба Горбачева ставит его в трудное положение: он обещал прессе сделать окончательное заявление сегодня вечером. Росс посоветовал ему сказать журналистам, что важно не спешить с выводами, поскольку выводы могут оказаться ошибочными. Бейкер и Шеварднадзе решили придерживаться этой линии.

После парижской встречи Шеварднадзе написал Горбачеву конфиденциальную памятную записку, где подчеркивал значение поддержки Советским Союзом резолюции, допускающей «все необходимые средства» и устанавливающей жесткие сроки в ближайшем будущем. Шеварднадзе хотел скрыть записку от Примакова, который, как он подозревал, мог попытаться свести на нет все его усилия. Опасаясь, что Черняев может передать копию записки Примакову, Шеварднадзе дождался, пока они с Горбачевым сели в самолет, и только тогда дал прочесть ее своему шефу. Получив одобрение Горбачева, он направил соответствующие указания Воронцову в ООН.

Шеварднадзе предпринял еще одну меру предосторожности — он посетил Китай с тем, чтобы китайцы не поставили Советский Союз в неловкое положение в Совете Безопасности, проголосовав против новой резолюции. Бейкер, обрабатывавший китайцев со своей стороны, решил умяслить их тем, что пригласил министра иностранных дел Китая в Вашингтон — это был первый визит подобного рода после бойни на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года. Госсекретарь даже предложил встретиться с президентом Йемена Али Абдаллой Салехом, но получил отказ.

В пятницу, 23 ноября, в Москве Горбачев заявил журналистам, что между Советским Союзом и Соединенными Штатами нет «абсолютно» никакого конфликта по поводу Персидского залива. Но он вновь предостерег против военной конфронтации. Вторя Шеварднадзе, он сказал:

— Это не Вьетнам. Это не Афганистан. Это чрезвычайно серьезно.

В субботу вечером, 24 ноября, в ООН посол США Томас Пикеринг направил четырем другим постоянным членам Совета Безопасности — Советскому Союзу, Великобритании, Китаю и Франции — проект резолюции, дававшей Ираку «последнюю возможность» выполнить требования ООН и предоставлявшей государствам-участникам право использования «всех необходимых средств» для проведения в жизнь десяти предыдущих резолюций, если Ирак не подчинится их требованиям до 15 января — таков был крайний срок.

За всю историю ООН это был только второй случай, когда — на основании положений ее Устава — агрессии противопоставлялась сила, после того как другие санкции не возымели действия. Первый прецедент имел место в 1950 году в Корее, и то это стало возможным только потому, что Советский Союз временно бойкотировал Совет Безопасности и, таким образом, не смог наложить вето.

В понедельник, 26 ноября, в Кремле Горбачев сказал прибывшему с визитом Тарику Азизу:

— Если Ирак действительно хочет урегулирования ситуации во всем регионе и желает избежать худшего, он должен сейчас же открыто заявить — и доказать это делом, — что выводит войска из Кувейта, освобождает заложников и не препятствует ничьему выезду из Ирака. В противном случае будет принята резолюция ООН — жесткая резолюция.

Горбачев выразил недовольство по поводу того, что советские заложники — почти 3300 человек — все еще содержатся в Ираке.

— То, что людей выпускают группами, по несколько десятков человек, в обмен на что-то, противоречит всем этическим нормам.

По словам Азиза, освобождение заложников задержали «бюрократические» проблемы.

— Судьба Ирака в руках его руководства, — заявил советский руководитель. — Время истекает.

Шеварднадзе добавил, что резолюция о применении силы будет «последней резолюцией» ООН в отношении Ирака.

Во вторник, 27 ноября, в Нью-Йорке Бейкер в качестве председателя Совета Безопасности ООН встретился с представителями других государств — постоянных членов. Примаков пытался убедить его отложить голосование по резолюции № 674. Бейкер отказался рассматривать предложение об отсрочке — через три дня очередным председателем Совета Безопасности должен стать Йемен, который мог заблокировать эту меру до января.

В четверг вечером, накануне голосования, Шеварднадзе сказал Бейкеру:

— Если вы вышли на дорогу, то отступить уже нельзя. Вам придется выполнять эту резолюцию.

— Боюсь, вы правы,— ответил Бейкер.

29 ноября Совет Безопасности под председательством Бейкера принял резолюцию, допускающую «все необходимые средства». (Китай воздержался, а Йемен и Куба проголосовали против резолюции. После голосования Бейкер направил йеменскому делегату записку: «Этот голос обойдется вам слишком дорого». Вскоре Йемен лишился помощи США на 70 миллионов долларов.)

В выступлении Бейкера прозвучало то, о чем он и предупреждал Шеварднадзе:

— Сегодняшняя резолюция совершенно однозначна. Ее формулировки санкционируют применение силы, однако ее цель... заключается в том, чтобы решить стоящую перед нами проблему мирным путем.

На следующее утро в Белом доме Буш заявил: ради того чтобы «пройти еще одну милю на пути к миру», он собирается пригласить Тарика Азиза встретиться с ним и с послами союзнических стран в Вашингтоне в обоюдодобные сроки в середине декабря. Он также намерен предложить Саддаму принять Бейкера между серединой декабря и 15 января — крайним сроком, установленным ООН.

Из-за кризиса в Персидском заливе Бушу пришлось отложить свои намерения вступить в контакт с реформаторами и национальными лидерами в СССР помимо Горбачева. В тот

момент, когда главным для него было заручиться согласием советского президента на политику США, Буш не хотел раздражать Горбачева обхаживанием его противников.

Между тем, в республиках Советского Союза — мелких и крупных — сепаратистские силы набирали силу. В июле, после встречи с Борисом Ельциным в латвийском приморском городе Юрмала, три президента Прибалтийских республик решили продолжать добиваться полной независимости. Украина объявила о своем суверенитете. Законодательная власть Армении отказалась подчиниться декрету Горбачева, обязывающему вооруженные националистические группировки сдать оружие — в противном случае они будут разоружены советскими силами безопасности.

В Москве советские военные, КГБ и прочие сторонники жесткой линии, разъяренные движением за отсоединение республик, были настроены как никогда враждебно по отношению к сотрудничеству Горбачева с Бушем в Персидском заливе. Более того, «добрая воля Запада» не принесла Горбачеву практически никакой финансовой помощи для смягчения усугублявшегося кризиса в Советском Союзе.

Чувствуя свою все возрастающую уязвимость, Горбачев сделал выбор, в котором глубоко раскаялся в следующем году. С бездумной самоуверенностью, в жестоком и отчаянном стремлении выиграть время для себя и своей политики он сделал резкий шаг вправо. Он счел, что таким образом получит дополнительное пространство, поскольку американцы, поглощенные проблемой Персидского залива и чрезвычайно заинтересованные в поддержке коалиции Советским Союзом, вряд ли осудят подавление Прибалтики и перевод стрелок на часы внутренней политики.

В конце ноября 1990 года, как раз когда ООН санкционировала применение силы в Персидском заливе, министр обороны Язов выступил по советскому телевидению со злобной речью — он объявил о президентских мерах по защите советских войск от «массового взрыва» антагонизма по всему Советскому Союзу: солдатам дозволялось использовать ору-

жие в целях самообороны в случае провокационных действий местных националистов.

Во вторник, 2 декабря, Горбачев снял с занимаемой должности Вадима Бакатина, относительно прогрессивного министра внутренних дел, и назначил вместо него Бориса Пуго, бывшего шефа КГБ и партийного лидера Латвии. Заместителем Пуго был назначен генерал Борис Громов, последний советский военачальник в Афганистане. Громов был среди тех, кто особенно громко критиковал Шеварднадзе на июльском съезде партии, и — как полагали многие — не был чужд «бонапартизма».

На следующей неделе по советскому телевидению выступил Владимир Крючков, председатель КГБ, с предупреждением, что над Советским Союзом нависла угроза «распада». Заверив, что КГБ будет бороться с «антикоммунистическими» элементами внутри страны и за ее пределами, не щадя «сил», он с мрачной серьезностью заявил:

— Быть или не быть — вот выбор, перед которым стоит наше великое государство.

Горбачев издал президентский указ, отменяющий реформаторские меры, принятые местными правительствами, которые «подрывали» распределение продовольствия и товаров.

Александр Яковлев открыто предостерегал:

— Консервативные и реакционные силы — мстительные и безжалостные — перешли в наступление.

Юрий Левада, комментатор газеты «Московские новости», сказал:

— По-моему, мы являемся свидетелями ползучего военизированного переворота — не военного, а военизированного...

Во время ноябрьской встречи в Париже Буш и Горбачев наконец подписали Договор об обычных вооруженных силах в Европе. В определенном смысле этот пакт являлся самым впечатляющим достижением в истории контроля над вооружениями. Он снижал опасность неожиданного нападения на Западную Европу до такой степени, о какой нельзя было и думать несколько лет назад.

Согласно условиям договора, число танков, артиллерийских орудий и бронетранспортеров, которыми Советский Союз располагал к западу от Урала, сокращалось почти на 70 процентов по сравнению с тем, что было, когда Буш вступал в должность.

В ходе «военизированного переворота» советские генералы отыгрывались на Шеварднадзе, вновь поставив под вопрос отдельные положения Договора об обычных вооруженных силах в Европе, которые уже считались решенными. Поскольку речь шла об уходе из Восточной Европы, советские военные предпринимали отчаянные усилия сохранить свои вооружения внутри Советского Союза. Язов, в частности, боролся за неприкосновенность тех запасов оружия, которые подлежали уничтожению по Договору об обычных вооруженных силах в Европе.

Под давлением со стороны Министерства обороны советская делегация попыталась изъять из этого договора несколько тысяч единиц боевой техники — либо приписывая их «береговой обороне», либо обозначивая как «подразделения морской пехоты» — сродни морской пехоте США.

Это было откровенным нарушением четко сформулированного условия договора. В начале декабря Вулси и его команда, работавшая на Совещании по обычным вооруженным силам в Европе, прибыли в Москву с тем, чтобы уладить эту проблему, возникшую в последний момент. На московской встрече Вулси предстал перед всем высшим советским командованием — здесь, выстроившись в шеренгу под гигантским портретом Александра Невского после победы над тевтонскими рыцарями в 1242 году, находились не только Язов и начальник Генерального штаба Михаил Моисеев, но также шестеро других генералов и целая группа полковников.

Язов заявил, что он и его коллеги полны решимости оспаривать пределы, установленные для морской пехоты. Грозя пальцем перед носом Вулси, он сказал: любые сокращения подобного рода возможны только как часть некоего будущего соглашения, в рамках которого будут также сокращены

авианосцы и подводные лодки США. Вулси, резко оттолкнув от лица руку Язова, гневно бросил:

— Маршал, через мой труп!

Когда эту фразу перевели, Язов, широко улыбнувшись другим генералам и указав на Вулси, произнес:

— Да, господин посол, возможно и так!

Вулси обвинил Советы в попытке навязать НАТО «намеренно извращенное толкование» договора. Язов ударил себя в грудь и провозгласил:

— Через *мой* труп!

Во второй половине дня состоялась еще одна резкая дискуссия по обычным вооруженным силам в Европе. Вулси жаловался, что Советы, вместо того чтобы уничтожать военное оборудование, перемещают его за Урал.

— Вы должны уничтожать оборудование за Уралом, — настаивал он...

В понедельник, 17 декабря, Горбачев открыл заседание съезда народных депутатов речью, которая практически не оставляла сомнений относительно его новой воинственной линии.

— Мы недооценили глубину кризиса общества, — начал он.

Он просил новых полномочий для исполнительной власти, так как:

— Будут твердая власть, дисциплина и контроль за исполнением решений, тогда сумеем наладить нормальное продовольственное снабжение, накинуть аркан на преступников и остановить межнациональную вражду. Не добьемся этого — неизбежны усиление разлада, разгул черных сил, распад государственности.

Через два дня, в среду, 19 декабря, к съезду обратился Ельцин.

— Россия не согласится с восстановлением диктата Кремля. В сегодняшней обстановке выход из кризиса возможен только на основе честного и равноправного диалога между центром и республиками. В этом не развал Союза, а, наоборот, его единственный путь, его спасение.

Той ночью в своей московской квартире Шеварднадзе ворочался с боку на бок, размышляя о тяжелом годе, который близился к концу. Позднее он вспоминал: «1990 год был равен нескольким десятилетиям. Мы жили, не имея возможности перевести дыхание, в тисках многочисленных внешних проблем и постоянного давления изнутри».

За последние несколько месяцев у Шеварднадзе появилось «сильное предчувствие, что события скоро сотрут наши достижения, которые стали возможны главным образом благодаря личному доверию со стороны моих зарубежных партнеров... В то время мне было трудно смотреть им в глаза. Я не мог объяснить им... внезапных осложнений и отыгрываний назад, явно кем-то срежиссированных, для того чтобы поставить под угрозу уже достигнутые нами договоренности».

Шеварднадзе знал: Горбачев пришел к выводу, что как министр иностранных дел Шеварднадзе больше не угоден — он тащил за собой слишком тяжелый груз, чтобы оставаться на этом посту.

В кулуарах советский руководитель уже предложил ему занять новый пост вице-президента Советского Союза. Слишком хорошо зная макиавеллиевские наклонности Горбачева, Шеварднадзе сразу увидел ловушку. На него как на вице-президента ляжет основная ответственность за внутреннюю политику. В нынешней раскаленной атмосфере в Москве он превратится в мальчика для битья, что приведет к неизбежной в скором расправе.

Положение Шеварднадзе усугублялось еще и тем, что он был грузином, а его родная республика была в числе самых мятежных. Представители других национальностей станут ждать от него сочувствия своим сепаратистским устремлениям, а русские не будут ему доверять по этой же самой причине.

Еще затемно министр иностранных дел встал с постели и набросал тезисы речи о своей отставке. Он поделился этим секретом с женой, дочерью, Тарасенко и еще с одним помощником, но не с Горбачевым. Советский руководитель отгова-

ривал его от ухода в отставку уже много раз. Так, например, в декабре 1989 года Шеварднадзе пригрозил отставкой, когда военный прокурор попытался замолчать вопрос о соучастии Кремля в апрельской бойне в Тбилиси. Только благодаря дару убеждения Горбачева и отказу от замалчивания на экстренном заседании Политбюро Шеварднадзе не оставил свой пост.

Теперь Шеварднадзе не даст Горбачеву такой возможности. Он принял решение.

В четверг утром, 13 декабря, Шеварднадзе сказал на съезде народных депутатов, что, сегодня, может быть, «самое короткое и самое тяжелое выступление в моей жизни». Вчера, продолжал он, некоторые товарищи предложили принять декларацию, «запрещающую руководству страны посылать войска в зону Персидского залива... вчерашние выступления товарищей переполнили чашу терпения, скажу об этом прямо. Что в конце концов происходит в Персидском заливе?.. Мы не имеем никакого морального права примириться с агрессией, аннексией маленькой, беззащитной страны». Никто из членов советского правительства «не собирается посылать туда хоть одного человека в военной форме», но «если пострадают интересы советских граждан, если пострадает хоть один советский человек», тогда «советская страна будет отстаивать права своих граждан».

Он вспомнил, что на июльском съезде партии 800 делегатов выразили ему недоверие.

— Проводимая министром иностранных дел политика не устраивает или его личность? — спросил он. — Товарищи, идет настоящая травля... Прямо скажу: товарищи демократы в самом широком смысле этого слова разбежались, реформаторы ушли в кусты.

Намекая на требования Горбачева о новых полномочиях, он сказал:

— Наступает диктатура... Никто не знает, какая это будет диктатура и какой диктатор придет, какие будут порядки. — Затем раздался взрыв: — Хочу сделать следующее заявление: я ухожу в отставку.

В зале раздался общий вздох.

— Пусть это будет, — продолжал Шеварднадзе, — если хотите, моим протестом против наступления диктатуры. Выражаю глубокую благодарность Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я его друг и единомышленник... Но считаю, что это мой долг как человека, как гражданина, как коммуниста. Я не могу примириться с теми событиями, которые происходят в нашей стране, и с теми испытаниями, которые ждут наш народ. Я все же верю, что диктатура не пройдет, что будущее за демократией и свободой.

В 5.30 утра по вашингтонскому времени Росс позвонил Бейкеру домой, на Фоксхолл-Роуз, разбудив его сногшибательным сообщением. Сообразив, о чем идет речь, Бейкер вспомнил, что во время последней встречи Шеварднадзе отвел его в сторону и, понизив голос, произнес:

— У нас полный кризис. Вскоре в нашей стране может установиться диктатура.

Бейкер позвонил в Москву, но ему сказали, что Шеварднадзе, утомленный сегодняшними событиями, не может подойти к телефону. Позднее министр иностранных дел поделился с Бейкером:

— Я хотел сказать вам об этом накануне моей отставки. Мне было так тяжело. Но не смог. Я пришел к этому решению давно, но каждый раз меня отговаривали.

Он согласился остаться в роли временно исполняющего обязанности министра иностранных дел до окончания февральской встречи Буша с Горбачевым.

Когда Бейкер приехал в Госдепартамент, там его ждали журналисты. С унылым видом он сказал им:

— С нашей стороны было бы совершеннейшей глупостью не принять всерьез предостережение, которое несет в себе заявление министра Шеварднадзе об отставке.

У себя в кабинете госсекретарь и его помощники мрачно рассуждали о том, удастся ли Примакову стать новым министром иностранных дел.

— Ясно, что Примаков та лошадка, на которую ставят сторонники жесткой линии против политики Шеварднадзе в

Персидском заливе, — сказал Росс. — А поскольку Примаков всегда принадлежал к новому мышлению, то, с точки зрения Горбачева, он может угодить и реформаторам. Но Горбачев должен понимать, что назначение Примакова будет означать для нас скверный сигнал в отношении Персидского залива.

В советском посольстве на Шестнадцатой улице Александр Бессмертных от руки написал записку Шеварднадзе: «Дорогой Эдуард Амвросиевич, я прошу Вас отказаться от отставки. Так было бы лучше для нашей внешней политики и для общей международной обстановки. Я в этом убежден. Не покидайте свой пост. Саша».

Не оставляя ни у кого сомнений относительно предсказаний Шеварднадзе о грядущей диктатуре, 22 декабря Крючков, выйдя на трибуну, предупредил, что «если сегодня пойти на решительные действия по наведению порядка, то надо заведомо согласиться с тем, что (в республиках) прольется кровь». Он обвинил западные спецслужбы в попытках «воздействовать» на распад Советского Союза.

Советский Союз и в самом деле расползлся по швам. Республика Молдавия, расположенная на границе с Румынией, была на грани восстания. 23 декабря Горбачев потребовал, чтобы молдаване отказались от планов создания собственной армии.

Съезд народных депутатов предоставил Горбачеву большую часть тех полномочий, о которых он просил, но наотрез отказал в создании нового всесоюзного органа для проведения в жизнь его декретов. На должность вице-президента Горбачев решил выбрать Геннадия Янаева, который заверил съезд в своей первой речи:

— По своим убеждениям я коммунист до глубины души.

В Белом доме Буш и Скоукрофт были потрясены событиями в Москве за последние две недели. Скоукрофт сетовал Бушу на то, что Горбачев «по-прежнему пытается нащупать точки соприкосновения между реформаторами и реакционерами, хотя таковых и не существует». Он напомнил президенту, что политика Советов в Персидском заливе «несет на

себе отпечатки пальцев Шеварднадзе»; с уходом Шеварднадзе Горбачев может отказаться от сотрудничества в Персидском заливе.

В последнюю неделю декабря, накануне рождения своего сына, Бессмертных явился в Белый дом, чтобы передать Бушу новогодние поздравления Горбачева. Президент сказал Бессмертных, что он обеспокоен продолжающимся кризисом в Прибалтике, но, стремясь сохранить Советы на своей стороне перед лицом возможной войны в Персидском заливе, он воздержался от критики в адрес Горбачева за его уход вправо во внутренней политике.

В четверг, 27 декабря, перед тем как вылететь вертолетом в Кэмп Дэвид на новогодний уик-энд, Буш заявил журналистам:

— Всякий переход от тоталитарного, полностью контролируемого государства к государству открытому сопровождается проблемами... Однако же я далек от того, чтобы подстраиваться под те трудности, которые они там у себя испытывают.

СЛОЖНО ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ

В среду, 2 января 1991 года, «черные береты» — войска советского Министерства внутренних дел по борьбе с бунтовщиками — захватили помещение ЦК компартии Литвы, а также редакцию и типографию главной газеты в Латвии. Предлогом послужило то, что эти здания являются собственностью центральных советских властей.

В четверг, 3 января, посол Мэтлок встретился с Владимиром Крючковым. Он выразил «озабоченность Соединенных Штатов тем, что и так напряженная ситуация в Прибалтийских республиках может быть усугублена действиями, отнюдь не ведущими к мирному исходу». Глава КГБ отменил это предупреждение.

Мэтлок упрекнул также Крючкова за его речь, произнесенную двумя неделями ранее, в которой он обвинил ЦРУ в проведении тайных операций с целью дестабилизации положения в Советском Союзе.

— Вернитесь к этим фактам и перепроверьте их, — сказал посол. — Мы вовсе не пытаемся подорвать вашу систему.

— Мы не говорим нашим послам все, что мы делаем, и я уверен, ваши люди тоже не все вам говорят.

— Я знаю, что делает мое правительство в стране, где я аккредитован.

На другой день Мэтлок посетил советника Горбачева по иностранным делам Анатолия Черняева, который был более общителен и менее воинственно настроен, чем Крючков. Мэтлоку показалось, что Черняев был глубоко обеспокоен тем, в каком направлении развивалась внутренняя политика Советского Союза.

В понедельник, 7 января, новое донесение весьма зловещего характера поступило в операционный центр Госдепартамента. Советский командующий войсками в Прибалтике сообщил руководителям трех республик, что Москва посылает элитные части десантников, чтобы они помогли проведению в жизнь закона о воинской повинности и выловили уклоняющихся от нее, а также дезертиров, число которых достигало 32 тысяч человек.

Узнав об этом, Роберт Гейтс и Кондолиза Райс бросились в кабинет Скоукрофта, предлагая выступить от имени Белого дома с жестким заявлением. Скоукрофт заколебался. Подобно президенту, он знал, что сейчас больше, чем когда-либо, США нужна поддержка Советов в ООН для создания коалиции в Персидском заливе, что подкрепило бы достоверность заявления США, грозивших применить против Саддама Хусейна силу.

В Овальном кабинете Скоукрофт признался Бушу и Бейкеру, что очень четко представляет себе, как кризис в Прибалтике может «вырвать Советы из коалиции». А президент опасался, что молчание Америки по поводу новых шагов кремлевских военных в отношении Прибалтики может быть рассмотрено там как согласие с такой политикой. Скоукрофт сказал, что даст указание своим помощникам подготовить публичное заявление с выражением «озабоченности».

Буш попросил Бейкера принять меры к тому, чтобы отложить его встречу с Горбачевым в Москве, намеченную на февраль. Однако, сказал Буш, он не хочет, чтобы это выглядело как «акт, вызванный раздражением», или будто американцы хотят «нанести удар по Горбачеву», — Бейкер должен найти способ представить миру отсрочку встречи как «совместное решение» Вашингтона и Москвы.

Публично же не было сделано и намека на эти планы: Фицуотер сказал прессе, что администрация «по-прежнему планирует» проводить февральскую встречу в верхах. Но он добавил, что ввод советских военных частей в Прибалтику является актом «провокационным и непродуктивным», и

предложил советскому правительству «прекратить попытки запугивания» и вернуться к «переговорам, которые велись бы без давления и применения силы».

Хотя президент надеялся, что это заявление не покажется слишком пожароопасным, средства массовой информации восприняли его как жесткое предупреждение Кремлю. Увидев в своем кабинете репортаж об этом в «Вечерних новостях Эй-би-си», Скоукрофт сказал: «Именно этого я и опасался. Теперь мы ввязались в настоящую схватку с Москвой — как раз тогда, когда нам это не нужно!»

После встречи с Бушем Бейкер велел послать телеграмму в Москву и Ленинград с указаниями американским дипломатам «начать задавать вопросы» советским официальным лицам о значении приказа послать войска для облавы на уклоняющихся от призыва и дезертиров.

В течение нескольких дней Скоукрофт и Буш ожидали реакции Советов на заявление Фицуотера — какого-то шага с их стороны, который подорвал бы позицию США в ООН в связи с кризисом в Персидском заливе. Но ничего не последовало, хотя ТАСС и заклеил американское заявление, назвав его «нескрываемой попыткой вмешательства во внутренние дела Советского Союза». Это была фраза из прошлого периода «холодной войны». Официальные деятели в Белом доме и в Госдепартаменте были поражены: как быстро старая советская машина пропаганды закрутилась в обратном направлении, но они утешали себя тем, что советская политика в Персидском заливе, по крайней мере, остается неизменной.

Когда советские десантники высадились в Литве, Мэтлок встретился с Георгием Шахназаровым, одним из немногих сторонников «нового мышления», которые все еще входили в ближайшее окружение Горбачева. Шахназаров сделал не слишком ловкую попытку встать на защиту мер, принятых против прибалтов. Утверждая, что экономические реформы Горбачева по-прежнему осуществляются, он взвалил всю вину за создание кризиса на прибалтов.

Вернувшись в посольство, Мэтлок сказал своим помощникам, что, как ему показалось, Шахназаров «отступил назад, занял чрезвычайно оборонительные позиции и не желает говорить откровенно о том, что на самом деле здесь происходит. Он лоялен к своему шефу, но явно встревожен».

На той же неделе в Москве новый советский министр внутренних дел Борис Пуго принял Эдгара Бронфмана, председателя правления компании «Джозеф И. Сигрэм и сыновья», производящей вина, ликеры и прочие напитки. Будучи президентом Всемирного еврейского конгресса, Бронфман превозносил Советы за резкое увеличение разрешений на выезд советским евреям и призывал США приостановить действие поправки Джэксона — Вэника. В результате его чрезвычайно радушно принимали в Москве.

Пуго сказал Бронфману, что прибалтийские националисты угрожают «подорвать права национальных меньшинств». Подобно своим коллегам, сторонникам жесткой линии, министр внутренних дел выступал защитником интересов русских в Прибалтике.

В начале января Бейкер полетел на Ближний Восток и в Европу в последнем усилии предотвратить войну против Ирака. Лоуренс Иглбергер, исполнявший обязанности госсекретаря в отсутствие Бейкера, сказал Скоукрофту, что пора приглашать Бессмертных в Госдепартамент и делать новое предупреждение по поводу Прибалтики. Скоукрофт согласился, но посоветовал «действовать осторожно, чтобы Советы не отказались от своей позиции» по Персидскому заливу: «Не накаляйте атмосферу. Не делайте из этого большого публичного шоу».

Когда Бессмертных прибыл в кабинет Иглбергера, тот сообщил, что в связи с отправкой советских десантников в Прибалтику ему звонили уже десятки людей с Капитолийского холма, требуя, чтобы США приняли ответные меры против Москвы. «Послушайте, Саша, — сказал он, — вы прекрасно знаете, насколько серьезно стоит эта проблема в Соединенных Штатах. Вы знаете, что дальнейший прогресс в наших от-

ношениях будет зависеть от того, как будет развиваться эта ситуация. Я настоятельно призываю вас сказать Москве, чтобы она изменила свой подход».

Бессмертных ответил: «Ларри, должен вам сказать — ситуация почти вышла из-под контроля». И добавил, что благодарен администрации Буша за то, что она все еще работает над планом проведения в будущем месяце встречи с Горбачевым. Горбачев уже уступил давлению со стороны советских консерваторов во внутренней политике; теперь он пытается избежать такого же возврата к прошлому в советско-американских отношениях. Если Вашингтон свяжет Прибалтику со встречами в верхах, Горбачеву будет еще труднее отделить внешнюю политику от той каши, которая царит во внутренних делах Советского Союза.

Иглбергер телеграммой сообщил об этой беседе госсекретарю, находившемуся в поездке. Зная, что помощники Бейкера увидят телеграмму, он исключил какие-либо ссылки на замечание Бессмертных о том, что Горбачев теряет контроль над ситуацией. Если замечание такого рода просочится, это не только поставит в сложное положение Иглбергера, но и может повредить шансам Бессмертных унаследовать пост Шеварднадзе и стать министром иностранных дел.

Бессмертных шел первым номером в составленном американцами списке советских коллег, с которыми им придется иметь дело в будущем, хотя никто не ожидал, что он станет вторым Шеварднадзе. Будучи профессиональным дипломатом, поднявшимся по службе при Громыко, Бессмертных вполне мог адаптироваться к жесткой линии, если произойдет возврат к прошлому. Он не обладал независимым политическим положением и не был в близких личных отношениях с Горбачевым, что делало Шеварднадзе не просто винтиком советского аппарата, тем не менее Бессмертных, казалось, был сделан из того же теста, что и Шеварднадзе. Он вроде бы принадлежал к новому мышлению и за годы работы в Вашингтоне сумел установить дружественные отношения с ключевыми фигурами исполнительной власти и конгресса. Бейкеру

было приятно вспоминать, как после встречи с Шеварднадзе в Вайоминге в 1989 году Бессмертных попросил его надписать снимок двух делегаций, сделанный у озера Джэксон.

Американские аналитики к этому времени уже догадались, что у Бессмертных есть два соперника, претендующих на этот пост. Одним из них был Александр Дзасохов, который был одно время послом в Сирии, а затем стал членом Политбюро, отвечающим за идеологию. Совершенно ясно, что появление партийного идеолога высокого ранга на посту министра иностранных дел могло служить предзнаменованием попытки восстановить коммунистические постулаты в советской внешней политике. Другим кандидатом был Евгений Примаков, чье самовольное выступление в качестве посредника во время кризиса в Персидском заливе не прибавило ему друзей в администрации Буша.

Госдепартамент выслал находившемуся в поездке Бейкеру биографию Дзасохова — на всякий случай. Сам Бессмертных считал, что это место получит Примаков, исходя из того, как он выразился, что из всего окружения Горбачева «он самый напористый малый»...

В пятницу утром, 11 января, Скоукрофт сказал в Белом доме Бушу, что Горбачев пытается дозвониться ему по телефону, чтобы обсудить кризис в Персидском заливе. До срока, назначенного ООН Саддаму Хусейну для вывода своих войск из Кувейта, оставалось всего четыре дня; Буш и Скоукрофт подозревали, что Горбачев звонит, чтобы попросить оттянуть военные действия.

Скоукрофт порекомендовал Бушу воспользоваться этим телефонным разговором, чтобы «еще раз отметить» по Прибалтике: Бушу следует повторить свою озабоченность тем, что советские власти «страшают» три республики. Как только журналисты узнают про звонок Горбачева, предсказывал Скоукрофт, они сразу спросят Буша, поднимал ли он вопрос о Прибалтике. «И лучше, чтобы ответом было «да», иначе придется чертовски дорого расплачиваться», — заключил он.

Буш сказал: «О'кей, я постараюсь сделать это так, чтобы не возбудить у Горбачева желания выйти из трудностей за наш счет».

Когда звонок из Кремля наконец прошёл, Горбачев повторил, что поддерживает резолюции ООН по Заливу, включая резолюцию № 678, в которой содержалась угроза применения силы. Затем он все же призвал Буша отсрочить нападение. Не забывая, как всегда, о своих консервативных критиках, он лишний раз хотел зафиксировать, что выступает за политическое решение проблемы.

В ходе разговора Буш вспомнил совет Скоукрофта и поднял вопрос о Прибалтике. «Я хочу, чтобы вы поняли мою озабоченность, мою *глубокую* озабоченность, — сказал он, — необходимостью обеспечить мирное разрешение ситуации там». Применение насилия застопорит, а может даже и повернуть вспять прогресс, с таким трудом достигнутый ими обоими за последние несколько лет в отношениях между двумя странами.

Горбачев ответил, что он тоже обеспокоен тем, как развивается ситуация, и по-прежнему стремится найти «рациональное решение». Сказав, что он работает над разрешением кризиса не покладая рук, что он стал чуть ли не жертвой обстоятельств, Горбачев воззвал к сочувствию Буша: «Это чрезвычайно сложно и отнимает большую часть моего времени и энергии».

Буш повторил, что надеется все-таки на диалог между Кремлем и Прибалтикой.

В тот день в Вильнюсе советские десантники, присланные для выявления лиц, уклоняющихся от воинской повинности, неожиданно заняли главную литовскую типографию. Когда перед зданием собралась протестующая толпа, солдаты открыли по ней беспорядочную стрельбу. Несколько человек были убиты.

Захватив две местные школы подготовки полицейских и министерство внутренних дел республики, советские войска двинулись к телевизионной башне. Граждане Литвы окружили здание телевидения и парламент, где президент Ланд-

сбергис, а также многие литовские законодатели и противники военной повинности укрывались не один день. Граждане охраняли здание всю ночь; многие, спасаясь от холода, грелись у костров.

А в Москве в субботу, 12 января, Борис Ельцин созвал российский парламент на чрезвычайную сессию и провел резолюцию, осуждающую этот последний поворот гайки, сделанный в Прибалтике.

Сразу после сессии Ельцин сказал послу Мэтлоку: «Если силы центра могут сделать такое в Прибалтике, они могут сделать это и с нами».

Ельцин повез протест парламента в Кремль, где у него произошла бурная встреча с Горбачевым. Наконец оба согласились — дабы избежать полной катастрофы — направить в Вильнюс делегацию, чтобы сгладить конфликт и разрешить кризис «с помощью политических мер».

Однако было уже слишком поздно. Рано утром в воскресенье, 13 января, советские войска в Вильнюсе возобновили атаку на башню телевидения, которое каждый час передавало сообщения о возрастающем давлении со стороны советских войск.

У башни несколько сотен литовцев встретили два советских танка и бронетранспортер. Один танк развернул свою пушку над головами демонстрантов и выбил стекла из окон стоявшего там автобуса. Другой выстрелил холостым зарядом, но от взрыва вылетели стекла в соседних домах.

Какой-то юноша залез на один из танков и сел на ствол орудия — танк начал маневрировать взад-вперед, раскачивая пушку и стараясь сбросить его. Другой юноша встал перед вторым танком, жестом показывая — стреляйте, мол, в голову; команда танка это и сделала. Многим из очевидцев это напомнило события на площади Тяньаньмэнь. Ко времени, когда атака захлебнулась, несколько сотен литовцев были ранены, пятнадцать человек погибли.

Все это происходило, когда в Соединенных Штатах был еще субботний вечер. О случившемся в Вашингтоне узнали

по телефону и по любительскому радио. Джордж Колт, начальник Бюро ЦРУ по анализу событий в СССР, находился в гостях и не взял с собой радиотелефона. Когда он вернулся к себе, в доме бешено звонил телефон.

Услышав о случившемся, Кэртис Камман, помощник заместителя госсекретаря по Европе, в половине одиннадцатого примчался к себе в кабинет, чтобы создать рабочую группу, которая подготовила бы документ об официальной реакции США. Кондолиза Райс всю ночь и утро провела у телефона, разговаривая с Госдепартаментом и ЦРУ.

В ночь на воскресенье, в половине второго. Пол Гобл, эксперт Госдепартамента по советским нацменьшинствам, встретился с Эндалом Липпмаа, министром эстонского правительства, который в тот момент был старшим официальным лицом из Прибалтики в Соединенных Штатах. Липпмаа сказал, что он убежден: Москва намерена восстановить свой контроль во всех трех прибалтийских столицах: «На будущей неделе это будет Рига, на следующей — Таллинн».

В три часа утра Райс позвонил Деннис Росс, находившийся с Бейкером в Турции. Росс сказал, что госсекретарю очень не хочется отвлекать внимание общественности от предстоящей схватки с Саддамом Хусейном, но он считает, что у Соединенных Штатов нет выбора — нужно заявлять публичный протест по поводу убитых в Литве.

А в Москве Сергей Станкевич, реформатор, заместитель мэра города, назвал события в Вильнюсе «самым серьезным ударом по перестройке со времени ее начала». Это «крах всего, чего мы добились за последние пять лет» и доказательство того, что, как и предупреждал Шеварднадзе, Горбачев устанавливает «диктатуру системы».

Сторонники реформ и демократии, члены российского и советского парламентов прошли по Красной площади. На митинге тысячи москвичей обвиняли Горбачева в том, что он допустил убийства в Вильнюсе, и Буша в том, что он продолжает решительно поддерживать его.

В воскресенье днем Мэтлок, а также послы Великобритании, Франции, Германии и Финляндии были приглашены в Министерство иностранных дел. Поскольку из-за снегопада машины еле ползли, Мэтлок проделал короткое расстояние от Спасо-хауса до Смоленской площади пешком.

Послов принял Анатолий Ковалев, первый заместитель министра иностранных дел, только что встречавшийся с Горбачевым. Он хочет, чтобы собравшиеся знали, сказал Ковалев, что Горбачев не приказывал прибегать к силе в Вильнюсе. Политика советского руководителя остается неизменной: он «держится прежней линии» и будет делать все, что в его силах, чтобы избежать кровопролития.

Выступая от своего имени и от имени своих коллег, Мэтлок заявил, что они «потрясены и обескуражены»,— они могут лишь надеяться, что в свете сказанного Ковалевым о позиции Горбачева Москва вскоре выступит с недвусмысленным заявлением о противозаконности происшедшего в Вильнюсе и даст заверения, что ответственные за случившееся будут наказаны.

Ролан Дюма в Париже и Ганс-Дитрих Геншер в Бонне опубликовали аналогичные заявления с требованием, чтобы Советы прекратили применять силу. Министр иностранных дел Великобритании Дуглас Хэрд и министр иностранных дел Бельгии Марк Эйскенс предупредили Кремль, что Европейское сообщество может приостановить предоставление миллиарда долларов, обещанного в качестве помощи Советскому Союзу.

А в Вильнюсе, еще прежде чем этот долгий день перешел в ночь, Ландсбергис уже назвал его Кровавым воскресеньем. Это как бы служило напоминанием о событии, имевшем место в истории первой русской революции.

Знаменитое «Кровавое воскресенье» — 9 января 1905 года — является одной из памятных дат двадцатого столетия. Рабочие пошли к Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге, чтобы подать царю Николаю II петицию с изложением своих жалоб. Солдаты открыли по толпе огонь, убив сорок человек.

Стычки, произошедшие в других местах города, унесли еще сотни жизней.

Одним из последствий этого побоища явился непоправимый урон, нанесенный образу Николая II, — он уже больше не считался «добрым царем». В современной Москве так часто называли и Михаила Горбачева — одни с иронией, другие с восхищением.

Борис Ельцин полетел в Таллинн, где подписал «пакт о взаимной поддержке» с Прибалтийскими республиками и выступил с обращением к «солдатам, сержантам и офицерам, нашим соотечественникам, призванным в армию на территории Российской Федерации и находящимся сейчас в Прибалтийских республиках».

Он предупредил войска, что им скоро могут «дать приказ выступить против законно созданных государственных органов, против мирного гражданского населения, защищающего свои демократические завоевания». процитировав статью из новой Российской Конституции, принятой всего месяц назад, Ельцин сказал, что любой такой приказ будет «противозаконным».

Узнав о том, что некто неизвестный пригрозил взорвать его самолет в полете между Таллинном и Москвой, Ельцин отправился в Ленинград и уже оттуда полетел домой. Опасаясь того же, несколько коллег Ельцина в российском правительстве увеличили свою охрану. Некоторые российские чиновники стали носить оружие и отправили свои семьи на дачи — как будто это помогло бы им спастись, если бы КГБ решило их арестовать.

В воскресенье утром Роберт Гейтс по надежному каналу видеосвязи провел из Белого дома разговор с Госдепартаментом, Министерством обороны и ЦРУ. Кондолиза Райс сказала: «Надо же, чтоб так совпало! Как раз когда у нас руки связаны в Заливе, Горбачев посылает танки». Она вспомнила, как в 1956 году Никита Хрущев нанес удар по Венгрии, считая, что Запад в этот момент занят суэцким кризисом.

Гейтс сказал в ответ, что «намеренно ли или нет» поступают так Советы, они «должны понять, что все наше внимание не отвлечено» кризисом в Заливе и мы не можем не реагировать. А Дэвид Гомперт, ставший осенью после возвращения Роберта Блэкуилла в Гарвард главным экспертом по европейским делам в Совете национальной безопасности, сказал: «Это классический вызов нам как сверхдержаве. Мы должны доказать миру, что можем одновременно шагать и жевать резинку, что можем справиться сразу с двумя кризисами».

Буш прилетел из Кэмп Дэвида на вертолете на Южную площадку Белого дома. Там его ждали Фицуотер и Райс. Буш осведомился насчет ситуации в Вильнюсе:

— Насколько там все плохо?

— Ужасно, — сказала Райс. — Танк переехал тринадцатилетнюю девочку.

Буш спросил:

— Известно, кто отдал приказ об атаке?

— Нет, — сказала она, — но напряжение уже какое-то время нарастало. Нет оснований полагать, что военные действовали по собственному почину.

Райс подготовила заявление для президента; он изучил его, затем вышел и зачитал перед камерами. В заявлении говорилось, что переход к насилию в Литве «грозит отбросить назад или, пожалуй, даже обратить вспять процесс реформ» в Советском Союзе, «которые так важны для всего мира и для создания нового международного порядка». Затем уже от себя Буш добавил: «Я разговаривал с президентом Горбачевым несколько часов назад с целью поощрить мирное решение проблемы, а не применение силы».

Скоукрофт и Гейтс всерьез подумывали о том, чтобы послать Горбачеву письмо за подписью президента, аннулирующее пакет программ по экономической помощи и сотрудничеству, о чем было сообщено после декабрьской встречи Буша с Шеварднадзе. Но Буш предпочитал немного выждать и дать Горбачеву возможность выправить ущерб, нанесенный в Вильнюсе.

Попытки Горбачева защитить свою позицию в Москве граничили с буффонадой. В весьма бессвязных выступлениях перед журналистами и в Верховном Совете он отрицал свою ответственность за кровопролитие, хотя по-прежнему настаивал на необходимости ударить кулаком. Настоящими виновниками происшедшего, сказал он, являются Ландсбергис и литовские националисты, которые устроили «ночью конституционный переворот». Мирное разрешение кризиса, сказал он, трудно осуществимо, «когда республикой руководят такие люди».

Советский президент продолжал, рискуя поколебать доверие даже самых надежных своих сторонников: «Весть о трагедии явилась неожиданностью для всех нас. Я узнал о ней, лишь когда меня разбудили и все уже произошло». Однако если Горбачев говорит правду и он действительно не давал добро на ввод войск, это его заявление означало, что он больше не контролирует силы, которые, казалось бы, должны находиться в его подчинении, то есть происходит как раз то, на что Бессмертных намекнул Иглбергеру в частной беседе.

В Вашингтоне Кондолиза Райс была возмущена, услышав о поразительном заявлении Горбачева. Она мрачно пошутила в разговоре с Гомпертом: «Как вам это нравится? Горбачева, видите ли, не разбудили — зато разбудили нас».

В ЦРУ был подготовлен «Репортаж с места событий» для «Ежедневной информации президенту» — секретной сводки самых последних разведанных, в которой говорилось, что Горбачев, должно быть, все же одобрил переброску десантников в этот район, даже если не отдавал и не одобрял приказа стрелять. Он направил развитие событий в такое русло, что ожесточенная конфронтация получалась почти неизбежной. Таким образом Горбачев «стратегически, если не тактически, несет ответственность за то, что произошло в Литве».

А в Москве Вадим Бакатин, бывший до Бориса Пугачева министром внутренних дел, публично спросил, почему Горбачев не заявит, что не имеет никакого отношения к вильнюсскому «путчу». Елена Боннэр, вдова Андрея Сахарова, потре-

бовада, чтобы фамилия ее мужа была вычеркнута из списка Нобелевских лауреатов, в котором стоит Горбачев.

Горбачев пришел в смятение, услышав о выступлениях Буша, Коля, Миттерана, заявивших, что события в Вильнюсе подорвали не только предоставление экономической помощи Западом, но и положение Горбачева в сообществе мировых лидеров.

На другой день в Москве Горбачев принял в своем кремлевском кабинете группу важных иностранных гостей. Он держался без обычной уверенности в себе и поразил присутствовавших глубокой обеспокоенностью тем, что происходит со страной и с его репутацией в глазах окружающего мира.

Явно желая заверить своих посетителей в том, что его советником по-прежнему является один из тех, с кем он начинал реформы, Горбачев посадил справа от себя Яковлева. Но на протяжении встречи Яковлев мало говорил и выглядел мрачным.

Горбачев заявил, что он по-прежнему ставит своей целью превратить Советский Союз в государство, «основанное на законе». Он призвал своих гостей к «пониманию» и попытался увязать поставленную им цель с «политическими реальностями». Он сравнил себя с путешественником, «потерявшим из вида землю» и заболевшим «морской болезнью»...

А в Вашингтоне из-за множества событий за границей не обратили внимания на неожиданный отъезд из США в конце недели посла Бессмертных. В четверг, 9 января, в четыре часа утра дежурный в советском посольстве разбудил посла и сообщил, что Горбачев срочно вызывает его в Москву, где он должен заменить Шеварднадзе на посту министра иностранных дел.

Горбачев уступил давлению со стороны Центрального Комитета партии и военных, требовавших назначить министром профессионального дипломата вместо человека независимого, каким был Шеварднадзе. Возрастающее возмущение Запада позицией Кремля по Прибалтике подкрепило доводы в пользу того, чтобы подобрать на этот пост человека, который мог бы успокоить мир насчет советской внешней политики.

Когда Шеварднадзе спросили, кого бы он рекомендовал на свое место, он назвал Горбачеву три фамилии — в порядке предпочтительности: Юлия Квицинского, заместителя министра иностранных дел, который ранее был послом в Бонне; Юлия Воронцова, посла в ООН, бывшего ранее одним из заместителей Добрынина в Вашингтоне, и Бессмертных. Шеварднадзе поставил Бессмертных третьим в списке из опасения, что он может слишком быстро подсесть паруса и поменять политический ветер.

Но Горбачев, все еще злясь на Шеварднадзе за то, как он подал в отставку, был не в настроении принимать его рекомендации. Он выбрал Бессмертных, потому что, сказал он своим помощникам, «американцы доверяют этому человеку, а нам это сейчас важно».

Получив вызов от Горбачева, Бессмертных поставил об этом в известность свою молодую жену Марину, которая попыталась убедить мужа не принимать этого поста. Ей нравилась жизнь дипломатических высших кругов в Вашингтоне, да и их сыну Арсению было всего две недели. А дома, она знала, их ожидали лишь политические неурядицы.

Будучи профессиональным американистом, Бессмертных был вполне удовлетворен тем, что уже достиг высшей точки в своей карьере. Он только начал уверенно чувствовать себя в роли посла в Вашингтоне и опасался, что, став министром иностранных дел в атмосфере такой неопределенности, попадет в политическую «мясорубку».

Однако он все же не смог воспротивиться предложению Горбачева. Да и не был он уверен, что ему захочется работать под началом того, кого вместо него выберет Горбачев. И он сказал Марине: «Когда президент просит тебя о чем-то, ты обязан откликнуться на его просьбу». — «Хорошо, тебе решать», — ответила она. Александр Бессмертных написал от руки о своем согласии принять новое назначение и велел телеграфировать об этом Горбачеву.

В воскресенье, 13 января, Квицинский позвонил Бессмертных в Вашингтон и сказал, что завтра утром ему надо

быть на заседании аппарата министерства. «Это невозможно, даже если вы пришлете за мной ракету! — отрезал Бессмертных. — В лучшем случае я могу прилететь завтра во второй половине дня».

В тот же вечер он вылетел рейсовым самолетом в Лондон и в понедельник около шести утра прибыл туда. Подойдя к газетному киоску в аэропорту, он увидел на первых полосах иллюстрированных лондонских газет цветные фотографии, на которых были запечатлены танки и изуродованные тела на улицах Вильнюса. Он был знаком с сообщениями о вводе войск накануне, но от этих фотографий, зафиксировавших кровопролитие, ему стало нехорошо. Он купил несколько экземпляров газет и вылетел в Москву.

Бессмертных приехал в кремлевский кабинет Горбачева во вторник, 15 января, в десять часов утра. Горбачев обменялся с ним рукопожатием и сказал: «Через тридцать пять минут я представлю вашу кандидатуру Верховному Совету (для утверждения). Надеюсь, вы знаете, что им сказать. И дайте-ка мне ваши биографические данные. Мои люди дали мне на этот счет слишком мало».

В состоянии, близком к панике, Бессмертных за несколько минут набросал на бумаге основные вехи своей карьеры и сделал несколько пометок для предстоящего выступления в парламенте, в котором он воздал должное Шеварднадзе. После его выступления один из членов Верховного Совета сказал ему: «Вы допустили ошибку, сказав столько хорошего о Шеварднадзе. Он здесь не очень популярен». Бессмертных ответил: «А мне наплевать. Я не слишком огорчусь, если меня не утвердят». Назначение его прошло: 421 голос — за, против — 3.

Горбачев ликовал. Возвращаясь вместе с Бессмертных после голосования к себе в кабинет, он сказал: «Прекрасно! Это подтверждает правильность основного курса нашей внешней политики. Они поддерживают вашу приверженность новому мышлению! Это крайне важно. Абсолютно необходимо!»

В кабинете Горбачева Бессмертных достал купленные в Лондоне газеты. Он сказал: «Соглашаясь взять на себя эти

обязанности, я буду делать все, что в моих силах, и наилучшим образом. Но подобного рода вещи могут подорвать всю нашу внешнюю политику».

Радостное настроение Горбачева испарилось. Глядя на цветную фотографию трупа литовца, раздавленного танком, он сказал: «Я очень всем этим огорчен. Это ужасно. Я знаю: все, что мы делаем в нашей внутренней политике, отзовется в нашей внешней политике».

В своем новом кабинете в Министерстве иностранных дел Бессмертных принял Мэтлока, который сказал ему: «Слушайте, Саша, мы оба знаем Вашингтон, и мы оба знаем, что, если эти дела в Прибалтике будут продолжаться, мы не сможем готовить встречу в верхах».

В среду, 16 января, Бейкер позвонил Бессмертных из Вашингтона и поздравил его с назначением. Затем в четверг, в два часа ночи по московскому времени, госсекретарь позвонил снова. Бессмертных спал в своей квартире, недалеко от Кремля. Он тотчас стряхнул с себя сон.

Бейкер сказал, что своим звонком ставит в известность советское правительство, что коалиция ООН по Персидскому заливу «очень скоро» начнет наступление на Ирак.

Бессмертных взволнованно спросил:

— Что значит «очень скоро»? Речь идет о минутах или часах?

Бейкер ответил, что коалиция «в ближайший час» ударит по целям вокруг Багдада.

— А вы никак не можете это отложить? Моему президенту нужно время. Пожалуйста, дайте нам побольше времени!

— Извините, Саша, но вы знаете, как оно бывает, когда речь идет о военных действиях. Проводится очень тщательная подготовка. Приказы уже отданы, и я не думаю, чтобы их можно было отменить.

Бессмертных позвонил Горбачеву:

— Американцы начинают наступление на Ирак.

— Когда это произойдет? — спросил советский лидер.

— В течение ближайшего часа.

— Позвоните Бейкеру и попробуйте добиться отсрочки на сорок восемь или хотя бы на двадцать четыре часа, — сказал Горбачев. — Скажите ему, что это моя единственная личная просьба к Бушу.

Бессмертных позвонил Бейкеру и передал слова Горбачева. Госсекретарь обещал сообщить эту просьбу Бушу, но заметил:

— Должен вам сказать, Саша, я сомневаюсь, что у нас есть время что-то изменить.

Он попросил Бессмертных подождать, пока он справится, как обстоят дела у военных. Взяв снова трубку, он сказал, что небо над Багдадом уже освещено взрывами.

В четверг, еще до зари, Горбачев собрал в кремлевском кабинете за современным овальным столом темного полированного дерева свою команду по национальной безопасности. Еще не вполне проснувшиеся и небритые, здесь присутствовали: Бессмертных, вице-президент Янаев, министр обороны Язов, председатель КГБ Крючков, Валентин Фалин, Примаков, Черняев и новый пресс-секретарь Горбачева Виталий Игнатенко.

Язов грозно помахал картами, на которых было указано расположение войск США, затем разложил их на столе. Он всячески старался не показывать смущения от того, что был застигнут врасплох. Он сказал, что «еще задолго» до того, как Бейкер позвонил Бессмертных, советская военная разведка из перехвата разговоров между пилотами, направлявшимися в зону военных действий, вычислила, что атака сил союзников с воздуха неминуема.

Горбачев расцвел в атмосфере международного кризиса. Это давало ему передышку в решении сложной проблемы в Прибалтике и позволяло снова играть излюбленную роль государственного деятеля и миротворца мирового масштаба. По обыкновению, он говорил больше всех. Он сказал: «Очень жаль, что эта проблема не могла быть решена мирным путем». Он понимает, почему коалиция решила, что Садама надо наказать, сказал он, но союзникам следует избе-

гать «тотального уничтожения» Ирака, что «для всего мира будет хуже самой войны».

Горбачев и Язов привели советские вооруженные силы вдоль советской южной границы в состояние боевой готовности. Бессмертных выступил с публичным заявлением, в котором подчеркнул, что эти военные меры предосторожности приняты «исключительно» в связи с войной в Заливе и «абсолютно не связаны» с этническими и политическими беспорядками в советских Среднеазиатских республиках...

В субботу, 19 января, когда в Советском Союзе было относительно спокойно — во всяком случае по сравнению с Персидским заливом, — Кондолиза Райс сказала своему заместителю Николасу Бэрнсу: «По-моему, я для разнообразия могу сегодня уйти пораньше. Похоже, все немного поуспокоились».

А в это время в Риге, где уже спустилась ночь, трассирующие пули осветили небо, и пятьдесят черноберетников ворвались в латвийское Министерство внутренних дел якобы с целью конфисковать нелегально спрятанное там оружие. Один человек был убит в здании и четверо — на улице. Заместитель премьер-министра Латвии Илмарс Бисере объявил: «Гражданская война началась!»

Утверждая, что в них стрелял снайпер, несколько «черных беретов» бросились в расположенный напротив отель и выпустили автоматную очередь в холле. Наверху в это время находились трое американских дипломатов — Роберт Пэттерсон, Джеймс Кении и Стюарт Суонсон, составлявшие одну из нескольких групп, направленных в Прибалтику консульством США в Ленинграде для наблюдения за развитием кризиса. Услышав стрельбу, Суонсон немедленно позвонил в Ленинград — его сообщение было молнией передано в Вашингтон.

В оперативном центре Госдепартамента дежурный сказал: «Снова началось. Становится жарко!»

Горбачев опять публично снял с себя всякую ответственность за случившееся, а в частных разговорах он сказал помощникам, что теперь убежден: кровавые события в Виль-

нюсе и Риге являются политической провокацией, направленной против него лично и «попыткой реакционных сил свернуть с колес процесс реформ».

В 1989 году Скоукрофт создал группу для изучения возможности вспышки в Советском Союзе широко распространенной волны насилия. Он дал указание Роберту Гейтсу «надеть свою шапку кремлевского часового, стереть пыль с магического кристалла и начать задаваться вопросом, что мы станем делать, если будет разыгран тот или иной бредовый сценарий».

Гейтс в свою очередь создал две межведомственные комиссии: одну — из чиновников высокого ранга под своим председательством и другую — из экспертов «рабочего уровня» во главе с Кондолизей Райс. И вот теперь, когда в Прибалтике, казалось, началось худшее, эти две группы были срочно созваны на совещание. Они быстро сфокусировали внимание на главном вопросе: расположении и надежности хранения советского ядерного оружия. Существует ли опасность, что группы повстанцев или диссидентов могут захватить это оружие и использовать его в целях устрашения или еще хуже?

ЦРУ сообщило известным управлению данные о сугубо секретных механизмах «команды и контроля», а также «звеньях, разрешающих акцию», разработанных таким образом, что ядерное оружие и разрешение на его запуск находятся в руках очень немногих людей.

Благодаря сложным кодам и опознавательным сигналам советское стратегическое оружие, похоже, находилось под строгим контролем: можно было почти не опасаться того, что какая-нибудь из отделившихся республик сможет воспользоваться имеющимся на ее территории стратегическим ядерным оружием, чтобы шантажировать Москву или — если уж на то пошло — Вашингтон. И все же комиссию беспокоило то, что какие-нибудь незарегистрированные группы диссидентов могут завладеть тактическими ядерными боеголовками на артиллерийских снарядах или химическим и биологическим оружием.

Когда Буша проинформировали о ходе дискуссий, он сказал своим помощникам, что события подтвердили его убеждение: нельзя позволить «выйти из-под контроля» сепаратизму, необходимо, чтобы Горбачев «по-прежнему полностью владел там ситуацией».

Кровавые события в Прибалтике крайне осложнили для Буша продолжение прогорбачевской политики. Сенатор Роберт Бэрд из штата Западная Виргиния обвинил администрацию в том, что она «подмигивала, кивала и смотрела в другую сторону», когда Горбачев своевольничал в Вильнюсе и Риге. «Возможно, это было ценой, заплаченной за сотрудничество Советов в Персидском заливе, — сказал Бэрд. — Если да, то мне это кажется плохой сделкой».

Другой демократ — Билл Брэдли из Нью-Джерси — сказал: «Это было бы печальной иронией, если бы американцы заплатили за поддержку Советов в освобождении Кувейта согласием на советскую агрессию против другой незаконно аннексированной страны».

В выпуске «Ежедневной сводки национальной безопасности» от 24 января, секретного обзора и анализа текущих событий, подготавливаемого ЦРУ, появилась статья, озаглавленная: «Поворотный момент кризиса». В ней говорилось: «Горбачев начал конфликт, не имея видимой программы и со слабой перспективой долговременного успеха. Ему нелегко будет избежать сложной ситуации, за возникновение которой он в большой мере несет ответственность и в которой он может стать главной жертвой».

В Пентагоне Дик Чейни оторвался на несколько часов от руководства войной в Заливе, чтобы послушать с десяток кремленологов, присутствовавших при явно малоутешительной оценке событий. На этом заседании Джордж Колт из ЦРУ заявил: «Горбачев все же лучше тех, с кем он водит компанию. Но люди, с которыми он держится вместе, ведут сейчас процесс в очень неприятном направлении».

Чейни слегка улыбнулся и заметил: «Многое из того, что я сейчас слышу, напоминает мне кое-что из того, что я одна-

жды сказал и за что получил по мозгам». Он имел в виду случай весной 1989 года, когда за свои скептические высказывания о Горбачеве в телевизионной программе получил выволочку из Белого дома.

Да и над Робертом Гейтсом накануне событий в Прибалтике нелегко было посмеиваться и называть его «ниспровергателем Горбачева» или «маленьким петушком».

А Гейтс сказал коллегам, что его не слишком волнует трагедия «добротого царя, ставшего плохим», — его огорчает то, что из-за «провала» Горбачева многие советские граждане навсегда разочаруются в демократизации и стремлении создать рыночную экономику.

Он отметил, что советские люди во многих отношениях жили более счастливо при старом, сталинском, режиме. В будущем они будут связывать либерализацию с хаосом. «Теперь, когда Горбачев все завалил, — утверждал Гейтс, — новому лидеру, более решительному и умелому, чем Горбачев, будет труднее заставить своих соотечественников снова поддержать реформы».

Во вторник, 22 января, Скоукрофт принял в своем кабинете в Белом доме небольшую делегацию американских прибалтов, которые, как и следовало ожидать, были в ярости по поводу относительно мягкого официального отклика США на кровавые события в Вильнюсе и Риге.

Скоукрофт попытался объяснить, что администрация не в состоянии заставить Кремль изменить свою политику. Любой шаг Соединенных Штатов будет не только равен «булавочному уколу», сказал он, но он может быть воспринят как «провокация и иметь обратный результат».

Неожиданно к ним «заглянул» Буш. Он поступил так же, как и прежде, во время напряженной весны 1990 года в Прибалтике. Напомнил о Венгрии 1956 года: неосторожная поддержка со стороны Запада может «обречь» на крах борьбу Прибалтики за независимость. Скоукрофт, вторя ему, сказал, что, «ударив наотмашь», Соединенные Штаты могут открыть люк под Горбачевым и погубить еще имеющиеся шансы на

проведение реформ в Советском Союзе. Затем он задал посетителям главный вопрос: неужели они действительно предпочитают видеть в Кремле диктатуру военных и КГБ?

Мэри-Энн Риккен из эстонско-американского национального комитета ответила, что обратный результат приносит проводимая самой администрацией политика «руки прочь». Она выразила свое огорчение тем, что администрация таким образом невольно подает «знак Москве», который советские руководители могут понять как «умиротворяющий».

Нервы у Буша — после нескольких месяцев давления со всех сторон — сдали, и он оборвал ее на полуслове: *«Не смейте употреблять это слово»*.

Как и в первые месяцы правления, президента снова винили в несмелом поведении в советско-американских делах. В 1989 году его критиковали за нежелание вступать в контакт с Горбачевым; теперь под огнем критики было его нежелание *выйти* из этого контакта.

В Овальном кабинете Джон Сунуну предупреждал Буша: «Это превращается для нас в главную политическую проблему». Он перечислил особенно недовольных республиканцев-консерваторов в конгрессе. «Тщательно сформулированных протестов» по поводу удара кулаком в Прибалтике «недостаточно», сказал он: администрация должна «показать зубы» в своем возмущении.

Буш снова заговорил об этом наедине со Скоукрофтом, и тот сказал: «Джон и его друзья на Капитолийском холме хотят, чтобы мы размахивали окровавленной рубашкой. Он заботится о нашем политическом капитале здесь. Это прекрасно. Но мы должны остерегаться и не делать жестов, которые ничего не дадут».

Буш сказал в ответ: «Как бы мы ни поступили, я не хочу делать ничего необратимого. Я хочу по возможности сохранить отношения с Горбачевым».

Сколь бы ни были кровавыми события в Вильнюсе и Риге, они не могли сравниться с тем, как поступил Хрущев с Венгрией в 1956 году. Последуй Горбачев хрущевскому сценарию,

Ландсбергис вынужден был бы уйти с политической арены и оказался бы либо в бегах, либо в тюрьме, либо был бы мертв. А Горбачев заставил военных отозвать танки и оставить в покое правительство Ландсбергиса.

Войска по-прежнему занимали телебашню в Вильнюсе, но некогда высоко перевозносимая Советская Армия вынуждена была нести патрульную службу вдоль забора в несколько сотен метров длиной, окружающего башню на окраине провинциальной столицы,— причем с малыми результатами: литовцы по-прежнему могли слушать вызывающие националистические передачи, поскольку радиостанция в Каунасе, втором по величине городе Литвы, продолжала быть в эфире.

Не шли в сравнение события в Вильнюсе и Риге и с событиями на площади Тяньаньмэнь. Когда в июне 1989 года для китайских руководителей настал момент истины, они, не обращая внимания на мнение мировой общественности, наметили курс внутренней политики в Китае на грядущие годы. Горбачев же, наоборот, колебался — в значительной степени потому, что был крайне чувствителен к мнению о нем окружающего мира.

Неликвидированный кризис в Прибалтике был отражением конфликта, бушевавшего в Советском Союзе и раздиравшего самого Горбачева. Это было противостояние между центристами и сторонниками отделения, между сторонниками репрессий и сторонниками продолжения реформ.

Позволив Пуго и военным прибегнуть к силе, Горбачев отвратил от себя многих демократов и патриотов. А не дав сторонникам жесткой линии довершить то, что они начали в Вильнюсе, он настроил против себя и правых. В январе 1991 года Горбачев все еще владел серединой между правыми и левыми, но он становился все более одиноким, а позиция его — все более шаткой.

Невзирая на свое нежелание подкладывать мину под Горбачева, Буш написал советскому руководителю личное письмо, в котором пригрозил прекратить всякую американскую экономическую помощь. А Бейкер позвонил Бессмерт-

ных в Москву и сказал, что при сложившихся обстоятельствах нечего делать вид, будто встреча на самом высоком уровне может состояться в феврале.

Администрация держала в тайне содержание письма Буша Горбачеву и телефонный разговор Бейкера с Бессмертных. Публично Белый дом продолжал воздерживаться от критики Горбачева.

В Москве Мэтлока обязали вручить советскому руководителю жесткое письмо Буша. Следуя полученным указаниям, Мэтлок сказал Горбачеву: «Сложно понять, что происходит». И добавил, что трудно ожидать улучшения американо-советских отношений, «если вы не вернетесь на ту позицию, какую занимали на последней встрече в верхах». Под этим он имел в виду заверения Горбачева о своей приверженности мирному решению национальных проблем.

Возмущенный и разозлившийся, Горбачев сказал Мэтлоку, что существует только «один закон» — закон советского государства. Прибалты обязаны его уважать и соблюдать в своих устремлениях. Выразив «сожаление» по поводу кровопролития в Вильнюсе и Риге, он сказал, что «преисполнен решимости» предотвратить возврат к произволу — правлению самодурства и официальному беззаконию, характерных для эпохи Сталина. Он попросил Мэтлока воззвать к Бушу и Бейкеру, чтобы они проявили «терпение» и «понимание».

«НЕЛЬЗЯ ЛИ ИЗМЕНИТЬ ВАШ ЗАКОН?»

В субботу, 26 января 1991 года, Бессмертных сел в подмосковном аэропорту Внуково-2 на специальный самолет Аэрофлота и вылетел в Вашингтон со своим первым визитом в качестве министра иностранных дел. Недавние беседы с послом Мэтлоком и суровое письмо, которое Буш прислал Горбачеву, вызвали у Бессмертных тяжелое чувство тревоги. В его представлении решение США о приостановке помощи Советскому Союзу было равносильно введению санкций против Москвы.

Подобный шаг, по мнению Бессмертных, ослабит позиции Горбачева, чей престиж за границей был одним из немногих оставшихся у него капиталов. Усиление давления со стороны Запада вызывает также раздражение у сторонников жесткой линии, считающих, что Соединенные Штаты пытаются диктовать им, как вести свои внутренние дела.

Приземлившись на военно-воздушной базе Эндрюс, Бессмертных, казалось, должен был поехать на свою квартиру в советском посольстве, где все еще находились его жена и новорожденный сын. Вместо этого он попросил отвезти его в Госдепартамент для предварительной встречи с Бейкером. С его точки зрения, ситуация так быстро ухудшалась, что важен был каждый час.

Бессмертных надо было прежде всего договориться с госсекретарем об окончательной редакции совместного заявления об отсрочке встречи в верхах. Бейкер заранее позвонил ему и прочел по телефону проект текста, в котором было обойдено какое-либо упоминание о Прибалтике: два правительства объяснят отсрочку встречи совместно приня-

тым решением в связи с войной в Заливе и препятствиями, возникшими в области контроля над вооружениями.

В связи с Прибалтикой Бессмертных сказал Бейкеру: «Я чувствую, вы на грани принятия санкций, Джим. Если вы решитесь на такое, то пережмете. Вы вызовете последствия, какие вам вовсе не желательны. Запомните: наш народ всегда считал, что ваша страна поддерживает Горбачева. Я знаю, США не могут сидеть и ничего не предпринимать в отношении Вильнюса, но все, что вы станете делать, должно быть хорошо взвешено — не следует пережимать».

Новый министр иностранных дел привез ответ Горбачева на письмо Буша. Бейкер отметил, что в нем не было конкретных заверений в том, что Кремль прекратит жестокие репрессии в Прибалтике. «Вы должны понять, Саша, насколько серьезна ситуация,— сказал Бейкер.— Мы обязаны что-то предпринять».

В подтверждение своих слов он привел результаты голосования в конгрессе по резолюциям, поддерживающим независимость Прибалтики, и пояснил: «Вы должны что-то сделать, чтобы люди не думали, что ситуация обречена лишь на ухудшение». Кремль может избежать прекращения американской экономической помощи, сказал он Бессмертных, только если «наполнит содержанием свои утверждения о том, что он ищет решения проблемы», и продолжил: «Наша способность держаться определенной линии, не поддаваясь давлению, зависит от вашей способности указать на что-то конкретное, вроде механизма переговоров».

Бессмертных ответил, что Кремлю должны поставить в заслугу уже хотя бы то, что он принял закон, гарантирующий республикам право выйти из Союза, если они того пожелают.

Бейкер возразил: «В своей нынешней форме ваш закон об отделении является уловкой, *препятствующей* отделению. Люди должны поверить, что установленная вами процедура делает возможным отделение». Нельзя ли изменить ваш закон, чтобы он вызвал большее доверие как в Советском Союзе, так и за границей?

Бессмертных не исключил возможности изменения закона: «Все возможно — если это укладывается в рамки конституции». Он попросил потерпеть до 17 марта, до референдума по вопросу о том, должен ли остаться Советский Союз в виде «обновленного союза» с сильным центром, но большей автономией для республик.

Он попытался убедить Бейкера в том, что планируемый плебисцит является существенным доказательством приверженности Горбачева демократии: широкие массы советских граждан впервые в истории смогут сказать свое слово о характере своего государства и условиях обсуждения его будущего. Бессмертных сказал: «Если люди станут голосовать, они привыкнут к тому, что надо действовать сообразно порядку и закону».

Но до 17 марта оставалось еще семь недель, и Бейкер понимал: нет уверенности в том, что голосование действительно приведет к изменениям в законе об отделении. Более того, центральные власти могут тем временем усилить свой контроль над Прибалтикой.

Бейкер повторил Бессмертных, что внешний мир должен увидеть «немедленные и осязаемые» доказательства того, что силовые удары в Вильнюсе и Риге не являются провозвестниками обновленной старой политики Кремля в отношении нацменьшинств.

Бессмертных сказал: «Я понимаю». Он пообещал выяснить у Москвы, не может ли она что-то добавить к тому, что сказано в письме Горбачева. Выйдя из Госдепартамента, он послал Горбачеву телеграмму с возражениями Бейкера и рекомендовал Кремлю разрешить ему дать американцам конкретные заверения в том, что Москва отступает от края обрыва в Прибалтике.

В ответ на эту телеграмму Горбачев направил своему министру иностранных дел новые инструкции: он-де может сказать американцам, что Кремль «предпринимает конкретные шаги для рассасывания ситуации» в Прибалтике. Десантники, направленные в этот район в начале месяца, уже отозваны и

в течение нескольких дней оттуда будут выведены две трети войск Министерства внутренних дел.

Встретившись с Бейкером в понедельник утром, 28 января, Бессмертных сообщил, что советское руководство согласилось с «принципом мирного разрешения всех проблем», а также с тем, что «использование вооруженных сил в политической борьбе недопустимо». Насилие, развязанное против граждан Вильнюса и Риги, «не является политикой президента», заявил он. Это было все, на что мог пойти Горбачев в порицании жестокостей, допущенных силами безопасности и военными в двух прибалтийских столицах.

Бейкер, на которого это произвело впечатление, спросил: «А может это быть сказано публично?» Бессмертных заверил, что может.

Бейкер помчался в Белый дом, чтобы проинформировать Буша: «По-моему, мы получили кое-что, над чем можно работать. Я думаю, Советы готовы уйти оттуда и, возможно, даже воздадут нам должное за то, что мы заставили их это сделать. Нам станет немного легче, а то слишком сильно мы ударили по ним из-за того, что они наделали».

Буш тоже немного перевел дух. Он больше всего опасался, что обстоятельства вынудят его отдалиться от Горбачева — даже притом, что Горбачев в значительной мере повинен в происшедшем.

Днем Бессмертных явился в Овальный кабинет, где они с президентом сели в кресла у потрескивающего в камине огня. Подали кофе, и Буш сказал, что он «в восторге» от того, что новый министр иностранных дел так хорошо знает Соединенные Штаты. Он согласился с формулировкой, которую разработали Бейкер и Бессмертных для объяснения отсрочки встречи в верхах, и в то же время подчеркнул, что по-прежнему «очень хочет» поехать в Москву.

Сверяясь с записями, Бессмертных пересказал содержание последнего письма Горбачева по Прибалтике, прежде чем вручить его Бушу. Он сказал, что его президент «исполнен решимости» не дать заглухнуть ни перестройке, ни новой эре в

советской внешней политике. Внутренние реформы в Советском Союзе являются «ключевым фактором», делающим возможным международное сотрудничество, утверждал он: «Это подвело нас к черте доверия».

Советский Союз и Соединенные Штаты, сказал он, уже многого добились и еще больше могут сделать в будущем. Ничто не должно препятствовать такому сотрудничеству. Способность Советского Союза держаться «позиции сотрудничества», продемонстрированная в решении вопросов Восточной Европы, объединения Германии и войны в Персидском заливе, «будет зависеть от того, как Соединенные Штаты отреагируют» на беспорядки в Прибалтике.

На первый взгляд, Бессмертных, казалось, взывал к терпению и пониманию. Однако по существу смысл сказанного сводился к тому, что американцы должны перестать осложнять жизнь Кремлю в Прибалтике, иначе Горбачев сумеет затруднить войну против Саддама Хусейна.

Не давая своим слушателям вспылить и отреагировать на завуалированную угрозу, Бессмертных легко и быстро перешел к следующему. Он повторил основную, «принципиальную», позицию Кремля: прибалты при упорстве могут получить независимость, но только действуя в рамках «конституционного процесса». Он добавил, что помимо соображений, изложенных в письме, есть несколько моментов, которые Горбачев хочет довести до сведения Буша. И Бессмертных повторил то, что уже говорил Бейкеру про вывод из Прибалтики десантников и войск Министерства внутренних дел.

Буш сказал Бессмертных, что он не сомневается: Горбачев «искренне» считает, что распутывает прибалтийский кризис самым правильным образом. Но советское руководство должно понимать, что «и у нас есть политические факторы».

Он напомнил, что Горбачев лично заверял его, что будет решать проблему Прибалтики мирным путем. А теперь произошло насилие, развязанное войсками, действующими от имени Москвы. Естественно, должна была последовать «реакция» со стороны Соединенных Штатов, в особенности кон-

гресса. Бессмертных, безусловно, провел достаточно времени в Вашингтоне, чтобы понимать, «как здесь все работает».

Бессмертных снова попросил администрацию потерпеть до 17 марта. «Давайте посмотрим, что произойдет, — сказал он. — Референдум, по крайней мере, улучшит атмосферу в целом».

Буш сказал в ответ: «Этого все мы, безусловно, хотим».

Бессмертных заметил, что у Буша на коленях лежат карточки с отпечатанными на них вопросами, которые следует обговорить, но он не сверялся с ними, а лишь время от времени перебирал. Из этого Бессмертных заключил, что не привези он из Москвы новых заверений, президент вел бы беседу по карточкам и значительно более жестко.

На другое утро, во вторник, 29 января, Буш и Бейкер встретились в Овальном кабинете, чтобы обговорить моменты, связанные с внешней политикой, в послании «О положении в стране», с которым президент должен был выступить в тот вечер.

Главное место в докладе занимала война в Персидском заливе. Буш намеревался сказать, что, как доказывает международная реакция на вторжение Ирака в Кувейт, «окончание «холодной войны» явилось победой для всего человечества».

Основываясь на последнем личном послании Горбачева, Буш и Бейкер решили вставить новый абзац в начало речи. Президент скажет конгрессу: «Наша цель — помочь народам Прибалтики осуществить свои чаяния, а не наказывать Советский Союз. В ходе наших последних дискуссий с советским руководством нам были сделаны заявления, которые — в случае их выполнения — приведут к выводу части советских войск, возобновлению диалога с республиками и отходу от насилия».

Буш решил назвать «заявлениями» заверения, только что переданные Горбачевым через Бессмертных. Этот термин, по его мнению, в большей мере отражал скептицизм американцев, как и следующая фраза в новом тексте его доклада: «Мы будем тщательно следить за развитием ситуации»...

Во вторник, 12 февраля, Соединенные Штаты и их союзники подвергли Ирак самой массированной бомбардировке с начала войны. В тот же день Евгений Примаков встретился в Багдаде с Саддамом Хусейном.

Примаков был преисполнен решимости сделать все возможное, чтобы не дать Соединенным Штатам одержать полную победу в войне в Заливе и таким образом позволить Саддаму избежать полного поражения. Он призывал правительство Ирака «объявить о своей готовности» уйти из Кувейта, определив «период времени», в течение которого будет осуществлен вывод войск, а в ответ, сказал он, коалиция согласится на прекращение огня.

Саддам тотчас увидел, что условия мира, предлагаемые Москвой, куда гибче предлагаемых Вашингтоном. И тем не менее он не ответил сразу согласием на это предложение. Сняв военный мундир и отстегнув ремень с пистолетом, он стал задавать Примакову с беспокойством вопросы о том, что же практически последует за его согласием. Когда будут сняты санкции, если он согласится вывести войска? Как он может быть уверен, что иракских солдат при уходе из Кувейта не расстреляют в спину?

Телевизионные камеры запечатлели первые минуты встречи Примакова с Саддамом, когда они тепло обнялись, а затем инспекционную поездку Примакова по городу, когда ему показывали ущерб, причиненный бомбежками. Иракское телевидение передало эти кадры на весь мир, подчеркивая, что Примаков прибыл в Багдад как друг, сочувствующий Саддаму. В Москве несколько советников Горбачева были потрясены тем, как Примаков сыграл на руку иракским пропагандистам.

Примаков же, по обыкновению, отыскивал светлое пятно там, где его не было и в помине. Он сообщил телеграммой Горбачеву, что есть «лучи надежды» и что Тарик Азиз готов приехать в Москву для ведения переговоров.

А Горбачев находился в это время под чрезвычайно сильным давлением со стороны тех, кто требовал отхода от «мяг-

кой» политики Шеварднадзе в отношении войны в Заливе. Центральный Комитет и Политбюро выступали за прекращение огня, а партийные аппаратчики открыто выражали сомнение в мудрости поддержки, которую их правительство оказало антисаддамовским резолюциям ООН, утверждая, что лучше было бы, как минимум, воздержаться при голосовании.

В тот день, когда Примаков встретился в Багдаде с Саддамом, газета «Советская Россия» выразила недовольство тем, что решение поддержать коалицию ООН, принятое правительством в 1990 году, по сути «положило конец существованию СССР в качестве сверхдержавы». На другой день высшие политические чины армии устроили совместно с пограничниками КГБ пресс-конференцию, на которой обличали «подстрекаемую американцами попытку уничтожить Ирак».

Многие на Западе считали, что, осложняя коалиции ведение войны, Советский Союз тем самым показывает, что он отказался от «нового мышления» и других благих принципов внешней политики Горбачева — Шеварднадзе. Уильям Сэфайр писал в «Нью-Йорк таймс»: «Холодная война II» началась».

Судя по многочисленным сообщениям, в Восточной Европе опасались, что набирающие силу сторонники жесткой линии в Советском Союзе, в особенности военные, могут попытаться дестабилизировать положение в бывших кремлевских сателлитах, а потом и вернуть себе господство над ними.

Противоречивые сообщения, поступавшие из Москвы, не уменьшали этих страхов. В понедельник, 11 февраля, Горбачев написал всем главам государств Варшавского пакта, предлагая расформировать военную структуру коалиции к 1 апреля. А на другой день советское правительство информировало Польшу, что не сможет вывести свои войска из этой страны так быстро, как хотелось бы полякам. Советы утверждали, что это объясняется отсутствием жилья и рабочих мест для возвращающихся солдат, но многие поляки и граждане других восточноевропейских стран видели в этом руку более зловещих сил.

В субботу, 16 февраля, Тарик Азиз начал свои переговоры в Москве. На следующий день Бессмертных сообщил телеграммой в советское посольство в Вашингтоне суть плана замирения, предложенного Примаковым и принятого Горбачевым.

Четвериков по телефону передал резюме плана Бейкеру, затем вручил его лично Россу. Ознакомившись с документом, Росс позвонил Бейкеру в Белый дом и сообщил, что Советы заполнили некоторые пробелы — так, например, по этому плану Саддам должен вывести свои войска из Кувейта в течение полутора месяцев.

Но другие важнейшие положения были изложены неясно или проигнорированы совсем. Например, не было заложено условие о возвращении военнопленных. Более того, в советской инициативе содержалось положение, против которого Соединенные Штаты решительно возражали — прямая увязка проблемы войны в Заливе с арабо-израильским конфликтом.

Скоукрофт сказал Бушу: «Если не считать вывода войск, все остальное — чем яснее сформулировано, тем хуже. Этот план составлен с целью как можно больше облегчить дело Саддаму».

Президент направил Горбачеву послание, в котором выражал свои опасения в связи с «неточностями» советского плана и категорически отбрасывал всякую прямую увязку с арабо-израильским конфликтом.

К этому времени советский план был обнародован. Буш постарался уменьшить расширяющуюся пропасть. Он сказал прессе, что «ценит» старания Горбачева держать его в курсе переговоров, происходящих в Москве, но добавил, что советская формула «далеко не соответствует» тому, что требуется для окончания войны.

Фицуотер заверил репортеров: «Наша военная кампания продолжает развиваться по плану».

Во вторник, 19 февраля, Бейкер позвонил в Москву Бессмертных, а затем направил ему письменное послание с изло-

жением оговорок США по советскому плану мирного урегулирования. Должен быть оговорен обмен военнопленными, сказал он, и иракцы должны предоставить карты, показывающие местонахождение минных полей, которые они заложили в Кувейте. А кроме того, вывод иракских войск должен быть ограничен четырьмя днями.

После шума, поднявшегося вслед за совместным заявлением в конце января, Скоукрофт приказал аппарату Совета национальной безопасности заранее изучить, какие вопросы будет поднимать Бейкер в своих выступлениях и в письменных посланиях. Сунуну не без удовлетворения заметил своим помощникам: «Бейкера нынче посадили на короткий поводок».

Советы тайно передали требования Бейкера иракскому режиму. А для публики они усилили свою пропагандистскую кампанию, изображая Ирак стремящимся к миру, Соединенные Штаты — исполненными решимости расширять военные действия, а себя — снова играющими ведущую роль в мировой политике.

В интервью для телевидения Примаков, как попугай, повторил утверждения советских военных, обвинявших Соединенные Штаты в том, что они преследуют цели, идущие много дальше освобождения Кувейта. «Бойня должна быть прекращена, — настаивал он. — Я не говорю, что раньше война не была оправдана, но ее затягивание не может быть оправдано ни с какой точки зрения. Целый народ гибнет».

В течение последних двух недель войны в Персидском заливе Буш и Горбачев беспрецедентно часто пользовались телефоном. Даже Горбачеву, чтобы позвонить Бушу из Москвы, надо было заказывать разговор через Центральную телефонную станцию, а поскольку он часто звонил среди ночи по московскому времени, телефонистка обычно включалась не сразу, и голос у нее был сонный. Но как только она узнавала, кто находится на другом конце провода, сон мгновенно улетучивался.

Иной раз требовалось полчаса, чтобы дозвониться до Белого дома. Пока дозванивались, Горбачев ходил из угла в

угол по своему кабинету, а кто-то из obsługi приносил ему бутерброды и стакан чая с молоком.

Позвонив Бушу в четверг, 21 февраля, Горбачев рассказал о доработках, произведенных в плане по мирному урегулированию, с которыми уже согласился Тарик Азиз, снова приехавший в Москву. Буш осторожно сказал, что по любым изменениям в ходе дипломатических переговоров он должен консультироваться с другими партнерами по коалиции.

Горбачев прикрыл трубку рукой и, подмигнув, сказал Примакову, сидевшему рядом: «Вот сейчас я его действительно ошарашу!»

И он с гордостью объявил Бушу, что, откликаясь на возражения американцев, о которых в начале недели сообщил Бейкер, он не станет настаивать на прямой увязке окончания войны в Заливе с возобновлением мирных переговоров между арабами и Израилем. Уход Ирака из Кувейта будет «полным и безоговорочным».

Но во вторник, 26 февраля, выступая перед рабочими в Минске, Горбачев взял совсем другую ноту, отнюдь не похожую на примирительный тон, каким он говорил с Бушем по телефону несколькими днями раньше. Он заявил, что американо-советские отношения стали «очень хрупкими»: если руководители коалиции не проявят «большого чувства ответственности», сказал он, общее улучшение международного климата может оказаться под угрозой.

На следующий день Горбачев принял Бейкера в Кремле. Он заметил, что военные, коммунистическая партия и мусульманские нацменьшинства — все возражали против сотрудничества СССР с Вашингтоном по поводу войны в Заливе: «Наша политика, несмотря на свою принципиальность, не разделялась здесь всеми. Мы прошли через испытание в наших отношениях, и мы выдержали это испытание, потому что наши подходы совпали».

Горбачев добавил, что рад быстрому окончанию войны, так как на него «оказывалось изрядное давление». Он надеется, что Соединенные Штаты скоро выведут свои войска из

этого региона. Бессмертных сказал, что, если вывода войск не произойдет, «в Советском Союзе найдутся люди, которые ухватятся за это как за доказательство того, что вы пытаетесь использовать Залив в качестве стартовой площадки для укрепления своей мощи в этом регионе».

Бейкер ответил, что американское правительство и общественность хотят, чтобы американские войска как можно быстрее вернулись домой, но их демобилизация зависит от восстановления стабильности в Кувейте. А это в свою очередь — по крайней мере частично — зависит от того, что смогут сделать вместе Соединенные Штаты и Советский Союз.

Госсекретарь направил беседу в русло переговоров о дипломатическом сотрудничестве в арабо-израильском конфликте. После того как более сорока лет Соединенные Штаты и Советский Союз соперничали на Ближнем Востоке, может быть, теперь они смогут, предложил Бейкер, сотрудничать в решении самого сложного и опасного из всех региональных конфликтов в мире.

Бейкер сказал: «Мы хотим, чтобы вы работали с нами над дипломатическим процессом в этом регионе. Это будет наглядной демонстрацией того, что «новое мышление» живет и укрепляется в советской внешней политике. Это покажет, что «новое мышление» работает и что оно дало вам новую роль».

Горбачев приветствовал высказывание Бейкера, указывающее на то, что Москва станет полноценным партнером Вашингтона в таком процессе. «Мы высоко ценим то, что вы делаете», — сказал он.

После встречи Бейкер, вторя Горбачеву, сказал журналистам: «Наши отношения прошли недавно через испытание и выжили. Это хорошо для Советского Союза, и хорошо для Соединенных Штатов, и хорошо для мира в целом».

В ЕЛЬЦИНЕ БОЛЬШЕ ТОЛКУ

Во время кризиса в Персидском заливе Буш поневоле был связан с Горбачевым. Теперь, когда война закончилась, мнения его администрации — как лучше ладить со все усложнявшейся политикой Советского Союза — разделились. Кондолиза Райс и должностные лица среднего звена в Госдепартаменте вот уже несколько месяцев доказывали президенту необходимость «вкладывать наш капитал в различные предприятия», то есть установить контакт с Ельциным и другими лидерами реформы и движения за отделение республик. Райс убеждала Скоукрофта в том, что рассеивание власти вне Москвы набирает темп, следовательно, контакты с другими советскими лидерами будут означать не только признание реальности, но и дальнейшее утверждение таких ценностей, как самоопределение и демократия, которые отстаивала Америка.

Бушу эта идея не импонировала. Он воздерживался от любых действий, которые бы давали мировой общественности повод считать, что он повернулся спиной к Горбачеву.

Скоукрофт был не так предан Горбачеву, как Буш. Но, несмотря на то, что «чрезмерная персонализация» отношений с Советским Союзом его по-прежнему беспокоила, он разделял нежелание Буша злоупотреблять контактами с другими лидерами в обход Горбачева. С его точки зрения, Советский Союз — несмотря на беспокойную обстановку в республиках — все еще оставался единой страной, а в стране на каждом отдельном этапе может быть только один лидер.

Как опытный специалист по Балканам Скоукрофт особенно опасался того, что «романтический национализм» может вылиться в беспорядки или даже в гражданскую войну.

И он и Буш — более твердо, чем когда-либо — стояли на позиции, что Соединенные Штаты ни при каких обстоятельствах не должны своими, пусть даже неумышленными, действиями способствовать ускорению распада Советского Союза.

На заседании Комитета национальной безопасности Скоукрофт сказал:

— Наша политика должна основываться на наших собственных национальных интересах, в число которых входит стабильность Советского Союза. Для нас нестабильность СССР чревата опасностью. Отход же от облеченного законной властью правительства не будет способствовать укреплению стабильности.

Райс накануне своей отставки в марте — она вернулась к преподаванию в Стэнфорде — написала Бушу памятную записку, в которой утверждала, что в настоящий момент Горбачев, вероятно, является самой что ни на есть непопулярной фигурой в Советском Союзе. Но он по-прежнему остается «несущим колесом» в политической системе, грозившей вот-вот развалиться.

Только Горбачев может служить «коммуникационным центром между крайними», считала она. Может быть, санкционированное сверху насилие в Вильнюсе и Риге заставит реформаторов очнуться от сна и откроет Горбачеву глаза на всю неразумность его союза со сторонниками жесткой линии. Райс делала вывод, что Соединенным Штатам следует и далее его поддерживать.

Прочитав памятную записку, Буш сказал нескольким своим помощникам:

— Думаю, Конди во многом права. Это не слишком-то здорово ни для него, ни для нас. Но он все, что у нас есть. И кроме того, *он все, что у них есть.*

В Совете национальной безопасности Райс заменил Эд Хьюэтт. В некотором смысле это был неожиданный выбор: в течение десяти лет Хьюэтт был старшим научным сотрудником в Институте Брукингса — мозговом центре, который вследствие своей нарочито либеральной репутации часто

вызывал подозрения консерваторов и подвергался их критике, а однажды — при администрации Никсона — вокруг него было даже возбуждено уголовное дело .

В начале своей президентской деятельности, когда Буш был крайне уязвим для критики со стороны правого крыла республиканцев, он не мог допустить, чтобы в Белом доме работал кто-либо из Института Брукингса. Но в конце 1990 — начале 1991 года, когда наступил закат коммунизма, а успехи президента на внешнеполитическом поприще достигли кульминации, идеологии уже не придавалось былого значения в формировании политики США и подборе кадров на ключевые посты в администрации.

Как эксперт по советской экономике Хьюэтт пользовался авторитетом и уважением. Он хорошо говорил по-русски, часто бывал в СССР и был знаком там со многими поборниками реформы. Он был в числе тех кремленологов, которых Райс пригласила в Кеннебанкпорт через три недели после вступления Буша в должность, с тем чтобы они ввели его в курс дела; а в своем докладе конгрессу в октябре 1989 года Бейкер, оправдывая осторожную позицию администрации, сослался на Хьюэтта, который считал, что Запад обладает весьма скромными возможностями для оказания влияния на советскую реформу.

Хьюэтт предупредил сначала Райс, а затем Скоукрофта, что если его назначение обусловлено лишь его доскональным знанием экономики, то, возможно, это ошибка:

— Вряд ли мы можем и должны добиваться многого в этой области, учитывая неспособность Горбачева придерживаться какого-то одного плана или прислушиваться к какой-то одной группе советников.

Райс ответила, что никогда и не делала ставки на помощь Горбачеву со стороны американцев. Напротив, она предполагала, что советская экономика «полностью развалится» во второй половине 1991 года, и президенту понадобится, чтобы кто-то объяснял ему суть происходящего.

Скоукрофт с этим согласился.

— Не думаю, что 1991 год будет периодом крупных инициатив, — сказал он, — но он будет очень сложным годом, и я хочу, чтобы рядом с президентом находился первоклассный советолог, способный растолковать ему, что к чему.

Когда Райс готовилась передать свой портфель Хьюэтту, то рассказала ему о проблемах, которые, как она предвидела, «осложнят вам жизнь». Одной из главных в этом перечне была проблема того, как администрации следует реагировать на национализм и отделение республик. Она очень подробно остановилась на дилемме «взаимоотношений с Ельциным».

Скоукрофт частенько говорил коллегам, что от одного слова *республика* у него мурашки бегут по коже. Но в последние месяцы Белый дом открыл двери гостям из республик и представителям, демократических движений в Советском Союзе.

В январе 1991 году Мэтлок телеграфировал Бейкеру, что к этой череде посетителей хотел бы присоединиться Борис Ельцин. Но на сей раз Ельцин требовал предварительных гарантий того, что президент Буш «примет его должным образом». Мэтлок одобрял эту идею, однако советовал Бушу не приглашать Ельцина лично — дабы не вызвать недовольства Горбачева, — а направить ему приглашение от имени конгресса или Национальной конференции губернаторов.

Мэтлок уделял много времени и внимания налаживанию отношений с президентом России. Он не раз ужинал с Ельциным и его женой в Спасо-хаус. В свою очередь Ельцин часто приглашал Мэтлока на приемы и концерты. По телефону и в телеграммах, направляемых в Вашингтон, посол постоянно подчеркивал, что соотношение сил Горбачев — Ельцин — отнюдь «не игра с нулевым счетом»; администрация может и должна искать дружбы с обоими лидерами.

Что правда, то правда — они не любят друг друга, но в то же время нуждаются друг в друге. По мнению Мэтлока, можно было не сомневаться, что Ельцин снискал народную поддержку для проведения политической и экономической реформ, в то время как Горбачев защищал перестройку

от ударов и нападков консерваторов. В Вашингтоне не должны думать, что приглашение Ельцина посетить Белый дом — «предательство» по отношению к Горбачеву.

Однако Мэтлока проинформировали телеграммой, что администрация «не уверена в правильности выбранного момента» для визита Ельцина. Советский отдел Госдепартамента хотел добавить, что если Ельцин прибудет в Вашингтон один, то он может рассчитывать на прием «на высшем уровне» — то есть у Буша, однако в Белом доме сняли эту фразу, заменив ее обещанием, что Ельцин может «надеяться» лишь на ряд встреч с «высшими должностными лицами».

Мэтлок жаловался своим помощникам:

— Ведь принимать национальных лидеров оппозиции — абсолютно стандартная президентская практика. Почему же надо иначе относиться к Ельцину?

В то время как Ельцин вновь затаил обиду на администрацию Буша, его министр иностранных дел Андрей Козырев в начале февраля прибыл в Вашингтон. Светский, мягкий, бегло говоривший по-английски, Козырев был опытным дипломатом и протезе Шеварднадзе, когда в 1990 году совершал исход из центрального советского правительства в правительство Российской Федерации.

Во время встречи с Бейкером Козырев предупредил, что в случае «эффективности репрессий и успеха консервативных элементов» в советской внутренней политике произойдет «возврат к агрессивному курсу на международной арене». Он сказал Бейкеру, что поддержка Ельцина и Российской Республики — не столько в борьбе лично с Горбачевым (Козырев знал, что для Вашингтона это не аргумент), сколько в борьбе с реакционерами, набиравшими силу в тени Горбачева, — в интересах американцев.

Козырев убеждал администрацию Буша в необходимости способствовать укреплению новой левоцентристской коалиции Горбачева и Ельцина. Для Бейкера эти слова были музыкой. Они с Россом пришли к окончательному выводу, что Гор-

бачев может одержать верх над реакционерами, только объединившись с Ельциным.

Однако две недели спустя Ельцин в своем выступлении по телевидению разнес Горбачева, из чего явствовало, что он не собирается иметь с ним общее дело. Он обвинил Горбачева в том, что тот предал им же начатую реформу и теперь проводит «антинародную политику».

Ельцин требовал, чтобы Горбачев вышел в отставку и передал свои полномочия Совету Федерации — межреспубликанскому органу, в котором Ельцин благодаря своей популярности и огромной территории Российской Республики являлся наиболее влиятельной фигурой. Горбачев нанес ответный удар, обвинив Ельцина в «объявлении войны» руководству Советского Союза.

Во время совещания со своими помощниками в Овальном кабинете Буш заметил:

— Этот парень Ельцин — настоящий дикарь, не так ли?

В ЦРУ Джордж Колт, возглавлявший Бюро анализа событий в СССР, и Фриц Эрмарт, председатель Национального совета по разведке, предложили совершенно иную интерпретацию. Они считали, что Ельцин привержен идее «Союза, создаваемого снизу», — более свободной, демократичной и, в конечном счете, более прочной конфедерации. Горбачев же, напротив, упорно, если не неуклонно, пытался сохранить «Союз, где доминирует центр», чем способствовал нагнетанию напряженности между Москвой и республиками.

С точки зрения Эрмарта, Советский Союз переживал американский 1776 год — революционную борьбу за независимость, которая приведет к новой конституции и новому типу федерации. Скоукрофт предпочитал другую историческую аналогию. Он считал, что Советский Союз можно сравнить с Соединенными Штатами 1861 года, когда они стояли на пороге гражданской войны, призванной решить проблемы самостоятельности и стабильности. Если Эрмарт рассматривал Ельцина как русского Джорджа Вашингтона, Скоукрофт относился к Горбачеву как к советскому Абрахаму Линкольну.

Скоукрофт поддел директора ЦРУ Уильяма Уэбстера:

— Почему бы Джорджу Колту просто-напросто не перейти на работу к Ельцину?

Уэбстер отрицал, будто ЦРУ «проталкивает Ельцина». Управление лишь выполняет свою работу.

— Не плюйте в колодец, — сказал он.

Когда Эрмарту стало известно, что в Белом доме его самого и его коллег прозвали «почитателями Ельцина», он возразил:

— Я наблюдаю за Ельциным. Только и всего. Уж если на то пошло, мы попали в эту передрагу благодаря чрезмерным личным привязанностям. Все наши нынешние разговоры есть не что иное, как борьба взглядов на будущее Советского Союза. И в Ельцине больше толку.

Скоукрофт никак не мог забыть поведение Ельцина во время его появления в Белом доме полтора года назад. В марте 1991 года он предупредил Буша, что как бы ни было обставлено новое приглашение, Ельцин все равно будет хвататься всему миру, что явился в Овальный кабинет в качестве личного гостя Буша.

Согласившись с ним, президент добавил:

— Если сложится впечатление, будто это мы пригласили сюда Ельцина. Горбачев сойдет с ума.

Скоукрофт рассмеялся.

— По крайней мере, это одна из причин, почему Ельцин так этого хочет.

— Зато по той же причине этого *не* хочу я, — ответил Буш.

После этого разговора Скоукрофт сказал своим помощникам:

— Ельцин может к нам приехать, но мы не желаем, чтобы на его визите были видны отпечатки пальцев Белого дома... Мы не собираемся предпринимать ничего такого, что бы могло сойти за наше объединение с Ельциным против Горбачева. Членам клуба болельщиков Ельцина следует это запомнить.

Дальнейшая стратегия Горбачева, направленная на сохранение целостности Советского Союза, зависела от рефе-

рендума, назначенного на 17 марта. Горбачев ждал, что народ одобрит его предложение сохранить Советский Союз «как обновленную федерацию равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности».

Если народ поддержит эту расплывчатую формулировку, Горбачев мог надеяться на преобразование Советского Союза по своему усмотрению и в им самим установленные сроки на основании полномочий, полученных демократическим путем. Многие считали, что его истинная цель заключалась во все не в создании новой федерации, а в укреплении основного принципа старой, где верховная власть над всеми пятнадцатью республиками принадлежала центру.

Эстония, Латвия, Литва, Молдавия, Армения и Грузия объявили о своем намерении бойкотировать референдум, поскольку, для того чтобы идти собственным путем, им не нужно разрешение Москвы. Эти шесть республик составляли лишь десять процентов от общего населения Советского Союза, однако имели могущественную поддержку в лице Ельцина.

Сам российский руководитель воздерживался от публичных высказываний о том, что он будет голосовать против резолюции Горбачева, однако его сторонники в левом лагере громогласно заявляли: «Нет» в бюллетенях отрезвит Кремль».

Когда в середине марта — накануне референдума — Бейкер приехал в Москву на встречу с Горбачевым, он был преисполнен решимости показать, что американо-советское сотрудничество способно поднять акции Горбачева в мире и привлечь крупную внешнюю помощь для экономики его страны. Советский руководитель утверждал, что «неизменно предан делу перестройки».

Бейкер был настроен скептически. Он сослался на новую, контролирующую, роль КГБ в области частного предпринимательства: увольнение советников Горбачева, выступавших за свободный рынок; возросшее влияние советских

военных и заявление нового премьер-министра, сторонника жесткой линии, Валентина Павлова о тайном сговоре иностранных банков саботировать советскую экономику. Все это, сказал он, оказывает «замораживающий эффект» на американо-советские отношения и заставляет задаться вопросом: куда же Горбачев ведет свою страну?

Поначалу Горбачев, казалось, был раздражен и раздосадован тем, что ему перечили. Затем вдруг резко изменил свою манеру поведения. Совершенно успокоившись, он взглянул на Бейкера и улыбнулся. Да, он осознает, что правительство США, вероятно, недоволено тем, какие шаги и с какой скоростью он предпринимает в интересах «сохранения равновесия». Он не пытался прямо ответить на конкретные вопросы Бейкера, однако сказал, что «конечное направление» не подлежит сомнению. Он не допустит «отклонений от генерального курса» советской политики: «возврата назад» не будет.

Бейкер попытался выжать из него что-нибудь насчет движения за отделение республик. Его интересовало, собирается ли Горбачев использовать результаты референдума, назначенного на 17 марта, для «налаживания позитивных связей с республиками» — в первую очередь с теми шестью, что бойкотировали референдум.

— Поможет ли ваша победа на референдуме проведению положительных сдвигов в отношениях с республиками и началу делового сотрудничества с ними на гораздо более свободных условиях? — спросил он.

Горбачев ушел от ответа, начав разглагольствовать о последнем проекте нового Союзного договора. Он надеялся, что договор поддержат многие республики; это будет «началом» решения национальной проблемы, «а также помощью экономике».

Вспомнив о том, что он все-таки бывший министр финансов, Бейкер сказал, что оздоровление экономики зависит от политических отношений между республиками, которые должны быть добровольными и стабильными. Старая систе-

ма была слишком закостенелой, новая ситуация — слишком неопределенной.

Он объяснил, что многие потенциальные западные инвесторы не внедряются на советский рынок из страха перед хаосом и гражданской войной.

— Если вы хотите привлечь инвестиции, хотите, чтобы люди рискнули капиталом, надо, чтобы они знали, где находится центр принятия экономических решений. До тех пор, пока этот вопрос не будет полностью решен, иностранные правительства и бизнесмены будут оставаться в стороне.

Проблема экономической реформы «отягощена психологическим, историческим и идеологическим грузом».

— Она также осложнена сугубо местническими интересами,— перебил его Горбачев, имея в виду советский военно-промышленный комплекс.

Поскольку у него за спиной маячило это чудовище, он или не хотел, или не мог предпринять более радикальные меры по реформе экономической и политической систем...

Действуя в соответствии со своими намерениями — наладить связи с другими лидерами, помимо Горбачева,— Бейкер, будучи в Москве, постарался встретиться с представителями как можно большего числа политических направлений. В Спасо-хаус он устроил ужин в честь мэров Москвы и Ленинграда Попова и Собчака; Станислава Шаталина, автора отвергнутой экономической программы «500 дней»; Звизда Гамсахурдиа, лидера Грузии, исповедовавшего крайне анти-российские взгляды; премьер-министров Киргизии и Армении; президента Казахстана Нурсултана Назарбаева.

Здесь также присутствовали два русских интеллектуала, представлявших левое крыло фракции Горбачева, — Александр Яковлев, когда-то ближайший соратник Горбачева, ныне отошедший в сторону, и Федор Бурлацкий, прогорбачевский редактор «Литературной газеты». Их присутствие должно было олицетворять собой питаемую американцами надежду на то, что между российским демократическим движением, республиками и центром по-прежнему существуют

точки соприкосновения. За кофе Шаталин выразил глубокий пессимизм в отношении будущего, а также свое презрение к Горбачеву. Попов высказался более умеренно:

— С Горбачевым все же можно иметь дело.

Тот факт, что эта компетентная оценка, данная советскому руководителю, — отдаленное эхо того, что говорила о нем в 1984 году Маргарет Тэтчер, — исходила от одного из сограждан Горбачева, свидетельствовал о том, как далеко вперед продвинулись Советы в своем политическом развитии.

Единственным пылким защитником Горбачева в тот вечер был Назарбаев, который утверждал, что «в душе» советский президент остается реформатором: просто, будучи маховым колесом между правыми и левыми, центробежными и центростремительными силами, он должен как-то выживать.

Бейкер с ним согласился. В конце вечера он сказал своим помощникам, что, с его точки зрения, из всех гостей Назарбаев самая разумная и яркая личность.

Ельцин заранее предупредил Бейкера, что хотел бы отдельно встретиться с ним в Москве. Ему надо было заставить администрацию Буша признать свой статус — наиболее значительного республиканского лидера и главного поборника советской демократии — теперь, когда Горбачев переметнулся к правым. Он пригласил Бейкера в штаб-квартиру Российской республики — белый мраморный небоскреб на берегу Москвы-реки, который москвичи называют Белым домом.

Не желая обидеть Горбачева, Бейкер известил Ельцина, что предпочитает встретиться с ним за ужином в Спасо-хаус, полагая, что, возможно, тот приедет раньше или задержится после ужина для частной беседы. Как сказал Росс:

— Он может явиться на коктейль или кофе при условии, что отсидит весь ужин.

Ельцин отказался. Он бойкотировал ужин, послав вместо себя Владимира Лукина, своего близкого соратника и председателя комитета Верховного Совета по международным делам. Лукин отвел Росса в сторонку и сказал, что нежелание Бейкера нанести визит российскому президенту усилит и без

того явственное впечатление, что администрация Буша отдаст предпочтение Горбачеву.

— Мы бы не хотели во все это вступать, — ответил Росс Лукину. — Надежда на демократическую реформу — в коалиции реформаторов с центром.

— Для того чтобы мы могли сформировать подобную коалицию, — ответил Лукин, — мы должны видеть больше признаков вашей поддержки. Мы не можем взяться за это, находясь в положении слабых.

В субботу, 16 марта, Бейкер обедал со своим старым другом Шеварднадзе в той же квартире, где они впервые — в мае 1989 года — ужинали вместе. Когда приехали Бейкер, Росс, Татуайлер и другие американцы, Шеварднадзе с ностальгией воскликнул:

— О, старая команда!

Шеварднадзе был настроен пессимистически в отношении ближайшего будущего; он отметил, что все опасения, приведшие к его отставке, подтверждаются.

— По-прежнему существует угроза хаоса и диктатуры, — утверждал он.

Как и Назарбаев, он считал, что Горбачев не изменил своей сути, хотя бы в силу отсутствия альтернативы.

— И все-таки, — сказал он, — нам нужно новое поколение руководителей.

Теперь он рассматривал Горбачева как переходную фигуру и сказал Бейкеру, что, по его мнению, «очень возможен» государственный переворот, который свергнет советского президента.

На следующий день Горбачев с трудом набрал большинство голосов «за» на своем референдуме. Учитывая расплывчатость формулировок и усилия центрального правительства, направленные на то, чтобы обеспечить победу, ему не так-то легко было претендовать на всеобщее одобрение своей политики...

Той весной Советы, наверное, подумывали, не установить ли им вращающиеся входные двери в зале для высокопостав-

ленных лиц в аэропорту Шереметьево. Приезжало и уезжало столько почетных гостей, что странно еще, как Горбачев и другие официальные лица вообще находили время на собственные проблемы.

Не успел улететь Бейкер, как прилетел Ричард Никсон. Его помнили в Москве не столько как американского президента, с позором ушедшего в отставку, сколько как автора разрядки и мастера силовой политики. Он всегда мог рассчитывать на прием на высшем уровне.

Его первая важная встреча в Москве состоялась 21 марта — с Евгением Примаковым, который был известен на Западе прежде всего как посланник Горбачева к Саддаму Хусейну во время войны в Персидском заливе. Примаков был членом недавно созданного в Кремле Совета безопасности, призванного консультировать Горбачева по всем вопросам, начиная с оборонных и кончая вопросами экономической реформы.

Кое-кто надеялся, что Горбачев приблизит этот новый орган к реформистской линии, тем самым уравновесив превосходство сторонников жесткой линии в системе советской иерархии, но в конечном счете состав совета стал отражением растущего влияния консерваторов. Помимо Примакова и Бесмертных сюда входили: министр обороны Язов, председатель КГБ Крючков, министр внутренних дел Пуго, премьер-министр Павлов и вице-президент Янаев. Один из немногих членов Совета, кого можно было со всей очевидностью причислить к либералам, был предшественник Пуго Вадим Бакатин.

Примаков пытался уверить Никсона, что они с Горбачевым твердые реформаторы.

— Если бы я думал, что Горбачев отказывается от реформ, я бы не задержался здесь ни на один день, — заявил он.

Затем он высказал свое недовольство по поводу новой политики администрации Буша — налаживания связей с республиками и демократами, — которая вызывает страхи, подозрения и обиду в «некоторых московских кругах». По-видимому, в Вашингтоне появился «соблазн» «воспользовать-

ся нашими трудностями» и «вести игру с республиками». Этот новый элемент политики США «нас настораживает», заявил Примаков, поскольку граничит с «вмешательством в наши внутренние дела». Он предупредил, что «дестабилизация Советского Союза не в интересах США».

Когда Никсон спросил, что конкретно он имеет в виду, Примаков сослался на почести, оказываемые в Вашингтоне лидерам движения за отделение республик, а также лидерам оппозиции. Кроме того, он осудил Бейкера за то, что тот «решил превратить свой визит сюда в семинар для самых разномастных критиков центрального правительства».

Никсон встретился также с председателем КГБ Владимиром Крючковым. В отличие от Примакова Крючков не притворялся реформатором.

— Я по горло сыт демократизацией, — сказал он и добавил, что основные интересы Соединенных Штатов и Советского Союза все еще находятся в «глубоком конфликте».

Говоря о согласии Советов на объединение Германии, Крючков сокрушался по поводу «нашего пристрастия к кратчайшим историческим путям» и предостерегал, что «демократия не заменяет закон и порядок». Он признался, что у них с Горбачевым появилась привычка «слишком часто спорить», и подозревал, что в один прекрасный день советский президент уволит его, чем раз и навсегда положит конец их спорам.

Никсон также встретился с Борисом Ельциным и был немало удивлен, узнав, что российский президент выступает за ряд быстрых, радикальных и всесторонних мер по внедрению экономики свободного рынка. Ельцин сознавал, что прекращение субсидий и высвобождение цен вызовет инфляцию, а закрытие убыточных предприятий приведет к массовой безработице. Однако он не сомневался, что граждане готовы мириться с этими трудностями.

По его мнению, «ключом» к подобным реформам могли стать демократические выборы президента России, которые он намеревался провести и выиграть в июне.

— Люди должны понимать, что, выбирая своих лидеров, сами участвуют в процессе, ведущем к трудным, но необходимым мерам, — сказал он.

Вице-президент Геннадий Янаев сообщил Никсону — правда, без особого энтузиазма, — что следующим этапом в советской политической драме будет союз Горбачева с Ельциным.

— Горбачев может сделать шаг навстречу Ельцину. Фактически у него нет другого выбора.

Он добавил, что лично беседовал с ельцинскими депутатами «о том, как оба наших лидера могли бы объединиться».

В Кремле, в той же комнате, где когда-то он вел переговоры с Леонидом Брежневым, Никсон встретился с Горбачевым. Он был потрясен переменой, происшедшей с советским руководителем за минувшие пять лет со дня их первой встречи. Тогда Горбачев излучал уверенность, сейчас выглядел подавленным, затравленным, изможденным.

Горбачев пустился в длинный монолог о том, что слишком быстрый процесс реформ в Восточной Европе лишил людей социальной защищенности, не дав взамен преимуществ рыночной экономики. Никсон сменил тему, спросив, постоянной ли будет новая линия Горбачева, направленная на примирение с консерваторами?

— Нет, — ответил Горбачев, — мы свернули на окольную дорогу... но она обязательно выведет нас на главный путь.

Проводя очевидную аналогию с модными когда-то в Соединенных Штатах рассуждениями о старом и новом Никсоне, советский руководитель заявил, что он остался «старым Горбачевым». Он признался в своей готовности сотрудничать с Ельциным, но оговорился, что с российским президентом «трудно иметь дело».

Накануне отъезда Никсона из Москвы члену его делегации Дмитрию Симесу позвонил Юрий Зимин — высшее должностное лицо КГБ, — отвечавший за связь с группой Никсона. Симес — гражданин США, родившийся в Советском Союзе, — был кремленологом в Фонде Карнеги за мир между

народами. Они договорились встретиться в гостиничном номере Симеса.

Войдя в номер, Зимин сказал, что у него есть сообщение для Ричарда Никсона от Крючкова. Сообщение состояло в том, что Горбачев, возможно, скоро будет свергнут парламентом Верховного Совета — под председательством старого друга Горбачева Анатолия Лукьянова, — которому надоели бесконечные пререкания между Горбачевым и Ельциным, и он решил взять власть в свои руки. Никсону следует знать, что в этой борьбе за власть Лукьянова поддержат военные и КГБ.

Если это сообщение и в самом деле было от Крючкова, то шеф КГБ, вероятно, пытался через Никсона предостеречь Буша: свержение Горбачева сторонниками жесткой линии неизбежно, и Соединенным Штатам лучше примириться с этой реальностью. По возвращении Никсон все рассказал Бушу и Бейкеру, но ни президент, ни госсекретарь не придали этому особого значения.

Тем временем в российском парламенте фракция сторонников жесткой линии, встревоженная возросшим влиянием Ельцина, развернула бурную деятельность по обеспечению достаточного числа голосов среди депутатов, с тем чтобы на сессии, назначенной на четверг, 29 марта, сместить Ельцина с поста лидера парламента. В ответ на это сторонники Ельцина объявили о проведении в тот же день митинга в центре Москвы.

Борис Пуго предупреждал Горбачева, что, если не предпринять суровые меры, «толпа совершит насильственный государственный переворот». Ведь митинг — это прямой вызов личному авторитету Горбачева, и на этот вызов надлежит ответить так, чтобы все воочию убедились — власть советского президента по-прежнему велика.

С согласия Горбачева премьер-министр Валентин Павлов издал указ, запрещающий любые массовые демонстрации в столице в течение следующих трех недель. Горбачев подкрепил этот запрет вводом войск и танков в столицу.

Яковлев пытался убедить его отказаться от этого курса на конфронтацию, говоря, что демонстрацией силы не удастся запугать демократическую оппозицию, что такие действия лишь подтвердят широко распространенное мнение, будто Горбачев от отчаяния окончательно и бесповоротно переметнулся к консерваторам. Яковлев напомнил, что в течение вот уже нескольких месяцев Горбачев предупреждал об опасности конфронтации и взрыва насилия; если сейчас он применит военную силу для подавления демонстрации, то исполнит собственное апокалиптическое пророчество.

Даже если удастся избежать несчастья, говорил Яковлев, открытое противостояние между войсками и мирными демонстрантами пагубно отразится на имидже Горбачева — популярность Ельцина возрастет, а всякая надежда на сотрудничество между центром и оппозицией будет разрушена.

В Вашингтоне, когда Маргарет Татуайлер проводила очередную встречу с прессой в Госдепартаменте, журналисты забросали ее вопросами о том, какие шаги предпринимает администрация, чтобы разрядить обстановку в Москве. Она отправилась к Бейкеру и убедила его высказать протест Бессмертных: «Тогда, если случится худшее, мы, по крайней мере, сможем сказать, что пытались это предотвратить».

Однако когда Бейкер позвонил Бессмертных, то оказалось, что того не будет до конца дня, поэтому сообщение госсекретаря было передано министру иностранных дел на следующий день Мэтлоком. Он сказал Бессмертных, что поскольку предыдущие демонстрации в Москве имели мирный характер, то «трудно понять», почему центральные власти решили запретить эту демонстрацию. А если прольется кровь, добавил он, понять это будет еще труднее.

28 марта, когда 100 тысяч сторонников Ельцина собрались у стен Кремля на митинг протеста против запрета Павлова, 50 тысяч милиционеров и войск МВД ждали на близлежащих улицах, готовые вмешаться. К счастью, митинг завершился мирно. Тем не менее, Яковлев, Шеварднадзе и мэры Ленинграда Собчак сказали сенатору США от штата Оклахо-

ма Дэвиду Борену, находившемуся с визитом в СССР, что мобилизация вооруженных сил против демонстрантов была самой большой ошибкой, какую когда-либо совершил Горбачев. По мнению Яковлева, советский руководитель поставил под угрозу не только свои взаимоотношения с Ельциным, но и «свое место в истории».

Как и во время январского кризиса в Прибалтике, Горбачев вновь внял советам Павлова, Пуго, Крючкова и других сторонников жесткой линии. Вскоре помощники Горбачева начали потихоньку внушать журналистам и дипломатам, находившимся в Москве, что якобы их шеф не имеет к этому скандалу никакого отношения; во всем виноваты Павлов и Пуго.

Горбачев сделал выбор в пользу союза с Ельциным и демократами. Во вторник, 23 апреля, он встретился у себя на даче в Ново-Огарево с президентами девяти республик: России, Украины, Белоруссии, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Казахстана, Узбекистана и Азербайджана.

Формально это была очередная встреча Совета Федерации — консультативного органа, созданного Горбачевым для сохранения единства Советского Союза. На самом же деле заседание напоминало скорее церемонию капитуляции.

Горбачев пошел на соглашение, получившее название «ново-огаревс-кого», которое увеличивало автономию девяти республик, по-прежнему желавших остаться в составе Союза, и расширяло их полномочия в принятии решений общегосударственного характера. Это соглашение также открывало путь для пересмотра нового Союзного договора, который облегчил бы шести другим республикам — трем Прибалтийским, Армении, Молдавии и Грузии — выход из Советского Союза.

Результатом ново-огаревской встречи стала новая политическая инициатива — «девять плюс один». Из нее явствовало, что Горбачев, представлявший центральное правительство, был здесь в меньшинстве и в еще большей изоляции,

чем когда-либо. Безусловным лидером «девяти» являлся Борис Ельцин.

В Белом доме Бушу советовали сблизиться с Ельциным. Эд Хьюэтт полагал, что Соединенные Штаты вели вебя слишком «реактивно» по отношению к изменчивой ситуации в Советском Союзе; настало время, говорил он, для политики большего «угла наклона» в сторону республик, включая Россию.

В апреле, прибыв в Овальный кабинет, Мэтлок развернул кампанию по выбиванию приглашения для Ельцина в Вашингтон. Он сказал Бушу, что если Кремль твердо привержен внешнеполитическому курсу, отвечающему интересам США, то республики — не все, но некоторые, в частности Россия, — проводят такую внутреннюю политику, которую Соединенным Штатам также следовало бы поощрять.

Мэтлок отметил, что процесс демократизации в республиках идет интенсивнее, чем в Советском Союзе в целом. Выражая волю народов, республиканские правительства «оказывают давление на военно-промышленный комплекс». Если Соединенные Штаты будут и впредь носиться с центральным правительством, игнорируя республики, это в конечном счете будет играть на руку реакционным силам. Сейчас более чем когда-либо, продолжал Мэтлок, Горбачев и Ельцин нуждаются друг в друге. Несмотря на всю вражду между ними, они союзники поневоле.

— Ни один не может выжить без другого. Их судьбы сплетены. Он вновь попросил разрешения передать Ельцину, что Буш его примет. Президент не возражал, но от каких-либо обещаний воздержался.

В понедельник, 22 апреля, Ричард Никсон обедал с Бушем в Белом доме. Бывший президент знал, что его последователь не хочет расставаться с Горбачевым. В кулуарах Никсон говорил:

— Как истинный джентльмен Джордж Буш не бросает старых друзей.

А потому он постарался облечь свою мысль в слова, которые бы не оттолкнули от него Буша. Как и Мэтлок, Никсон

утверждал, что Ельцина следует рассматривать не как альтернативу советскому руководителю, а как его важного союзника: в руках Горбачева по-прежнему находятся рычаги традиционной власти, зато Ельцин, вне всякого сомнения, пользуется поддержкой народа. И хотя многие американцы считают его своеобразным и даже «неприятным» человеком, он «сумел найти ключ к сердцам русских». В конце концов, пошутил Никсон, выпивка и женщины никогда не являлись помехой для русских политиков.

Он добавил, что, каковы бы ни были мотивы для сдержанного отношения Буша к характеру и программе Ельцина, «народ принимает этого человека всерьез. И готов следовать за ним. Чем серьезнее отнесемся к Ельцину мы, тем серьезнее придется отнестись к нему Горбачеву».

Расставшись с Никсоном, Буш сказал:

— Думаю, в том, что касается Ельцина, он прав.

Три дня спустя Бюро анализа событий в СССР представило президенту обзор последних событий в Советском Союзе под заголовком «Советский котел». Это подробнейшее исследование было выполнено по просьбе Скоукрофта, Гейтса и Хьюэтта и, как оказалось, явилось предельно точным и детализированным сценарием возможного государственного переворота и свержения Горбачева сторонниками жесткой линии.

В данном документе отмечалось, что «коллеги» Горбачева «среди традиционалистов» — Язов, Пуго, Крючков и другие — похоже, «намеренно от него отдаляются». Можно легко вообразить, как они в своей «продуманной, организованной попытке реставрировать диктатуру по всем правилам» арестовывают, а возможно, и убивают самых видных демократов, таких, как Ельцин и Попов.

Однако же, говорилось в заключительной части исследования, «подобный замысел лишен долгосрочных перспектив», «да и кратковременный успех вряд ли возможен». Ключевыми факторами станут: степень поддержки путча рядовым армейским составом, а также степень сопротивления, оказанного демократическими силами.

Хотя политические рекомендации не входили в компетенцию ЦРУ, в документе четко прослеживалась мысль, что Буш должен сделать все возможное, чтобы поддержать Ельцина и помочь ему в сдерживании тех, которые, возможно, уже готовят правый переворот.

Скоукрофта все это не убедило. Он по-прежнему считал, что ЦРУ является гнездом приверженцев Ельцина, точка зрения которых на советскую проблему — «традиционалисты против демократов» — «весьма упрощена»...

В пятницу, 26 апреля, Роберт Доул и Джордж Митчелл, лидеры республиканцев и демократов в сенате, послали Ельцину приглашение посетить Вашингтон в конце июня.

Советский отдел Государственного департамента составил новую телеграмму Мэтлоку с указанием передать Ельцину, что Буш «с нетерпением ждет» встречи с ним в Овальном кабинете. И вновь Скоукрофт забраковал текст телеграммы — мол, она производит впечатление, словно приглашение исходит непосредственно от Белого дома.

Хьюэтт вступил с ним в спор. Когда Скоукрофт в очередной раз сослался на поведение Ельцина во время его посещения Белого дома в 1989 году, Хьюэтт ответил:

— На парня, о котором вы говорите, теперь возлагается внушительная часть надежд русского народа. Нам необходимо изменить отношение к изменившемуся человеку.

В четверг, 9 мая, во время встречи со Скоукрофтом и Гейтсом, Хьюэтт утверждал, что политика США зиждется на «ложной дихотомии» — между Союзом и республиками. Изменения происходят очень быстро, и Соединенным Штатам не следует слишком отставать. У них есть возможность расширить контакты со всеми лидерами в Советском Союзе, не становясь при этом пешкой в игре между республиками и центром. С откровенной неохотой Скоукрофт согласился «протянуть руку» республикам, но с оговоркой:

— Не вздумайте подрывать центр или ставить под угрозу наши взаимоотношения с Горбачевым. Если вы мне это обещаете, я буду счастлив.

Бейкер и Скоукрофт телеграммой уполномочили Мэтлока сообщить Ельцину, что он желанный гость в Овальном кабинете. Но даже эти указания свидетельствовали о том, с какой опаской Буш продолжал относиться к данной проблеме: до разговора с Ельциным Мэтлок должен был проинформировать горбачевского министра иностранных дел о своих намерениях.

Когда Мэтлок выполнил это поручение, Бессмертных сказал: «Ничего страшного не произойдет, если Буш примет Ельцина. Важно только, чтобы президент Буш воспользовался случаем и подтвердил американскую поддержку центрального правительства, а также попытался убедить Ельцина в необходимости сотрудничества с Горбачевым».

БИЗНЕС ЕСТЬ БИЗНЕС

Весной 1991 года советская экономика переживала самый глубокий за все время кризис. В 1989 году, по оценкам западных экспертов, советский валовой национальный продукт анемично возрастал ежегодно на 1,4 процента; к 1990 году считалось, что он сократился на 2,5 процента. Дальнейшее сокращение до 4,4 процента ожидалось в 1991 году, а на 1992 год предсказывалось сокращение на 14—20 процентов.

Уровень жизни неуклонно падал — в глазах многих пострадавших советских граждан виновата в этом была перестройка. Горбачев и его коллеги предприняли демонтаж старой системы, но не создали — и даже четко не представляли себе — новой.

Советский руководитель именовал такое положение дел «переходным». Но если он многократно клялся децентрализовать контроль над экономикой, то взаимосвязанные министерства старались заблокировать реформы. Официальные разглагольствования насчет приватизации мало что значили при отсутствии законов, определяющих и защищающих частную собственность.

Постоянно занятый тактическим маневрированием между консерваторами и либералами по вопросам будущей политической структуры Союза, Горбачев и в экономике инстинктивно искал гибридную систему. Когда он и его советники произносили новое магическое слово *рынок*, они всегда сопровождали его смягчающим *управляемый* или *регулируемый*, что подразумевало некий компромисс между философиями Карла Маркса и Адама Смита.

С 1987 года у Горбачева один за другим менялись экономические советники, призывавшие его коренным образом

изменить систему; это были: Абель Аганбекян, Леонид Абалкин, Николай Петраков и Станислав Шаталин. Хотя программы у них были разные, все они считали, что правительство должно отпустить цены, чтобы они отражали реальную стоимость продукции и наличие ее на рынке,— иначе, утверждали экономисты, все разговоры о переходе к рыночной экономике являются бессмыслицей и обманом. Кремль не сможет создать свободный рынок, пока он не прекратит субсидирование нерентабельных предприятий и не перестанет печатать в огромных количествах рубли, чтобы заткнуть большой дефицит в бюджете.

В конце 1990 года Горбачев поправел не только в политике, но и в экономике. К тому времени Шаталин и другие сторонники реформ либо отошли на обочину, либо — в некоторых случаях — стали тесно сотрудничать с Борисом Ельциным, планируя пересмотреть законы Российской республики.

К весне Горбачев уже открыто опирался на коммунистов-консерваторов, которые предупреждали, что инфляция, последующая за отпуском цен, и безработица, сопутствующая закрытию нерентабельных предприятий, вызовут социальные беспорядки и политический бунт в Советском Союзе.

Главным среди советчиков такого рода был плотный, стриженный «ежиком» премьер-министр Валентин Павлов, придерживавшийся как раз тех «командно-административных методов», которые Горбачев порицал в своих речах, но на которые часто опирался на практике. Павлов не только противостоял коренным реформам, но считал многих сторонников таких реформ либо сознательными агентами, либо бессознательными участниками заговора, задуманного западными капиталистами.

Это по настоянию Павлова Горбачев подписал в январе 1991 года указ, дававший КГБ право устраивать обыски на предприятиях, подозреваемых в сокрытии товаров, взвинчивании цен, спекуляции валютой и других формах «черного рынка» и «экономического саботажа». «Черным рынком» именовалось то, что на самом деле было свободным рынком,

в котором реформаторы видели спасение страны. Поскольку советские законы крайне туманны и противоречивы в отношении того, что дозволено, а что нет, полицейские меры, установленные Павловым, явились сдерживающим фактором для развития предпринимательства.

Однако силовой удар Павлова вовсе не был непопулярен. Несмотря на все свое разочарование в коммунизме, у многих советских граждан еще четко хранился в сознании образ жирного мерзкого западного банкира, который, вцепившись в мешки с деньгами, пляшет на спинах рабочих.

Маленькие частные предприятия — или «кооперативы» — запрашивали сколько могли за свои товары и услуги. Поскольку цены у них были намного выше, чем в государственных магазинах, на них смотрели как на людей, наживающихся за счет «народа».

В своей кампании за пост президента России даже Ельцину приходилось быть осторожным и публично не слишком поддерживать реформаторов — сторонников свободного рынка. Один из конкурентов Ельцина на пост президента России, бывший премьер-министр, консерватор Николай Рыжков, выбросил лозунг: «Голосуя за Ельцина, вы голосуете за капитализм!» Большинство советских граждан знало, что реформа может принести страдания миллионам людей.

Буш был против идеи предоставления широкой финансовой помощи Советскому Союзу. Он считал, что американская помощь лишь поможет коммунизму отсрочить свое банкротство. Во время визита в Вашингтон в конце мая Андрей Козырев, министр иностранных дел России, согласился с этим. В ходе неофициальной встречи в Госдепартаменте он сказал: «Любые деньги, которые вы дадите центру, будут лишь зряшной тратой, более того — они помогут удержаться на плаву системе, которой надо дать потонуть». Он добавил, что 33 миллиарда долларов, предоставленных с 1989 года Германией в качестве помощи Советскому Союзу, просто купили существующей системе «лишний год жизни».

Даже те американские сенаторы и конгрессмены, которые в принципе готовы были помочь проведению советских реформ, предупреждали гостей из Советского Союза, что они не станут оказывать существенную помощь Кремлю, пока Кремль будет проводить политику, враждебную американским интересам и американским ценностям. При этом чаще всего приводились три примера: репрессии в Прибалтике, выделение значительной части валового национального продукта СССР на военные нужды и 13 миллиардов долларов, которые Кремль ежегодно выделяет левым режимам Афганистана, Анголы и главное — Кубы.

У Скоукрофта была еще одна причина скептически относиться к предоставлению крупномасштабной помощи. Он считал, что Соединенные Штаты и их западные партнеры должны помогать росту новых хрупких демократий в Восточной Европе, и не хотел, чтобы выделенные на это фонды были направлены на куда менее многообещающую перспективу советской реформы или — что еще хуже — на продолжение субсидирования советской командной системы.

Сам Буш разделял эти опасения — его тоже тревожила беспокойная политическая атмосфера в Советском Союзе. Когда вопрос о помощи СССР возник на совещании в Белом доме, он покачал головой и сказал: «Я думаю, лучше подождать, пока ситуация не прояснится».

Однако проблема помощи не отступала на задний план — в значительной степени потому, что советские официальные лица то и дело поднимали об этом вопрос. В конце марта Горбачев написал Бушу, прося предоставить заем на 1,5 миллиарда долларов для закупки американского зерна на международном рынке. Письмо было короткое и составленное в таких туманных выражениях, что чиновники в США сначала решили: Горбачев просит 500 миллионов долларов в дополнение к кредиту в 1 миллиард долларов, который США предоставили в декабре 1990 года. Только запросив советское правительство о разъяснении, они поняли, что Горбачеву нужен *новый* заем в 1,5 миллиарда долларов.

Горбачев полагал, что Соединенные Штаты быстро согласятся на его просьбу. В конце-то концов заем ничего не будет стоить американским налогоплательщикам (разве что Советский Союз окажется неплатежеспособным), зато он выгоден американским фермерам, которые первыми в ряду других продадут свою продукцию Советскому Союзу.

Виктор Комплектов, квалифицированный американист из Министерства иностранных дел, сменивший Бессмертных на посту советского посла в Вашингтоне, сказал американским официальным лицам, что без срочной закупки зерна за границей в Советском Союзе уже летом 1991 года начнется голод. Обращения Горбачева к Бушу становились все более резкими — он чуть ли не обвинял президента в том, что тот отказывается от обещанной поддержки перестройке.

На совещании в Белом доме в конце апреля 1991 года, на котором присутствовали Бейкер, Скоукрофт и министр финансов Николас Брей-ди, Буш пожаловался на напористость Горбачева: «Похоже, этот малый ничего не понимает. Он, видимо, думает, что мы *обязаны* оказывать ему экономическую помощь, так как поддерживаем его политически. Надо дать ему урок по основам экономики. Бизнес есть бизнес. И займы денег дают на разумной финансовой и коммерческой основе».

В понедельник, 29 апреля, Буш, выступая перед журналистами радиостанций, вещающих на фермерские штаты, заметил, что законы, регламентирующие предоставление в долг народных денег иностранным правительствам, требуют строго определенного уровня кредитоспособности. А любой человек, видящий, как в Советском Союзе растет дефицит платежного баланса, усомнится в способности страны расплатиться по долгам.

Буш сказал, что, «к сожалению», Советский Союз еще не приступил к рыночным реформам, «к которым, как я думаю, стремится Горбачев» и «к которым, как я знаю... стремится г-н Ельцин».

Советское посольство в Вашингтоне направило в Москву сообщение о высказываниях Буша. Горбачев прочел и вски-

пел. Не будучи сведущ в западной экономике, он принял «кредитоспособность» за синоним «надежности», которой, как понял Горбачев, из слов Буша, Советскому Союзу недостает.

Не понравилось Горбачеву и высказывание Буша о том, что Ельцин больше привержен рыночным реформам, чем он. Горбачев спросил своих советников, не меняет ли Буш своей политики по оказанию Кремлю поддержки, предполагая, что ситуация в Советском Союзе будет ухудшаться. Или президент потерял веру в Горбачева лично?

В начале мая Горбачев напрямую выразил протест Мэтлоку: неужели Буш не понимает, какое воздействие имеют его негативные высказывания в Советском Союзе? Они же способствуют созданию впечатления, что страна разваливается и ею правит некомпетентное руководство; Буш подрывает доверие народа к Горбачеву. Мэтлок послал в Госдепартамент телеграмму, предупреждая, что Горбачев уязвлен высказываниями Буша.

В среду утром, 8 мая, аппарат Совета национальной безопасности направил президенту копию высказываний Горбачева, и тот сказал: «Ого, да у нас тут, кажется, нарастает недопонимание». И Буш решил: надо что-то сказать, чтобы заверить Горбачева, что ни в американской политике, ни в его чувствах к нему не произошло никаких изменений.

В тот день Буш должен был встретиться с тремя прибалтийскими лидерами: президентом Литвы Ландсбергисом, премьер-министром Эстонии Эдгаром Сависааром и премьер-министром Латвии Иварсом Годманисом. На вопрос журналиста о том, что он скажет своим посетителям, Буш ответил, что заверит их в том, «что у нас крепкие и, по-моему, хорошие отношения с президентом Горбачевым... Если посмотреть, чего достиг Михаил Горбачев,— это же огромно.

Да, Советский Союз переживает трудное время в экономике. Но я не собираюсь забывать историю. И то, что сделал Горбачев для Восточной Европы, что он сделал в плане перестройки и гласности заслуживает моего уважения. Словом, мы разбираемся с фактами по мере того, как они к нам посту-

пают. Но я не хочу появления трещины в отношениях, которые были такими крепкими, которые так великолепно служили нам в последнее время».

В комнате для совещаний Буш убеждал лидеров Прибалтики вступить в переговоры с Кремлем, чтобы центральное правительство не наложило на них убийственных экономических санкций. Годманис, выступавший глашатаем группы, уверенно заявил, что Ельцин этого не допустит. «Россия будет нашим защитником», — сказал он. Ельцин и Козырев неофициально обещали не допустить «экономического шантажа в отношении Прибалтийских государств».

Буш на мгновение лишился дара речи. Лидеры откалывающихся республик, казалось, считали, что только Ельцин стоит между ними и мстительным, готовым к репрессиям Горбачевым.

В субботу, 11 мая, Горбачев разговаривал с Бушем по телефону. Два лидера впервые беседовали со времени окончания войны в Заливе. Горбачев подчеркнул, что надеется, Буш одобрит предоставление дополнительных кредитов на закупку зерна. Если Америка по-прежнему будет воздерживаться от ответа, он начнет сомневаться в том, что американское правительство все еще полностью поддерживает его реформы.

Буш заверил, что задержка объясняется «отнюдь не политическими» причинами, — это проблема чисто экономическая. Он сказал, что направит в Москву делегацию во главе с Ричардом Кроудером, первым заместителем министра сельского хозяйства; в нее войдут: Эд Хьюэтт из аппарата Совета национальной безопасности и Юджин Макалистер, помощник госсекретаря по экономике и бизнесу.

Заявленной целью миссии было проанализировать кризисное состояние советского сельского хозяйства и выяснить потребности СССР в его продукции на долгий срок, приезд делегации должен был также показать Горбачеву, что Буш серьезно относится к его просьбе о срочной помощи. В то же время это позволяло администрации оттянуть решение во-

проса о том, как ответить на требования Горбачева о кредитах на закупку зерна.

Делегация сначала направилась на Украину, которая ежегодно производит столько зерна, что вывозит его в другие республики. Киевское правительство, в котором нарастали националистические тенденции, не хотело, чтобы Соединенные Штаты облегчили Кремлю возможность закупать зерно не у них, а у американских фермеров. Кроме того, украинские лидеры знали, что, если центральное правительство займет у США 1,5 миллиарда долларов, выплачивать долг придется всем республикам, включая и Украину.

В Ставрополе, городе на юге России, где Горбачев возглавлял партийную организацию, делегация встретила владельца тридцати шести птицеферм, который сказал им, что самой большой проблемой советского сельского хозяйства является не столько нехватка хлеба для населения, сколько нехватка кормового зерна для животных и птицы.

— Большая проблема в этой стране не голодные люди, — иронически заметил Кроудер своим спутникам, — а голодные коровы и куры.

В субботу, 25 мая, Мэтлок повез делегацию в Кремль для встречи с Горбачевым, которая продолжалась два с половиной часа. Горбачев был все еще зол на задержку с предоставлением кредитов для закупки зерна. Кроудер попросил Горбачева дать указание своему правительству с большей готовностью и точностью предоставить данные, необходимые для определения кредитоспособности Советов. Горбачев отрезал: все очень просто — Советский Союз всегда выплачивал свои долги за покупку сельхозпродукции. Он обратился к Бушу «с личной просьбой» о помощи — зачем же еще нужна какая-то информация?

И он пожаловался, что получает противоречивые сигналы из Вашингтона. Буш и Бейкер, похоже, по-прежнему поддерживают его, а вот «консерваторы» в администрации как будто настроены против него и того, что он пытается сделать. В качестве одного из примеров можно-де привести «хоро-

шо известного антисоветчика» Роберта Гейтса, которого Буш только что назначил директором Центрального разведывательного управления.

Мэтлок не мог не отреагировать на это высказывание. Он сказал: «Мистер Гейтс куда меньший антисоветчик, чем председатель КГБ Крючков — антиамериканист». А Хьюэтт добавил: «Боб Гейтс гораздо лучше, чем вы думаете».

Вернувшись в Вашингтон в конце мая, Кроудер, Хьюэтт и Макалистер порекомендовали Бушу дать кредиты на закупку зерна. Они заявили, что удовлетворены заверениями Советов о том, что зерно, купленное с помощью американского займа, будет поделено справедливо между всеми республиками и Прибалтийскими государствами.

Если не считать срочных вливаний денег, вроде дополнительных кредитов на закупку зерна, Горбачев и его тогдашняя команда экономических советников не имели четкого представления о том, какую форму должна носить программа западной помощи. Администрация Буша, со своей стороны, хотела поощрить проведение реформ, но не знала, как лучше за это взяться.

В этот вакуум была втянута маленькая группа академиков, которые — в большинстве своем имели лишь небольшой опыт весьма пассивного участия в определении политики советского и американского правительств. После месяцев опробывания разных схем и «промывки мозгов» они выработали план, который окрестили «Согласие на шанс».

Согласно этой схеме, Запад обязывался предоставить — в определенные сроки — различного вида экономическую помощь, начав с продуктов питания, медицинской и технической помощи и перейдя со временем к широкомасштабному финансированию перестройки инфраструктуры страны. Стоимость программы в течение 1991 — 1993 годов должна была составить от 15 до 20 миллиардов долларов в год; тяжесть расходов делили между собой Соединенные Штаты, Европа и Япония.

За эту помощь советское правительство обязывалось предпринять конкретные шаги по проведению реформ,

включая приватизацию, постепенную ликвидацию контроля над ценами со стороны правительства, сокращение субсидирования промышленности и рывок к полной конвертируемости рубля.

От Советского Союза главным автором «Согласия на шанс» выступал Григорий Явлинский, бывший заместитель премьер-министра РСФСР и соавтор — вместе с Шаталиным — программы «500 дней». С осени 1990 года Явлинский поддерживал тесный контакт с гарвардским политологом Грэмом Эллисоном. Через Роберта Блэкуилла, ставшего лектором в Гарварде, Эллисон пытался заинтересовать администрацию Буша своими идеями о том, по каким каналам Запад должен направлять помощь Советскому Союзу.

Эллисон и Блэкуилл сосредоточили свои усилия на том, чтобы заинтересовать «Согласием на шанс» бывшего коллегу Блэкуилла — Роберта Зёллика, который в начале 1991 года был назначен заместителем госсекретаря по экономическим вопросам.

У Зёллика возникли серьезные сомнения. Ему трудно было представить, что советское правительство, особенно находящееся в руках такого человека, как Павлов, захочет стремительно принимать требуемые меры по расчистке старого. А кроме того, он считал нереальным, чтобы высокоразвитые промышленные демократии были в состоянии выделять для этих целей до 20 миллиардов долларов в год.

Тем не менее он выслушал сторонников «Согласия на шанс». Эллисон и Блэкуилл представляли ту категорию избирателей — академическую элиту, занимающуюся внешней политикой, — которую Зёллик хотел сохранить на стороне администрации, а кроме того, его интересовал яркий молодой реформатор Явлинский и то, какую роль он может играть в будущем Советского Союза.

Эллисон и Блэкуилл предлагали «большой семерке» пригласить Горбачева в июле в Лондон на свою очередную встречу. Это продемонстрировало бы всему миру, что Запад признает свой вклад в успех перестройки.

Идея посадить Горбачева за стол «большой семерки» не встретила поддержки в Вашингтоне. Зёллик опасался, что присутствие Горбачева отвлечет внимание от других неотложных дел, как например, координация торговли и денежной политики внутри «большой семерки» для преодоления спада в экономике на Западе. А кроме того, это породит нереальные надежды на то, в какой мере внешний мир сможет помочь Советам выйти из экономического кризиса.

В апреле Явлинский получил приглашение на двухдневную конференцию экономистов, которая должна была состояться в Вашингтоне в конце месяца. Прежде чем принять приглашение, он переговорил с Примаковым — среди многочисленных обязанностей последнего была теперь внешняя экономическая политика, за которую он отвечал в новом Совете безопасности Горбачева.

В частных разговорах Явлинский называл Примакова «змеей», но он знал, что это был один из самых доверенных советников Горбачева. Примаков, в свою очередь, считал Явлинского человеком ярким, но зарвавшимся и наивным торговцем панацеями от всех бед. Однако он знал, что к Явлинскому хорошо относятся в кругу Ельцина и многие западные экономисты. И он вычислил, что участие Явлинского в вашингтонской конференции может способствовать последним усилиям Кремля удовлетворить требования о проведении экономических реформ, с которыми выступают как в стране, так и за границей.

В том же месяце Павлов обнародовал так называемый «Антикризисный план» — программу, удовлетворявшую как советских радикалов-реформаторов, так и западные правительства: сбалансированный бюджет, ускоренная приватизация, конвертируемость рубля и создание федеральной банковской системы. Однако в этой программе не было подробных разработок, и она привела лишь к укреплению власти центрального правительства по части запрещения забастовок и «стабилизации» цен с целью избежать гиперинфляции. Лишь позднее — и то постепенно — центральные власти отпустят цены и разрешат широкую приватизацию собственности.

Под влиянием того, что республики начали требовать суверенитета, Павлов внес изменения в план, передав часть функций из Москвы в другие столицы Советского Союза. Но основная концепция оставалась прежней: контроль над экономикой осуществлялся из центра.

Потягивая виски на квартире у Примакова, Явлинский и Примаков сочинили открытое письмо правительствам «большой семерки», в котором излагали просьбу о получении помощи Запада. Письмо призывало советских и западных экспертов «совместными усилиями» составить план «эффективных совместных действий реформаторского руководства СССР и «большой семерки». По мере того как Кремль начнет ускоренно переходить к рыночной экономике, Запад будет «готовить параллельный план действий» по экономической помощи.

Примаков и Явлинский не называли конкретных цифр, но привели пример: крупномасштабную помощь, которую Соединенные Штаты предоставили Японии и Западной Германии сразу после второй мировой войны. Не оставляло сомнений, что они думали о «совместных действиях», которые потребуют десятков миллиардов долларов в год.

Они утверждали, что, если Советскому Союзу придется самому кончать с коммунизмом и строить экономику свободного рынка, «чрезмерная социальная напряженность, которая неизбежно возникнет при трансформации такого масштаба в сверхдержаве, обладающей военной мощью, явится неоправданным риском и для самой страны, и для всего мира».

Это была плохо завуалированная угроза: если Запад откажется помочь, то хаос и нехватка продовольствия в Советском Союзе могут привести к тому, что волна эмиграции хлынет в Западную Европу, а среди республик, часть из которых имеет ядерное оружие, может даже начаться гражданская война.

На протяжении десятилетий Соединенные Штаты и Запад тревожила опасность, какую представляла собой военная мощь Советского Союза. А сейчас сами Советы — во всяком случае, два советника Горбачева — вдруг говорят американ-

цам, что опасность для Запада представляет политическая и экономическая *слабость* СССР.

Во время телефонного разговора с Бушем в середине мая Горбачев предложил направить в Вашингтон делегацию, которая разъяснила бы, что делает правительство, чтобы «ускорить, расширить и углубить» реформу советской экономики. Группу возглавит Примаков; его будут сопровождать Явлинский и заместитель премьер-министра Владимир Щербаков.

После этого звонка Скоукрофт сказал Бушу: «Примаков на многое способен, но это не звезда «нового мышления». Не был таким и Щербаков. Он был не только правой рукой Павлова, но еще и возглавлял министерство экономики и прогнозирования. Это министерство возникло как преемник Госплана, который на протяжении долгого времени осуществлял контроль над всеми аспектами советской экономики.

Скоукрофт, Гейтс, Хьюэтт и Зёллик — все считали, что Примаков и Щербаков везут с собой Явлинского в качестве витрины, чтобы администрация Буша благосклоннее отнеслась к «Антикризисному плану» Павлова. Хьюэтт позвонил Грэму Эллисону в Кембридж и спросил, что он думает по поводу включения его коллеги в официальную делегацию Кремля.

Эллисон позвонил Явлинскому в Москву. Явлинский впервые услышал об этом от него.

В субботу, 18 мая, в Кремле Эллисон и Явлинский представили Черняеву резюме своего «Согласия на шанс». Помощник Горбачева сказал им: «Я не экономист. Но понимаю, когда что-то работает или не работает, а наша система не работает, и всё. То, что вы мне тут рассказываете, дает нам способ порвать с прошлым».

Эллисон взял с собой Явлинского в Вашингтон, где они неофициально встретились во вторник, 21 мая, с Зёлликом и Деннисом Россом. Явлинский объяснил, что, хотя он лично ближе к реформаторам из окружения Ельцина, он по-прежнему верит в Горбачева. «Михаил Сергеевич дал нам свободу,— сказал он.— Некоторые диссиденты вроде Сахарова сами добились свободы, а всех нас остальных спас Горбачев. И я хочу сделать все, что смогу, чтобы помочь ему».

Явлинский добавил, что и Запад должен помочь Горбачеву. Он отметил, что хотя такие концепции, как «новое мышление» и «взаимная безопасность» введены в обращение советским лидером, именно Соединенные Штаты наполнили эти лозунги содержанием и дали им направление своими конкретными предложениями о договорах по контролю над вооружениями и урегулированию региональных конфликтов. Теперь Запад должен так же поступить в отношении экономики. Он должен помочь Горбачеву «заполнить пробелы» в его программе.

Зёллик сказал в ответ, что трансформация экономики Советского Союза — дело куда более тяжелое, чем изменение его внешней политики. Он заметил, что Джеффри Сакс, экономист из Гарварда, которого Эллисон подключил к работе над «Согласием на шанс», публично назвал цифру в 300 миллиардов долларов. Такая астрономическая цифра способна дискредитировать не только план Эллисона и Явлинского, но и перспективу какой-либо помощи Запада вообще. «Вы не должны выглядеть как нищий, протягивающий жестяную кружку», — сказал Зёллик своему посетителю. Явлинский должен выступать в роли «патриота, старающегося спасти свою страну».

Явлинский ответил, что он вовсе не жаждет видеть, как Запад выписывает Советскому Союзу чеки на большие суммы — во всяком случае сразу: «Не давайте нам деньги с ходу. Вы только сделаете должниками наших детей. Вы должны *обещать* деньги в будущем, чтобы мы стали делать то, что должны делать *сейчас*».

Зёллик, Росс и Хьюэтт договорились о стратегии поведения с делегацией из Кремля. Примаков может быть ее главой, Щербаков может представлять правительство Павлова, но американцы дадут ясно понять, что Явлинский — единственный из этой троицы, чьи идеи администрация считает перспективными.

В понедельник, 27 мая, Буш позвонил Горбачеву и сказал, что он с нетерпением ожидает «интересной недели разгово-

ров» с группой Примакова. По настоянию Хьюэтта Буш специально упомянул, что особенно хочет встретиться с Явлинским и послушать его.

Желая подчеркнуть это обстоятельство, Зёллик направил Мэтлоку в Москву телеграмму с поручением вполне определенно сказать Примакову, что «активное участие» Явлинского будет иметь решающее значение в успехе миссии.

А Примаков уже делал несколько попыток заранее исключить Явлинского из наиболее важных встреч в Вашингтоне. Когда Явлинский пригрозил пожаловаться непосредственно Горбачеву, Примаков отступил, хотя и он и Щербаков продолжали настаивать: раз они представляют советское правительство, они и должны вести все — или почти все — переговоры.

Вскоре по прибытии в Вашингтон Примаков отвел Хьюэтта в сторону и доверительным тоном сказал: «Знаете, Эд, Явлинский ведь работает на меня», то есть Хьюэтта не должно удивлять, что молодого человека будут держать в тени.

Предвидя такой ход, Хьюэтт сказал, что присутствовал при разговоре Буша с Горбачевым по телефону и слышал, как Горбачев подчеркнул, что Примаков и Явлинский приезжают в Вашингтон *вместе*, на равных правах. Примаков возразил, что и он, со своей стороны, слушал этот разговор в Кремле, и Горбачев ничего подобного не говорил.

Американцы ожидали, что Примаков официально попросит Запад о помощи, возможно, привязав это к сообщению о реформах, которые будут проводиться согласно плану, намеченному в «Согласии на шанс». Если бы Советы выдвинули такое предложение, администрация ответила бы всего лишь обещанием тщательно изучить план реформ.

Но Примаков с подобной просьбой не обратился — собственно он, казалось, был больше занят тем, чтобы уничтожить впечатление, что Советский Союз стоит с протянутой рукой. Он встал в позу посланца сверхдержавы, который хочет обсудить с официальными лицами другой сверхдержавы проблему, равно важную для обеих сторон.

На неофициальной встрече с межведомственной группой экономических экспертов администрации, возглавляемой Майклом Боскиным, председателем Совета экономических экспертов Буша, Примаков сказал: «Мы не нищие. Мы не стоим на коленях... Мы здесь, чтобы обменяться мнениями... Все мы тут повязаны... Вы вечно говорите о взаимозависимости. Ну так теперь у вас есть шанс доказать, что она существует».

Тактика Примакова состояла в том, чтобы убедить администрацию Буша в серьезности намерений Горбачева проводить экономическую реформу и постараться увеличить шансы на получение благоприятного отклика со стороны Запада на конкретные просьбы, которые могут поступить позднее от Советов. Первая из этих просьб будет, по всей вероятности, высказана, когда Горбачев выступит перед «большой семеркой» в Лондоне.

Получилось так, что миссия Примакова привела к обратным результатам. Она выявила, сколь противоречив и неадекватен подход центрального правительства к проблемам экономики и насколько не согласовано сотрудничество официальных лиц вроде Примакова и Щербакова с более нетерпеливыми реформаторами вроде Явлинского.

Американцы напрямик заявили Примакову, что они невысокого мнения об «Антикризисном плане» Павлова. Он страдал тем же коренным недостатком, которым всегда была поражена советская экономика: централизованное планирование и контроль при наличии рыночных механизмов, создаваемых правительственными указами. Зёллик резюмировал: «Нельзя командно-административными методами устанавливать рыночную систему. Она просто не будет работать». Затем он зашел к Явлинскому и поделился с ним своими взглядами.

Явлинский не делал тайны из своего неприятия плана: «Наша цель — не поддержать или видоизменить провалившуюся систему. Наша цель — создать новую». Он призывал к «скорому и решительному отказу от регулирования цен» и к «агрессивной приватизации» государственной собственно-

сти. Щербаков возразил, заметив: «Продвижение сверхрадикальным путем — нереалистично».

А Примаков прокомментировал американцам: «Высказывания двух моих коллег различны только в вопросах тактики, а концепция у них одна». Однако дальнейшие высказывания Явлинского побудили Примакова гневно посмотреть на него и напомнить, что «господин Явлинский должен следовать инструкциям, полученным от нашего президента».

Под конец Примаков отвел Зёллика в сторону и сказал, что взгляды Явлинского «не отражают мнения нашего правительства». Он добавил, что план Павлова «не настолько плох, как вы думаете».

Бейкер, принимая в среду, 29 мая, советскую делегацию, изложил несколько скромных предварительных мер, которые администрация готова была принять для демонстрации своего искреннего желания поощрить реформу. «Мы располагаем потенциалом сделать больше, когда удостоверимся, что вы всерьез решили двигаться к рыночной экономике», — заявил он.

Подобно «корзине инициатив», которую Буш — с большой помпой — преподнес Горбачеву на Мальте, новый американский пакет в основном состоял из старых идей. Буш еще год назад, во время встречи в верхах в Вашингтоне, обещал устранить поправку Джексона — Вэника и направить новое торговое соглашение в конгресс — теперь это предложение снова присутствовало, являя собой классический пример того, как одну лошадь можно продавать дважды. Соединенные Штаты уже заявляли, что поддержат предоставление Советам особого ассоциативного статуса в Международном валютном фонде, — теперь Бейкер снова выступил с таким предложением.

Бейкер сказал, что с вложением частного американского капитала в советскую энергетику придется подождать до выяснения взаимоотношений между центром и республиками. А конгресс по-прежнему не желает ратифицировать новое торговое соглашение, пока советский парламент не вне-

сет ясности по тем пунктам закона об эмиграции, которые можно толковать двояко.

Используя старый рефрен, Бейкер напомнил Примакову, что он ведь был министром финансов и его «по-настоящему беспокоит» план Павлова, потому что этот план «не будет работать, и вы не добьетесь хороших результатов». Вторя тому, что сказал Шеварднадзе за несколько дней до того насчет Союзного договора, Бейкер утверждал, что будь нечто вроде павловского плана принято два года тому назад, «за одним столом с вами сегодня сидело бы больше девяти республик». А теперь ход событий опередил подобные полумеры.

Примаков ответил общими словами: соглашение «девять плюс один» между Горбачевым и руководителями республик создало-де «благоприятные условия» для «радикальной реформы». Новый Союзный договор — Примаков предсказывал, что он будет подписан в ближайшие недели, — обеспечит права и в значительной мере суверенитет республик, и «центростремительные силы будут заменены центробежными».

Он считал, что как только республики признают выгоды сохранения «единого экономического пространства», они отойдут от своих первоначальных требований и останутся в советском сообществе, привязанные к Москве здоровым конвертируемым рублем.

Слушая это, американцы настраивались все более скептически. Они-то знали, что Советский Союз отнюдь не является единым экономическим пространством, а по сути дела представляет собой зону экономического бедствия, положение в которой с каждой неделей непрерывно ухудшается. В этом одна из главных причин, объясняющих, почему столь многие граждане Советского Союза предприняли попытки из него вырваться — индивидуально или коллективно, — и целые республики устремились к отделению. Как раз ничего не весящий рубль, равно как и страх перед КГБ, и неприятие господства Кремля побуждали людей отворачиваться от центра.

Хьюэтт увидел в логике Примакова не только изъян, но и ловушку: представление о едином экономическом простран-

стве включало не только девять республик, которые вели переговоры с Горбачевым о новом Союзном договоре, но и те шесть, которые стремились к полному отделению: Прибалтику, Грузию, Армению и Молдавию. И Хьюэтт спросил Примакова, будет ли этим шести «разрешено выйти» из Союза.

Примаков сказал: «Да, но этому должны предшествовать переговоры». И дал ясно понять, что переговоры будут длительные. А кроме того, грозно добавил он, у Кремля будут свои претензии к республикам, которые захотят отделиться.

Как и подозревали Хьюэтт и другие американцы, примаковская концепция единого экономического пространства, видимо, была частью более широкой политической стратегии, направленной на то, чтобы воспрепятствовать развалу Союза.

Бейкер заговорил о «политическом контексте» и «политической атмосфере», в которых администрация Буша станет рассматривать вопрос о помощи. Он имел в виду внутреннюю политику США: если Советский Союз не отпустит вожжи в Прибалтике, не прекратит своей поддержки Кастро и своих огромных расходов на оборону, сказал он, будет «нереалистично» ожидать, что американский народ и его представители в конгрессе проголосуют за какие-либо меры по поддержке советской экономики.

В пятницу, 31 мая, Буш принял в Овальном кабинете Примакова, Щербакова и Явлинского. Как и следовало ожидать, Примаков и Щербаков пытались исключить Явлинского из встречи, но Белый дом настоял на его присутствии.

Президент начал с того, что повторил свое желание видеть Запад «задействованным» в советской экономике и выразил надежду на то, что Соединенные Штаты найдут способ «поддержать подлинные реформы».

Предупрежденный заранее Хьюэттом президент счел необходимым обратиться к Явлинскому и попросил его изложить свои взгляды. Явлинский изложил свою теорию немедленной радикальной реформы цен и приватизации.

Примаков, насупясь, сказал, что рекомендации Явлинского «чересчур радикальны». Позже он сказал Бушу, что Явлинский — «толковый молодой человек» с «интересными идеями», но «не всегда практичными». Примаков подчеркнул, что только он один говорит за Горбачева.

Около полудня Буш снимался в Розовом саду со студентами Техасского университета, участвовавшими в состязании по плаванию. Репортеры спросили его о советской экономической делегации, и Буш постарался ответить расплывчато и вежливо. «Мне понравилось то, что я услышал», — сказал он. И добавил, что у него создалось впечатление: Советы «предпринимают то, что для них — да и в глазах мира тоже — является радикальными экономическими реформами».

Примаков был в восторге. Невзирая на нюансы, именно такой поддержки от президента он и ждал. Эллисон же и Явлинский были ошеломлены. По их мнению, публичная оценка Буша подорвала те усилия, которые они в течение недели предпринимали за закрытыми дверями, чтобы оттолкнуть Советы от плана Павлова и приблизить к «Согласию на шанс».

На самом-то деле эта неделя просто уменьшила и без того не слишком большой интерес администрации к «Согласию на шанс». Плохо скрытая напряженность в отношениях между Явлинским и другими советскими представителями усилила подозрения Зёллика, Росса, Хьюэтта и Боскина, что Явлинский не занимает сколько-нибудь авторитетного положения в Москве. У «Согласия на шанс» — сколь бы ни были значительны его концептуальные достоинства — не было необходимой политической поддержки на советской стороне, так что этот план не мог представлять интерес и для Вашингтона.

Так или иначе Буш не стремился брать от имени Соединенных Штатов обязательство оказывать широкомасштабную финансовую помощь Советскому Союзу, и миссия Примакова, считал Буш, давала ему новое прекрасное основание этого не делать.

В начале июня, направляясь на самолете № 2 в Будапешт, первый город в поездке по Восточной Европе, Дэн Куэйл дал интервью четверем сопровождавшим его журналистам.

Куэйл объявил «нестартующим» любой план прямой денежной помощи Советскому Союзу. Он сказал, что администрация Буша не станет субсидировать «неэффективную, обанкротившуюся экономическую систему»: «Пока Советский Союз не проведет необходимых систематических реформ, можно вкладывать туда сколько угодно денег — все равно не поможет». Особенно пренебрежительное отношение вызвал у него план Явлинского — Эллисона: «Гарвард насовал туда больше идей, чем существует проблем».

Это интервью Куэйла, опубликованное в «Вашингтон пост», отражало то, о чем говорили высшие должностные лица в частных беседах. Но это подрывало усилия Буша и Бейкера делать на публике вид, что правительство США в общем и целом поддерживает Горбачева, что оно открыто для обсуждения того, как Запад может поощрить проведение реформ, и готово рассмотреть оказание помощи Советскому Союзу — при условии, что американская позиция излагается в будущем времени и в условном наклонении.

В тот же день, когда высказывания Куэйла появились в «Пост», Горбачев в своей речи по поводу получения Нобелевской премии в Осло чуть ли не с отчаянием взывал к Западу о помощи. Считаю, сказал он, что движение, которое уже началось у нас в стране, имеет неплохие шансы и может рассчитывать на широкомасштабную помощь. «Сорвется перестройка — исчезнет и перспектива выхода к мирному периоду в истории, по крайней мере — в обозримом будущем».

А в Белом доме Буш сказал Бейкеру, Скоукрофту, Гейтсу и министру финансов Николасу Брейди, что миссия Примакова подтвердила сложившееся у него впечатление: предоставление широкомасштабной финансовой помощи Советскому Союзу — дело «проигрышное», пока Кремль твердо не обязуется взяться за проведение радикальных реформ.

Однако, сказал он, «я по-прежнему не хочу выглядеть так, будто захопываю дверь перед Горбачевым», так как это лишь придаст смелости советским сторонникам жесткой линии, нанесет ущерб хрупкому согласию между Горбачевым и

Ельциным и побудит европейских лидеров жаловаться на неговорчивость Вашингтона.

Президент сказал, что он легко представляет себе, как Горбачев появится на встрече «большой семерки» летом в Лондоне с «незрелым планом реформ вроде того, который привез сюда Примаков». Будучи убежден, что такое положение дел «только гарантирует отказ», Буш выступил против приглашения Горбачева в Лондон — для его же блага, утверждал он.

Тем временем сам Горбачев агитировал Коля и Миттерана, а они в свою очередь нажали на Буша и нового премьер-министра Великобритании Джона Мейджора, чтобы советского руководителя пригласили в Лондон в знак того, что Запад поддерживает его и его программу. Лидеры «большой семерки» выработали такой протокол встречи, который свел бы к минимуму впечатление, что Горбачев присутствует на встрече только в качестве гостя...

В среду, 12 июня, Борис Ельцин был избран президентом России 57 процентами голосов восьмидесяти миллионов избирателей. Впервые за всю свою историю Россия имела демократически избранного лидера.

Ельцин объявил, что посетит Соединенные Штаты в конце июня. Министерство иностранных дел СССР выступило с заявлением, в котором говорилось, что «нет оснований» толковать поездку Ельцина в США как вызов правительству Горбачева — скорее, она должна укрепить связи между США и СССР...

«МЫ РАССЧИТЫВАЕМ НА ВАС»

В понедельник, 17 июня 1991 года, к Верховному Совету обратился с речью премьер-министр Павлов. Он говорил, что программа «Согласие на шанс» была частью заговора по распродаже родины в интересах иностранных держав: «Я знаю некоторых джентльменов из Гарвардского университета. Они не знают нашего образа жизни. Мы вряд ли можем ожидать от них, что они все нам разъяснят».

Павлов заявил, что по плану Гарвардского университета Советский Союз должен будет стоять в одной очереди вместе с Израилем и Никарагуа. Он объявил: «Кто хочет это делать, пожалуйста, но не я».

В своем собственном обращении к парламенту Владимир Крючков (из КГБ) изобразил «Согласие на шанс» как часть огромного заговора Запада по дестабилизации Советского Союза. «Среди условий», отметил он, «значится и осуществление фундаментальных реформ в стране, но не таких, которые предусматриваются нами, а таких, которые придуманы за океаном».

Павлов указал депутатам на то, что после шести лет усилий Горбачев ослаб здоровьем. Он призвал их передать ему многое из президентских полномочий Горбачева, особенно в экономической сфере: «Рабочий день президента длится 14 часов. Если мы его загрузим всем, он просто не сможет с этим справиться, даже если бы его день длился 48 часов».

Сторонник жесткой линии, полковник Виктор Алкснис согласился с тем, что предложенные Павловым меры необходимы для сохранения нынешнего положения.

Крючков, Пуго и министр обороны Язов — все они обвинили Горбачева в умышленном пренебрежении своим кон-

ституционным долгом: защищать родину от капиталистического Запада. Крючков обвинил западные службы разведки в том, что они в течение многих лет подкупали влиятельных советских либеральных интеллектуалов и политических реформаторов, платя им огромные суммы в твердой валюте за статьи, интервью, книги и лекционные поездки. Особенно это относится к Шеварднадзе и Ельцину, сказал он.

Шеф КГБ далее заявил, что «затаившиеся агенты», внедренные ЦРУ в 70-х годах, теперь занимают важные позиции в Кремле и готовы выполнить планы своих западных хозяев, «направленные на слом советского общества и разрушение социалистической экономики». Западные державы готовятся «демилитаризировать и даже оккупировать» Советский Союз.

Крючков сказал, что он показывал имеющиеся у КГБ свидетельства этого заговора Горбачеву, но советский руководитель отказался их рассмотреть.

Несколько либеральных депутатов назвали то, что произошло за закрытыми дверями сессии, «конституционным путчем». А Джек Мэтлок считал, что «конституционный путч» показал, каким уязвимым в действительности стал Горбачев: единственным политиком, имеющим широкую народную поддержку, является Борис Ельцин. Ельцин был в это время в Вашингтоне. Мэтлок сказал своим помощникам: «выбор времени не может быть случайным. Это напоминает великую традицию «третьего мира»: заговорщики делают свой ход, когда парень номер один находится где-то в поездке».

Мэтлок отправился в Кремль и спросил Андрея Черняева:

— Что вы думаете о направлении развития событий? Кажется, противники реформ проталкивают свое дело весьма энергично? Не готовятся ли они принять неконституционные меры?

Черняев не был обеспокоен возможностью путча. Он отверг как «нелепую» мысль о том, что такой безликий аппаратчик, как Павлов, бросит вызов такому матерому политику, как

Горбачев. Мэтлок продолжал настаивать, заявив, что обеспокоен слухами о том, что Крючков, Язов и их батальоны находятся за спиной этой интриги.

— Не беспокойтесь, — заверил его Черняев, — ситуация находится полностью под контролем.

В четверг утром, 20 июня, мэр Москвы, сторонник реформ Гавриил Попов известил Мэтлока, что должен немедленно увидеться с ним в частном порядке.

Попов, весьма взволнованный, прибыл в Спасо-хаус, показал на потолок и сделал жест рукой, как будто что-то записывает. Это был сигнал, знакомый всем опытным западникам в Москве: мэр хотел сказать что-то важное и был озабочен тем, что их разговор подслушивается КГБ.

Мэтлок вынул из кармана небольшую, скрепленную проволокой спиралью записную книжку. И в то время как они оба вели безобидно звучащий разговор, Попов написал свое сообщение: Мэтлок должен немедленно предупредить Ельцина, что завтра будет предпринята попытка сместить Горбачева и передать правительственные полномочия Павлову.

Это было все, что написал Попов. Он доверил Мэтлоку заполнить пробелы: поскольку Ельцин был руководителем демократических сил, которые, как можно ожидать, выступят против такого путча, было необходимо, чтобы он прервал свой визит в Вашингтон и поторопился в Москву помочь отразить реакционеров. Попов хотел, чтобы Ельцин знал, что предупреждение пришло именно от Попова, иначе он может не принять его всерьез.

Мэтлок нацарапал вопрос: «Кто участники, кроме Павлова?» Попов ответил: «Крючков, Язов и Лукьянов». Мэтлок вовсе не был удивлен двумя первыми именами и только слегка озадачен третьим именем. Лукьянов был старым другом Горбачева, со студенческих лет, хотя уже многие месяцы ходили слухи, что он ведет двойную игру против советского руководителя.

Попов смял листки бумаги и сунул в карман. Встав, он энергично потряс руку Мэтлока и, прежде чем уйти, сказал почти шепотом: «Мы рассчитываем на вас!»

Мэтлок написал отчет о том, что случилось, и вызвал своего заместителя Джеймса Коллинза, который этот клочок бумаги взял с собой в посольство. Используя систему связи под названием STU-3, наиболее безопасную телефонную связь из имевшихся, Коллинз передал предупреждение Попова Лоренсу Иглбергеру, который возглавлял Государственный департамент в то время, когда Бейкер был в Берлине на встрече министров иностранных дел.

Иглбергер попросил Коллинза изложить свой отчет в письменном виде и послать его в Вашингтон по факсу с грифом «не подлежит размножению». Затем он поспешил в Белый дом, чтобы рассказать о новостях Бушу и Скоукрофту.

Тем временем оперативный центр Госдепартамента передал копию телеграммы Коллинза Бейкеру в Берлине. В тот момент Бейкер и Бессмертных заканчивали совместную пресс-конференцию в саду резиденции посла США.

Бессмертных уже собирался уходить; Деннис Росс, прочитав телеграмму, отвел Бейкера в сторону и показал ему. Бейкер и Росс согласились с тем, что предупреждение Попова следует принять всерьез: мэр близок к сторонникам реформ среди военных, членов партии и сотрудников КГБ, и его предупреждение сходится с тем, что произошло в Верховном Совете в начале недели.

Правительство США оказалось в сложном положении: оно обязалось выполнить просьбу Попова. Но не лучше ли будет предупредить Горбачева непосредственно? Иначе Соединенные Штаты окажутся в положении занимающихся за спиной Горбачева обменом посланий между двумя его критиками о деле, имеющем первостепенное значение для Горбачева. И получится, что в момент кризиса Буш сделал ставку на лагерь Ельцина, а затем сидел и бездействовал, когда Горбачева ниспровергали.

В связи с этим возник вопрос: как следует оповестить Горбачева. Звонок Буша по телефону был бы опасен, поскольку КГБ, возможно, прослушивает все переговоры между Кремлем и Белым домом. Бейкер решил послать Горбачеву посла-

ние через Бессмертных. Он действовал исходя из предположения, что министр иностранных дел будет оскорблен самой мыслью о путче правых и осторожно передаст это сообщение советскому президенту.

Бейкер возвратился к себе в гостиницу «Интерконтиненталь», чтобы позвонить Бушу по безопасной телефонной линии связи. Уже оповещенный Иглбергером о планируемом путче, Буш разделял озабоченность Бейкера тем, чтобы Горбачев не был обойден.

После разговора с президентом Бейкер позвонил Бессмертных.

— У меня есть нечто важное,— сказал он.— Я хочу это сообщить лично. Смогли бы вы прийти на несколько минут?

Сперва Бессмертных противился, полагая, что Бейкер хочет всего лишь обсудить какую-то подробность, о которой позабыл сказать во время их предыдущего разговора.

— Джим, у меня через несколько минут будет свидание с министром иностранных дел Кипра. Нельзя ли подождать?

Бейкер настаивал:

— Саша, я действительно думаю, что это необходимо. Это что-то совершенно новое и важное.

— Могу я прислать кого-нибудь к вам?

— Нет, Саша, это должны быть вы. И это следует сделать очень осторожно, чтобы никто не знал о нашей встрече.

Чтобы не привлекать внимания, Бессмертных оставил свою личную охрану и сел в обычную автомашину советского посольства, а не в свой лимузин.

В «Интерконтинентале» для него держали свободным лифт, чтобы быстро поднять его в номер Бейкера, где они встретились один на один. Встреча продолжалась пять минут.

Бейкер сказал Бессмертных, что правительство США «добыло» информацию от источника, который оно считает «надежным», о том, что консерваторы попытаются совершить путч против Горбачева. Все официальные лица США согласились не называть Попова своим источником информации в любых разговорах как с лицами близкими к Горбачеву, так и с самим Горбачевым.

Бейкер продолжал:

— Мы не в состоянии поручиться за эту информацию, но она настолько важна, что мы подумали: вам следует знать ее. Я предоставляю вам решать, что с ней делать.

Мэтлок уже попросил о свидании, чтобы информировать Горбачева в Москве, сообщил Бейкер, «но мы хотим быть уверены в том, что информация поступит по двум каналам».

Бессмертных поблагодарил Бейкера и поспешил уйти, пообещав: «Я немедленно передам это сообщение». Зная, что КГБ может подслушать любой его телефонный разговор с Горбачевым, Бессмертных решил упомянуть о сообщении косвенно. Из советского посольства в Берлине он позвонил Черняеву в Кремль и сказал:

— Мэтлок попросит о встрече с Михаилом Сергеевичем, пожалуйста, пропустите его немедленно.

— Мэтлок только что прибыл, — сказал Черняев. — А в чем, собственно, дело?

— Послушайте, что он говорит. Вы знаете, что я в Берлине и только что беседовал с Бейкером. Это все, что я могу сказать!

Это было в четверг вечером, когда в Москве Черняев ввел Мэтлока в кабинет Горбачева. Советский президент собирался выехать на свою дачу.

Мэтлок сказал Горбачеву, что получил инструкции из Вашингтона передать «сообщение, которое, президент Буш полагает, заслуживает вашего внимания»: «это более чем слух, хотя мы не можем подтвердить его». Мэтлок изложил суть информации, полученной от Попова, не сделал никакой ссылки на Попова как на источник информации и не раскрыл имен четырех человек, которых Попов назвал заговорщиками.

Горбачев поблагодарил Мэтлока за сообщение, но дал ясно понять, что американская озабоченность его политической выживаемостью является излишней. Он признал, что некоторые из его коллег, особенно Павлов, участвовали в «определенных маневрах» в Верховном Совете. Павлов, «будучи хорошим экономистом», был «неопытен» в политике; Горба-

чева позабавила мысль о том, что кто-либо в советском правительстве мог бы свергнуть его. Но он попросил Мэтлока поблагодарить Буша за «дружественный жест» и заверить, что «нет нужды беспокоиться».

Мэтлок послал в Вашингтон телеграмму, в которой отметил, что ничего в голосе Горбачева не выдавало тревоги.

В Вашингтоне в это время перевалило за вторую половину четверга. В три часа дня автомашина Ельцина подкатила к Белому дому. Два года назад Кондолиза Райс встречала Ельцина у бокового входа и провела его через подвал; на этот раз Буш приветствовал российского президента на церемонии в Розовом саду. Несмотря на то, что случилось за предыдущие шесть месяцев в результате шараханья Горбачева вправо, несмотря на сильное новое свидетельство того, что Ельцин стал поборником демократических идеалов и свободного рынка, Буш все еще держался за Горбачева.

В своем приветствии российского лидера Буш упоминал имя Горбачева гораздо чаще и в более благоприятном духе, чем имя самого Ельцина. Он сказал, что никто не должен забывать, как именно «отважная политика гласности и перестройки» Горбачева позволила положить конец «холодной войне». «Я хочу совершенно ясно об этом сказать,— заявил в заключение Буш,— Соединенные Штаты будут продолжать поддерживать возможно более тесные официальные отношения с советским правительством Горбачева».

Проведя Ельцина в Овальный кабинет, Буш сказал ему о предупреждении Попова. Ельцин не был слишком напуган, но предложил позвонить Горбачеву и предупредить о грядущей опасности.

Это предложение понравилось Бушу, поскольку оно освобождало его от неудобной обязанности действовать в качестве посредника. Он заказал разговор по телефону с Кремлем, но в Москве было уже слишком поздно, и Горбачева на месте не было.

Попрощавшись с Бушем, Ельцин едко сказал помощнику: «Он, видимо, очень рвется поговорить по телефону со сво-

им другом». Затем заметил, что Буш все еще, кажется, находится «под впечатлением», будто все зависит от его личных взаимоотношений с Горбачевым. Он сравнил Буша с одним из многих доверчивых религиозных верующих в России, попавших под влияние знаменитого и популярного телевизионного врачевателя Анатолия Кашпировского.

У Западного крыла Ельцин заговорил с репортерами. Признав, что «у себя дома мы все еще имеем силы, которые хотят вернуться к эпохе застоя», он поклялся, что Россия «не допустит изменения хода истории». В своих замечаниях не для печати Ельцин на приеме в советском посольстве объявил о «конце марксистского эксперимента в России».

На следующий день, в пятницу, 21 июня, Горбачев был в хорошей форме. Отсутствовал в начале недели на заседаниях Верховного Совета, он теперь размашистой походкой вошел в зал и дал словесный залп по всем своим критикам. Парламент отверг «конституционный путч» Павлова большинством: 262 голоса против 24.

После этого в разговоре с репортерами Горбачев постарался, чтобы его окружали Язов, Крючков и Пуго, которые упрямо хранили молчание. Широко улыбаясь, советский руководитель объявил свой приговор неделе: «Путч закончен».

В тот день Буш наконец связался с Горбачевым по телефону, чтобы сообщить ему о своей встрече с Ельциным. Он начал разговор с того, что надеется, теперь все нормализовалось после «беспокойства», очевидно, причиненного Горбачеву некоторыми из его коллег. Буш так стремился показать свою искренность и доверие, которые так отличали его отношение к Горбачеву, что случайно проговорился, назвав источник предупреждения — Попова.

Горбачев жаждал поскорее отделаться от всего этого «путча» с тем, чтобы подобный эпизод как-то не повлиял на мнение Буша о перспективах самого Горбачева. Он поблагодарил Буша за проявленную озабоченность и злорадно заявил, что задал своим противникам «хорошую трепку». Затем он обратился к тому, что вызывало у него более острую озабоченность: как прошла встреча Буша с Ельциным?

В действительности в этот визит Ельцин произвел на Буша благоприятное впечатление своей серьезностью и решимостью бороться за демократию в России. Но в разговоре по телефону с Горбачевым Буш проявил осторожность, чтобы не показаться слишком уж восторженным.

На следующий день, в субботу, 22 июня, Бессмертных возвратился из Берлина в Москву и встретился с Горбачевым во время церемонии у могилы Неизвестного солдата. Он попросил уделить ему несколько минут наедине, чтобы «сообщить о своей поездке в Берлин».

Они вместе возвратились в кабинет Горбачева, но ограничились лишь обменом любезностями, так как рядом шел Павлов. Однако, как только закрылась дверь кабинета, Горбачев сказал Бессмертных, что ценит то, как Буш отреагировал на слухи: президент США был «внимателен и отзывчив».

Тем не менее Горбачев надеется, что Буш будет «очень осторожен» и не позволит Ельцину использовать доступ в Овальный кабинет в своих маневрах против Кремля.

Горбачев заметил, что Буш упомянул о Попове как об источнике предупреждения. Тайный доступ Попова через американцев к Ельцину, кажется, обеспокоил Горбачева, как и возможность того, что премьер-министр Павлов устраивал заговор против него. Спустя несколько недель Горбачев встретил Попова на приеме; он отвел его в сторону и потребовал ответа: «Для чего вы обращались к Бушу?»

Попов ответил: «Я не обращался к нему! Вас неправильно информировали».

Это была истинная правда, поскольку Попов передал предупреждение Мэтлоку, а не Бушу непосредственно. Но Попов был взбешен тем, что американцы назвали Горбачеву его как источник этого сообщения. Попов пришел к заключению, что, отдавая предпочтение своей дружбе с Горбачевым, Буш тем самым подверг опасности подлинных советских реформаторов, пытавшихся предотвратить политическую катастрофу...

Другим испытанием для Буша как государственного деятеля был его отклик на перемены, происходящие в пятнадца-

ти республиках СССР. В течение многих месяцев официальные лица США спорили о том, должен ли Буш посетить столицу какой-нибудь из этих республик.

Сам Буш относился со смешанным чувством к этой идее. В частной беседе он высказал свое прежнее убеждение, что «полный и внезапный развал» Советского Союза ни в чьих интересах. Он мог бы понять и даже одобрить дальнейшее перераспределение ответственности и власти из Москвы в республики, но он надеялся, что «какой-то тип Союза» выживет. Наилучшей формой, думает он, была бы свободная федеральная структура, которую Горбачев, кажется, обязался установить согласно его новому договору о Союзе.

В то же самое время, больше всего из-за сдержанности, проявленной им в одобрении независимости Прибалтийских государств в начале этого года, Буш подвергся внутри страны политическим нападкам за то, что оказался на стороне Горбачева и центра против сил самоопределения. Только пять месяцев оставалось до начала года президентских выборов, и его советники хотели, чтобы Буш притупил остроту этого обвинения, сделав «жест» в сторону республик.

Как столица крупнейшей нерусской республики Киев был самым очевидным кандидатом для остановки в нем после намечавшегося визита в Москву. В мае 1972 года, после своего первого визита в Москву в качестве президента, Ричард Никсон заехал в Киев на один день. Но Украина тогда была послушной провинцией советской империи; теперь, спустя 19 лет, она далеко пошла по пути к отделению.

Когда чиновники из Государственного департамента известили Советы о желании Буша посетить Киев, они сделали это в мягкой форме, сравнив эту поездку с краткими остановками, которые Горбачев делал в Миннеаполисе и Сан-Франциско в 1990 году. Министерство иностранных дел сообщило Мэтлоку, что такой визит не вызовет никаких проблем.

Затем в Вашингтоне в пятницу, 19 июля, Сергей Четвериков, из советского посольства, позвонил Эду Хьюэтту, чтобы передать «срочное послание» из Москвы: поскольку Буш хо-

тел провести день вне Москвы, может быть, он согласился бы поехать в Ставрополь и провести некоторое время на прекрасном горном курорте, как это сделал Коль прошлым летом, или, может быть, оба президента с супругами могли бы отдохнуть — в стиле Кэмп Дэвида, в неофициальной обстановке — на даче Горбачева.

Четвериков знал о том, что «на рабочем уровне» американцы думали о поездке на Украину. Но это была, как он признался, «не очень хорошая идея»: в настоящий момент между республиками существует повышенная напряженность, и визит Буша в Киев был бы «вряд ли практически возможен». Позже Четвериков принес в Белый дом текст этого послания, отпечатанный на телетайпной ленте.

Точные источники происхождения этого обращения к Бушу в последнюю минуту, чтобы он исключил из своего расписания заезд в Киев, не установлены. Послание не было прямо адресовано Бушу и не подписано Горбачевым. Все же Четвериков сказал Хьюэтту, что он должен считать его «президентским посланием».

Хьюэтт передал послание Скоукрофту, который в это время летел вместе с Бушем в Турцию. Он вместе с президентом выработал ответ, в котором было сказано, что они не хотят обострять растущую напряженность между Кремлем и Украиной. Если советское правительства настаивает, Буш откажется от визита в Киев.

Но в американском ответе было дополнительно сказано, что, поскольку украинцам уже было сообщено, что Буш приезжает, советскому правительству придется взять на себя вину за отмену визита. Ответом в таком изложении Скоукрофт и Хьюэтт надеялись заставить Советы отступить и снять свои возражения против визита в Киев.

Когда Мэтлоку рассказали о том, что происходит, он умышленно позвонил в Госдепартамент по линии связи, которую, как он знал, прослушивает КГБ, и сказал: «Знают ли эти парни в советском правительстве, что они делают? Они только ухудшат отношения с украинцами и будут изрядно потрепаны общественным мнением всюду, включая и США!»

По просьбе Бейкера, Мэтлок передал подобное предупреждение Бессмертных в Министерство иностранных дел. «Саша, все это очень загадочно, — пожаловался он. — У вас здесь назревает катастрофа в отношениях с общественностью. Отмена остановки в Киеве станет историей, связанной с совещанием в верхах».

Бессмертных выразил полное удивление: «Джек, признаюсь, что я ничего не знаю об этом. Дайте мне подумать, что я могу сделать».

Когда Мэтлок ушел, министр иностранных дел позвонил Горбачеву, чтобы получить указания. Советский президент не хотел рисковать и ставить себя в трудное положение: лично просить Буша не ездить на Украину и получить отказ. В раздражении он сказал Бессмертных: «Да забудьте об этом. Скажите американцам, пусть не беспокоятся и действуют в соответствии со своими планами. Если президент хочет поехать в Киев, я уверен, его там радушно примут». В его голосе заметна была некоторая горечь: конечно, Буш будет тепло принят в Киеве, несравненно теплее, чем в Москве, поскольку украинцы определенно используют его присутствие как поддержку за отделение.

«ЭЙ, ДА ЭТО ЖЕ ВЕЛИКОЛЕПНО!»

В понедельник вечером, 29 июля 1991 года, на бетонной дорожке летного поля Шереметьевского аэропорта в окрестностях Москвы стояли вице-президент Геннадий Янаев и небольшой почетный караул, выстроившийся, чтобы приветствовать Джорджа и Барбару Бушей, выходявших из самолета № 1.

На следующее утро Буш встретился с Горбачевым, который не мог скрыть того, что он продолжает терять власть. На небольшой неофициальный завтрак в Кремле с Бушем он пригласил Бориса Ельцина, президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и несколько официальных лиц из центрального правительства: Павлова, Бессмертных, Моисеева, Черняева и Болдина, заведующего его канцелярией. Горбачев надеялся, что это удовлетворит желание его гостя встретиться с Ельциным, даже если и понизит статус соперника до уровня всего лишь руководителя одной из пятнадцати республик.

Но в последнюю минуту Ельцин отказался приехать, объяснив, что не будет участником «безликой массовой аудитории». Поскольку Россия ведет собственную внешнюю политику в отношении Соединенных Штатов, все дела с Бушем он обсудит на отдельном заседании с американским президентом.

После завтрака Буш прошел в новый кабинет Ельцина, предоставленный ему в здании Верховного Совета в Кремле. Ельцин заставил его ждать семь минут. Скоукрофт пробормотал: «Так себя не ведут. Сколько же мы должны ждать Его Высочество?»

Встреча Буша один на один с Ельциным должна была по расписанию длиться лишь пятнадцать минут, но Ельцин растянул ее на сорок. Он сказал Бушу, что, как только новый Союзный договор будет подписан, Российская республика и Со-

единенные Штаты должны расширить экономическое «сотрудничество» в ряде областей. Он подразумевал под этим, что Соединенные Штаты должны увеличить оказание прямой помощи России.

После этого в комнату вошли Бейкер, Сунуну, Мэтлок, Хьюэтт, Росс и Николас Бэрнс из аппарата Совета национальной безопасности, а также помощники Ельцина. Ельцин повторил многое из того, что уже сказал Бушу приватно. Это дало повод американцам думать, не была ли эта встреча один на один задумана Ельциным для того, чтобы поднять свою значимость в их глазах и уязвить Горбачева.

Хотя обе стороны согласились заранее, что после беседы пресс-конференции не будет, однако, когда Ельцин и Буш вышли из кабинета, сияющий президент России сказал группе поджидавших их журналистов и фотокорреспондентов, что у него есть основание питать большие надежды на «нормализацию» американо-российских связей. И добавил, что Буш «согласился» на экономическое сотрудничество с ним.

В тот вечер Горбачев давал официальный обед для Бушей во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца. Ельцин ждал до последней минуты, чтобы сделать свой вход более заметным; затем он попытался пристроиться к Барбаре Буш и идти с ней к столу. Первая леди с ледяной улыбкой сделала вид, что стремится следовать протоколу и, пока шла к столу, держалась между Ельциным и Раисой Горбачевой.

В конце вечера Буш буркнул, обращаясь к своим помощникам, что Ельцин оказался «сущей болячкой» в своем стремлении использовать его, чтобы «переплюнуть Горбачева». Скоукрофт добавил: «Этому парню надо сказать, что мы не позволим использовать нас в своих мелких играх!»

Хьюэтт отвел Мэтлока в сторону и попросил его переговорить с министром иностранных дел Ельцина Андреем Козыревым: «Скажите ему, что существуют определенные установленные нормы джентльменского поведения. Давайте не создавать привычки удивлять друг друга».

В среду утром, 31 июля, Буш, Бейкер, Скоукрофт и Гейтс поехали на дачу к Горбачеву в Ново-Огарево, где в течение почти пяти часов они напряженно беседовали с советским президентом, Бессмертных и Черняевым. Советские представители были все без галстуков и в свитерах.

Повестка дня близилась к завершению. По Ближнему Востоку Бейкер и Бессмертных сотрудничали согласованнее, чем когда-либо, выработав наконец соглашение о том, что обе стороны созовут арабо-израильскую мирную конференцию в октябре. Участники переговоров в Женеве внесли последние замечания в договор по СНВ.

Буш был готов к тому, что Горбачев может поднять давно беспокоивший Советов вопрос о программе противоракетной обороны США. Но сейчас советский лидер, видимо, не хотел испытывать добрую волю США, обсуждая эту и другие проблемы традиционного раздора, такие, как Куба или размер советского оборонного бюджета.

Вместо этого Горбачев повел себя так, как вел себя Шеварднадзе во время встреч с Бейкером, и излил перед Бушем душу, рассказав, что происходит в Советском Союзе. При этом он мрачно сослался на гражданскую войну, которая уже многие недели бушевала в Югославии. Поскольку Бушу очень хотелось посетить Киев, Горбачев попросил его учесть возможность того, что выход Украины из Союза может привести к гражданской войне-югославского типа, только эта война может охватить одиннадцать временных зон и территорию, усеянную ядерным оружием.

Тут неожиданно пришла весть, напомнившая о том, насколько реальны в Советском Союзе силы насилия. Николас Бэрнс, сотрудник Совета национальной безопасности, прикомандированный к передвижному штабу Белого дома, разместившемуся в новой, белой с хромом, гостинице «Пента», принадлежащей немцам, узнал от представителей Прибалтийских государств в Москве, что неизвестная группа вооруженных лиц совершила налет на литовский таможенный

пост, заставила шесть охранников лечь на пол и убила всех выстрелом в голову.

Первоначально возникло предположение, что это было делом рук черноберетников, которые принимали участие в январских убийствах в Прибалтике. Бэрнс позвонил Хьюэтту в Ново-Огарево, где они вместе с Сунуну и Россом сидели на даче поблизости от дачи Горбачева.

Сунуну настоял на том, чтобы Буш сам передал записку об убийствах президенту. Когда Горбачев спросил, из-за чего произошел перерыв в работе, Буш зачитал ему записку.

Разгневанный тем, что встреча в верхах омрачена таким происшествием, и оскорбленный тем, что именно Буш сообщил ему о насилии, совершенном на все еще советской, по его мнению, территории, Горбачев заявил: «Я впервые об этом слышу», и послал Черняева выяснить, что же произошло.

Позднее Горбачев сказал Бушу, что ведется расследование инцидента, и пообещал, что его правительство сделает все возможное, чтобы «избежать таких эксцессов» в будущем.

Некоторым американским участникам пришло в голову: уж не приверженцы ли жесткой линии, потерпевшие неудачу с «конституционным путчем» в июне, устроили этот последний инцидент для того, чтобы поставить в сложное положение Горбачева во время его встреч с Бушем. Несколько помощников самого Горбачева также разделяли это подозрение.

Во второй половине того же дня Буш и Горбачев возвратились в Кремль для подписания в мраморном с позолотой Владимирском зале договора по СНВ. Оба руководителя подписали договор — в 47 страниц и 700 страниц протоколов — вечными перьями, сделанными из того же металла, что и ракеты, запрещенные договором о ракетах среднего радиуса действия.

Буш объявил, что они обращают вспять продолжавшееся «в течение полувека неуклонное движение к наращиванию стратегических арсеналов». Горбачев сказал в ответ: «Слава богу, как говорится по-русски, что мы прекратили это».

В конце церемонии Павел Палашенко, советник-переводчик Горбачева, прошептал своему коллеге: «Вот если бы можно было так же аккуратно расправиться с конфликтами и напряженностью в нашей стране, как мы это сделали с теми, которые существовали у нас с внешним миром».

В четверг утром, 1 августа, когда Буш и его свита поднимались на борт самолета № 1, чтобы лететь в Киев, к ним присоединились вице-президент Янаев, чиновник протокольного отдела Кремля, полковник КГБ и Виктор Комплектов, советский посол в Соединенных Штатах. Смирившись с этой однодневной поездкой, Советы попросили Буша взять с собой небольшое число сопровождающих от центрального правительства — по всей вероятности, для того, чтобы подчеркнуть: Украина все еще является частью владений Москвы.

Поскольку Янаев был старшим в группе, Буш попытался завязать с ним разговор. Однако вскоре стало ясно, что Янаев не склонен говорить о делах, поэтому Буш повел его осматривать президентский командный пункт в воздухе, оснащенный по последнему слову техники, показал ему свою спальню с автоматически опускающимися жалюзи и даже президентский туалет. Янаев лишь повторял, что все «очень мило» и «очень интересно».

Оставив советских представителей снова одних, Буш сказал своим помощникам, что Янаев, кажется, «довольно дружелюбный малый», но безусловно, не из тех, «кто способен уложить противника». Он добавил, что Янаев соответствует той оценке, которую дала ему разведка США еще до поездки: это старорежимный аппаратчик, который едва ли будет играть существенную или независимую роль в политической жизни своей страны.

Подобно большинству американцев, Буш привык называть республику, которую он собирался посетить, — the Ukraine. Сами украинцы, однако, уже некоторое время вели кампанию за то, чтобы опустить из названия артикль на том основании, что он указывает на колониальный статус, напри-

мер: Ливан — the Lebanon или Гамбия — the Gambia. Разозлившись на подстрекателей-националистов из Советского Союза, Скоукрофт однажды взорвался: «Но ведь Голландия — тоже the Netherlands! Или, например, Соединенные Штаты — the United States?».

Но Мэтлок знал, как остро реагируют украинцы на все это. Во время полета в Киев он предупредил Хьюэтта, что если Буш произнесет «the Ukraine», Белый дом «будет засыпан письмами возмущенных американцев украинского происхождения». Хьюэтт сказал президенту: «Я знаю, это звучит смешно, но артикль много значит для этих людей». Не желая оскорблять ни своих хозяев в Киеве, ни примерно 750 тысяч американцев украинского происхождения в Соединенных Штатах, многие из которых голосовали за республиканцев, Буш обещал выполнить эту просьбу.

Самолет приземлился в окрестностях Киева, и президент со своей свитой поехал в город в сопровождении вереницы машин. Вдоль улиц стояли тысячи людей, желавших ему добра, женщины держали букеты цветов, караван хлеба с солью — традиционный знак приветствия. Буш выглядел так, как будто вел предвыборную кампанию в Питсбурге, Кливленде, Детройте или Чикаго, что в какой-то мере соответствовало действительности, поскольку в этих городах жило много американцев украинского происхождения. Приветливо улыбаясь им в ответ, Буш воскликнул: «Эй, да это же великолепно!»

Как и опасался Горбачев, этот прием резко отличался от того, который был только что оказан президенту США в Москве, где большинство народа смотрело на него как на еще одну важную иностранную персону, прибывшую выразить уважение самому популярному человеку в Советском Союзе.

А толпы в Киеве хотели убедить Буша поддержать их против Горбачева, люди размахивали желто-голубыми флагами независимого украинского государства и держали плакаты с такими надписями на украинском и английском языках: «У МОСКВЫ 15 КОЛОНИЙ»... «ИМПЕРИЯ ЗЛА ЖИВА»...

**«53 МИЛЛИОНА УКРАИНЦЕВ ТРЕБУЮТ НЕЗАВИСИМОСТИ»...
«ЕСЛИ БЫТЬ ЧАСТЬЮ ИМПЕРИИ ТАК ХОРОШО, ПОЧЕМУ ЖЕ
АМЕРИКА ВЫШЛА ИЗ НЕЕ?»**

Когда вереница автомобилей достигла центра Киева, Буш вышел из своей машины и встретился с Леонидом Кравчуком, председателем украинского парламента.

Коммунист с большим стажем, креатура Москвы, он недавно, точно рассчитав время, развернулся на 180 градусов и стал поборником националистических чаяний.

Встреча двух лидеров продолжалась менее часа, и после нее не было никакой пресс-конференции: американские официальные лица не хотели повторения того, что произошло у президента с Ельциным в Москве. В ходе встречи большую часть времени Кравчук затратил на рассказ о положении с урожаем: даже в таком богатом сельскохозяйственном крае, как Украина, из-за потерь при сборе урожая, коррупции и скверной системы перевозок около 30 процентов собранного зерна не доходит до рынка.

Как ни старались американцы, чтобы поездка в Киев не была оскорбительной для Горбачева, украинцы воспользовались присутствием Янаева, чтобы показать нос Кремлю. Хьюэтт заметил, что с советским вице-президентом обходились, скорее как с «председателем Всесоюзной ассоциации прокаженных». На завтраке, устроенном для делегаций США и Украины, языками общения были английский и украинский. Поскольку Янаев не знал ни того, ни другого, вид у него был то озадаченный, то скучающий, то раздраженный.

Текст обращения Буша к украинскому парламенту находился в работе несколько недель. Президент объяснил своим помощникам, что хочет использовать свою речь для поощрения переговоров между Москвой и республиками, но без одобрения движений за отделение, так как Горбачев этого не потерпел бы.

Буш ни разу открыто не порицал отделения Украины как такового, но неоднократно намекал на то, что его эта идея не

вдохновляет. Давая понять, что Украина и другие республики поступили бы мудро, оставшись в Советской федерации, он сказал: «Мы сами являемся федерацией, и мы хотим хороших отношений, хотим улучшения отношений с республиками».

Буш далее сказал: «Свобода не то же самое, что независимость. Американцы не будут поддерживать тех, кто добивается независимости, чтобы тиранию из центра заменить местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто поощряет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти».

Украинцы, потрясенные этой последней фразой, конечно, не знали, что президент США всего лишь воспроизвел то, что Бейкер приватно высказал Шеварднадзе в июле 1989 года. Буш повторял это теперь в качестве особого предупреждения вновь избранному президенту Грузии Звиаду Гамсахурдиа, который вел себя как диктатор и преследовал многие нацменьшинства. Но Буш также знал, что подобные этнические страсти существуют и на Украине, и его предупреждение тем самым относилось и к слушателям в Киеве.

Раздосадованный Иван Драч, лидер движения за независимость Украины, пожаловался репортерам: «Буш прибыл сюда как посланец Горбачева. Он высказался об украинской независимости менее радикально, чем наши собственные политические деятели-коммунисты. Но им-то надо получить место здесь, на Украине, а ему не надо!»

В обзоре, опубликованном в «Нью-Йорк таймс» 29 августа, Уильям Сэфайр снова вытащил на свет старое обвинение в том, что Буш слишком робок и по обыкновению принимает сторону сил статус-кво против тех, кто за демократические перемены. В качестве доказательства № 1 он привел речь президента, назвав ее «огорошивающей речью в стиле «котлеты по-киевски». Это сравнение было почти незамедлительно подхвачено другими и больно задело Буша...

Новый Союзный договор Горбачева должен был подписываться Ельциным и Назарбаевым в Москве в четверг, 20 ав-

густа. Советский президент надеялся, что руководители других республик поставят свои подписи позже.

Опубликованный за пять дней до даты подписания, этот договор передавал столь много прерогатив власти республикам, что ставил тем самым конец исторически централизованному Советскому Союзу. Он включал также некоторые уступки, которые Кремль делал республикам по налогообложению, природным ресурсам и контролю над аппаратом государственной безопасности. Все это для приверженцев жесткой линии в Москве оказалось неприятным сюрпризом.

Накануне подписания Союзного договора западные дипломаты и политические деятели гадали, сможет ли Горбачев пережить еще одну такую огромную перемену.

Многие месяцы ходили разговоры о государственном перевороте. Один переворот предсказывал Шеварднадзе, уходя в отставку в декабре. В июне мэр Попов предупредил Мэтлока, что сторонники жесткой линии готовятся выступить против Горбачева.

Но с каждой ложной тревогой, после каждого грозившего, но не состоявшегося путча Горбачев, казалось, становился более уверенным в своей непобедимости и потому менее склонным принимать слухи и предупреждения всерьез.

В воскресенье, 18 августа, приближался конец отпуска, который он проводил с женой, дочерью, зятем и внучками в своем роскошном убежище в Форосе, на крутом берегу Черного моря. Во второй половине дня Горбачев работал над речью, которую собирался произнести через два дня в Москве при подписании Союзного договора.

Внезапно появился его главный охранник с известием, что к нему прибыла делегация из Москвы. Тотчас что-то заподозрив, Горбачев поднял трубку телефона, чтобы вызвать подкрепление. Телефон не работал, как и все другие, по которым он пробовал звонить.

К этому времени приехавшие ворвались к нему в кабинет. В числе их был заведующий его канцелярией Валерий

Болдин, которому Горбачев вполне доверял, и Олег Бакланов, секретарь ЦК КПСС и главный трибун военно-промышленного комплекса.

Объявив Горбачеву, что они представляют Государственный комитет по чрезвычайному положению, приехавшие потребовали, чтобы он подписал указ, передающий президентскую власть Янаеву. Горбачев отказался — и его посадили под домашний арест.

«БОРИС, ДРУГ МОЙ!»

Из Киева Буш совершил перелет прямо в штат Мэн, где планировал провести, как он это называл, «отдохновенно» месяц. Однако, прочитав 18 — 19 августа бюллетени разведслужбы, он увидел в них несколько сигналов о том, что в Советском Союзе, похоже, происходит что-то очень плохое.

«Ежедневная информация для президента» за субботу, 17 августа, начиналась с сообщения о том, что сторонники жесткой линии в СССР, видимо, готовятся в последнюю минуту устроить обструкцию новому Союзному договору. Далее в сообщении отмечалось, что в пятницу Александр Яковлев предупредил: «влиятельная группа сталинистов» планирует «партийный и государственный переворот». В заключение в «Ежедневной информации» говорилось: «Возрастает опасность того, что традиционалисты захотят создать такую ситуацию, которая оправдала бы применение силы для восстановления порядка». Заговорщики «будут стараться вовлечь Горбачева в созданную ими ситуацию, но на этот раз он может повернуться против них и присоединиться к демократам».

Позднее в другом разведбюллетене, основанном на сведениях из весьма секретных источников, включая спутниковый шпионаж, был поднят тревожный вопрос: почему Горбачев не вылетел из Крыма в Москву в воскресенье на церемонию подписания Союзного договора?

А в Кеннебанкпорте в воскресенье вечером местные ловцы омаров и агенты секретной службы устанавливали барьеры против урагана Боб, бушевавшего у середины Атлантического побережья страны. В доме под серой черепицей Буш, готовясь отойти ко сну, слышал, как по крыше барабанит дождь. Он намеревался встать на заре, чтобы вместе со Ско-

уक्रофтом и Роджером Клеменсом, звездой бейсбола из бостонской команды «Ред сокс», отправиться в клуб графства на Кэйп-Арундел поиграть там в гольф. Президент едва закрыл глаза, как на деревянном ночном столике зазвонил белый телефон. Было 23.45.

Звонил Скоукрофт из своего номера в гостинице «Нонантум». В половине двенадцатого, уже лежа в постели, он смотрел программу Си-эн-эн и услышал сообщение, основанное на заявлении ТАСС, о том, что из-за «плохого здоровья» Горбачева вице-президент Янаев вынужден сменить его на посту. Скоукрофт решил тогда не беспокоить президента, пока не получит подтверждения этого известия и не узнает подробностей.

Теперь же он сказал Бушу, что Си-эн-эн передала второе сообщение ТАСС о том, что Янаев и остальная хунта, включающая Павлова, Крючкова, Язова, Пуго и Бакланова, ввели в Советском Союзе «чрезвычайное положение» на шесть месяцев!

— Боже мой! — воскликнул Буш.

Исходя из предположения, что сообщение верно, Скоукрофт посоветовал президенту, конечно же, ни в коем случае не одобрять новое руководство в Москве. Но Буш должен также понять и то, что, если путч поддерживают столько могущественных фигур, он скорее всего закончится успешно. Западу, возможно, придется иметь дело с этими людьми, поэтому «не следует сжигать мосты, соединяющие их с нами».

Буш не знал, как же охарактеризовать путч в публичном заявлении администрации. Скоукрофт заметил, что такие слова, как «незаконный», «противозаконный», «неконституционный», были бы слишком провокационными; наконец они с президентом сошлись на более нейтрально звучащем слове «внеконституционный».

Скоукрофт позвонил своему пресс-секретарю Роману Попадюку и велел использовать это слово в разговоре с журналистами, которые ломались к нему, пытаясь выяснить официальную оценку США потрясающих новостей из Москвы.

Попадюк предупредил Скоукрофта, что утром президенту придется что-то сказать самому: «Не может же он поехать играть в гольф и реагировать на самое важное событие нашего времени, находясь на площадке для игры в гольф». Скоукрофт ответил: «В любом случае утром может пойти дождь».

В своем доме в штате Вайоминг Бейкер с женой были уже в постели, когда позвонили из оперативного центра Госдепартамента и сообщили новости. Сюзан Бейкер вспомнила, что на Кувейт было совершено нападение в начале прошлого годнего отпуска Бейкера в августе; теперь она сказала: «Пропал еще один отпуск».

«Не беспокойся, дорогая, — сказал ей муж, — я вернусь очень скоро. Это не будет как в прошлом году». Бейкеру трудно было поверить, что этот кризис будет затяжным. Во время своих недавних визитов в Москву он был поражен тем, насколько глубокими и широкими были перемены, происшедшие за последние несколько лет; интуиция подсказывала ему, что консерваторы давно уже потеряли контроль над положением и что их попытка захватить власть запоздала.

Вспомнив, что Шеварднадзе предсказывал путч сторонников жесткой линии, Бейкеру захотелось позвонить ему и сказать: «Вы нам это говорили». Но он отказался от этой мысли: пока новый режим у власти, его звонок по открытой линии связи окажет Шеварднадзе дурную услугу.

Не в состоянии заснуть, Бейкер добивался от оперативного центра последних сведений о развитии событий. Он позвонил Деннису Россу, проводившему отпуск в Нью-Гэмпшире, и Роберту Зёллику, путешествовавшему по Шотландии.

Росс напомнил своему боссу, что советские военные уже не составляют монолита: не следует предполагать, что все они участвуют в путче и даже готовы поддержать хунту. Как и во всем советском обществе в целом, сказал Росс, среди военных сейчас произошло глубокое разделение по этническим и другим признакам, и это может удержать их на нейтральной позиции в конфликте, затрагивающем центральное правительство. Если все пойдет именно так, то путч, вероятно, провалится.

Зёллик заметил, что администрации следует воздерживаться от публичных высказываний, которые могут способствовать узакониванию заговорщиков. «Мы ничего не потеряем, взяв вначале жесткую линию,— утверждал он.— Если они укрепятся, им потом понадобится помощь извне и признание, поэтому они проглотят все, что мы скажем вначале».

Генерал Колин Пауэлл спал в своем доме в форте Мак-Нейри в Вашингтоне, когда ему позвонил дежурный офицер из Национального центра военного командования в Пентагоне и сказал: «Это путч!»

За время войны в Персидском заливе Пауэлл привык к таким ночным тревогам. Положив трубку телефона, он выждал, проверяя, вполне ли проснулся и четко ли мыслит. Прежде всего его тревожила угроза внезапного нападения: ни одно официальное лицо в США не могло знать, у кого теперь находится «чемоданчик» с кодами, который мог бы позволить Янаеву или Язову запустить против Северной Америки межконтинентальные баллистические ракеты.

Пауэлл запросил самые последние «на текущий момент» разведданные о диспозиции всех советских ракет, бомбардировщиков и подводных лодок: «Есть ли какие-либо изменения в положении готовности любых вооруженных сил?» Пентагон заверил его, что таких изменений нет. Сверхсекретные источники американской разведки обнаружили, что некоторые полки советских стратегических ракетных войск были заняты необычной деятельностью, связанной с размещением мобильных межконтинентальных баллистических ракет. При наихудшем предположении это могло сначала показаться поводом для тревоги, но эксперты Пентагона пришли к заключению, что в действительности командующие соединениями принимали меры к тому, чтобы их поведение не могло показаться угрожающим, а также, чтобы быть абсолютно уверенными в том, что ракеты находятся под контролем.

В ЦРУ Джордж Колт создал специальную группу для обработки и анализа телеграмм, которые теперь шли потоком с сообщениями о советском путче. В управлении уже многие

месяцы слышали, что Горбачев страдает от эмоционального и психического перенапряжения, поэтому первое заявление ТАСС о путче, прозвучавшее в половине двенадцатого, навело Колта на мысль, не заболел ли советский лидер на самом деле. Но второе заявление не оставило у Колта никаких сомнений в том, что недомогание Горбачева было не медицинского, а политического происхождения.

В понедельник, днем, в 12.45, Колт сказал Дэвиду Гомперту из аппарата Совета национальной безопасности: «Мы называем это путчем». Осуществится ли он, будет зависеть от Способности Ельцина и других демократов оказать сопротивление, а также от реакции советских военных и Запада.

Позже ЦРУ подверглось критике за то, что оно не смогло «предсказать» захват власти. В последние месяцы эксперты управления действительно высказывали предположения о «слабой вероятности» путча сторонников жесткой линии, но это объяснялось тем, что они не верили в успешность такого путча. Подобно тому, как годом раньше они пришли к заключению, что со стороны Саддама Хусейна было бы глупо оккупировать Кувейт, так и теперь они предполагали, что сторонники жесткой линии не станут перерезать себе горло, пытаясь скинуть Горбачева.

Колт позвонил Скоукрофту в Кеннебанкпорт и подчеркнул важность реакции Запада на путч. ЦРУ обычно старалось избегать видимого вмешательства в политику, но сейчас Колт косвенно призывал подвергнуть заговорщиков резкому осуждению и сделать заявление в поддержку Ельцина.

В понедельник, приехав в Ленгли около часа ночи, Фриц Эрмарт сел за пульт своего компьютера, подключенного к банку данных управления. Он просмотрел все, что было за последние дни выявлено шпионскими спутниками США и перехватами средств связи о передвижениях Советской Армии и войск КГБ.

Эрмарт был поражен: не было свидетельств о каких-либо перемещениях, которые бы надо было ожидать перед путчем. Заговорщики не провели серьезной подготовки: не было ни

массированных передвижений войск и танков, ни перерыва в работе средств связи, ни глушения западных радиопередач, ни облавы на популярных руководителей реформ.

В два часа ночи Эрмарт воскликнул, обращаясь к своим коллегам: «Эй, ребята, а ведь собаки-то не лают!» Колт произнес в ответ: «Да, мы это тоже заметили». Эрмарт сказал: «Казалось бы, эти парни могли совершить нечто подобное куда искуснее. Ведь они же практиковались в этом с января». Они вспомнили о предупреждении Попова еще в июне месяце и пожалели, что не восприняли это достаточно серьезно в то время.

Эрмарт составил для президента «Репортаж с места событий». В нем отмечалось, что путч был плохо подготовлен и носил беспорядочный, сиюминутный характер. Эрмарт прикинул его последствия: 10 процентов он отдавал тому, что Кремль вернется к режиму в стиле Андропова, 45 процентов — тому, что путч может привести к патовому положению как для заговорщиков, так и для реформаторов, и 45 процентов — тому, что путч «быстро выдохнется».

А в Белом доме Гомперт и Хьюэтт пили кофе и вышагивали вокруг лишенной окон Оперативной комнаты. Гомперт, бывший офицер с миноносца, предложил, чтобы они с Хьюэттом установили сменные «вахты по правому и левому борту» на все время кризиса.

Хьюэтт не считал, что кризис продлится долго: «Эта группа никак не продержится дольше одного-двух месяцев. Их прикончит экономика. Они не смогут откупиться от рабочих обещаниями о повышении зарплаты и пособий. А экономическая разруха будет усиливаться».

К утру в Москве войска, включая сотни танков, заняли позиции на главных улицах, крупных перекрестках и мостах. Лидеры путча издали указы, запрещающие большие собрания, ввели комендантский час, запретили политическую активность оппозиции и установили ограничения для прессы.

В понедельник в пять часов утра Скоукрофт позвонил президенту в Кеннебанкпорт и сказал: «Вам надо что-то ска-

зять прессе и лучше сделать это не на площадке для игры в гольф». Президент согласился. Все равно шел дождь. Попадюк наметил президентскую пресс-конференцию на утро.

В половине седьмого Скоукрофт сел в арендованный им «олдс-мобил», подъехал к дому президента и повесил свой дождевик в шкаф в прихожей рядом с пиджаками, пальто и сувенирными шапками от каждой прошлой кампании Буша. Президент встретил его в гостиной в темно-синем пиджаке с металлическими пуговицами и галстукe с золотыми президентскими печатями.

Буш разговаривал по телефону с Джеймсом Коллинзом, видным американским дипломатом, оставшимся в Москве после ухода Мэтлока в отставку с дипломатической службы. Назначенный на замену Мэтлока Роберт Страус, динамичный адвокат и бывший председатель демократической партии, еще не был приведен к присяге.

Коллинз информировал Буша, что он только что был в «Белом доме» — российском парламенте, где Борис Ельцин и несколько его главных помощников провели всю ночь. В понедельник рано утром Ельцин осудил путч, заклеив его лидеров и назвав их предателями. Белый дом, расположенный через улицу от нового комплекса посольства США, был окружен военными машинами, но Коллинз сообщил, что смог пройти сквозь них в парламент и встретиться с Ельциным и Козыревым. Он добавил, что никто из американцев, находящихся в советской столице, судя по всему, не пострадал.

— Большое спасибо, — сказал Буш. — Я рад, что вы там.

Бейкер позвонил из Вайоминга и сказал Бушу, что Соединенные Штаты должны иметь посла на месте в Москве, и Буш согласился с тем, что Страус должен как можно скорее дать присягу и выехать к месту службы. Бейкер позвонил новому послу в его загородный дом в Дел-Маре, штат Калифорния.

Зимой, когда Мэтлок объявил, что уходит в отставку, Буш и Бейкер, обсуждая назначение нового посла, перебрали ряд дипломатов, говоривших по-русски и хорошо знавших Советский Союз. Главного кандидата Госдепартамента Эдварда

Джериджана, бывшего в то время послом США в Сирии, пришлось исключить из списка из-за его армянского происхождения: в Кисловодске Бессмертных не без смущения спросил Бейкера, сможет ли Джериджан быть действительно объективным в своих суждениях о все углубляющемся разрыве между Кремлем и Арменией или о кровопролитном противостоянии Армении и Азербайджана.

Бушу и Скоукрофту хотелось послать в Москву кого-то, в ком Горбачев увидел бы личного представителя президента. Рассматривалась кандидатура Кондолизы Райс, как и Денниса Росса, которого эта работа не интересовала. Когда Буш и Бейкер остановились на Страусе, своем земляке из Техаса, у Горбачева была именно та реакция, какой хотел Буш: он увидел в этом назначении проявление доверия к нему.

Страус знал, что он назначен в основном, чтобы гарантировать прямой канал связи между Бушем, Бейкером и Горбачевым; теперь же, когда советский лидер был не у власти, Страус засомневался, является ли он «подходящим парнем для такой работы». Однако во время перелета из Калифорнии в Вашингтон он стал проявлять интерес к своим обязанностям: «Я думаю, что смогу отлаять этих чертовых сукиных сынов»...

В течение всего понедельника Ельцин продолжал оказывать открытое неповиновение путчу и организовывать себе поддержку. Пренебрегая опасностью попасть под огонь армейских снайперов, он вышел из здания парламента и обратился с речью к десяткам тысяч москвичей, стоявших среди танков и бронетранспортеров. Ельцин повторил, что Янаев и другие захватили власть незаконно; он также призвал к всеобщей забастовке против установления чрезвычайного положения. Эдуард Шеварднадзе и другие видные демократы пришли к зданию, чтобы продемонстрировать свою солидарность.

Павлов, сославшись на болезнь, внезапно подал в отставку с поста премьер-министра и члена Комитета по чрезвычайному положению. Иностранные корреспонденты в Москве в шутку стали говорить, что началась «путчевая инфлюэнца».

А Буш по возвращении в Вашингтон сел на телефон. Прежде всего он переговорил со своими главными европейски-

ми союзниками — Джоном Мейджором, Франсуа Миттераном и Гельмутом Колем, а потом — с Лехом Валенсой в Польше, Вацлавом Гавелом в Чехословакии, Тургутом Озалом в Турции, Рюдом Любберсом в Нидерландах, Йожефом Анталлом в Венгрии, Брайаном Малруни в Канаде, Джулио Андреотти в Италии, Тосики Кайфу в Японии и Фелипе Гонсалесом Маркесом в Испании.

Валенса, Гавел и Анталл были озабочены тем, что сторонники жесткой линии в Москве найдут способ спровоцировать подобные перевороты в их странах. Буш убеждал их не принимать никаких предварительных мер, которые могут показаться провокационными, но в то же время обещал дать ясно понять в своих заявлениях, что, какие бы события ни произошли в Советском Союзе, процесс демократизации в Восточной Европе необратим.

Мейджор предсказал, что новый режим в Москве будет свергнут через несколько месяцев, если не раньше, а Миттеран заметил, что «это, пожалуй, будет впервые, когда путч провалится» в советском блоке. Буш вспомнил о своем контакте с Янаевым в Киеве три недели назад и заметил, что вице-президент Куэйл встречался со своим коллегой на похоронах короля Норвегии Улафа V в январе и премьер-министра Индии Раджива Ганди в мае. Куэйл сказал, что Янаев «не брызжет энергией», но человек «сносный».

Буш сказал Мейджору и Миттерану, что, согласно наблюдениям его и Куэйла, Янаев «не такой уж плохой парень, но крайне легковесен». Миттеран согласился с этим, добавив, что Янаев, «вероятно, всего лишь марионетка» в руках остальных семи членов Комитета по чрезвычайному положению.

Премьер-министр Испании Гонсалес уговаривал Буша попытаться связаться напрямую с Горбачевым, хотя бы для того, чтобы стало известно об этой попытке, и она показала бы, что Соединенные Штаты не отказались от смещенного лидера.

Из всех руководителей, с которыми говорил Буш, Коль был расстроен больше всех. Канцлер знал, как ненавистно советским сторонникам жесткой линии объединение Герма-

нии в рамках НАТО, и опасался, не захотят ли они использовать советские войска, все еще находившиеся в Восточной Германии, для возбуждения беспорядков. Он настоятельно просил Буша потребовать, чтобы новые советские лидеры придерживались своих международных обязательств и уважали права человека. Коль просил также американского президента подчеркивать, сколь важное место занимает Горбачев в истории мира.

В начале дня Буш готов был к самому худшему. Он старался никого не оскорбить и особенно Геннадия Янаева, который теперь стал номинальным лидером Советского Союза. Скоукрофт поддерживал склонность президента убирать паруса, пока не прояснится ситуация.

В гостиную Бушей в Кеннебанкпорте Скоукрофт сообщил, что из Москвы поступают противоречивые сообщения. Бронетранспортеры на улицах были замечены из посольства США всего несколько часов тому назад, что было добрым знаком, поскольку по обычному сценарию военного переворота танки выкатываются, как только сделано первое объявление о путче.

Скоукрофт передал мнение ЦРУ, что заговорщики так и «не выстроили своих уток в ряд», но от себя добавил: «Все это в данный момент предположения, к которым, несомненно, примешивается стремление выдать желаемое за действительное». Янаев и соучастники заговора вполне могут оказаться будущим правительством Советского Союза, и Скоукрофт напомнил Бушу: «Вы должны быть осторожным. Возможно, нам придется иметь дело с этими парнями».

Бейкер позвонил Бушу из Вайоминга и вспомнил, что сидел рядом с Янаевым во время московской встречи в верхах: «Он не выглядит как главарь банды», — заметил Бейкер.

Зная о том, что пресса непременно спросит его о Янаеве, Буш сказал: «Может, нужно полегче обойтись с ним вначале».

Незадолго до восьми утра угрюмый Буш появился перед репортерами и теле- и кинокамерами в коттедже, который обычно занимали агенты секретной службы. Следуя совету

Коля, Буш сказал, что, как он ожидает, «Советский Союз будет полностью выполнять свои международные обязательства», и назвал Горбачева «исторической фигурой, человеком, который привел Советский Союз к экономической реформе, что позволило ему играть конструктивную роль в деле сотрудничества на международной арене».

Буш не стал открыто осуждать тех, кто пришел теперь к руководству в Кремле. Используя формулу Скоукрофта, он назвал захват власти «внеконституционным». Он с надеждой отметил, что Комитет по чрезвычайному положению обещал продолжить реформу, но признал: «Я не знаю, верить этому или нет. Я думаю, что в данный момент нам надо просто наблюдать за развитием ситуации и повторять снова и снова наши принципы, — посмотрим, как будут развиваться события. Все еще только разворачивается».

Один из журналистов спросил, что думает президент о Янаеве. Буш ответил: «Ну, инстинкт подсказывает мне, что у него есть определенное обязательство продолжать реформу... Но, думаю, не он определяет цели... Я уже говорил неоднократно, что мы не хотим видеть путч, поддерживаемый КГБ и военными».

Затем он добавил: «Я думаю, важно знать, что путчи могут и проваливаться. Вначале путчисты могут захватить власть, а затем они наталкиваются на волю народа».

А как насчет требования Ельцина объявить всеобщую забастовку? «Ну, посмотрим, что из этого получится... Я надеюсь, что люди услышат его призыв». Вернется ли президент в Вашингтон? Буш вспыхнул: «Я не интересуюсь разыгрыванием спектаклей. Не стараюсь делать вид, будто занят работой». Он заметил, что в Кеннебанкпорте есть прекрасный комплекс связи.

Пытался ли он разговаривать с кем-либо из советского руководства по «горячей линии» связи? Президент рассердился еще больше: «Мы не собираемся излишне волновать американский народ или мир. Поэтому мы будем проводить нашу дипломатию благоразумно — без эксцессов и без край-

ностей». Буш добавил, что люди связывают использование «горячей линии» с возникновением «какой-то военной проблемы между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Неужели вы считаете, что я должен навести на эту мысль американский народ и народы в Европе? Отнюдь нет!» Он резко оборвал пресс-конференцию, сказав: «Хорошо, вы свое получили. Не говорите теперь, что мы здесь не сообщаем вам никаких новостей».

Не успели Буш и Скоукрофт возвратиться в гостиную президента, как начали поступать сигналы об отрицательном отклике на пресс-конференцию. Комментаторы сравнивали ее со сдержанным откликом Буша на побоище на площади Тяньаньмэнь — неужели президент стерпит так же и советский путч?

Скоукрофт сказал Бушу: «Похоже, у нас здесь может возникнуть проблема». Напомнив Бушу о том, как его критиковали за то, что он продолжал отдыхать в Кеннебанкпорте в первый месяц кризиса в Персидском заливе, Скоукрофт убедил его вернуться в Вашингтон, чтобы все видели, что президент горячо интересуется событиями.

Самолет № 1 вылетел поздним утром. Роберт Гейтс позвонил из Вашингтона Скоукрофту на борт самолета и зачитал письмо Ельцина Бушу, переданное через Джеймса Коллинза. Ельцин хотел, чтобы Буш «потребовал восстановить законно избранные органы власти» и «подтвердить», что Горбачев является руководителем Советского Союза.

Гейтс сказал Скоукрофту: «По-моему, послание ясно. Он хочет, чтобы мы пошли дальше в осуждении путча и в поддержке сил, выступающих против путча».

В это время граждане Москвы выходили на улицы, чтобы защитить штаб-квартиру Ельцина от войск, окруживших парламент. Комитет по чрезвычайному положению только что провел свою пресс-конференцию, которая лишь усилила мнение, что это банда, не умеющая стрелять в цель. Когда Янаев зачитывал заявление, руки его дрожали, и журналисты в аудитории заподозрили, что он и несколько других членов комитета были пьяны.

Этот нелепый спектакль усилил желание Скоукрофта еще резче осудить заговорщиков, чем это сделал Буш в Кеннебанкпорте. Он посоветовал президенту, чтобы «кто-то из администрации» пошел в хвост самолета и побеседовал с журналистами, аккредитованными при Белом доме, чтобы немедленно взять под контроль их отклик на события.

Буш сказал: «Не думаю, что мне следует идти туда». Попадюк предложил сделать это Скоукрофту, который согласился, но с оговоркой: «Я буду крайне отрицательно высказываться обо всем этом, признавая в то же время, что нам, возможно, придется жить с этими парнями». Президент одобрил эту тактику.

Перекрывая шум реактивных двигателей, Скоукрофт объявил прессе, что этот путч — явление «весьма отрицательное»: «Мы считаем, что советский народ хочет продолжения реформ. А на основании того, что нам известно, эта группа намеревается остановить, или по крайней мере замедлить их ход... Мы же поддерживаем возвращение к программам реформ, которые проводились до путча».

В то время, когда самолет № 1 летел в Вашингтон, в пути находились и другие самолеты: один летел за Диком Чейни, отдохавшим в Канаде, другие — за Бейкером и Страусом, который в качестве посла США в Москве должен был во вторник утром давать присягу в Розовом саду Белого дома.

А Колин Пауэлл в своем кабинете в Пентагоне одним глазом смотрел передачи Си-эн-эн, а другим просматривал по-прежнему поступавшие потоком разведывательные донесения. Оба источника говорили ему, что танки и бронетранспортеры с пехотой на улицах Москвы не проявляли признаков боевой готовности к захвату политической власти. Он воскликнул: «Этих парней послали в Москву без поручения!»

Пауэлл позвонил Чейни на борт самолета: «В последней строке говорится, что это половинчатый путч. Что-то происходит, но происходит не по учебнику». В ЦРУ Эрмарт пришел к выводу: «Проводит все это банда неудачников. Они потеряют провал».

В первые часы после путча советское Министерство иностранных дел разослало телеграммы своим представительством за границей с текстом декларации Государственного комитета по чрезвычайному положению. Виктору Комплектову, советскому послу в Вашингтоне, вменялось вручить Бушу письмо Янаева, выражавшее желание Комитета поддерживать добрые отношения с Соединенными Штатами и содержащее обязательство продолжать процесс реформ, а также заверения, что Горбачев находится в безопасности.

Комплектов в полдень посетил Иглбергера в Госдепартаменте, а затем Гейтса в Совете национальной безопасности. Он выполнял свое поручение с удовольствием, что побудило его коллег по посольству, а также официальных лиц США прийти к заключению, что он приветствовал путч.

Комплектов сказал Иглбергеру и Гейтсу, что он «ценит» то «понимание», с каким президент Буш относился до сих пор к сложившейся ситуации. Это был комплимент, который американцы рады были бы не слышать, поскольку он подразумевал, что Комплектов и путчисты в Москве и в самом деле восприняли мягкое заявление Буша в понедельник утром как выражение готовности признать путч.

Иглбергер вручил послу письменное послание от имени администрации, настаивавшее на том, чтобы ГКЧП придерживался международных обязательств, взятых на себя СССР, и продолжал политические и экономические реформы. Но даже при выполнении этих условий, сказал Иглбергер, руководителям путча не следует ожидать, что Соединенные Штаты вскоре признают их законным правительством Советского Союза.

В понедельник, в пять часов дня, в Рузвельтовской комнате Белого дома Буш председательствовал на совещании заместителей руководителей главных ведомств. Он приказал временно приостановить все программы американо-советских обменов, но так, чтобы их можно было легко восстановить. Если путч провалится, он хотел иметь возможность быстро восстановить нормальные отношения между двумя странами.

Заместитель директора ЦРУ Ричард Керр перечислил признаки того, что в Москве еще не все потеряно: линии связи с Западом продолжали действовать; Ельцин, бросая вызов путчистам, сидел в Белом доме; на улицах солдаты вылезали из танков и пытались успокоить возмущенных москвичей.

Керр сказал: «Короче говоря, господин президент, это не похоже на традиционный путч. Он осуществляется не очень профессионально. Они пытаются постепенно, один за другим, захватывать контроль над крупными силовыми центрами, а нельзя победить в путче, если действовать по этапам».

Задетый за живое публичной критикой за то, что он вроде бы проявил слишком большую терпимость к путчу, президент стремился ужесточить свою позицию. Просмотрев проект заявления, которое он должен был зачитать, Буш вспомнил о тревоге Валенсы, Гавела и Анталла в связи с тем, что сторонники жесткой линии могут попытаться вновь захватить контроль в их странах. Он сказал: «Я тут не вижу ничего о Восточной Европе».

В комнате совещаний Белого дома Буш теперь произнес то, от чего утром всего лишь отмахивался: он сказал: «неконституционный» и «незаконный». Он поддержал призыв Ельцина к восстановлению на своем посту Горбачева и изложил свои требования: лидеры путча должны продолжать продвижение Советского Союза к демократии; уважать избранных на основе конституции руководителей и не нарушать прав человека; соблюдать все договоры и воздерживаться от применения силы против республик или других «демократически избранных правительств», что являлось ссылкой на Восточную Европу.

Он «не заинтересован в новой «холодной войне», сказал Буш, но будет «избегать всеми возможными путями» действий, которые могут придать путчистскому Комитету какую-либо «законность или оказать поддержку».

Министр иностранных дел России Андрей Козырев, которого Ельцин отправил в Западную Европу, позвонил Аллену Уайнштейну из Центра за демократию, существующего в

Вашингтоне на частные средства и поддерживающего в последнее время отношения с окружением Ельцина. Козырев продиктовал заявление, в котором назвал первоначальную реакцию Запада на путч «двусмысленной и даже разочарывающей», и подчеркнул, что сейчас «не время для умиротворения». Уклончивое утреннее заявление Буша, сказал Козырев, сыграло на руку заговорщикам-путчистам, которые «некоторое время верили, что их усилия обманули Запад». Козырев, однако, добавил: «Более поздние заявления... исправили это неправильное представление».

В своем письме Бушу, полученному им утром в понедельник, Ельцин попросил президента установить «оперативный контакт» с ним на время кризиса. Это была прямая открытая просьба, чтобы Буш позвонил ему в русский Белый дом. Но Буш и его советники из Совета национальной безопасности не хотели этого делать. Они считали, что должны попытаться связаться вначале с Горбачевым, иначе может показаться, что администрация списала со счета шансы советского лидера на возвращение к власти.

Телефонный оператор Белого дома послал вызов Горбачеву через Кремль в надежде, что вызов будет передан в Крым: «Президент Буш вызывает президента Горбачева». Голос на другом конце линии сказал: «Один момент, пожалуйста». После паузы оператор в Москве вернулся на линию и вежливо сказал: «Извините, но его сейчас нет». Белый дом пытался в течение дня несколько раз связаться с Горбачевым, но тщетно.

В понедельник вечером Хьюэтт сказал Скоукрофту: «Брент, мы потратили столько усилий, пытаюсь добиться связи с Горбачевым. Теперь пришло время позвонить Ельцину. Он явно является ключом к решению этого дела, и мы должны зарегистрировать нашу поддержку прямо у него».

На рассвете во вторник в Москве войска, окружавшие парламент, пришли в столкновение с сотнями граждан; некоторые из них бросали «коктейли Молотова» в бронемшины. Трое из протестовавших были убиты и еще несколько человек ранены, прежде чем войска отступили.

В Вашингтоне Буш начал этот день рано. В своем укромном кабинете, примыкающем к Овальному кабинету, Буш отпечатал памятку для себя: «Держи связь с Борисом Ельциным». Вскоре он связался с российским президентом по телефону. «Борис, друг мой!» — радостно вскричал Буш. Ельцин заорал: «Я чрезвычайно рад слышать вас». Он сказал, что советские войска окружают Белый дом. «Мы ожидаем нападения, но ваш звонок поможет нам». Толпа наших сторонников на улице около здания возросла до 100 тысяч человек.

— Мы очень хотим сделать все возможное, чтобы помочь. Есть у вас какие-либо предложения? — спросил Буш.

— Главное — это моральная поддержка. Нам нужно услышать заявления, которые обратили бы внимание мира на наше положение, — ответил Ельцин.

— Хорошо, мы это сделаем. Мы сделаем все, что сможем. Мы молимся за вас.

Напомнив о заявлении Буша в понедельник вечером, Ельцин сказал:

— Я слышал о том, что вы сказали вчера. Для нашего народа важно иметь такую поддержку.

Буш спросил Ельцина, что он думает о том, какие позиции занимают другие советские политические фигуры по отношению к путчу. Особенный интерес вызывали Бессмертных и Моисеев, роль которого была особенно важна, поскольку Язов, его непосредственный начальник, связал свою судьбу с заговорщиками.

Ельцин сообщил, что Бессмертных до сих пор был «нейтрален»; он, видимо, ждет, кто возьмет верх. Моисеев тем временем проводит политику Министерства обороны. Другими словами, он, по меньшей мере, поддерживает путч.

После того как Буш услышал голос Ельцина, он начал верить, что в этой драме может появиться герой, который действительно победит злодеев, но это будет не Горбачев, а Ельцин. Как только стали поступать оживленные отклики на его более резкое заявление в понедельник вечером, президент сказал Скоукрофту, что он чувствует себя достаточно обнаде-

женным, чтобы возвратиться в Кеннебанкпорт: «Я думаю, мы возвратимся туда с чистой совестью», — сказал он.

При перелете на север находившийся на борту самолета № 1 сын президента Джордж, ревностный республиканец, ликовал. Младший Буш видел в советском кризисе напоминание о том, что мир все еще является предательским местом и что опыт его отца в области внешней политики все еще имеет значение. Повстречавшись с репортером в хвостовом отсеке самолета, он спросил его: «Неужели вы думаете, что американцы повернутся теперь к демократам?»

Во вторник вечером американцы пришли к заключению, что, если советские военные планируют нападение на штабквартиру Ельцина, оно начнется перед рассветом. Передав свою вахту Гомперту, Хьюэтт пришел домой и сказал жене: «Если мы сможем пережить ночь без нападения, то все это может действительно очень скоро кончиться».

В Оперативной комнате Гомперт использовал и передачи телекомпании Си-эн-эн, и разведывательные сообщения для того, чтобы вести наблюдения за передвижением войск, танков и военных самолетов. Все свидетельствовало о том, что применение силы угрожает Прибалтийским странам, а также Ельцину. Действуя зловеще знакомым образом, советские войска захватили радио- и телевизионные станции в Литве и Эстонии. Гомперт отпечатал резкое заявление для возможного опубликования, если случится самое худшее. В нем будет объявлено о немедленном разрыве всех экономических связей с Советским Союзом и будет звучать призыв к советским солдатам не подчиняться своим командирам.

Но и утром в среду в Москве все еще не произошло нападения. Скоукрофт, находясь в Кеннебанкпорте, работал вместе с Гейтсом и Хьюэттом, находившимися в Вашингтоне: они подготавливали второй разговор Буша с Ельциным в 9 часов утра.

Все трое согласились с тем, что, пережив эту ночь, российский президент обрел огромное значение. Гейтс сказал: «Он теперь стал как никогда ключевой фигурой».

Однако, когда Буш переговорил с Ельциным, российский президент, кажется не был уверен, что кризис миновал. Русский Белый дом, сказал он, все еще окружен специальными войсками КГБ. По подсказке Скоукрофта, Буш снова спросил его о Моисееве и военных. Ельцин был настроен оптимистически, считая, что они все равно отступят.

Фактически путч превратился в фарс. В то утро Крючков и Язов примчались в аэропорт во Внуково за пределами Москвы, где к ним присоединился Анатолий Лукьянов, старый друг Горбачева, предавший его. Они захватили реактивный самолет Аэрофлота и вылетели в Крым, то ли чтобы вести переговоры с Горбачевым, то ли просить у него пощады, — это было не ясно. Как только они улетели, за ними последовала делегация во главе с вице-президентом Ельцина Александром Руцким. В Форосе Горбачев отказался принять первых посетителей. Когда из Москвы прибыла вторая группа, были арестованы шефы КГБ и Министерства обороны.

Возвратившись в Москву, сторонники Ельцина, сопровождаемые вооруженными людьми, устроили облаву на других заговорщиков. Они нашли Янаева в его кремлевском кабинете. Одним из тех, кто был послан с заданием арестовать Бориса Пуго, был Григорий Явлинский, который поспешил вернуться в Москву с Украины, чтобы помочь защитить русский Белый дом. Пуго, чтобы избежать ареста, застрелил жену, а затем застрелился сам...

Утром во вторник, после того как Роберт Страус был приведен к присяге как посол, он вылетел в Москву на борту небольшого военного реактивного самолета. В среду, в два часа дня по местному времени, Страус прибыл в аэропорт Шереметьево. На пути в центр города его бронированный «кадиллак» был остановлен почти на полчаса, чтобы пропустить колонну армейских грузовиков, выезжавших из города. В тот момент Страус понял, что путч закончился.

В это время новый комплекс зданий посольства США был почти недоступен, так как находился за баррикадами, возведенными для защиты находившегося поблизости русского Бе-

лого дома. Чтобы добраться до посольства, «кадиллак» Страуса должен был петлять по тротуарам и переулкам.

Когда новый посол прибыл в свой кабинет, ему сразу пришлось принимать первое политическое решение. Правительство Ельцина выделило самолет иностранным послам для встречи с Горбачевым в Форосе, и Страус тоже был приглашен вылететь вместе с ними. После своего долгого путешествия Страусу меньше всего хотелось очутиться на борту другого самолета, и особенно самолета Аэрофлота, да еще в середине кризиса. Вместо себя он послал Джеймса Коллинза, которому по прибытии в аэропорт сообщили, что Горбачев вскоре возвращается в Москву.

Утром в четверг в Кеннебанкпорте Буш приказал своим помощникам попытаться снова дозвониться до Горбачева. На этот раз, к удивлению Скоукрофта, советская телефонистка сказала: «Мы переключим вас в Крым». Когда вызов был принят, Буш кружил в ревущем катере «Фиделити» по гавани. Вызванный на берег, Буш пробежал в свою спальню и поднял телефонную трубку. Барбара стояла рядом в костюме для бега. Когда Горбачев поздоровался, Буш сказал: «Слава богу! Я рад слышать ваш голос... Надеюсь, Раиса пережила все это и теперь чувствует себя хорошо... Барбара и я переживаем за вас обоих».

Горбачев хвастался отвагой, проявленной в воскресенье: «Они попросили меня подать в отставку, а я отказался!» Он сказал, что расстроен своей изоляцией. «Моя личная охрана осталась мне верна, но они ничего не могли сделать, поскольку выхода отсюда не было. Даже путь по морю был заблокирован судами».

Горбачев сказал, что он только теперь узнает, что произошло в Москве: его связь с внешним миром была восстановлена всего час назад. Он сказал Бушу, что уже говорил с Ельциным, Кравчуком и Назарбаевым, которые все сыграли «полезную» роль в предыдущие несколько дней.

Он поблагодарил Буша за то, что он занял «принципиальную позицию» против путча, но характерно, что наибольшую

заслугу Горбачев, как всегда, приписал себе. Успех путча, сказал он, был предотвращен всем, что он сделал за последние несколько лет: из-за новых взаимоотношений, которые он установил между центром и республиками, «такие действия не могли иметь успеха».

Он был воодушевлен своим возвращением к командованию и жаждал возвратиться в Москву. «Предстоит много сделать... Я должен буду принять некоторые жесткие решения». Он только что отдал приказ Моисееву «все привести в порядок».

Последнее замечание поразило Буша и других американцев, прослушавших этот разговор. Разве Ельцин не сказал, что Моисеев в лучшем случае сыграл двусмысленную роль в путче? Когда Буш опустил трубку телефона, Скоукрофт сказал, что Горбачева, «возможно, ждут некоторые сюрпризы, когда он приедет домой».

По возвращении в Москву Горбачев быстро превратил свой триумф в разгром. Он не побеспокоился сделать осязательную постановку в русском Белом доме и поблагодарить Ельцина за свое освобождение. Выступая перед представителями прессы, вместо того чтобы стать выразителем грандиозных перемен, только что происшедших в политической жизни Советского Союза, он всего лишь притворился, что последних девяноста шести часов вообще не было. Теперь, когда он вернулся на свой пост, он, кажется, подразумевал, что жизнь может вновь стать нормальной.

В то время, когда толпы на улицах размахивали российскими флагами и скандировали имя Ельцина, Горбачев заперся в Кремле и выступал с речами по телевидению. Он не понял, что граждане праздновали не его победу, а поражение путчистов, что он уже больше никогда не будет выступать как единственная фигура на политической платформе от демократов, которые сумели справиться с правыми силами.

«Поклонники Ельцина» в ЦРУ давали едко саркастическую оценку поведения Горбачева после его возвращения в Москву. В одном из комментариев утверждалось, что советский лидер проявил «наивность и эгоцентричность» и ока-

зался «неспособным усвоить новости, идущие наперекор его амбициям».

На частном совещании с экспертами из правительства Фриц Эрмарт выступил с заявлением, чем-то напомиавшим протокол о вскрытии, касавшимся не только самого путча, но и всей горбачевской эры. Он предсказал, что события этой недели ускорят декоммунизацию Советского Союза, «развал» партии и КГБ и строительство российской государственности.

Что касается самого Горбачева, то его понимание своей роли советского президента больше не является реалистичным... Если ему посчастливится, сказал Эрмарт, «Ельцин позволит ему стать главой государства в роли королевы Елизаветы».

Буш и Скоукрофт, не прибегая к подобным выражениям, пришли к тому же заключению. 23 августа они вместе смотрели телепередачу в Кеннебанкпорте и видели Горбачева и Ельцина, стоявших рядом перед российским парламентом, видимо, демонстрирующих, что они наконец сотрудничают друг с другом.

Горбачев признал, что еще не читал список российских предложений, который держал в руке. Ельцин ткнул пальцем в сторону Горбачева и грубо потребовал: «Ну хорошо, тогда прочтите их!»

Скоукрофт печально покачал головой, видя эту сцену, и задумчиво заметил: «Все кончено». Он сказал, что Горбачев «уже больше не является независимым актером. Ельцин говорит ему, что надо делать. Я не думаю, что Горбачев до конца понимает, что произошло».

Буш согласился с ним: «Боюсь, что он выдохся».

В субботу, 24 августа, маршал Ахромеев повесился в своем кремлевском кабинете. Он оставил записку, в которой говорилось: «Все, над чем я работал, разрушается». Позднее о смерти Ахромеева распространялись различные слухи, отчасти потому, что для советских генералов более обычным было стреляться. Правые оппозиционеры высказывали предположения, что либо он был убит, либо предупрежден, что

если не покончит с собой, то пострадает его семья. Этот последний слух основывался на загадочной строчке в записке, адресованной его семье: «Я всегда ставил интересы государства выше ваших, но теперь я поступаю наоборот».

Позже, когда Бейкер сказал Шеварднадзе, что он был огорчен, услышав о самоубийстве, Шеварднадзе дал ясно понять, что не разделяет этого чувства. Он напомнил государственному секретарю, что поведение Ахромеева было одним из главных камней преткновения в достижении контроля над вооружениями: «Именно он был тем, кто так нам все затруднял».

Первым, кого Горбачев выбрал вместо Язова на пост министра обороны, был генерал Моисеев, но мнение Ельцина о том, что Моисеев присоединился к путчу, вскоре возобладало. Почти сразу же после своего назначения на этот пост Моисеев был уволен и заменен командующим военно-воздушными силами генералом Евгением Шапошниковым.

Бессмертных оставался на своем посту ненамного дольше. В воскресенье, в день путча, члены хунты отозвали его в Москву из отпуска и попросили войти в состав Комитета. Министр иностранных дел отказался, но не сумел высказаться публично против путча. Вместо этого он не появлялся в своем кабинете, ссылаясь на нездоровье, и поручил своему заместителю Юлию Квицинскому подписать телеграмму советским послам с указанием передать заявление Комитета правительствам. Ельцин и его советники списали Бессмертных как политического труса, который держит для себя открытой возможность выбора под предлогом защиты ведомственных интересов министерства.

Когда Горбачев вернулся из Крыма, Бессмертных ждал в аэропорту, чтобы приветствовать его. На следующий день советский руководитель вызвал его в Кремль и сказал, чтобы Бессмертных оставался на своем посту. Но в пятницу Горбачев позвонил:

— У меня создалось впечатление, что вы вели себя несколько пассивно в течение этих трех дней.

Бессмертных запротестовал:

— Но это совершенно неверно, Михаил Сергеевич! Я не знаю, что вам сказали, но я был единственным из ваших близких коллег, который выдержал тяжелое испытание. Кругом никого не было. Все были в отпуске. А я был здесь и старался сделать как лучше, чтобы защитить нашу политику.

— У меня иная информация,— сказал Горбачев.

— Ну тогда, товарищ президент, если вы верите тому, что вам сказали, мне, очевидно, надо подавать в отставку.

Бессмертных объявил о своей отставке сотрудникам, а затем зашел в свой кабинет, чтобы дать ранее запланированное интервью Теду Коппелу из «Американ бродкастинг компани». Во время съемки интервью для телевидения Бессмертных позвонил Бейкеру в Вайоминг, когда там было четыре часа утра, и сказал: «Джим, это очень важно для меня, но думаю, что и для вас тоже. Я только что подал в отставку». Удивленный тем, что потерял еще одного советского дипломатического партнера, Бейкер ответил: «Мне очень жаль, Саша, что это случилось. Я думаю, мы хорошо начали совместно работать». Используя возможность обелить свое имя, Бессмертных далее продолжал заверять Бейкера, что вел себя «благородно» во время путча и навсегда останется «человеком перестройки» и «приверженцем нового мышления».

Бейкер не предполагал, что миллионы телезрителей вскоре будут слушать этот разговор.

Много месяцев спустя Бессмертных продолжал доказывать всем, кто хотел его выслушать, что во время путча он страдал не от какой-то «дипломатической болезни», а от вполне реального приступа камней в почках; он-де старался как можно лучше защитить Министерство иностранных дел от заговорщиков и КГБ. Бессмертных упрекал Примакова в своей отставке и снова обвинял его в интриганстве с целью добиться для себя поста министра иностранных дел.

Официальные лица США склонны были оправдывать Бессмертных за отсутствием улик и подозревать Примакова в худшем. Какова бы ни была правда, Горбачев поручил выпол-

нять должность министра иностранных дел Борису Панкину, относительно неизвестному дипломату, который был советским послом в Праге и главным мандатом которого было публичное осуждение путча, когда тот еще не провалился.

Буш и Скоукрофт в Кеннебанкпорте поняли, что Горбачев сильно, может быть, смертельно ранен, но им не нравилось, как Ельцин продвигался, казалось, к нанесению окончательного удара. В конце августа, когда премьер-министр Джон Мейджор прибыл с визитом, Буш сказал ему, что Ельцин «действует очень грубо, тыкая Горбачева носом в грязь». Скоукрофт согласился с такой оценкой. Он напомнил своим коллегам, что еще до путча «Ельцин близко подошел к тому, чтобы уничтожить Горбачева. Теперь присяжные заседатели совещаются и решают, сумеет ли Горбачев выздороветь. Парень борется за свою политическую жизнь».

Как и Буш, Скоукрофт признавал, что из-за путча большая часть власти Горбачева перешла к Ельцину. На публике он хвалил политическое мастерство и демократические убеждения Ельцина, но в частных встречах с британскими представителями он говорил о российском президенте как об эгоисте, демагоге, оппортунисте и большом позере, который никогда не упускал шанса использовать свои встречи и телефонные разговоры с Бушем, чтобы возвыситься над Горбачевым.

«ЧТО СОВЕРШИМ, ОСТАНЕТСЯ НАВЕЧНО...»

Августовский путч и напугал и ободрил во всех республиках сторонников отделения от Кремля. Руководители движений за демократию и независимость увидели, что ожидало их, если бы сторонники жесткой линии вернулись к власти: в Прибалтийских государствах были найдены списки с сотней имен местных руководителей, которых коммунисты наметили к уничтожению.

Теперь, когда слабость Горбачева и центрального правительства была раскрыта, началось паническое бегство из Союза. Правительства в Таллинне, Риге и Вильнюсе возобновили свою кампанию за международное признание, и несколько европейских стран быстро согласились установить дипломатические отношения с Прибалтийскими государствами.

В субботу, 24 августа 1991 года, украинский парламент одобрил свою собственную декларацию независимости. За Украиной последовали другие республики: Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Ельцинская Россия также подписала политические и экономические договоры с Украиной и Казахстаном.

В Вашингтоне Скоукрофт отметил, что центробежные силы, действующие теперь по всему Советскому Союзу, могут, вероятно, разорвать на части и Российскую республику, поскольку в ней приютились многочисленные анклавы с нерусским населением. Крупные скопления населения этнических русских, разбросанные по нерусским республикам, могли вызвать дополнительные затруднения. По своему опыту, полученному им в Югославии, Скоукрофт проводил новые сравнения между ситуацией в Югославии и в СССР.

Буш и Скоукрофт рассматривали Прибалтийские государства как некий особый прецедент. Советский Союз аннексировал их не так давно, как другие республики, и Соединенные Штаты никогда формально не признавали их воссоединения с Советским Союзом. В конце августа Буш написал Горбачеву письмо, настаивая на том, чтобы он как можно скорее признал Прибалтийские государства. Он сказал, что, как только Советский Союз это сделает, Соединенные Штаты последуют за ним.

Горбачев обещал Бушу, что признает независимость Прибалтики к пятнице, 30 августа, но затем попросил дать ему еще время. В субботу, 31 августа, Буш позвонил президенту Ландсбергису в Вильнюс и пообещал ему, что признание Литвы уже близко. Но и через два дня Горбачев так и не двинулся с места.

Буш уже не мог больше ждать и формально признал Прибалтийские государства в понедельник, 12 сентября. Он публично заявил: «Когда пишется история, никто не вспомнит, что для этого нам понадобилось выжидать на сорок восемь часов больше, чем Исландии или кому-нибудь еще».

Спустя четыре дня, в пятницу, 6 сентября, новый советский временный исполнительный орган, названный Государственным советом, признал Прибалтийские государства. Кэртис Камман из Государственного департамента США был в кабинете Ландсбергиса в Вильнюсе, когда его помощник вбежал и подал Ландсбергису сообщение ТАСС из Москвы.

— Господин президент, — сказал Камман, — видно, что вы получили хорошие новости.

— Да, — ответил, просяя, Ландсбергис, — действительно, хорошие...

В конце октября Буш и Горбачев встретились в Мадриде на переговорах о мирной конференции по Ближнему Востоку, инициаторами созыва которой Соединенные Штаты и Советский Союз согласились стать.

Мирная конференция символизировала новое американо-советское «партнерство», придавая подлинное значе-

ние слову, которое Горбачев неожиданно и к замешательству многих американцев ввел в лексикон взаимоотношений с ними в 1989 году.

Если бы сторонники жесткой линии не выступили против него в августе, Горбачев мог бы сейчас сослаться на встречу в Мадриде как на триумф в его сближении с Западом, как на один из многих дивидендов, которые невозможно было получить, когда Советский Союз вел «холодную войну» с Соединенными Штатами на Ближнем Востоке.

Вместо этого Горбачев прибыл в Мадрид лишь тенью прежнего Горбачева-лидера.

К октябрю советская казна настолько опустела, что Соединенным Штатам пришлось оплачивать многие расходы советской делегации в Мадриде. Даже состав делегации показывал, насколько ослабло влияние Горбачева. Она включала Владимира Лукина, союзника Ельцина, председателя комиссии по международным делам российского парламента, и Лакима Каюмова, министра иностранных дел Таджикистана.

Горбачев сконфуженно сказал американцам, что Каюмов, говоривший по-персидски и по-арабски, «знает ту часть света, которую мы здесь обсуждаем». В действительности включение Каюмова в состав делегации было жестом Горбачева по отношению к одной из исчезающих составных частей Союза — среднеазиатским республикам.

Во время частных бесед с Бушем в Мадриде Горбачев вообще не проявлял никакого интереса к обсуждению положения на Ближнем Востоке. Вместо этого он навязчиво лепетал о «сложности» кризиса, с которым теперь столкнулся в своей стране. Он объявил, что было бы «глупо» и «гибельно» для руководителей республик продолжать идти по пути отделения, и настаивал, что ситуация в Советском Союзе «меняется в правильном направлении», — но, кажется, даже он сам больше в это не верил.

Буш позднее признался Скоукрофту «Казалось, что Горбачев как будто обращается ко мне за поддержкой, и в то же самое время отрабатывает на мне аргументы, которые ему нужно будет использовать, вернувшись домой».

После встречи Буш и Горбачев в последний раз вместе появились перед репортерами. Пытаясь ободрить своего старого друга, Буш сказал: «Вы все еще хозяин положения». Но в том контексте это его замечание было больше покровительственным, чем лестным. Возвратившись в Вашингтон, Скоукрофт сказал своим коллегам, что Горбачев теперь представляет собой не больше, чем «призрак центра»...

Горбачев упорно добивался подписания Союзного договора, который спровоцировал августовский путч. Всем уже было ясно, что этот документ — мертворожденный: руководители республик считали, что он оставляет слишком много власти в руках центра. Начиная с августа Ельцин предпринял один за другим несколько односторонних шагов, которые нарушили бы горбачевский договор, если бы он уже вступил в силу. В ноябре он протолкнул через российский парламент законопроект по установлению контроля над экономикой и природными ресурсами республики.

Дважды в том месяце Горбачев встречался с Ельциным и руководителями других республик, пытаясь убедить их подписать Союзный договор. Когда они отказались, Горбачев стал упрекать их в том, что они «следуют своим собственным повесткам дня». И он был прав: в их повестке дня стояла — независимость.

1 декабря украинцы должны были проголосовать за отделение от Советского Союза. Никто не сомневался в том, каким будет результат. В Белом доме во вторник, 27 ноября, Буш встречался со старшими советниками по внешней политике. Он решил «быстро» признать независимость Украины после референдума, не ожидая благословения Москвы как «предварительного условия». На следующий день президент объявил о своем намерении делегации американских украинцев, которые немедленно сообщили об этом прессе.

В воскресенье, 1 декабря, подавляющее большинство украинцев проголосовало за независимость и выбрало Леонида Кравчука своим первым президентом.

Ельцин определенно решил удержать Украину и Россию вместе как часть большого политического образования. Он опасался, что, если не будет действовать быстро, Украина порвет все связи с Москвой и предъявит претензии на те советские вооруженные силы и ядерные вооружения, которые находятся на ее территории.

В воскресенье, 7 декабря, Ельцин тайно встретился с Кравчуком в Минске, столице Беларуси, а также со Станиславом Шушкевичем, председателем Верховного Совета Беларуси. Трое руководителей решили объявить, что Советский Союз больше не существует. Вместо него будет Содружество Независимых Государств, столицей которого станет Минск.

После того как Ельцин позвонил Бушу, чтобы сообщить ему о новостях, Шушкевич — хозяин встречи, но третий по значению в тройке, позвонил Горбачеву. Он сообщил ему, что он и двое других руководителей одобрили документ, который он хочет зачитать ему. Горбачев перебил его: о чем он говорит? Шушкевич сказал: «Ну, вы знаете, это уже пользуется поддержкой... Мы имели разговор с Бушем».

До американских официальных лиц дошли слухи о том, что, когда Ельцин возвратился в Москву, через сутки после подписания соглашения о Содружестве, он был настолько пьян, что его вынуждены были вынести из самолета, и телохранители применили грубую силу, чтобы не позволить фотографам делать снимки.

Какова бы ни была достоверность этих слухов, российский президент полностью владел собой, когда встретился с Горбачевым.

— Вы удалились на встречу в лесу, чтобы разрушить Советский Союз, — жаловался советский руководитель. — Некоторые даже истолковали это как своего рода политический путч, совершенный за спиной верховных советов республик. Президент Соединенных Штатов узнал обо всем этом раньше, чем президент СССР!

В ноябре Горбачев сумел уговорить Шеварднадзе вернуться на пост советского министра иностранных дел, сме-

нив злополучного Панкина. Теперь Шеварднадзе вызвал Тарасенко и других помощников в свой кабинет и сказал, что Советский Союз прекратил свое существование. Возвращение на старое место работы, сказал он, было «тяжелой личной ошибкой».

Бывший босс Восточной Германии Эрих Хонеккер также понял, куда дует ветер. После объединения Германии, опасаясь того, что его будут судить за непредумышленное убийство восточных немцев, которые пытались пересечь Берлинскую стену, он убедил Горбачева вывезти его самолетом в советскую столицу. Теперь, когда Горбачев и Советский Союз были накануне краха, Хонеккер попросил убежища в посольстве Чили в Москве. Чилийцы оказали Хонеккеру это гостеприимство из благодарности за подобное же гостеприимство, оказанное чилийским левым, находившимся в ссылке во время диктатуры генерала Аугусто Пиночета. Но в июле 1992 года они вынудили его уйти. Поскольку ни одно другое посольство не захотело принять старого человека, страдающего от рака, он был отправлен в Берлин для уголовного процесса над ним. Прежде чем покинуть Москву, Хонеккер поднял вверх правый кулак в знак последнего — вызывающего — коммунистического приветствия...

В пятницу, 13 декабря, авторы настоящей книги встретились с Горбачевым; беседа длилась восемьдесят минут. После минского соглашения Горбачев попытался в последний раз мобилизовать единственных оставшихся у него сторонников — свою западную аудиторию.

Вскоре после полудня новый представитель Горбачева, Андрей Грачев, сказал авторам, что они могут прийти в Кремль к трем часам при условии, что беседа может быть расширена с тем, чтобы она включала интервью по текущим событиям, которое появится в журнале «Тайм» на следующей неделе.

Авторов этой книги вместе с Джоном Коханом, заведующим московским бюро журнала «Тайм», и Феликсом Розенталем, советским гражданином, долгое время работавшим для

журнала, подвезли к воротам Кремля. Розенталь сообщил охране, что они приехали для встречи с Михаилом Сергеевичем.

На третьем этаже желтого здания Совета Министров стояла мертвая тишина и пахло свежей краской. Накануне двое иностранных кинорепортеров — как сообщалось, за взятку — сумели пройти на встречу Горбачева с советской прессой. Теперь один из помощников Горбачева настойчиво требовал от авторов книги: «Я хочу, чтобы было записано, что президент не дает своих интервью за твердую валюту».

Павел Палащенко ввел группу в похожий на пещеру кабинет, который поочередно занимали Сталин, Хрущев, Брежнев. Горбачев пригласил их к овальному столу, за которым он сидел вместе с небритыми Язовым и Крючковым в первую ночь войны в Персидском заливе, и рассматривал на карте рейды бомбардировочной авиации США. Были поданы чай и печенье.

Горбачев накануне, во время встречи с советскими репортерами, был настолько подавлен, что некоторые из них назвали ее «последней пресс-конференцией Горбачева». Поэтому авторы прибыли в ожидании лебединой песни.

Вместо этого Горбачев решил показать, что он далек от того, чтобы сдаваться. Когда его спросили, будет ли он президентом Советского Союза через три дня, когда выдержка из интервью появится в журнале «Тайм», Горбачев рассмеялся, а затем сказал: «В понедельник? Я уверен, что буду!»

Он осудил минское соглашение Ельцина как «неубедительное, плохо обоснованное и плохо сформулированное», добавив, что, «если мы начнем разрывать эту страну на части, будет еще труднее прийти к соглашению друг с другом».

Горбачев явно питал отвращение к Ельцину. Вечером в воскресенье, после подписания в Минске соглашения, российский президент «даже не позвонил мне. Я узнал, что он разговаривал с Бушем, а не со мной. Не было необходимости привлекать к этому Буша. Это вопрос о моральных принципах Ельцина. Я не могу одобрить или оправдать такой стиль поведения».

И продолжал:

— Вам приходится иметь дело с другими руководителями на основе доверия. Иногда это не подписанный договор, а лишь политическое принципиальное соглашение, что выше любого договора. Без этого никому нельзя доверять.

Сославшись на Ельцина, Кравчука и руководителей других республик, совершавших поездки за границу, Горбачев сказал:

— Опасность состоит в том, что некоторые политики лишь вступают в мир реальной политики. Люди забывают, что это я дал им возможность путешествовать. Я не скромничаю, говоря об этом. Может быть, некоторые предполагали, что я всего лишь попросил их отвезти письмо президенту Бушу. Я не думаю, что мои зарубежные партнеры действительно поняли, что я хотел, чтобы они узнали их. Они подумали: «Ну, если Горбачев посылает к нам этих людей, это должно означать, что с Горбачевым покончено и мы должны перейти на сторону новых руководителей».

В конце интервью Горбачев сменил гнев на милость и стал поздравлять самого себя:

— Что касается моей работы, то главная задача моей жизни уже выполнена. Я ощущаю себя в мире самим собой. Я прошел через такие испытания, что чувствую себя абсолютно свободным. В то же время я считаю, что накопленный мною опыт должен быть полностью использован для поддержания свободы моей страны и международных отношений. Я чувствую себя достаточно сильным, чтобы продолжать заниматься этим.

Прежде чем попрощаться, Горбачев сухо заметил, что кто-то в начале недели спросил его, счастлив ли он.

— Счастлив? — насмешливо спросил он.— Такой вопрос следует задавать женщине.

В то время, когда Горбачев встречался с авторами этой книги в Кремле, Ельцин позвонил Бушу и радостно сообщил о прогрессе в создании нового Содружества.

Буш вежливо выслушал его, но мало что сказал в ответ. После того как Буш положил трубку, он приказал своим сотрудникам вызвать Горбачева для разговора по телефону. Еще со времени августовского путча он взял себе за правило, что каждый раз, когда он услышит что-либо от одного из двух соперничающих руководителей, он будет вызывать по телефону другого: с тем, чтобы его не могли обвинить, что он принимает чью-либо сторону или позволяет какой-либо из сторон противопоставлять его другой.

К тому времени, когда телефонный звонок Буша застал Горбачева на даче, было 23.30 по московскому времени. Советский руководитель ответил сонным и ворчливым голосом: «Добрый день, Джордж, или по-настоящему, добрый вечер, потому что вы знаете, здесь сейчас вечер».

Буш сказал, что выслушал Ельцина, а теперь хотел бы услышать от самого Горбачева, как идут дела. Горбачев пустился в монолог, длившийся двадцать минут. Все еще желая принизить значение минского соглашения, он назвал его «лишь наброском, импровизацией. Многие вопросы остались без ответа».

— Новому Содружеству,— сказал он,— потребуется разработать систему законов, регулирующих общественный порядок, оборону, границы и международные обязательства.

Его участие в этом процессе, которое он с большой готовностью хотел предложить, было бы существенно необходимым, чтобы «придать правовой и законный характер процессу преобразования государства». Он сказал, что заявление трех руководителей в Минске о том, что Советский Союз прекратил существование, было «поспешным» и «запугивающим». Но затем признал, что его Союзный договор действительно почти мертв и что дальнейшее обсуждение его будущего сделалось «в сущности невозможным. Соглашения между мною и руководителями республик были отброшены».

Горбачев еще раз настаивал на том, что он «двигался в правильном направлении» до Минска; допускает, что было «какое-то затруднение» с Украиной, но он мог бы урегулиру-

вать это тоже, если бы только ему представилась такая возможность. Но объявление о том, что идет формирование Содружества за его спиной стало засадой, устроенной людьми, стоящими ниже его по своему политическому значению: «Все это похоже на работу любителей. Они отвергли мою роль!» Он однако был готов признать, что «даже если я не разделяю их подход, я понимаю создавшуюся ситуацию».

Сорвав свою злобу, Горбачев затем заверил Буша в том, что советские вооруженные и ядерные силы все еще находятся под контролем. Он и Ельцин сотрудничают только в этом направлении, но ни в чем другом.

Может быть, для того чтобы внушить мысль, что он намеревается оставаться у власти, Горбачев использовал этот разговор по телефону для новой просьбы об оказании Западом экономической помощи. Январь и февраль будут суровыми для советских людей, и он боится, что в магазинах не останется продуктов.

Буш ответил, что Бейкер находится на пути в Москву и изучит сложившееся положение более детально.

Это упоминание имени Бейкера распалило Горбачева. Он поинтересовался, почему государственный секретарь уже пишет некролог на Советский Союз. Буш уклонился от разговора об этом.

В Белом доме после своего разговора с Горбачевым Буш сказал Скоукрофту:

— Это действительно конец, не правда ли?

— Да, Горбачев довольно жалкая фигура в данный момент.

На следующий день, в субботу, 14 декабря, Павел Палашенко и его жена пригласили авторов этой книги к себе на квартиру на окраине Москвы. Перед завтраком Палашенко мрачно вспоминал об августовском путче. Если бы он удался, сказал он, ему бы пришлось начать работать ночным сторожем.

Он вспомнил о том, что, для того чтобы отвлечься от разговаривавшейся в августе трагедии, посмотрел две видеокассеты, которые теперь хотел бы показать авторам. Одна была о балете, другая — собранием кинокадров о главных событи-

ях соревнований в Национальной футбольной лиге, показанных в телепрограмме Си-би-эс в 1985 году.

После того как жена Павла оставила их одних, Палащенко передал авторам «весьма доверительное послание». Он не сказал, от чьего имени выполняет это поручение, утверждая, что говорит «за Горбачева». Переводчик следовал тщательно подготовленному сценарию, который был рассчитан на то, чтобы защитить Горбачева и в то же время сохранить за советским лидером возможность отрицания своей причастности.

Палащенко попросил авторов записать это послание и доставить его только «президенту Бушу, государственному секретарю Бейкеру или Деннису Россу». Они не должны говорить, что это послание от него. Только сказать, что оно от кого-то из аппарата Горбачева. В послании говорилось:

«Президент (Горбачев) держит все свои возможности выбора открытыми. Возможно, что он будет играть какую-то роль в Содружестве, но не примет ее, если это будет сделано в оскорбительной форме. Руководители США и Запада должны найти способ внушить Ельцину и другим, что для них будет выгодно предложить президенту достойную роль, и важно сделать это так, чтобы это не оскорбляло его достоинства.

В то же самое время, весьма возможно, что ему придется уйти в отставку. Существует 30 — 50 процентов вероятности того, что через несколько недель он станет частным лицом. Некоторые люди фабрикуют (уголовное) дело против него. Важно, чтобы Ельцин не был причастен к этому и не позволил, чтобы случилось что-то, что могло бы нанести вред президенту. Повторяю, руководители США должны внушить ему все это. Все сказанное выше — это личное мнение, никогда не обсуждавшееся с президентом».

15 декабря, в воскресенье, в Москву прилетел Бейкер. В тот же день авторы этой книги посетили Денниса Росса в его гостиничном номере. Не раскрывая происхождения послания, они зачитали его. Росс делал записи, затем мрачно кивнул, сказав: «Я не удивлен и думаю, что знаю, от кого это послание».

Когда авторы этой книги ушли, Росс зашел в номер Бейкера и передал текст послания. Бейкер спросил его, кто, как он думает, автор. Росс ответил, что на первый взгляд ему кажется, это Палащенко, а на второй — Александр Яковлев, старый соратник Горбачева. Бейкер сказал:

— Хорошо, нам надо позаботиться об этом... Нужно поставить этот вопрос перед Ельциным и Горбачевым. Но все же мы не должны соваться в самую гущу этого.

В понедельник утром, 16 декабря, Бейкер со своими помощниками встретился с Борисом Ельциным. Рядом с российским президентом сидел генерал Шапошников, новый командующий советскими вооруженными силами. Этот факт объяснил Бейкеру все, что он хотел знать: армия связала свою судьбу с Ельциным, Россией и Содружеством.

Ельцин и Шапошников старались изо всех сил заверить госсекретаря, что советские ядерные вооружения будут оставаться под контролем центра в новом Содружестве.

В какой-то момент разговора Бейкер сказал, что Соединенные Штаты будут относиться с неодобрением к любым усилиям правительства Ельцина собрать порочащую информацию на Горбачева или отдать его под суд. «Многие люди будут следить за тем, что случится с Горбачевым».

Ельцин прервал его, сказав: «Горбачев много сделал для своей страны. Он нуждается в том, чтобы с ним обращались с уважением, и заслуживает такого обращения. Пора нам уже стать страной, где руководители могут уходить в отставку с почестями».

Получив такие заверения, Бейкер почувствовал, что Ельцин пытается дать ясно понять, что он, как только что оперившийся мировой лидер осознает всю ответственность, которую принял на себя.

Во второй половине дня Бейкер встретился с Горбачевым. Росс был удивлен и тронут тем, что Шеварднадзе и Яковлев также пришли на это прощальное собеседование: несмотря на все их схватки с Горбачевым в течение многих лет, они под конец смыкали ряды.

Горбачев правильно отметил, что бывшие советские республики, которые теперь именуют себя государствами, отнюдь не являются по-настоящему не зависимыми друг от друга, и они еще долгое время не станут такими. Они в течение веков находились под властью царей и семь десятилетий под властью жесткой централизованной советской системы; их экономики, средства связи, распределительные сети, системы природных ресурсов были настолько взаимосвязаны, что распутать этот узел за один день не удастся.

Советский президент все еще придерживался мнения, что он может служить честным маклером между Россией и Украиной, между славянскими государствами и государствами Кавказа и Средней Азии и между республиками и Советской армией. Но никто не разделял его точки зрения.

Горбачев сказал Бейкеру: «Возможно, с моей стороны были совершены просчеты и даже серьезные ошибки, но не в этом дело. Я вижу мою роль в использовании доступных мне политических средств для предотвращения еще большего распада в процессе создания Содружества.

Время бежит, и мы должны действовать быстро. Я хочу, чтобы руководители республик добились успеха, хотя не верю, что они смогут это сделать. Все же я желаю им успеха, потому что, если они его не добьются, все, что мы сделали, будет в опасности, как и само будущее».

Бейкер признал, что очень много вопросов осталось без ответа. Например, если будет по крайней мере десять разных суверенных государств, каждое со своей собственной внешней политикой, «то трудно представить себе, как Содружество Независимых Государств может иметь совместную политику в области обороны».

— Вы правы, Джим, — оживленно воскликнул Горбачев. — Я предвидел это. Мои предсказания начинают очень быстро осуществляться. Я должен был вмешаться. Я несколько раз говорил с Кравчуком и Ельциным. Кравчук объявил себя главнокомандующим (советских вооруженных сил на Украине). Я не могу не беспокоиться. Россия может оказать

нажим и сказать, что ей до смерти надоела эта неразбериха. Что тогда? Если республики не договорятся, распад может ускориться, и в результате всего может наступить диктатура. Люди находятся в таком отчаянном положении, что могут даже поддержать диктатуру.

Поняв, что он неумышленно вновь разжег гнев Горбачева против Ельцина, Бейкер попытался охладить его:

— Я должен вам сказать, то, что мы услышали о командовании и контроле за ядерными силами, было весьма убедительным.

— Да, в этом отношении мир должен быть уверен, — сказал Горбачев.

Бейкер напомнил советскому руководителю, что Соединенные Штаты не могут и не желают «вмешиваться в ваши внутренние дела». В то же время он щедро расточал похвалы Горбачеву: «Никто не сомневается в том, что вы заслужили себе место в истории. Здесь идет революция, но это вы привели все в движение». (Помощники Бейкера сообщили своего шефа, что на своей последней пресс-конференции с советскими репортерами Горбачев гордился и утешал себя заявлением о том, что «я начал этот процесс».)

На следующее утро, во вторник, 17 декабря, Горбачев объявил, что в конце 1991 года Советский Союз и его правительственные структуры перестанут существовать.

В понедельник, 23 декабря, последний руководитель Советского Союза готовился к записи своей речи об отставке. Для такого события он даже подстригся. Затем неожиданно в Кремль приехал Ельцин на продолжавшиеся восемь часов изнурительные переговоры с Горбачевым по поводу процедур передачи власти и условий его ухода в отставку и на пенсию.

После этого Черняев с Палащенко сердито сказали Горбачеву, что Ельцин снова устроил «еще один путч». Горбачев возразил: «Вы не можете так говорить. Это происходит в соответствии с конституцией. Я решил обратиться напрямую по радио ко всему миру и объявить о своей отставке в первый день Рождества».

Во вторник, 24 декабря, Горбачев собрал всех старших сотрудников своего аппарата и убеждал их последовать его примеру: «Сдерживайте ваши чувства, насколько это возможно».

На следующий день Горбачев совершил краткую прогулку по территории Кремля к удивлению нескольких групп русских туристов, которые выкрикивали ему свои добрые пожелания. Прежде чем войти в свой кабинет, он принял Теда Коппела из Эй-би-си, который был в советской столице для подготовки программы передач о последних днях Горбачева у власти.

Коппел спросил его, что он думает о Джордже Буше. Горбачев не захотел говорить о своих недавних обидах на Вашингтон; вместо этого он вспомнил о том, как вице-президент ездил с ним в лимузине по Вашингтону почти четыре года назад и как хорошо они, казалось, тогда ладили друг с другом.

Горбачев продолжал далее:

— Сегодня достигнута некая кульминация. Я чувствую себя абсолютно спокойным, абсолютно свободным... Только моя роль меняется. Я не оставляю ни политической, ни общественной деятельности. Это, вероятно, происходит здесь в первый раз. Даже в этом я оказался пионером. Это значит, что процесс, которому мы следуем, является демократическим. Моя отставка с должности президента не означает политической смерти... Все идет нормально, потому что я сам принял решение. А вы знаете, что самый сильный психологический стресс вы испытываете до того, как примете решение.

В Белом доме Эд Хьюэтт и Николас Бэрнс работали над текстом краткого заявления об отставке Горбачева. Они превозносили «интеллект, видение и отвагу» советского руководителя.

Горбачев, говорилось в заявлении, был «ответствен за одно из наиболее важных событий в этом столетии — за революционное преобразование тоталитарной диктатуры и освобождение своего народа от ее удушающих объятий». Его политика создала прочную основу, на которой Соединенные Штаты и Запад смогут работать «в равной мере конструктивно и с его преемниками».

В Кэмп Дэвиде Буш просмотрел проект заявления, затем устроил совещание по телефону с Бейкером, Скоукрофтом, Фицуотером, новым начальником своего аппарата, Самьюэлом Скиннером и Робертом Титером, проводившим опросы населения.

Скоукрофт доказывал, что уход в отставку Горбачева «слишком важное событие, чтобы откликнуться на него всего лишь заявлением из кабинета Марлина», поэтому сам президент должен обратиться к стране с экрана телевидения.

Буш согласился с этим. Но что он должен сказать? Сославшись на подготовленный Хьюэттом и Бэрнсом проект заявления, Титер сказал: «Это заявление и есть ваша речь. Заставьте этих двух парней, написавших заявление, переделать его в речь». Скоукрофт позвонил Хьюэтту домой и сказал: «Веселого вам Рождества! Нам нужна речь завтра утром к девяти часам».

Хьюэтт и Бэрнс вернулись в Белый дом и работали в Оперативной комнате до 3 часов рождественского утра. Спустя шесть часов Буш из Кэмп Дэвида провел еще одно совещание по телефону с Бейкером и Скоукрофтом для окончательной доработки текста речи.

Во второй половине того дня в Москве за французскими окнами кабинета Горбачева уже было темно, когда советский лидер поднял трубку белого телефона и позвонил Бушу в Кэмп Дэвид. Когда телефонный звонок Горбачева был принят, в Кэмп Дэвиде было 10 часов утра. Горбачев подождал, чтобы дать семье Буша время на то, чтобы раскрыть свои рождественские подарки.

Он только что послал Бушу частное прощальное письмо, в котором написал: «Сегодня, когда я завершаю исполнение своих обязанностей как президент СССР, я хотел бы поделиться с Вами некоторыми мыслями и чувствами. Скажу откровенно, что меня одолевают сегодня смешанные чувства. У меня серьезные опасения и озабоченность в отношении судьбы страны, единство которой я пытался сохранить, и будущего новых международных отношений, над установлением которых мы совместно столь усердно работали. Многое будет теперь зависеть от жизнеспособности Содружества».

Я очень хочу верить тому, что демократические достижения последних лет будут сохранены и что народы моей страны вместе пойдут вперед на основе содружества.

Много раз в прошлом, при встрече с трудными проблемами, Вы и я действовали с решительностью и ответственностью, чтобы удержать развитие событий на правильном пути. В будущем все еще возможны драматические перемены. Я рассчитываю на Вас, что Вы всегда будете принимать уравновешенные и мудрые решения.

Я буду помогать тем, кто теперь взвалил на себя бремя ответственности за дело реформ и демократических перемен. Но поддержку и помощь следует прежде всего оказывать России. Это потому, что экономическое положение там хуже, чем у всех остальных, и потому, что все будет зависеть от этой республики.

Я уверен в том, что партнерство между Соединенными Штатами и Россией и другими новыми государствами имеет будущее. Вы и я заложили прочный фундамент для развития отношений на основе доверия и сотрудничества, в осознании нашей большой ответственности за весь мир. Я надеюсь, что наша личная дружба, развившаяся в годы важной работы, сделанной нами, будет продолжаться. Раиса и я храним самые теплые воспоминания о наших встречах с Барбарой и питаем чувства искренней симпатии и уважения к ней. Пожалуйста, передайте ей наши самые лучшие пожелания. Мы будем рады увидеться вновь с вами обоими».

Теперь уже по телефону Горбачев сказал: «Мой дорогой Джордж, привет! Позвольте мне начать с чего-то радостного. Веселого Рождества! Тебе и Барбаре, и вашему семейству!» Обращаясь к Бушу, советский лидер несколько раз употребил местоимение «ты», которое применяется в отношении друзей, членов семьи и близких коллег.

Горбачев сказал, что должен вскоре выступить с заключительным обращением к стране как президент.

— Я все еще убежден, — объяснил он, — что существование суверенных республик в рамках Союза позволило бы

быстрее решить главные проблемы, стоящие перед нами. Но развитие событий пошло теперь по иному пути, чем тот, на который я надеялся и которого держался. Я сделаю все, что смогу, чтобы сделать Содружество Независимых Государств эффективным образованием. Главная проблема здесь в создании механизмов взаимодействия.

В дополнение к признанию республик как новых независимых государств, сказал Горбачев, Соединенные Штаты должны также поддерживать межгосударственные отношения и со всем Содружеством в целом. «Мы должны, скорее, поощрять сотрудничество, чем развал и разрушение. Это наша общая ответственность. Я подчеркиваю этот пункт». Он попросил оказать специальную экономическую помощь России, которой придется «нести основное бремя реформ».

Перейдя к теме, которая, как он знал, была прежде всего на уме у Буша, Горбачев сообщил, что позаботился об упорядоченном переходе темно-коричневого «чемоданчика», содержащего коды, разрешающие применение советских ядерных вооружений, в руки «президента Российской республики». Горбачев так и не смог произнести имя Ельцина.

— Я придаю большое значение тому факту, — продолжал Горбачев, — что эта сторона дела находится под эффективным контролем. Я подписал указ по этому вопросу, который вступит в силу сразу же после моего заключительного заявления. Поэтому вы можете спокойно праздновать Рождество и спокойно спать сегодня ночью. Что касается меня, то я не собираюсь сбегать и прятаться в тайге. Я останусь активным в политике и в общественных делах. Я хочу помогать процессам, происходящим в нашей стране, и поощрять «новое мышление» в мировой политике.

Отметив, что репортеры США спрашивали его об их взаимоотношениях, Горбачев сказал Бушу:

— Я хочу, чтобы вы знали, что я очень высоко ценю наше сотрудничество, партнерство и дружбу. Наши роли могут измениться. Фактически они определенно изменятся. Но взаимоотношения, которые мы развили, и то, что мы совместно совершили, останутся навечно.

Буш по телефону отвечал:

— Я хочу заверить вас, что мы не останемся безразличными к вашим делам. Мы будем делать все, что можем, чтобы помочь, особенно Российской республике, имея в виду проблемы, с которыми она теперь сталкивается и которые могут стать критическими в эту зиму. Я очень рад услышать, что вы не «спрячетесь в тайге» и будете продолжать активно участвовать в политике и общественных делах. Я уверен, что это принесет пользу новому Содружеству.

Президент сказал также, что написал письмо Горбачеву:

— В этом письме я выразил свое убеждение в том, что то, что вы сделали, войдет в историю, и будущие историки полностью воздадут вам должное за ваши достижения. Я рад отметить то, что вы сказали и о ядерных вооружениях. Этот вопрос имеет решающее международное значение. Я приветствую, как вы и руководители республик решили его. Я также отметил ваши слова о том, что переход власти к Ельцину происходит в соответствии с конституцией. Я хочу вас заверить, что мы будем продолжать очень тесно сотрудничать в этом важном деле.

Буш вспомнил тот летний день, который он и Горбачев провели в Кэмп Дэвиде.

— Площадка для метания подков, где вы столь удачно бросили подкову, все еще находится в хорошем состоянии! Я надеюсь, что наши пути вскоре вновь пересекутся. Мы будем рады вашему приезду, как только все уляжется, и радушно встретим вас, может быть, здесь, в Кэмп Дэвиде. Моя дружба с вами остается и останется независимо от развития событий. На этот счет не может быть никаких сомнений.

Буш сказал, что, «конечно», он будет относиться с уважением, открыто, положительно и прогрессивно к руководителям Российской республики и других республик.

— Мы будем продвигаться с полным уважением к признанию суверенитета каждой республики. Мы будем работать вместе с ними над целым рядом вопросов так же, как мы работали с вами. Но это никоим образом не повлияет на под-

держание контакта с вами и выслушивание предложений, которые вы будете давать в вашем новом качестве, а также на продолжение нашей дружбы с вами и Раисой. Барбара и я очень ценим эту дружбу. И поэтому в этот особый день года на этом историческом перекрестке я приветствую вас и благодарю за все то, что вы сделали для всего мира. И благодарю вас за вашу дружбу.

Тронутый этой беседой, Буш был несколько ошеломлен, когда позже узнал, что Горбачев позволил Коппелу и его команде из радиокompании Эй-би-си заснять в Кремле эту беседу на видеопленку. Президент покачал головой и усмехнулся: даже под конец этот мастер устраивать спектакли не мог удержаться, чтобы не покрасоваться перед международной аудиторией.

Через два часа после разговора с Бушем Горбачев выступил с обращением к гражданам пятнадцати бывших советских республик и ко всему миру. Глядя в объектив телекамеры, Горбачев сказал:

— Дорогие сограждане, в связи со сложившимся положением в результате образования Содружества Независимых Государств... я прерываю свою деятельность на посту Президента Союза Советских Социалистических Республик. Я принимаю это решение из принципиальных соображений. Я твердо отстаивал независимость и самоопределение, суверенитет республик, но одновременно и сохранение советского государства и единство страны. События теперь пошли по иному пути. Возобладала политика расчленения этой страны и развала государства, а я не могу согласиться с этим.

Затем Горбачев защищался от обвинения в том, что он развязал силы беспорядка.

— Все эти половинчатые реформы, а их было много, провалились одна за другой. Эта страна никуда не двигалась, и мы не могли жить так, как мы жили. Мы должны были изменить все.

После длительной защиты своей политики он закончил обращение разглагольствованием, в котором звучали нотки

огорчения своими соперниками и даже намеки на самокритику, а также нотки снисходительности и оптимизма:

— Я покидаю свой пост с опасением, но и с надеждой и верой в вас, вашу мудрость и силу духа. Мы наследники великой цивилизации, и ее возрождение к новой, современной и достойной жизни зависит теперь от каждого из нас. Я хочу от всего сердца поблагодарить всех тех, кто все эти годы вместе со мной отстаивал справедливое и доброе дело. Некоторых ошибок, конечно, можно было избежать. Многие можно было сделать лучше. Но я убежден, что рано или поздно наши общие усилия принесут плоды и наши народы будут жить вместе в процветающем и демократическом обществе...

Несколько минут спустя флаг Союза Советских Социалистических Республик, развевавшийся над Кремлем, был спущен навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
«Этот новый малый — Михаил Горбачев»	7
«Он идет в нашу сторону. Вот и пусть идет...»	23
Этикетка Горбачева	37
«Этот парень и есть перестройка!»	55
«Правда, было бы здорово, если бы Советская империя распалась?»	67
«Доктрина Фрэнка Синатры»	84
Мальтийская встреча	105
«Отпустите прибалтов!»	117
«Не вызову ли я к жизни русский национализм?»	140
Фантастический результат	156
«Ваши руки будут в крови...»	167
«Отступать нельзя!»	179
Сложно понять, что происходит	202
«Нельзя ли изменить ваш закон?»	227
В Ельцине больше толку	239
Бизнес есть бизнес	261
«Мы рассчитываем на вас»	283
«Эй, да это же великолепно!»	295
«Борис, друг мой!»	305
«Что совершим, останется навечно...»	330

Массово-политическое издание

СУД ИСТОРИИ

**Майкл Бешлосс
Струб Тэлботт**

ИЗМЕНА В КРЕМЛЕ

Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами

Редактор *О. Селин*

Художник *Б. Протопопов*

Художественный редактор *А. Финогенова*

ООО «Алгоритм-Издат»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-izdat@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 21.09.2010.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 3 500 экз. Заказ № 152

Отпечатано с электронных носителей издательства

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-9265-0728-0

9 785926 507260 >

Строуб Тэлботт –
видный американский политик.
Он двадцать один год проработал
в журнале «Тайм», после чего поступил
на государственную службу в качестве
специального советника Госсекретаря США
по вопросам новых независимых государств
на постсоветском пространстве.
Позже С. Тэлботт стал заместителем
Госсекретаря США (1994 – 2001 гг.);
с 2002 года президент
Брукингского института в Вашингтоне.

Майкл Бешлосс –
американский историк и политолог,
автор нескольких книг о советско-
американских отношениях,
о внешней политике США.

В своей книге С. Тэлботт и М. Бешлосс
рассказали о том, как администрация
президента Буша упорно и целенаправленно
готовила развал Советского Союза,
не стесняясь при этом в применении любых
средств. В книге приводятся секретные
послания и телефонные разговоры
между Бушем и Горбачевым, Бейкером
и Шеварднадзе, стенограммы закрытых
заседаний в Кремле, Белом доме,
Пентагоне, ЦРУ и КГБ.

ISBN 978-5-9265-0726-0

9 785926 507260 >